ISSN 2411-2070

история
филология
культурология

ВЕСТНИК

гуманитарного образования

№ 3 (43) | 2026

Вятский государственный университет

В Е С Т Н И К ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Н а у ч н ы й ж у р н а л

№ 3 (43)

Киров
2026

ББК 74.58я5
В 38

Главный редактор
В. Т. Юнгблюд, д-р ист. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Заместители главного редактора
Л. В. Калинина, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
Н. О. Осипова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Ответственные секретари
О. В. Байкова, д-р филол. наук, доц., Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
И. В. Смольняк, канд. ист. наук, Вятский государственный университет,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Состав редакционной коллегии:
Исторические науки и археология
А. М. Белавин, д-р ист. наук, проф., Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (г. Пермь);
Т. А. Закаурцева, д-р ист. наук, проф., Дипломатическая академия МИД России (г. Москва);
А. А. Калинин, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров);
Н. Б. Крыласова, д-р ист. наук, доц., Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет (г. Пермь);
А. В. Лубков, д-р ист. наук, проф., академик РАО, Московский педагогический государственный университет (г. Москва);
А. А. Машковцев, д-р ист. наук, доц., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
Е. И. Пивовар, д-р ист. наук, проф., чл.-корр. РАН, Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва);
Ю. А. Петров, д-р ист. наук, Институт российской истории РАН (г. Москва);
В. В. Романов, д-р ист. наук, проф., Тамбовский государственный университет имени Г. Р. Державина (г. Тамбов), ORCID: 0000-0002-9199-6573;
Д. А. Редин, д-р ист. наук, проф., Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина (г. Екатеринбург);
М. С. Судовиков, д-р ист. наук, проф., руководитель научно-исследовательского Центра регионоведения Кировской областной научной библиотеки им. А. И. Герцена (г. Киров).
Филология
О. И. Колесникова, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
Е. Н. Лагузова, д-р филол. наук, проф., Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского (г. Ярославль);
В. А. Поздеев, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров);
О. Ю. Поляков, д-р филол. наук, проф., Вятский государственный университет (г. Киров), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
Н. Д. Светозарова, д-р филол. наук, проф., Санкт-Петербургский государственный университет (г. Санкт-Петербург);
Н. Л. Шубина, д-р филол. наук, проф., Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (г. Санкт-Петербург);
D. Stellmacher, д-р филологии, проф., Университет им. Георга-Августа (г. Геттинген, Германия);
H. W. Retterath, д-р филологии, Институт этнографии немцев в Восточной Европе (г. Фрайбург, Германия).
Культурология
И. А. Едошина, д-р культурологии, Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова (г. Кострома);
Т. И. Ерохина, д-р культурологии, Ярославский государственный театральный институт (г. Ярославль);
Д. Н. Замятин, д-р культурологии, проф., Российский научно-исследовательский институт культурного и природного наследия имени Д. С. Лихачева, Высшая школа урбанистики ВШЭ (г. Москва);
А. В. Костина, д-р филос. наук, д-р культурологии, проф., действительный член Международной академии наук, Московский гуманитарный университет (г. Москва);
В. Я. Перминов, д-р филос. наук, проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова (г. Москва);
Т. Б. Сиднева, д-р культурологии, проф., Нижегородская государственная консерватория (академия) им. М. И. Глинки (г. Нижний Новгород);
Г. Е. Шкалина, д-р культурологии, проф., Марийский государственный университет (г. Йошкар-Ола).

Научный журнал «Вестник гуманитарного образования» как средство массовой информации зарегистрирован в Роскомнадзоре (Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС 77-67555 от 31 октября 2016 г.)
Учредитель журнала ФГБОУ ВО «Вятский государственный университет»
Адрес издателя: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36
Адрес редакции: 610000, г. Киров, ул. Московская, 36
Тел. (8332) 208-964 (Научное издательство ВятГУ)

Цена свободная
Журнал включен в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

© Вятский государственный университет (ВятГУ), 2026

Vyatka State University

HERALD OF HUMANITARIAN EDUCATION

S c i e n t i f i c j o u r n a l

№ 3 (43)

Kirov
2026

LBC 74.58я5
В 38

Chief editor
V. T. Yungblud, Dr. of hist. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-2706-3904
Deputy editor
L. V. Kalinina, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0003-2271-3995
N. O. Osipova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-9247-9279
Executive Secretary
O. V. Baikova, Dr. of philol. sciences, associated prof., Vyatka State University,
ORCID: 0000-0002-4859-8553
I. V. Smolnyak, PhD of hist. sciences, Vyatka State University,
ORCID: 0000-0001-9293-6639

Editorial board members:
Historical sciences and archeology
A. M. Belavin, Dr. of hist. sciences, prof., Perm Federal Research Center of UrO RAS (Perm);
T. A. Zakaurtseva, Dr. of hist. sciences, prof., Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia (Moscow);
A. A. Kalinin, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov);
N. B. Krylasova, Dr. of hist. sciences, associated prof., Perm State University of Humanities and Education (Perm);
A. V. Lubkov, Dr. of hist. sciences, prof., academician of RAE, Moscow Pedagogical State University (Moscow);
A. A. Mashkovtsev, Dr. of hist. sciences, associated prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0001-8135-4043;
E. I. Pivovar, Dr. of hist. sciences, prof., corr. member of RAS, Russian State University for the Humanities (Moscow);
Y. A. Petrov, Dr. of hist. sciences, Institute of Russian History of RAS (Moscow);
V. V. Romanov, Dr. of Historical Sciences, professor, Tambov State University n.a. G. R. Derzhavin (Tambov), ORCID: 0000-0002-9199-6573;
D. A. Redin, Dr. of hist. sciences, prof., Ural Federal University n. a. the first President of Russia B. N. Yeltsin (Ekaterinburg);
M. S. Sudovikov, Dr. of hist. sciences, prof., Head of the Research Center for Regional Studies of the Kirov Regional Scientific Library n. a. A. I. Herzen (Kirov).

Philology
O. I. Kolesnikova, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-6159-6261;
E. N. Laguzova, Dr. of philol. sciences, prof., Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky (Yaroslavl);
V. A. Pozdeev, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov);
O. Y. Polyakov, Dr. of philol. sciences, prof., Vyatka State University (Kirov), ORCID: 0000-0002-9362-7720;
N. D. Svetozarova, Dr. of philol. sciences, prof., St. Petersburg State University (St. Petersburg);
N. L. Shubina, Dr. of philol. sciences, prof., Russian State Pedagogical University n. a. A. I. Herzen (St. Petersburg);
D. Stellmacher, Dr. of philol. sciences, prof., Georg-August University (Göttingen, Germany);
H. W. Retterath, Dr. of philol. sciences, Institute of Ethnography of Germans in Eastern Europe (Freiburg, Germany).

Culturology
I. A. Edoshina, Dr. of cultural studies, Kostroma State University n. a. N. A. Nekrasov (Kostroma, Russia);
T. I. Erokhina, Dr. of cultural studies, Yaroslavl State Theatre Institute (Yaroslavl);
D. N. Zamyatin, Dr. of cultural studies, professor, D. S. Likhachev Russian research Institute of cultural and natural heritage, HSE Higher school of urban studies (Moscow);
A. V. Kostina, Dr. of philos. sciences, Dr. of cultural studies, professor, full member of the International Academy of Sciences, Moscow humanitarian University (Moscow);
V. Ya. Perminov, Dr. of philos. sciences, prof., Moscow State University n. a. M. V. Lomonosov (Moscow);
T. Sidneva, Dr. of cultural studies, professor, Nizhny Novgorod State Conservatory (Academy) n. a. M. I. Glinka (Nizhny Novgorod);
G. E. Shkalina, Dr. of cultural studies, professor, Mari State University (Yoshkar-Ola).

Scientific journal "Herald of humanitarian education" is registered as a mass media in Roskomnadzor (Certificate of registration of mass media PI № FS 77-67555 of October 31, 2016)
Founder of the journal "Vyatka State University"
Adress of editor: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov
Publishing company: 36 Moskovskaya str., 610000, Kirov
Tel. (8332) 208-964 (Scientific Publishing Company of VyatSU)

Free price
The journal is included in the List of leading peer-reviewed scientific journals, in which the main scientific results of thesises for the degree of Dr. and PhD should be published

© Vyatka State University (VyatSU), 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

Попов Григорий Германович, Сафаралиева Диляра Гаджиметовна. Железные дороги России и начало Первой мировой войны 9

Корепанов Александр Сергеевич. Социально-экономические аспекты деятельности Яранского уездного земства Вятской губернии в 90-е гг. XIX в. 16

Карандашев Глеб Владимирович. Проституция как социальный феномен в Костромской губернии: повседневные практики и общественное восприятие (вторая половина XIX – начало XX в.) 26

Орлов Максим Александрович. «Прискорбно, печально и горько на сердце патриота»: Русско-японская война в письмах к святому Иоанну Кронштадтскому 35

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

Новиков Михаил Васильевич. Заключение советско-китайского договора о ненападении 1937 г. 45

Хоу Чжунцзюнь. Выступая от имени малых и слабых наций: о роли Китая в создании Организации Объединённых Наций 56

Рычкова Ольга Владимировна. Корейская война и перемирие: оценки американских экспертов 1953 г. 81

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

Осипов Евгений Александрович. Политика Франции по отношению к мигрантам из Алжира в 1980–1985 гг.: по материалам архива МИД Франции 95

ИСТОРИОГРАФИЯ

Никифоров Юрий Сергеевич. Взаимодействие регионов и центра в СССР (1945–1991): сюжеты и тенденции современной историографии 105

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

Чучкалов Алексей Викторович. США и стремление Ирана получить место в первом составе СБ ООН 115

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

Соловьева Елена Евгеньевна, Жигулин Макар Михайлович. К вопросу о поэтическом жанре песни (на материале лирики Н. М. Рубцова) 125

Шестакова Елена Юрьевна. Советский роман воспитания 1920-х годов: миромоделирующие принципы в изображении детства героев 133

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна. Жанровое своеобразие произведений Таны Френч 140

Щекочихина Елена Вячеславовна. Трансформация классицистического канона в трагедии Х. Каули «Альбина» 147

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Шендрикова Снежана Павловна, Чубукчиева Ленара Закировна. Ювелирные украшения в технике филиграни из собрания Бахчисарайского музея-заповедника: историко-культурный анализ 159

CONTENTS

NATIONAL HISTORY

Popov Grigory Germanovich, Safaralieva Dilyara Gadzhimetovna.
The Railways of Russia and the Beginning of the First World War 9

Korepanov Aleksandr Sergeevich. Socio-Economic Aspects of the Activity
of the Yaransk District Zemstvo of Vyatka Province in the 1890s 16

Karandashev Gleb Vladimirovich. Prostitution as a Social Phenomenon
in the Kostroma Governorate: Everyday Practices and Public Perception
(the Second Half of the 19th – Early 20th Century) 26

Orlov Maksim Aleksandrovich. "It Is Grievous, Sad, and Bitter
in the Heart of a Patriot": The Russo-Japanese War in Letters
to Saint John of Kronstadt 35

GENERAL HISTORY

Novikov Mikhail Vasilyevich. The Conclusion of the Soviet-Chinese
Non-Aggression Pact of 1937 45

Hou Zhongjun. Speaking on Behalf of Small and Weak Nations:
On the Role of China in the Creation of the United Nations 56

Rychkova Olga Vladimirovna. The Korean War and the Armistice:
Assessments of American Experts of 1953 81

HISTORY OF INTERNATIONAL RELATIONSHIP

Osipov Evgeniy Aleksandrovich. French Policy Towards Migrants
from Algeria in 1980–1985: Based on Materials from the Archives
of the French Ministry of Foreign Affairs 95

HISTORIOGRAPHY

Nikiforov Yuri Sergeevich. The Interaction of the Regions and the Centre in the USSR
(1945–1991): Themes and Tendencies of Contemporary Historiography 111

HISTORY IN DOCUMENTS

Chuchkalov Aleksey Viktorovich. The United States and Iran's Aspiration
to Obtain a Seat on the First UN Security Council 115

PHILOLOGICAL SCIENCES

Solovyova Elena Evgenyevna, Zhigulin Makar Mikhailovich. On the Poetic Genre
of the Song (Based on the Lyric Poetry of N. M. Rubtsov) 125

Shestakova Elena Yuryevna. The Soviet Bildungsroman of the 1920s:
World-Modeling Principles in the Depiction of the Characters' Childhood 133

Zinnatullina Zulfiya Rafisovna. The Genre Distinctiveness of Tana French's Novels 140

Shchekochikhina Elena Vyacheslavovna. The Transformation
of the Classicist Canon in H. Cowley's Tragedy "Albina".....147

CULTURAL STUDY

Shendrikova Snezhana Pavlovna, Chubukchieva Lenara Zakirovna.
Filigree Jewelry from the Collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve:
A Historical and Cultural Analysis 166

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

EDN: BIJFIA УДК 94(470).4

Железные дороги России и начало Первой мировой войны

Попов Григорий Германович[1], Сафаралиева Диляра Гаджиметовна[2]
[1]кандидат экономических наук, доцент,
Московский институт современного академического образования. Россия, г. Москва.
ORCID: 0000-0002-3060-5030. E-mail: GGPopov2009@mail.ru
[2]кандидат экономических наук, заместитель директора, Московский дом национальностей.
Россия, г. Москва. E-mail: dilyarags@mdn.ru

Аннотация. В статье рассматривается научная проблема подготовки к войне и работы железнодорожного транспорта России в 1914–1915 гг. Авторы акцентируют внимание на пространственном распределении рельсового хозяйства и подвижного состава в контексте процесса освоения Россией Дальнего Востока, считая железнодорожное строительство в отдаленных восточных губерниях Российской империи и в Северо-Восточном Китае (Маньчжурия) одним из главных факторов начала транспортного кризиса в России в годы Первой мировой войны. Но при этом авторы не считают, что до зимы 1914/1915 г. Россия испытывала трудности с железнодорожным транспортом, что система российской военной экономики была «фальстартом». Авторы доказывают, что Государственная дума, Военное министерство и все правительство России перед Великой войной недооценили степень опасности для обороноспособности империи на ее западных рубежах. Военное министерство готовилось к быстрой войне, при этом оно считало вероятной новую войну с Японией, что также повлияло перед 1914 г. на распределение ресурсов системы железных дорог России. Авторы проводят сравнение мобилизации железнодорожного транспорта в России в начале Первой мировой войны и в период Русско-японской войны, они также обращаются к опыту данного типа мобилизации в Германии и Франции в 1914 г. и приходят к выводу, что мобилизация в рамках системы Министерства путей сообщения в России была проведена во второй половине лета 1914 г. успешно с точки зрения поставленных Военным министерством перед армией и тылом задач.

Ключевые слова: Первая мировая война, военное планирование, Русско-японская война, история железнодорожного транспорта России, Восточный фронт Первой мировой войны.

Введение. Известный историк экономики России в годы Первой мировой войны А. Л. Сидоров рассматривал кризис железнодорожного транспорта как одну из главных причин коллапса Российской империи [18, с. 496]. По мнению другого советского историка В. П. Волобуева, железнодорожный транспорт в России периода Первой мировой войны не справился со своими задачами [3, с. 19]. Однако В. П. Волобуев, как и А. Л. Сидоров, связывает данный факт с характером самой экономики последних Романовых, то есть истоки проблем представители советской историографии вопроса искали не в характере самой Первой мировой войны, но в особенностях экономического развития конца XIX – начала XX в. Постсоветская историография сильно не отошла от этих базовых положений советской исторической науки применительно к интерпретациям расстройства системы железных дорог России [1; 5; 6; 17]. Но в постсоветский период Э. Д. Хейвуд опроверг данное положение советской исторической науки, доказывая относительно высокую эффективность российских железных дорог в 1916–1917 гг. [20, с. 114]. Подобное мнение об эффективности работы российских железных дорог высказал Э. Б. Кригер-Войновский (современник тех событий) [10, с. 49]. Э. Д. Хейвуд рассматривает объемы перевозок как главный критерий работы железных дорог России в то время, но более ясное представление может дать нам только анализ выполнения МПС (Министерство путей снабжения) задач, поставленных перед ним государством.

Цель настоящей статьи сводится к выяснению способности железнодорожного транспорта России выполнять в военных условиях поставленные задачи. Из цели работы вытекают следующие задачи: 1) собрать, обобщить и систематизировать факты, касающиеся работы

© Попов Григорий Германович, Сафаралиева Диляра Гаджиметовна, 2026

системы железных дорог России; 2) выделить основные факторы кризиса железнодорожной системы России; 3) кратко рассмотреть связь масштабов железнодорожных перевозок в начале Первой мировой войны в России с Мобилизационным планом № 19 в сравнении с Францией и Германией, а также работой железных дорог России на Дальнем Востоке в период Русско-японской войны.

Предметом настоящей научной статьи является развитие кризисных процессов в сфере железнодорожного транспорта России в годы Первой мировой войны. Объект – система железных дорог Российской империи в условиях Первой мировой войны.

Мы концентрируем внимание на событиях 1914–1915 гг., так как одним из центральных вопросов российской историографии Первой мировой войны является следующий: была ли вся система управления и экономики Российской империи к 1914 г. «фальстартом»? Мы утверждаем, что содержание предвоенного процесса развития железных дорог России в контексте стратегического планирования будущей войны Высшим руководством Вооруженных сил (ВС) Российской империи и спровоцировало кризисные процессы в сфере железнодорожных перевозок в годы Первой мировой войны, помимо других факторов, по мере усиления давления государств Центра на действующую армию России (наращивание Германией и Австро-Венгрией сил на Восточном фронте требовало от России увеличения производства и поставки вооружений, боеприпасов и прочего имущества для действующей армии).

Планы Высшего военного командования ВС Российской империи и факты. Китайско-Восточная железная дорога (КВЖД) с первых дней Русско-японской войны отнимала от Уссурийской дороги много подвижного состава. Уссурийская дорога имела к началу Русско-японской войны 118 паровозов и 2386 вагонов [16, с. 90]. В марте 1904 г. завершилась переброска войск на фронт по Уссурийской магистрали, после чего эта дорога перешла в обычный рабочий режим, обслуживая эшелоны с пополнениями и санитарные поезда. За 20 месяцев кампаний в Маньчжурии на восток от Харбина были отправлены в общей сложности 298 эшелонов [16, с. 90]. Процесс развертывания дополнительных войск в Маньчжурии начался в конце 1903 г., в январе 1904 г. это потребовало переброски по Транссибу и КВЖД 24570 т интендантских грузов посредством 146 поездов [16, с. 108].

Из-за не столь значительной пропускной способности Транссиба 71,3 % всех поездов пришли с задержками от 1 до 39 дней [16, с. 126]. Только в рамках реализации планов Главного штаба в Харбин было перевезено 20 116 офицеров и классных чинов, 1 274 450 человек нижних чинов, 230 269 лошадей, 950 040 т грузов, включая много артиллерийских запасов [16, с. 126]. Из Харбина на юг Маньчжурии были вывезены 19 184 офицера и классных чинов, 1 255 551 нижний чин, 278 419 лошадей, 163 471 голова скота, 73 586 вагонов разных грузов [16, с. 133]. Была проделана огромная работа, объемы которой будут достигнуты в периоды Первой мировой войны и Великой Отечественной войны, о чем ниже. Российские войска опирались частично на ресурсы Маньчжурии, это снизило потребность в поставках ряда грузов из европейских губерний и Западной Сибири.

Россия не готовилась к затяжной войне, несмотря на то что имелся опыт Русско-японской войны, которая длилась 20 месяцев. Это обстоятельство заставило российские власти ускоренными темпами строить новые пути во время Великой войны. В феврале 1917 г., по докладу МПС для Совета министров, на строительство тыловых и фронтовых железных дорог в военное время было затрачено около 1,5 млрд руб., из них треть пришлась на прокладку 1500 км дорог фронта [2, с. 96].

Перед Великой войной в России в общей сложности было 58 410 км железных дорог [2, с. 9]. Марксистская наука видела отставание России от ее основных противников по Первой мировой войне: Германии и Австро-Венгрии – в более малой плотности железнодорожной сети на 100 км и 1000 чел. населения, но во внимание брались все территории Российской империи, Германии и Австро-Венгрии. Однако это неверный подход: восточнее Урала Россия имела фактически периферийные слабо заселенные колониальные территории, которые в случае войны с европейскими державами имели минимальное стратегическое значение, кроме порта Владивосток, через который в годы Первой мировой войны осуществлялась поставка военных грузов. Средняя Азия имела хозяйственное значение с точки зрения поставок хлопка в европейские губернии, но не более того. К тому же железные дороги в западных губерниях часто не имели большого экономического значения, в отличие от немецких и австрийских дорог. По сути, многие губернии были связаны со столичными центрами империи железными дорогами с военно-стратегической точки зрения.

По мобилизационным расписаниям начала XX в. видно, что Главный штаб с каждым годом, приближавшим страну к Великой войне, рассчитывал на быструю победу относительно малыми силами при значительной поддержке Франции: по мобилизационному расписанию № 19 предусматривалось изъять для нужд армии 725 паровозов и 21 000 вагонов [2, с. 30], и это было немногим больше, чем количество паровозов и вагонов, задействованных за всю Русско-японскую войну. На германский и австрийский фронты планировалось перебросить 4591 эшелон, но из них непосредственно под войска первой линии отдавались 4170 эшелонов [2, с. 31]. Франция, согласно своему мобилизационному плану № 17, задействовала в августе 1914 г. 4619 эшелонов, перебросив в зону боевых действий 1,2 млн солдат и офицеров и 400 тыс. лошадей [2, с. 64]. Германия задействовала в период мобилизации и доставки войск на фронт в начале Первой мировой войны 11 000 эшелонов, на которых были перевезены 3 млн 120 тыс. чел., а также 860 тыс. лошадей [2, с. 65]. На второй день мобилизации Россия, Франция и Германия полностью прекратили перевозку по железным дорогам коммерческих грузов в прифронтовых зонах, железные дороги были переподчинены Военному ведомству, когда в России МПС сохранило оперативные функции. Видно, что в сумме Германия сумела задействовать больше эшелонов, нежели Россия и Франция вместе взятые. Но при этом Генеральный штаб имперской армии кайзера имел достаточно масштабную задачу – разгром Франции в течение двух месяцев, это требовало применения очень большой численности войск, вооружений и военной техники.

Такое относительно большое количество эшелонов для армии России в период мобилизации, который длился в общей сложности 45 дней, мы объясним сосредоточением в местах постоянной дислокации основных сухопутных сил в Московской и Казанской губерниях, как решил Сухомлинов в 1909 г. [2, с. 31]. В связи с этим процесс усиления железнодорожной сети в западных регионах России был в значительной степени ослаблен, это в дальнейшем отразилось на состоянии снабжения армии в негативную сторону.

Военный министр Сухомлинов исходил из того, что России придется, вероятно, воевать на Востоке против Японии, поэтому сухопутные силы сосредоточивались в основном в центральных губерниях. Но, чтобы реализовать его мобилизационный план № 19, требовалось построить в центральных губерниях 6244 км новых путей и очень большое количество паровозов – 4225 шт. [2, с. 35].

Военное министерство концентрировало внимание на магистралях, протяженность которых в центральных губерниях не была удовлетворительной в канун Первой мировой войны. Но была еще другая важная проблема, имевшая значение уже в условиях затягивания войны: малое количество подъездных путей, они составляли 3 % от всей железнодорожной сети Российской империи в 1913 г. Связано это было с тем, что изначально железные дороги рассматривались в качестве средства подвоза зерна к станциям, это вполне объяснимо длительным аграрным характером развития страны [19, с. 82].

Экономика, железные дороги и кризисные процессы на железнодорожном транспорте в начале Великой войны. Железные дороги строились до Первой мировой войны ускоренными темпами и при экономии затрат, в связи с чем их качество было невысоким и требовавшим в начале XX в. ускоренной модернизации. Например, магистраль Архангельск – Вологда имела узкую колею и один путь [11, л. 4об., 9об.].

Экономия затрат на строительство железных дорог объяснима: к 1913 г. хозяйство МПС разрослось до таких масштабов, что казна тратила на обслуживание и строительство железных дорог 543,1 млн руб. [15, с. 118] при расходах государственного бюджета 3094,2 млн руб. (без учета чрезвычайных расходов). Правда, казенные железные дороги дали казне Российской империи более 800 млн руб. В связи с этим Государственная дума стремилась к получению максимальной выгоды от железных дорог, сокращая при этом издержки, так как платежи по займам достигли очень большой для того времени суммы – 424,4 млн руб., и эти займы были также связаны в основном с железными дорогами.

В результате деятельности С. Ю. Витте сначала на посту министра путей сообщений, а затем – министра финансов произошло ускоренное строительство железных дорог в восточных регионах. Да, это значительно повысило обороноспособность на Дальнем Востоке, но привело к перераспределению ресурсов МПС в пользу малоосвоенных регионов страны, ослабив транспортную сеть центральных и западных губерний, не позволив завершить там модернизацию железных дорог к началу Первой мировой войны.

На КВЖД Россия потратила около 447 млн руб. к 1 января 1917 г. [7, с. 5], основные расходы были сделаны до Первой мировой войны. Амурская железная дорога обошлась в примерно 400 млн руб. Эксплуатация КВЖД с учетом региональных особенностей была сравнительно дорогостоящей: около 176 млн руб. за период с июня 1903 по 1914 г. включительно [7, с. 6] (это были огромные суммы, сопоставимые с многими программами по перевооружению ВС России или превосходящие их).

КВЖД отвлекала в Первую мировую войну большое количество паровозов: в 1914 г. в наличии у этой дороги имелось паровозов в количестве 493 шт., в 1915 г. – 491 шт. [7, с. 8]. Такое количество паровозов только в рамках КВЖД было очень большим для России. Принимая во внимание, что во втором полугодии 1914 г. для нужд фронта были выделены 725 паровозов [17, с. 252], в первые же дни Великой войны стала ощущаться нехватка этой техники в основном в Европейской части Российской империи. Поэтому МПС сделало в 1914 г. заказ на дополнительное количество паровозов в количестве 390 шт., в 1915 г. МПС дало заявки на строительство еще 282 шт. [17, с. 252] (это были сверхплановые заказы, но надо учесть, что из приблизительно 16 тыс. имевшихся паровозов большой процент на внутренних дорогах европейской части страны был физически и морально устаревшим). Однако выполнить эти заказы российские заводы своевременно не всегда могли [17, с. 252].

То, как Военное министерство и правительство оценило ситуацию в сфере путей сообщения в начале Великой войны, отражено в одном факте: 15 октября 1914 г. МПС было ассигновано на улучшение транспортных путей 1,5 млн руб. – очень малая для всей империи сумма, которая была быстро расходована, поэтому Совмин ассигновал 25 ноября 1914 г. еще 1,8 млн руб. на те же нужды [13, л. 213–214].

Информация о перевозках отмобилизованного контингента подавалась управлениями железных дорог в Ставку по конкретным регионам. Однако из этих документов не всегда понятно, сколько конкретно вагонов и эшелонов было подано под отправку воинских частей. Судя по некоторым документам, эшелонов для перевозки войск, например, из окрестностей Санкт-Петербурга необходимо было много. Например, лейб-гвардии конно-артиллерийский дивизион потребовал три эшелона в первые дни августа 1914 г., когда в то же время лейб-гвардии конный полк и лейб-гвардии уланский ее величества государыни императрицы Александры Федоровны полки потребовали соответственно по четыре эшелона каждый [14, л. 15–16].

Судя по краткому отчету Отдела военных сообщений Главного управления Генерального штаба от 8 августа 1914 г., большинство перевозок войск из северо-западных губерний шло по графику мобилизационного плана [14, л. 17]. Однако в начале сентября переброска войск из Сибири на фронт шла замедленными темпами [14, л. 46]. Затягивание войны означало также предъявление новых требований армии к подвижному составу и пропускной способности железных дорог.

В 1913 г. Государственная дума не одобрила выделения в пользу МПС кредита на сумму 22 186 570 руб. для постройки 16 700 товарных вагонов, был выделен кредит только на 8350 вагонов [9, с. 62]. Произошло это несмотря на шедшую тогда дискуссию о необходимости увеличения подвижного состава для нужд армии на случай войны. Но к зиме 1915 г. вагонов и паровозов для снабжения фронта еще хватало [9, с. 8].

По состоянию на 1 января 1915 г. вся железнодорожная сеть Российской империи имела 510 000 вагонов и 20 000 паровозов против 485 000 и 19 800 соответственно [9, с. 8]. По подвижному составу Россия уступала своему основному противнику по Первой мировой войне – Германии, которая имела в 1913 г. 29 900 паровозов и 685 721 вагон товарного типа, к ним надо добавить 30 858 пассажирских вагонов [4, с. 33]. По другим данным, Германия имела в своем распоряжении в 1914 г. 27 040 локомотивов и 561 250 грузовых вагонов [21, p. 534]. Но при этом Германии надо было постоянно решать задачи по переброске войск между Западным и Восточным фронтами, а также на Балканы и позднее – на Итальянский фронт.

Парк товарных вагонов еще с пореформенного времени был привязан к хлебной торговле, ею во многом определялось количество вагонов в системе МПС. В связи с этим армейские потребности играли второстепенную роль, за исключением непосредственно войн. Однако нехватка вагонов для вывоза хлеба стала ощущаться в России перед Великой войной [10, с. 32–33]. Связано это было во многом с тем, что вся империя была разделена на зоны производства сельскохозяйственной продукции, тяготевшие к лесостепи, и зоны потребления, в основном это Нечерноземье, поэтому зерно приходилось перевозить на большие расстояния по суше.

Если перед Великой войной планировалось задействовать для фронтовых железных дорог 24 % вагонного парка России, то 1 января 1915 г. фактически этот показатель составил 33 %, по паровозам 29 %, по предвоенному плану, и 35 % на начало января 1915 г. соответственно [9, с. 8]. Производство вагонов и паровозов к зиме 1914–1915 гг. стало не поспевать за потребностями фронта и тыла. Это было неизбежное для всех воевавших государств явление. Но Россия столкнулась с другой проблемой, оказавшейся для нее более серьезной, чем для ее противников, – нехваткой каменного угля, в результате чего стали изыскиваться дрова и торф как альтернативы [9, с. 41]. Тридцативерстная прифронтовая полоса облагалась реквизициями дров, от которых впоследствии были освобождены казенные учреждения и оборонные предприятия. К 1 июля 1915 г. при общей потребности шести стратегических магистралей в дровах 367 700 кубов было получено 331 100 кубов, это было связано с освобождением большого количества организаций от повинности, в противном случае эти железные дороги получили бы 430 700 кубов [9, с. 42].

Использование нефти как источника топлива для паровозов было относительно новым для России, но подобный опыт имелся. Рост цен на нефть во втором полугодии 1914 г., когда экономика стремилась компенсировать нехватку угля нефтепродуктами, привел к ослаблению внимания МПС к нефти. Но управлениям железных дорог позволялось делать соответствующие закупки [9, с. 44].

Насчет добычи торфа выяснилось во втором полугодии 1914 г., что предприятия МПС не имели соответствующей для его добычи техники, поэтому работы было решено проводить самыми простыми способами [9, с. 45]. Для добычи и переработки торфа привлекались две финские фирмы, на которые и легла основная нагрузка по решению данной задачи, но к январю 1915 г. они приступили только к изыскательским работам недалеко от Петрограда [9, с. 45]. Уголь в стране был, но его транспортировка оказалась затруднена из-за отсутствия резервов подвижного состава.

Российские власти предпринимали шаги по улучшению работы железных дорог, к ним относились, в частности, создание целевых эшелонов, увеличение загруженности вагонов и платформ [8, с. 82], улучшение конструкции выпускавшихся вагонов. Однако наиболее оптимальными решениями было строительство вторых путей, увеличение количества разъездных путей и налаживание производства более мощных паровозов. В числе мер, разумеется, были и закупки железнодорожной техники.

Однако капитальный ремонт и замена изношенного подвижного состава не поспевали за ростом потребностей фронта и тыла [12, л. 466об.]. Связано это было во многом с тем, что, как следует из доклада Ю. В. Ломоносова в Особом совещании [12, л. 466об.], Главный штаб рассчитывал на быструю войну, поэтому износ подвижного состава не был принят во внимание. Кроме того, никто не представлял ситуацию поражения войск на фронте с их отходом в глубокий тыл, что произошло в 1915 г. и что увеличило нагрузку на железнодорожную сеть и подвижной состав в западных губерниях.

Заключение. Россия, как и другие державы, вступившие в 1914 г. в Первую мировую войну, готовилась к недлительному вооруженному противостоянию; это наложило свой отпечаток на развитие железных дорог в западных губерниях России и характер мобилизации подвижного состава. Кроме того, увлечение в конце XIX – начале XX в. освоением Дальнего Востока с устремлением колонизировать Северо-Восточный Китай негативно отразилось на подготовке системы МПС, как и всей экономики Российской империи, к Великой войне.

Система российской военной экономики не была изначально «фальстартом», но существовало много проблем, которые получили развитие по мере усиления напряжения на фронте. Решение этих проблем требовало много времени и ресурсов, как, например, освоение месторождений торфа. Кроме того, надо было перестраивать и сами алгоритмы планирования в условиях военной экономики.

Список литературы

1. *Андреев В. В.* Московско-Казанская железная дорога в годы первой мировой войны // Вестник Чувашского университета. 2006. № 4. С. 3–11.

2. *Васильев Н.* Транспорт России в Войне 1914–1918 гг. М. : Воениздат, 1939. 530 с.

3. *Волобуев П. В.* Экономическая политика Временного правительства. М. : Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 483 с.

4. *Гриневич В.* Народное хозяйство Германии. Берлин : Научная мысль, 1924. 386 с.

5. *Жихарев С. Б.* Кризис железнодорожных перевозок и его влияние на экономическое положение Гродненской губернии в начале Первой мировой войны // Метаморфозы истории. 2023. Вып. 27. С. 360–379.

6. *Истомина Э. Г., Сенин А. С.* Транспортная система // Россия в годы Первой мировой войны: экономическое положение, социальные процессы, политический кризис / отв. ред. Ю. А. Петров. М., 2014. С. 3363–63.

7. Китайская Восточная железная дорога. Статистический ежегодник. 1923. Составлен экономическим бюро К. В. Ж. Д. Харбин : Типография Китайской Восточной железной дороги, 1923. 456 с.

8. *Китанина Т. М.* Хлебная торговля России в конце XIX – начале XX века. Стратегия выживания, модернизационные процессы, правительственная политика. СПб. : Дмитрий Буланин, 2011. 594 с.

9. Краткий очерк деятельности русских железных дорог во вторую отечественную войну / Упр. железных дорог. Петроград. Ч. 1. Петроград : Типо-Литография Н. И. Евстифьева, 1916. 186 с.

10. *Кригер-Войновский Э. Б.* Записки инженера. Воспоминания, впечатления, мысли о революции // Спроге В. Э. Записки инженера. М. : Русский путь, 1999. 516 с.

11. РГВИА (Российский государственный военно-исторический архив). Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2086.

12. РГВИА. Ф. 2000. Оп. 4. Д. 2127.

13. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 493.

14. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 621.

15. Россия накануне Первой мировой войны (статистико-документальный справочник). М. : Самотека, 2008. 432 с.

16. Русско-Японская война 1904–1905 гг. Том VII. Тыл дѣйствующей армии. Часть первая. Организация и деятельность управлений дѣйствующей армии. СПб., 1910. 735 с.

17. *Сенин А. С.* Железнодорожное хозяйство России в годы Первой мировой войны: к вопросу о «Расстройстве транспорта» // Труды по россиеведению. 2009. № 1. С. 237–269.

18. *Сидоров А. Л.* Экономическое положение России в годы Первой мировой войны. М. : Наука, 1973. 656 с.

19. *Тагирова Н. Ф.* Рынок Поволжья (вторая половина XIX – начало XX вв.). М. : МНФ ; Изд. центр науч. и учеб. прогр., 1999. 318 с.

20. *Хейвуд Э. Дж.* «Самый катастрофический вопрос»: железнодорожное строительство и военная стратегия в позднеимперской России // Русский сборник: исследования по истории России. М., 2009. Т. VI. С. 112–143.

21. *Protheroe E.* The Railways of the World. London : G. Routledge & Sons, Ltd. ; New York : E. P. Dutton & Co., 1914. 812 p.

The Railways of Russia and the Beginning of the First World War

Popov Grigory Germanovich[1], Safaralieva Dilyara Gadzhimetovna[2]

[1]PhD in Economics, associate professor, Moscow Institute of Modern Academic Education.
Russia, Moscow. ORCID: 0000-0002-3060-5030. E-mail: GGPopov2009@mail.ru

[2]PhD in Economics, Deputy Director, Moscow House of Nationalities.
Russia, Moscow. E-mail: dilyarags@mdn.ru

Abstract. The article examines the scholarly problem of the preparation for war and of the work of Russian railway transport in 1914–1915. The authors focus attention on the spatial distribution of rail infrastructure and rolling stock in the context of Russia's development of the Far East, regarding railway construction in the remote eastern provinces of the Russian Empire and in North-Eastern China (Manchuria) as one of the principal factors in the onset of the transport crisis in Russia during the First World War. At the same time, however, the authors do not consider that before the winter of 1914/1915 Russia was experiencing difficulties with railway transport, or that the system of the Russian war economy was a "false start". The authors demonstrate that the State Duma, the Ministry of War, and the entire Russian government underestimated, before the Great War, the degree of danger to the empire's defence capability on its western frontiers. The Ministry of War was preparing for a rapid war, while at the same time regarding a new war with Japan as probable, which likewise influenced the distribution of the resources of Russia's railway system before 1914. The authors compare the mobilization of railway transport in Russia at the beginning of the First World War and during the Russo-Japanese War, and also turn to the experience of this type of mobilization in Germany and France in 1914, concluding that the mobilization within the framework of the system of the Ministry of Railways in Russia was carried out in the second half of the summer of 1914 successfully from the standpoint of the tasks set by the Ministry of War for the army and the rear.

Keywords: the First World War, military planning, the Russo-Japanese War, the history of Russian railway transport, the Eastern Front of the First World War.

References

1. *Andreev V. V. Moskovsko-Kazanskaya zheleznaya doroga v gody pervoj mirovoj vojny* [The Moscow-Kazan Railway During the First World War] // *Vestnik Chuvashskogo universiteta* – Bulletin of the Chuvash University. 2006. No. 4. Pp. 3–11.

2. *Vasil'ev N. Transport Rossii v Vojne 1914–1918 gg.* [The Transport of Russia in the War of 1914–1918]. M., Voenizdat, 1939. 530 p.

3. *Volobuev P. V. Ekonomicheskaya politika Vremennogo pravitel'stva* [The Economic Policy of the Provisional Government]. M., Izd-vo Akad. nauk SSSR (USSR Academy of Sciences Press), 1962. 483 p.

4. *Grinevich V. Narodnoe hozyajstvo Germanii* [The National Economy of Germany]. Berlin, Nauchnaya mysl' (Scientific Thought), 1924. 386 p.

5. *Zhiharev S. B. Krizis zheleznodorozhnyh perevozok i ego vliyanie na ekonomicheskoe polozhenie Grodnenskoj gubernii v nachale Pervoj mirovoj vojny* [The Crisis of Railway Transport and Its Influence on the Economic Situation of Grodno Province at the Beginning of the First World War] // *Metamorfozy istorii* – Metamorphoses of History. 2023. Is. 27. Pp. 360–379.

6. *Istomina E. G., Senin A. S. Transportnaya sistema* [The Transport System] // *Rossiya v gody Pervoj mirovoj vojny: ekonomicheskoe polozhenie, social'nye processy, politicheskij krizis* [Russia During the First World War: The Economic Situation, Social Processes, the Political Crisis] / ed. by Yu. A. Petrov. M., 2014. Pp. 336–363.

7. *Kitajskaya Vostochnaya zheleznaya doroga. Statisticheskij ezhegodnik. 1923. Sostavlen ekonomicheskim byuro K. V. Zh. D.* [The Chinese Eastern Railway. Statistical Yearbook. 1923. Compiled by the Economic Bureau of the CER]. Harbin, Tipografiya Kitajskoj Vostochnoj zheleznoj dorogi, 1923. 456 p.

8. *Kitanina T. M. Hlebnaya torgovlya Rossii v konce XIX – nachale XX veka. Strategiya vyzhivaniya, modernizacionnye processy, pravitel'stvennaya politika* [The Grain Trade of Russia in the Late 19th – Early 20th Century. Survival Strategy, Modernization Processes, Government Policy]. SPb., Dmitrij Bulanin, 2011. 594 p.

9. *Kratkij ocherk deyatel'nosti russkih zheleznyh dorog vo vtoruyu otechestvennuyu vojnu* [A Brief Outline of the Activity of the Russian Railways in the Second Patriotic War] / Upr. zheleznyh dorog. Petrograd. Part 1. Petrograd, Tipo-Litografiya N. I. Evstif'eva, 1916. 186 p.

10. *Kriger-Vojnovskij E. B. Zapiski inzhenera. Vospominaniya, vpechatleniya, mysli o revolyucii* [Notes of an Engineer. Reminiscences, Impressions, Thoughts on the Revolution] // *Sproge V. E. Zapiski inzhenera* [Sproge V. E. Notes of an Engineer]. M., Russkij put' (The Russian Way), 1999. 516 p.

11. RSMHA (Russian State Military Historical Archive). F. 2000. Op. 4. D. 2086.

12. RSMHA. F. 2000. Op. 4. D. 2127.

13. RSMHA. F. 2003. Op. 1. D. 493.

14. RSMHA. F. 2003. Op. 1. D. 621.

15. *Rossiya nakanune Pervoj mirovoj vojny (statistiko-dokumental'nyj spravochnik)* [Russia on the Eve of the First World War (A Statistical and Documentary Reference Book)]. M., Samoteka, 2008. 432 p.

16. *Russko-Yaponskaya vojna 1904–1905 gg. Tom VII. Tyl dejstvuyushchej armii. Chast' pervaya. Organizaciya i deyatel'nost' upravlenij dejstvuyushchej armii* [The Russo-Japanese War of 1904–1905. Vol. 7. The Rear of the Army in the Field. Part One. The Organization and Activity of the Administrations of the Army in the Field]. SPb., 1910. 735 p.

17. *Senin A. S. Zheleznodorozhnoe hozyajstvo Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny: k voprosu o "Rasstrojstve transporta"* [The Railway Economy of Russia During the First World War: On the Question of the "Disruption of Transport"] // *Trudy po rossievedeniyu* – Proceedings in Russian Studies. 2009. No. 1. Pp. 237–269.

18. *Sidorov A. L. Ekonomicheskoe polozhenie Rossii v gody Pervoj mirovoj vojny* [The Economic Situation of Russia During the First World War]. M., Nauka (Sciences), 1973. 656 p.

19. Tagirova N. F. Rynok Povolzh'ya (vtoraya polovina XIX – nachalo XX vv.) [The Market of the Volga Region (Second Half of the 19th – Early 20th Century)]. M., MNF ; Izd. centr nauch. i ucheb. progr., 1999. 318 p.

20. *Hejvud E. Dzh. "Samyj katastroficheskij vopros": zheleznodorozhnoe stroitel'stvo i voennaya strategiya v pozdneimperskoj Rossii* [Heywood A. J. "The Most Catastrophic Question": Railway Construction and Military Strategy in Late Imperial Russia] // *Russkij sbornik: issledovaniya po istorii Rossii* [The Russian Collection: Studies in the History of Russia]. M., 2009. Vol. 6. Pp. 112–143.

21. *Protheroe E.* The Railways of the World. London : G. Routledge & Sons, Ltd. ; New York : E. P. Dutton & Co., 1914. 812 p.

Поступила в редакцию: 02.10.2025
Принята к публикации: 18.09.2026

EDN: CALFSV УДК 908(470.342)

Социально-экономические аспекты деятельности Яранского уездного земства Вятской губернии в 90-е гг. XIX в.

Корепанов Александр Сергеевич
кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социальных наук, Кировский государственный медицинский университет.
Россия, г. Киров. ORCID: 0000-0001-9261-7064. E-mail: Korepanov.AS@yandex.ru

Аннотация. Деятельность Яранского уездного земства Вятской губернии в дореволюционный период ранее уже становилась предметом наших исследований. Тем не менее новые материалы, в первую очередь архивные документы, обусловили необходимость более подробного изучения социально-экономического аспекта работы Яранского земства в 90-х гг. XIX в. и выявления изменений, произошедших в важнейших сферах социально-экономической жизни Яранского уезда. Актуальность исследования обусловлена значимой ролью уездных земств в социально-экономическом развитии российской провинции. Земства инициировали и финансировали строительство школ, больниц, занимались агрономической помощью крестьянам; таким образом, их деятельность напрямую влияла на качество жизни населения, способствовала снижению смертности, росту грамотности и улучшению благосостояния крестьянства. Изучение этих процессов актуально для понимания социальной модернизации России.

В статье раскрыт вклад Яранского уездного земства в развитие народного образования, здравоохранения, показаны основные направления его деятельности в сфере сельского хозяйства. Безусловно, что, раскрывая общие тенденции, причины тех или иных изменений, нельзя не учитывать людей, которые были напрямую задействованы в данных процессах. С учетом этого в исследовании при использовании ранее не изученных материалов впервые собрана и оценена информация о видном представителе органов местного самоуправления Яранского уезда Николае Гавриловиче Сметанине, который в рассматриваемый период занимал должность председателя Яранской уездной земской управы и непосредственно был связан с воплощением в жизнь планов земства. Методологическую основу исследования составили такие основополагающие принципы, как историзм и научная объективность, а также методы: биографический, историко-системный и сравнительно-исторический.

Источниковой базой настоящего исследования являются в первую очередь архивные документы Центрального государственного архива Кировской области, ряд из которых вводится в научный оборот. Также привлекалась опубликованная делопроизводственная документация органов земского самоуправления и периодическая печать.

Результаты работы могут быть использованы при подготовке трудов по истории местного самоуправления России, исследований, посвященных социально-экономическому развитию Вятской губернии в дореволюционный период, в образовательном процессе и т. д.

Ключевые слова: земство, Вятская губерния, Яранский уезд.

Деятельность органов земского самоуправления Вятской губернии во второй половине XIX – начале XX в. становилась предметом изучения целого ряда авторов дореволюционного (Б. Б. Веселовский, П. А. Голубев, В. В. Танаевская и др.), советского (И. И. Стефанова и др.) и современного периодов (Е. М. Берестова, О. Н. Богатырева, Н. Г. Валеева, В. П. Калиниченко, Д. В. Кондрашин, А. В. Меркушев, С. А. Куковякин, А. В. Патрушев, Ю. В. Першина, В. Б. Помелов, М. Ф. Соловьева, А. М. Субботина и др.). При этом проведенный анализ показывает: несмотря на то что история Вятского губернского земства получила определенное освещение в научной литературе, исследования, посвященные функционированию уездных земских учреждений губернии, по-прежнему характеризуются существенной фрагментарностью. Между тем анализ деятельности уездных земских учреждений, их вклада в развитие местной инфраструктуры и влияние на социально-экономические условия жизни населения представляется актуальной научной задачей. Именно уездные земства выступали одним из ключевых акторов в развитии местной инфраструктуры и повышении социально-экономического благосостояния населения российской провинции.

Деятельность Яранского земства в дореволюционный период ранее уже становилась предметом изучения наших исследований, однако новые выявленные материалы, в первую

© Корепанов Александр Сергеевич, 2026

очередь архивные документы, обусловили необходимость более подробного изучения периода 90-х гг. XIX в. Следует также отметить, что в это время происходит расширение деятельности земств, что неоднократно отмечали исследователи. Так, Б. Б. Веселовский указывал: «В дальнейшем нам придется постоянно отмечать аналогичные факты: именно с 90-х гг. земства начинают проявлять более широкую и всестороннюю деятельность» [1, с. 16]. Г. А. Гераси-менко писал: «…после 1890 г. земства… расширили такие традиционно земские виды работ, как статистика, народное образование, медицина, ветеринарное дело…» [3, с. 26]. Это относилось и к Яранскому уезду, поскольку 90-е гг. XIX в. несмотря на сложные условия начала периода (голод 1891–1892 гг.) стали временем подвижек в различных направлениях социально-экономического развития уезда, в том числе в народном образовании, медицине, сельском хозяйстве. Безусловно, что, раскрывая общую обстановку периода, причины данных сдвигов, нельзя не учитывать людей, которые были напрямую задействованы в данных процессах, поскольку без талантливых и активных земских деятелей, искренне заботившихся о развитии и процветании своего края, все это было бы невозможно. С учетом этого следует обратить внимание на Николая Гавриловича Сметанина, который руководил деятельностью Яранской земской управы в рассматриваемый период и непосредственно был связан с воплощением в жизнь планов земства.

Николай Гаврилович родился 2 декабря 1832 г. в семье служащего Яранского уездного казначейства обер-офицера Гавриила Андреевича Сметанина и его жены Александры Васильевны [11, л. 128об.; 16, л. 16об.]. После окончания курса в Вятской гимназии (в 1852 г.) с 1853 г. он работал учителем истории и географии в Яранском уездном училище. В свободное от работы время Николай Гаврилович занимался составлением географического описания Яранского уезда, за что 20 мая 1859 г. получил благодарность от имени директора учебных заведений Вятской губернии [16, л. 16об. – 18]. После этого с 1861 г. он исполнял обязанности помощника Орловского окружного начальника[1], а в 1863 г. был переведен на должность помощника Яранского окружного начальника [16, л. 17об. – 19]. После упразднения института окружных начальников и передачи его прав и обязанностей мировым посредникам с 1866 г. Николай Гаврилович исполнял обязанности мирового посредника 1-го участка Яранского уезда [2, с. 1; 16, л. 18об. – 19].

С 30 мая 1869 г. по 1 июля 1891 г. Сметанин занимал должность участкового мирового судьи в Яранском уезде. Одновременно неоднократно избирался председателем Съезда мировых судей Яранского уезда (в 1869, 1872, 1875, 1881, 1884 гг.). Одновременно Николай Гаврилович в разные годы занимал должность директора Яранского тюремного отделения, председателя Яранского уездного по питейным делам присутствия, члена Яранского уездного училищного совета, члена попечительного совета Яранской женской прогимназии [7, отдел VI, с. 283, 291; 16, л. 19об. – 25].

За свою активную деятельность Сметанин неоднократно награждался: 8 мая 1863 г. получил в награду 250 руб. «за усердие и распорядительность по заготовке хлеба для нуждающихся крестьян Орловской округи», по предписанию Вятской палаты государственных имуществ от 11 января 1865 г. был награжден 50 руб., 3 февраля 1885 г. Сметанин был пожалован орденом Святой Анны 3-й степени, 1 января 1887 г. «за отлично-усердную службу» был пожалован орденом Святого Станислава 2-й степени [16, л. 18об., 19, 22об. – 24].

Николай Гаврилович Сметанин пользовался уважением и авторитетом в Яранском уезде, при этом его имя было известно и за его пределами, беспокойство о его судьбе проявлял даже вятский губернатор. Например, в июне 1889 г. до вятского губернатора Алексея Федоровича Анисьина дошли сведения об усиленных обысках, производимых полицией в Яранском уезде, в связи с чем он обратился к яранскому уездному исправнику для разъяснения. При этом интерес представляет тот факт, что губернатор в письме упомянул только одного человека – Сметанина, по обыску в квартире которого он потребовал разъяснений. В ответ на это

[1] Окружной начальник возглавлял окружное управление, которое осуществляло контроль над деятельностью выборных волостных и сельских органов сословного самоуправления. Окружные управления созданы согласно «Проекту учреждения об управлении государственными имуществами в губерниях» от 30 апреля 1838 г. Упразднение окружных управлений происходило в 1858–1866 гг. (Андреева Т. В. На пути к реформе: вопрос о казенных крестьянах в секретных комитетах николаевского царствования // Quaestio Rossica. 2019. Т. 7, № 1. С. 52; Обзор управления государственными имуществами за последние 25 лет, с 19 февраля 1855 по 19 февраля 1880 года, представленный государю императору управляющим Министерством государственных имуществ. СПб., 1880. С. 14).

уездный исправник Никанор Иванович Сагадаков сообщал: «…имею честь донести, что усиленных обысков и вообще обысков, имеющих особое серьезное значение, в Яранском уезде не производилось». При этом он отдельно отметил: «…не было обыска и в квартире мирового судьи Сметанина, человека вполне благонамеренного и благонадежного во всех отношениях» [15, л. 1–2].

Многолетняя работа Сметанина в органах местного самоуправления заслуживает отдельного внимания. Он состоял гласным Яранского земского собрания с момента учреждения Яранского земства (с 1867 г.) до самой своей смерти (9 августа 1899 г.) [26, л. 14об., 15, 20об., 21]. Кроме того, он исполнял обязанности председателя Яранских уездных земских собраний в 1882 г. (10 и 18 октября), 1883 г. (4 и 11 октября), 1884 г. (14 и 22 октября) и 1885 г. (19 и 27 октября) [16, л. 22об., 23]. Деятельность Николая Гавриловича в последней должности характеризуется в «Вятской газете» следующим образом: «…в этом звании, как и при всех своих служебных обязанностях, проявлял полное знание дела, терпимость и умение примирять возникающие от поры до времени противоречия и затруднения» [2, с. 1]. Также избирался гласным Яранской городской думы. В той же «Вятской газете» отмечалось: «Как домовладелец г. Яранска, он почти непрерывно состоял гласным местной городской думы. Доверие, которым он пользовался со стороны различных избирателей, – земских, городских и крестьянских, было поистине замечательное» [2, с. 1]. С 26 октября 1891 г. до 9 августа 1899 г. Сметанин занимал должность председателя Яранской уездной земской управы [16, л. 24об., 25; 26, л. 20об., 21].

Переходя к деятельности Яранского земства, следует отметить, что одним из направлений, получивших существенное развитие, стало народное образование. Если в 1891 г. в уезде были 44 земские школы с 4343 учащимися, то в 1899 г. – уже 77 школ с 6446 учащимися [20, л. 834, 834об.]. Вырос и процент учащихся в земских школах по отношению ко всем детям школьного возраста в уезде. Например, если в 1896 г. данный показатель составлял 20,3 %, то в 1899 г. уже 27,6 % [10, с. 122]. Это стало возможным благодаря выделению значительных средств на народное образование. Так, земские расходы на народное образование возросли с 51 713 руб. в 1891 г. до 120 460 руб. в 1899 г., причем выросла и их доля по отношению ко всем расходам земства – с 24,5 % до 37 % [20, л. 834, 834об.].

Внимание земства касалось и материально-технической базы учебных заведений. Так, например, в 1892 г. было построено новое здание для училища взамен устаревшего в с. Успенском, расход земства составил до 1500 рублей [12, л. 698об.]. В отчете о состоянии начальных народных училищ Яранского уезда Вятской губернии за 1900/1901 учебный год отмечалось, что практически все училища имели «собственные помещения достаточно поместительные и удобные» [21, л. 404].

Следует отметить, что ряд учебных заведений содержался Яранским земством с пособием от городов и сельских обществ: городское двухклассное училище в г. Царевосанчурске, Яранская женская прогимназия, двухклассное женское училище в г. Царевосанчурске и др. Также земство оказывало финансовую поддержку учебным заведениям, содержащимся на государственные средства: городскому трехклассному училищу в Яранске, двухклассному мужскому в сл. Кукарке, двум одноклассным училищам (Тамаковское и Люперсольское) [13, л. 782, 782об.; 4, с. 108, 109]. Также земство выделяло пособие церковно-приходским школам и школам грамоты (от 1600 руб. до 2200 руб.) [14, л. 140; 4, с. 119].

Заботилось земство и о развитии среднего образования в уезде. Благодаря ходатайству земства в 1898 г. Яранская женская прогимназия была преобразована в Яранскую женскую гимназию [25, л. 29; 20, л. 834; 8, с. 116].

В 1890-е гг. большое внимание было уделено земством также и внешкольному образованию. В 1891 г. начинаются ассигнования на пособие Яранской публичной библиотеке. В 1890-е гг. была учреждена Царевосанчурская бесплатная народная читальня (Царевосанчурск) при пособии Яранского земства сначала в 150, а затем в 300 руб. [20, л. 834]. В 1894 г. Яранская земская управа получила разрешение от вятского губернатора на открытие данного учреждения [24, л. 12]. 15 февраля 1895 г. Царевосанчурская городская дума приняла решение о размещении библиотеки-читальни в зале городской думы [24, л. 18]. Уже в 1895 г. Царевосанчурская бесплатная народная читальня начала свою работу [24, л. 101]. Устав учреждения был разработан Яранской уездной земской управой, подписан Сметаниным и направлен на утверждение вятскому губернатору. В документ неоднократно вносились корректировки. Согласно выявленным документам, первоначально устав был утвержден вятским губернатором

9 декабря 1894 г., а окончательно – 7 мая 1897 г. Согласно документу цель учреждения была следующей: «…повлиять чрез надлежащий подбор книг на нравственное и умственное усовершенствование простого народа и распространение среди него сельскохозяйственных и технических знаний и проч. Посему главным образом должны войти в каталог читальни книги религиозно-нравственно-патриотического, вообще назидательного содержания и по всем отраслям практических знаний, сельскому хозяйству, скотоводству и др.» [24, л. 7–9об., 13–16об., 104–109об.].

В 1896 г. пополняются и улучшаются пятирублевые библиотеки Яранского уезда (открыты губернским земством в 1894 г.), на что было ассигновано 2580 руб. (по 10 руб. на каждую библиотеку, всего их было 258). В 1897 г. при 26 училищах открываются воскресные школы [20, л. 834].

Еще одним направлением деятельности Яранского земства в 90-е гг. было развитие здравоохранения. Вопросы медицины в Яранском уезде решались медицинском советом, в состав которого входили: председатель и члены земской управы, врачи и гласные по выбору земского собрания. Определение врачей на должности зависело от управы, а их утверждение и увольнение – от земского собрания, определение на должности и увольнение низшего медицинского персонала находилось в ведении медицинского совета [4, с. 163].

К октябрю 1891 г. уезд был разделен на шесть врачебных участков (по одной больнице в каждом): Яранский, Кукарский, Царевосанчурский, Кикнурский, Салобелякский и Рудкинский. Кроме врачебных пунктов, в уезде имелись три фельдшерские аптеки: в Кукарском участке – в с. Пижанке, в Кикнурском – в с. Пижемском и в с. Салобелякском – в с. Ернуре. Также в с. Пижанке Яранского уезда до 18 июня 1891 г. действовало временное отделение на 20 кроватей для тифозных больных. Во всех больницах и во временном Пижанском отделении было 185 кроватей [4, с. 162–164].

Тем не менее медицинская помощь населению все еще была недостаточной. Так, в отчете медицинского совета Яранского уезда за 1890–1891 гг. сообщалось: «Если сравнивать пять последних отчетных лет, то увидим, что ежегодно число лечившихся в больницах увеличивается, а потому приходится признать, что в нашем уезде для всех нуждающихся в больничном лечении все еще не хватает мест. При распространении тифозных заболеваний приходится отказывать в помещении в больницы больным с другими, также требующими больничного лечения и ухода, болезнями, а кроме того, недостаток кроватей является еще более чувствительным при неравномерности распределения больниц в участках» [4, с. 164, 165].

В связи с этим земская управа под руководством Сметанина предпринимала энергичные шаги с целью развития здравоохранения в уезде. Так, в 1892 г. земская управа вела переговоры с жителями ряда населенных пунктов Яранского уезда о предоставлении земству участков земли под больницы, в результате удалось добиться согласия на уступку земли. В докладе Яранской земской управы земскому собранию 12 октября 1892 г. отмечалось: «Предполагая же, что постройка больниц в указанных местностях может осуществиться при более благоприятных условиях в будущем, управа полагала бы воспользоваться участками земли в с.с. Салобеляке и Пижанке как вполне годными и ответствующими необходимым условиям и принять их в ведение земств…» [5, с. 245–247]. В итоге в 90-е гг. земству удалось открыть еще одну больницу – Пижанскую [22, л. 7об.].

Благодаря этому удалось увеличить объемы оказания медицинской помощи. Согласно отчету медицинского совета Яранского уезда за 1890–1891 гг., во всех больницах (а также во временном Пижанском отделении) на стационарном лечении было 4464 человека, всех лечившихся амбулаторно было 83 293 человека [4, с. 163, 164, 167]. Согласно отчету о действиях Яранской уездной земской управы за 1895/1896 г., в земских больницах на стационарном лечении было 5855 человек, амбулаторно было принято 94 963 человека [22, л. 8]. В 1898 г. на стационарном лечении в больницах было уже 6404 человека, а число амбулаторных пациентов достигло 136 219 человек [20, л. 838об.]. Ассигнования Яранского земства на медицину в 90-е гг. существенно возросли, и если в 1890 г. они составляли 62 860 руб. (30,8 % от всех ассигнований земства), то в 1898 г. – уже 98 402 руб. (34,6 % от всех ассигнований земства) [9, с. 7; 20, л. 845].

Земство не только занималось открытием новых больниц, но также заботилось о постройке для больниц новых удобных зданий, об их обустройстве, своевременном ремонте. Так, к середине 90-х гг. только четыре из семи больниц (Яранская, Кукарская, Царевосанчурская и Рудкинская) имели собственные больничные помещения, остальные три размещались

в наемных, которые были неудобными и совершенно не соответствовали своему назначению. Поэтому земство занималось постройкой новых зданий и согласно отчету медицинского совета Яранского уезда за 1894/1895 г. в указанный период окончило постройку новых, для Салобелякской и Пижанской больниц. В указанном отчете медицинского совета относительно Пижанской больницы отмечалось: «Потребность в ней очевидно была так настоятельна и важна, что перенесение ее во вновь отстроенное здание составляет очевидное благо для этого бедствующего края. Можно с очевидностью предсказать, что эта новая больница, по числу будущих своих пациентов… теперь стал более свободным доступ в больницу трудно больным этого огромного участка и притом без той тяжелой и дальней перевозки, которую им приходилось переносить, когда этой больницы не было» [6, с. 163, 170].

В 1895–1896 гг. выделялись средства на ремонт Яранской, Кукарской и Большерудкинской больниц [22, л. 18, 18об.]. В сведениях Яранской уездной земской управы для отчета вятского губернатора за 1899 г. сообщалось: «Относительно удовлетворительности помещений для больных и обстановки лечебных заведений уезда уездная управа должна высказать в утвердительном смысле. Замеченные г. врачебным инспектором, во время ревизии, недостатки устраняются: производится необходимый ремонт, заводятся новые вещи, Кукарская больница в 1900 г. будет постепенно перестраиваться» [14, л. 38, 38об.]. Расширялись хозяйственные постройки при больницах – в 1895–1896 гг. при Кукарской больнице строились баня, прачечная и сушильня [22, л. 18]. В сведениях Яранской уездной земской управы для отчета вятского губернатора за 1896 г. отмечалось: «Кроме главных строений при всех больницах имеются и другие здания – бани, прачечные, усыпальницы» [13, л. 758].

Земство также принимало необходимые меры для пресечения инфекционных заболеваний. Так, например, все заболевающие сыпным тифом обязательно помещались в больницы, их одежда и дома дезинфицировались [13, л. 770об.].

Яранское земство заботилось и о несостоятельных гражданах: согласно отчету о действиях Яранской уездной земской управы за 1895/1896 г., задолженность за их лечение в земских больницах уезда была компенсирована управой. Аналогичные эпизоды наблюдались и в другие годы [22, л. 8, 8об.; 17, л. 15].

В связи с этим стоит упомянуть и о попытке введения бесплатного лечения крестьян Яранского уезда за его пределами. 28 сентября 1898 г. на заседании земского собрания был заслушан доклад земской управы, в котором было предложено с 1899 г. ввести бесплатное лечение крестьян за пределами уезда. В докладе отмечалось: «…Не достаточность крестьянина, захворавшего на заработке в другом уезде, вынуждает его спешить домой, в больницу своего земства, не редко с заразной формой болезни и таким образом переносить, напр., тиф из одного района в другой…» Собрание согласилось с мнением управы [17, л. 14об., 15, 29, 30об.]. Однако данное постановление было отменено Вятским губернским по земским и городским делам присутствием. Причина отмены была обозначена в докладе губернского по земским и городским делам присутствия от 9 ноября 1898 г.: «Означенное постановление г. Начальник губернии признает не согласным с законом ввиду того, что земство как учреждение всесословное не может удовлетворить потребности только одного сословия на счет общих земских сборов и таким образом предоставить одной части населения извлечение выгоды в ущерб интересам прочих плательщиков» [18, л. 5, 6].

Определенный итог деятельности земства в рассматриваемый период подводится в «Кратком историческом очерке о деятельности Яранского уездного земства за все время его существования (1867–1914 гг.)», где отмечалось: «…В 90-х гг. земство стремится к увеличению числа больничных зданий, открытию медицинских участков и установлению отпусков для врачей на поездки в университетские города с целью пополнения своих знаний проч. Одним словом, в этом десятилетии было принято очень много мер вообще для улучшения больниц, их устройства, ухода за больными» [20, л. 838об.].

Переходя к сфере сельского хозяйства, следует отметить: несмотря на то что определенные мероприятия в данной сфере Яранского уезда проводились и ранее, но именно 90-е гг. в деятельности Яранского земства характеризуются заметным возрастанием активности в данном направлении.

В «Кратком историческом очерке о деятельности Яранского уездного земства за все время его существования (1867–1914 гг.)» отмечалось: «В дореформенный период на улучшение сельского хозяйства не обращалось никакого внимания, да и Яранское земство, к сожалению, на первых порах своего существования тоже не принимало никаких мер к улучше-

нию сельского хозяйства в уезде: ассигновки земского собрания до 1892 г. колеблются всего лишь между 60 и 695 руб.: такие незначительные ассигновки объясняются тем, что земство, не имея никакого опыта и примера других земств, не знало, на что должно быть обращено внимание в первую очередь, у земства не было определенного плана своей будущей деятельности, не было и специалистов, которые могли дать земству нужные указания…» [20, л. 840].

В 90-е гг., как уже отмечалось, возрастает активность земства в сфере сельского хозяйства. В первую очередь следует упомянуть о росте ассигнований на сельское хозяйство: если в 1888 г. на сельское хозяйство было ассигновано лишь 360 руб., то в 1898 г. уже 2455 руб. [20, л. 845].

Основными направлениями деятельности Яранского земства в развитии сельского хозяйства в 1890-е гг. были следующие.

1. Улучшение организации развития сельского хозяйства в уезде. Для этого с 1891 г. в уезде учреждена должность агрономического смотрителя, а затем агронома. После этого согласно «Краткому историческому очерку о деятельности Яранского уездного земства за все время его существования (1867–1914 гг.)» «получают широкое распространение веялки, преимущественно работы местных кустарей…». Также в 1890-е гг. в помощь агроному учреждаются должности сельскохозяйственных старост, затем появляются должности пчеловода и лесного инструктора [20, л. 840]. Так, в 1899 г. на службе земства были три сельскохозяйственных старосты. Они выполняли различного рода поручения уездного агронома по части технических способов обработки почвы, демонстрировали различные улучшенные машины и орудия, посев кормовых трав и т. д. Один из этих старост занимался исключительно пропагандой улучшенного пчеловодства среди населения, выделкой искусственной вощины для продажи, устройством пчеловодных выставок на ярмарках и базарах. В «Сведениях для всеподданнейшего отчета от Яранской уездной земской управы за 1899 год» отмечалось: «Население относится к старостам доверчиво и, по возможности, старается следовать указанным ими приемам в области улучшения сельского хозяйства» [14, л. 4, 4об.].

2. Травосеяние. Этому направлению деятельности управа уделяла серьезное внимание. В отчете агрономического смотрителя Вятского губернского земства по Яранскому уезду И. Тарантина за время с 1 октября 1891 г. по 1 октября 1892 г. отмечалось: «…беднота-то и составляет главную тягость общества и правительства и предмет забот земства. При настоящих условиях никакие усилия не дадут возможности этой бедности подняться до уровня более или менее безбедного существования. Выходом из такого печального положения дел может послужить травосеяние: будет корм, будет и навоз для удобрения полей» [5, с. 251, 252].

Способы распространения травосеяния были следующими:

– Крестьянам бесплатно выдавались семена трав с условием возврата их из урожая. В отчете агрономического смотрителя Вятского губернского земства по Яранскому уезду И. Тарантина за время с 1 октября 1891 г. по 1 октября 1892 г. сообщалось: «С целью привлечь население Яранского уезда к производству опытов с травосеянием, в начале этого года от имени уездной управы были разосланы объявления, в которых указано было, на каких условиях желающие могут получить травяные семена. Условия эти заключались в том, что: 1) взявший семена обязывался возвратить их земству в том же количестве, в каком они получены, и 2) семена должны быть посеяны согласно указаниям агрономического смотрителя, – личным или письменным». Тарантин также отмечал, что для раздачи крестьянам было приобретено 25 пудов красного клевера и 20 пудов тимофеевки, для земского семенного участка было выписано 8,5 пуда кормовых трав и прочих семян (шведского клевера, белого, люцерны и пр.). Это направление работы возымело успех – было подано 219 заявлений о желании получить семена, причем большинство от отдельных крестьян [5, с. 251–254]. В дальнейшем данная деятельность Яранского земства продолжалась. Так, в 1899 г. было выдано и продано 156 пудов 6 фунтов красного клевера, 23 пуда 7½ фунта тимофеевки, 30 фунтов прочих трав [14, л. 147].

– Для поощрения крестьян производилась покупка семян трав у самих крестьян: в 1899 г. было куплено 156 пудов 6 фунтов клевера, 23 пуда 7½ фунта тимофеевки (потом осуществлялась их выдача другим крестьянам) [14, л. 147, 147об.].

3. Введение многополья. Например, во второй половине 1890-х гг. велось преобразование трехпольной системы полеводства в восьмипольную в д. Горюши Тожсолинской волости [14, л. 147об.; 22, л. 21].

4. Демонстрация правильных способов ведения сельского хозяйства путем организации показательных хозяйств. Так, в 1890-е гг. Яранское земство направляло деятельность двух

показательных хозяйств в д. Малые Щеглы и поч. Голубево [22, л. 21об.]. В показательных хозяйствах производился посев улучшенных семян, обработка почвы велась более рациональными методами с использованием улучшенных сельскохозяйственных орудий и искусственных удобрений [14, л. 3об.].

5. Продвижение улучшенных сельскохозяйственных орудий, машин, улучшенных сортов семян [14, л. 149, 149об.]. В 1893 г. в уезде учреждается сельскохозяйственный склад, где население могло приобретать улучшенные семена хлебов, льна, усовершенствованные сельскохозяйственные машины и орудия, пчеловодные принадлежности и др. (более того, управа давала заказы на данные товары местным кустарям и затем реализовывала их на складе, то есть этим еще стимулировала и развитие кустарных промыслов) на льготных условиях, с рассрочкой платежа [20, л. 840; 22, л. 21]. Так, например, в 1899 г. из сельскохозяйственных орудий со склада продавались косули, железные бороны, молотилки, сеялки-сортировки, жатвенные машины, ульи разных систем, роевки, дымари и другие пчеловодные принадлежности, некоторые из машин отпускались крестьянам во временное пользование – одни за небольшую плату, другие, распространение которых особенно желательно в уезде, – бесплатно [14, л. 3, 3об.].

В «Сведениях для всеподданнейшего отчета от Яранской уездной земской управы за 1899 год» отмечалось: «Земледельческие орудия теперь рассеяны уже по всему уезду и главным образом расходятся сеялки до 447, молотилки (39), косули (89), бороны (25), жатвенные машины (4) и проч. Обороты склада по приходу и расходу за отчетный год выразились в сумме 17388 р. 71 коп., в том числе продано улучшенных посевных семян до 250 пудов» [14, л. 3об.]. В 1899 г. в Псковской губернии земством были закуплены льняные семена под названием «Псковский долгунец», которые впоследствии продавались населению на земском сельскохозяйственном складе [14, л. 148об.]. В том же году со склада продавались улучшенные семена – шатиловского овса, словацкого ячменя, безостной пшеницы, альпийской ржи, псковского льна, семена медоносных растений и огородные [14, л. 3]. В базарные и ярмарочные дни устраивались выставки сельскохозяйственных орудий, машин, семян и т. д., где населению предоставлялись инструкции по их использованию. Там же агрономы оказывали методическую помощь в области сельского хозяйства, кустарных промыслов [14, л. 149об.].

6. Улучшение породы лошадей. Проводились конские выставки, открываемые правительством по ходатайствам земства в Яранске. Для этих выставок Яранское земство открывало кредит на выдачу денег в награду за лучших лошадей. Видимо, эта работа проводилась не зря, поскольку в «Отчете о действиях Яранской уездной земской управы за 1895/1896 год» отмечалось: «На выставку эту приводится весьма много хороших лошадей, так что приходится уменьшать большие премии, дабы не лишать кого-либо награды, что и свидетельствует, что в Яранском уезде есть весьма достаточно хозяев, заботящихся об улучшении породы лошадей» [22, л. 22об., 23]. Для улучшения скотоводства земством также производилась покупка племенных животных: голландско-холмогорских и ярославских телят и романовских овец – и раздача их крестьянам на условиях возврата из приплода [14, л. 4].

Рассматривая достижения Яранского земства в 90-е гг., следует сказать: безусловно, грамотное планирование и осуществление мероприятий было бы невозможно без талантливых и энергичных деятелей земской управы, которые искренне заботились о своем деле. Не зря работа земской управы под руководством Сметанина положительно оценивалась современниками. Так, 18 октября 1892 г., после рассмотрения доклада комиссии о деятельности управы и отчета о действиях управы, Яранское уездное земское собрание постановило: «Одобрив сделанные управой распоряжения, выразить председателю Н. Г. Сметанину, членам – А. П. Калинину, В. В. Елькину и Р. М. Кодолову свою глубокую благодарность за те разумные и основательные во всех отношениях действия и распоряжения, которые сделаны ими в истекший год…» [5, с. 35, 36]. В 1896 г. временная ревизионная комиссия в докладе земскому собранию сообщила: рассмотрев отчет земской управы о ее действиях за 1895/1896 г., она пришла к выводу, что управа действовала в соответствии с законом и постановлениями земских собраний, и предложила выразить благодарность председателю управы Сметанину и членам – Елькину и Олюнину [22, л. 25].

Особенно следует отметить и личность Николая Гавриловича Сметанина, который, безусловно, сыграл существенную роль в развитии земской деятельности в рассматриваемый период. Он старался грамотно распределить земские средства, что способствовало развитию приоритетных направлений земской работы. В «Вятской газете» отмечалось: «Девизом его

земской деятельности была экономия, но не та экономия, которая выражается в урезывании расходов, без разбора, на какой бы полезный предмет ни расходовались земские средства. Нет, его стремление к экономии замечалось в том, чтобы каждая земская копейка принесла ту долю пользы, ради которой, собственно говоря, она и расходуется. Вследствие этого он, раз убедившись в целесообразности предположенного расхода, содействовал всеми мерами к изысканию нужных средств» [2, с. 2]. Более того, в выявленных документах имеются сведения о том, что в земской управе заведование казначейской частью брал на себя именно Сметанин [23, л. 35об.].

Следует принять во внимание и его личностные черты. Так, в «Вятской газете» отмечалось: «На первый взгляд неразговорчивый, строгий Николай Гаврилович в действительности был человек добрый, снисходительный, сочувствовавший всякому хорошему начинанию. К себе самому он был крайне строг и требователен; образ жизни вел простой; честолюбие и тщеславие были ему вполне чужды. В доказательство его особенного бескорыстия мы укажем на тот факт, что он добровольно отказался от предложения увеличения жалования по должности председателя» [2, с. 2]. Даже в последний год своей жизни, несмотря на тяжелую болезнь, Сметанин продолжал работать на благо земства и на благо жителей своего края. В «Вятской газете» отмечалось: «…Несмотря на свой преклонный возраст, несмотря на опасную болезнь, скоро определенную местными врачами, Николай Гаврилович не покидал своих обычных занятий в земской управе и аккуратно каждый день являлся сюда для исполнения своих обязанностей. И только полнейшая физическая невозможность, при усиленном настоянии врачей, вынудила его взять в мае нынешнего года двухмесячный отпуск. Но и во время отпуска он изредка посещал земскую управу, пока болезнь не приковала его окончательно к смертному одру. Таким образом, мы имеем полное право сказать, что Николай Гаврилович умер на своем посту, употребляя все оставшиеся свои силы на исполнение своего долга, своих обязанностей, которыми был облечен как земский деятель» [2, с. 1].

После смерти Николая Гавриловича Яранское земство почтило его память учреждением стипендий его имени при Яранской женской гимназии [19, л. 3об.].

Таким образом, 90-е гг. XIX в. стали периодом заметных изменений в социально-экономическом развитии Яранского уезда: существенно выросла школьная сеть, развивалось внешкольное образование, строились новые здания для медицинских учреждений, улучшалось их обустройство, наметились сдвиги в сельском хозяйстве и др. Все это было бы невозможно без грамотной и энергичной работы земских деятелей, таких как Николай Гаврилович Сметанин, которые честно и добросовестно трудились на благо своего края.

Список литературы

1. *Веселовский Б. Б.* История земства за 40 лет. Т. 1. СПб. : Издательство О. Н. Поповой, 1909. 741 с.
2. Вятская газета. 1899. № 34.
3. *Герасименко Г. А.* Земское самоуправление в России. М. : Наука, 1990. 264 с.
4. Журналы Яранского уездного земского собрания XXV-й очередной сессии (14–21 октября 1891 г.) с докладами уездной управы и другими приложениями. Яранск : типография С. Н. Андреевой, 1892. 407, IX с.
5. Журналы Яранского уездного земского собрания XXVI-й очередной сессии (11–18 октября 1892 г.) с докладами уездной управы и другими приложениями. Яранск : Типография С. Н. Андреевой, 1893. 590, XI с.
6. Журналы Яранского уездного земского собрания XXIX-й очередной сессии (14–22 сентября 1895 г.) с докладами уездной управы и другими приложениями. Яранск, 1896. 537, IX с.
7. Календарь Вятской губернии на 1889 год. Вятка : Издание Губернского статистического комитета, 1888. 346 с.
8. Обзор Вятской губернии за 1898 год. Вятка : Типография губернского правления, 1899. 209 с.
9. Отчет по ревизии земских учреждений Вятской губернии. Т. II. Народное здравие. Общественное призрение. Народное образование. СПб. : Типография Министерства внутренних дел, 1905. 393 с.
10. Статистический ежегодник Вятской губернии за 1900 год. Вятка : Типо-литография Н. А. Огородникова и К., 1903. II, IV, 333, III, 525, [1] с.
11. ЦГАКО (Центральный государственный архив Кировской области). Ф. 237. Оп. 75. Д. 2135.
12. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 6.
13. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 191.
14. ЦГАКО. Ф. 574. Оп. 2. Д. 322.
15. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 37а. Д. 219.
16. ЦГАКО. Ф. 582. Оп. 139. Д. 497.
17. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 3. Д. 205.

18. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 3. Д. 249.
19. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 4. Д. 238.
20. ЦГАКО. Ф. 587. Оп. 19. Д. 76.
21. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 38.
22. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 171.
23. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 174.
24. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1144.
25. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1149.
26. ЦГАКО. Ф. 618. Оп. 1. Д. 1321.

Socio-Economic Aspects of the Activity of the Yaransk District Zemstvo of Vyatka Province in the 1890s

Korepanov Aleksandr Sergeevich
PhD in History, senior lecturer of the Department of Humanities and Social Sciences,
Kirov State Medical University.
Russia, Kirov. ORCID: 0000-0001-9261-7064. E-mail: Korepanov.AS@yandex.ru

Abstract. The activity of the Yaransk district zemstvo of Vyatka province in the pre-revolutionary period has previously been the subject of our research. Nevertheless, new materials, primarily archival documents, have made it necessary to study in greater detail the socio-economic aspect of the work of the Yaransk zemstvo in the 1890s and to identify the changes that occurred in the most important spheres of the socio-economic life of Yaransk district. The relevance of the study is due to the significant role of the district zemstvos in the socio-economic development of the Russian provinces. The zemstvos initiated and financed the construction of schools and hospitals and engaged in agronomic assistance to the peasantry; their activity thus directly affected the quality of life of the population and contributed to a reduction in mortality, a growth in literacy, and an improvement in the well-being of the peasantry. The study of these processes is relevant to an understanding of Russia's social modernization.

The article discloses the contribution of the Yaransk district zemstvo to the development of public education and health care and shows the main directions of its activity in the sphere of agriculture. Clearly, in disclosing general tendencies and the causes of particular changes, one cannot fail to take into account the people who were directly involved in these processes. With this in mind, the study, drawing on previously unexamined materials, for the first time collects and evaluates information about a prominent representative of the local self-government bodies of Yaransk district, Nikolai Gavrilovich Smetanin, who during the period under review held the post of chairman of the Yaransk district zemstvo board and was directly connected with the realization of the zemstvo's plans. The methodological basis of the study was formed by such fundamental principles as historicism and scholarly objectivity, as well as by the biographical, historical-systemic, and comparative-historical methods.

The source base of the present study consists primarily of archival documents of the Central State Archive of the Kirov Region, a number of which are being introduced into scholarly circulation. Published records of the zemstvo self-government bodies and the periodical press were also drawn upon.

The results of the work may be used in the preparation of studies on the history of local self-government in Russia and of research devoted to the socio-economic development of Vyatka province in the pre-revolutionary period, as well as in the educational process.

Keywords: zemstvo, Vyatka province, Yaransk district.

References

1. *Veselovskij B. B. Istoriya zemstva za 40 let. T. 1* [A History of the Zemstvo over Forty Years. Vol. 1]. SPb., Izdatel'stvo O. N. Popovoj, 1909. 741 p.

2. *Vyatskaya gazeta* – Vyatka Newspaper. 1899. No. 34.

3. *Gerasimenko G. A. Zemskoe samoupravlenie v Rossii* [Zemstvo Self-Government in Russia]. M., Nauka (Sciences), 1990. 264 p.

4. *Zhurnaly Yaranskogo uezdnogo zemskogo sobraniya XXV-j ocherednoj sessii (14–21 oktyabrya 1891 g.) s dokladami uezdnoj upravy i drugimi prilozheniyami* [Journals of the 25th Regular Session of the Yaransk District Zemstvo Assembly (October 14–21, 1891) with Reports of the District Board and Other Appendices]. Yaransk, tipografiya S. N. Andreevoj, 1892. 407, IX p.

5. *Zhurnaly Yaranskogo uezdnogo zemskogo sobraniya XXVI-j ocherednoj sessii (11–18 oktyabrya 1892 g.) s dokladami uezdnoj upravy i drugimi prilozheniyami* [Journals of the 26th Regular Session of the Yaransk District Zemstvo Assembly (October 11–18, 1892) with Reports of the District Board and Other Appendices]. Yaransk, Tipografiya S. N. Andreevoj, 1893. 590, XI p.

6. *Zhurnaly Yaranskogo uezdnogo zemskogo sobraniya XXIX-j ocherednoj sessii (14–22 sentyabrya 1895 g.) s dokladami uezdnoj upravy i drugimi prilozheniyami* [Journals of the 29th Regular Session of the Yaransk District Zemstvo Assembly (September 14–22, 1895) with Reports of the District Board and Other Appendices]. Yaransk, 1896. 537, IX p.

7. *Kalendar' Vyatskoj gubernii na 1889 god* [Calendar of Vyatka Province for 1889]. Vyatka, Izdanie Gubernskogo statisticheskogo komiteta, 1888. 346 p.

8. *Obzor Vyatskoj gubernii za 1898 god* [A Survey of Vyatka Province for 1898]. Vyatka, Tipografiya gubernskogo pravleniya, 1899. 209 p.

9. *Otchet po revizii zemskih uchrezhdenij Vyatskoj gubernii. T. II. Narodnoe zdravie. Obshchestvennoe prizrenie. Narodnoe obrazovanie* [Report on the Inspection of the Zemstvo Institutions of Vyatka Province. Vol. 2. Public Health. Public Charity. Public Education]. SPb., Tipografiya Ministerstva vnutrennih del, 1905. 393 p.

10. *Statisticheskij ezhegodnik Vyatskoj gubernii za 1900 god* [Statistical Yearbook of Vyatka Province for 1900]. Vyatka, Tipo-litografiya N. A. Ogorodnikova i K., 1903. II, IV, 333, III, 525, [1] p.

11. CSAKR (Central State Archive of the Kirov Region). F. 237. Op. 75. D. 2135.

12. CSAKR. F. 574. Op. 2. D. 6.

13. CSAKR. F. 574. Op. 2. D. 191.

14. CSAKR. F. 574. Op. 2. D. 322.

15. CSAKR. F. 582. Op. 37a. D. 219.

16. CSAKR. F. 582. Op. 139. D. 497.

17. CSAKR. F. 587. Op. 3. D. 205.

18. CSAKR. F. 587. Op. 3. D. 249.

19. CSAKR. F. 587. Op. 4. D. 238.

20. CSAKR. F. 587. Op. 19. D. 76.

21. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 38.

22. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 171.

23. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 174.

24. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 1144.

25. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 1149.

26. CSAKR. F. 618. Op. 1. D. 1321.

Поступила в редакцию: 11.11.2025
Принята к публикации: 03.06.2026

EDN: DUIHHC УДК 94(470/316)”19/20”

Проституция как социальный феномен в Костромской губернии: повседневные практики и общественное восприятие (вторая половина XIX – начало XX в.)

Карандашев Глеб Владимирович
кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры отечественной истории,
Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashevg@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена изучению проблемы регламентации проституции в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX в. На основе неопубликованных архивных материалов и статистических источников реконструированы численность и состав женщин, промышлявших проституцией, устройство домов терпимости, а также организация врачебно-полицейского надзора.

Показано, что большинство зарегистрированных женщин являлись одиночками, а не работницами домов терпимости; сословный состав отличался преобладанием крестьянок и мещанок. Категория «публичной женщины» выступала не только клеймом, но и юридическим состоянием, закрепленным изъятием паспорта и еженедельными освидетельствованиями. Отмечены низкий образовательный уровень, ранний возраст обращения к проституции, а также высокий уровень заражений венерическими болезнями.

Надзор за проституцией в губернии усилился в 1852 г. вследствие исполнения указа «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни». Попытки преобразования медицинской части регламентации в начале XX в. не увенчались успехом – проект санитарного бюро и специализированной лечебницы остался нереализованным из-за проблем с финансированием. Всевозможные совещания периодически констатировали слабость и даже фиктивность надзора. Местная власть признавала его несоответствие современным требованиям. Проституция в Костромской губернии предстает социально-экономическим феноменом: государственный учет распределял женщин по категориям, за которыми стояли конкретные судьбы. При этом система надзора, сложившаяся в середине XIX в., сохранялась и в начале XX в.

Ключевые слова: Российская империя, Костромская губерния, проституция, полиция, дом терпимости.

Введение. Регламентация проституции в Российской империи берет начало с 1843 г. Она предполагала постановку публичных женщин на учет и их обязательное периодическое освидетельствование врачами. Целью этих мер было сдерживание распространения сифилиса. Устройство и порядок работы надзорных органов определялись либо общероссийскими столичными нормами, либо локальными правилами, издававшимися для отдельных городов и губерний [10]. Организация надзора за проституцией и формы взаимодействия местных властей по этому вопросу до сих пор изучены недостаточно и требуют дальнейшего исследования [11, с. 17]. Работа опирается на делопроизводственный комплекс Государственного архива Костромской области: циркуляры Министерства внутренних дел, задававшие общие принципы надзора, распоряжения костромского губернатора, обращения военного ведомства, переписку с местными административными учреждениями, протоколы заседаний врачебно-полицейских комиссий, а также статистические материалы. Среди опубликованных источников выделяются материалы издания Центрального статистического комитета МВД «Проституция по обследованию 1-го августа 1889 г.» [13] и «Первой Всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г.» по Костромской губернии [12].

Одним из первых нормативных актов, институализировавших контроль над проституцией непосредственно в Костромской губернии, стал изданный костромским губернским правлением 26 ноября 1851 г. указ «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни», последовавший в исполнение предписания министра внутренних дел [2, л. 2]. Поводом послужило мнение министра, лично убедившегося «в крайне слабом со стороны местных начальств, мер Врачебной полиции» и в том, что циркуляры 1843–1844 гг. не приносили ожидаемого результата. Документ формулировал ключевую дефиницию, определившую всю по-

© Карандашев Глеб Владимирович, 2026

следующую практику учета: «чтобы во всех городах составлены были полные и верные списки публичных, т. е. обративших распутство в промысел, женщин». Именно этот признак – превращение занятия в источник средств к существованию – становился юридическим условием для причисления к разряду публичных женщин и сохранял силу на протяжении всего рассматриваемого периода. Ведение учета возлагалось на полицию; хранение списков предусматривалось в губернских городах при Врачебной управе, в уездных – при городской больнице. Внесенных в эти перечни женщин надлежало подвергать еженедельному освидетельствованию, а зараженных – «оставлять до излечения в больнице, бесплатно, какому бы ведомству не принадлежали» [2, л. 2].

Внимания заслуживает норма, предписывавшая: «чтобы от поступающих в больницы лиц мужеского пола, одержимых любострастной болезнью, отбирались показания о том, от кого они заразились. Сведения сии, сообщаемые полиции, должны служить ей указанием, к открытию, с должной осмотрительностью, женщин тайно промышляющих распутством». Указ требовал, чтобы «тщательно собраны были подробные сведения об одержимых любострастной болезнью сельских обывателях», а лица этого сословия, «оказывающиеся зараженными, должны быть немедленно устраняемы из семейств своих и отсылаемы в больницы до излечения» [2, л. 2].

24 января 1852 г. костромская городская полиция направила во Врачебную управу данные о женщинах, «в Костроме публично промышляющих развратом» [2, л. 10]. Первый обнаруженный в костромском корпусе список проституток включал девятнадцать имен с указанием сословной принадлежности (табл. 1). Наиболее многочисленную группу образовывали мещанки – восемь человек, две из которых были сестрами Пимановыми; солдатских дочерей числилось трое. Из церковнослужительской и чиновничьей среды происходили три женщины: «пономарская дочь» О. Блохина, «дьяческая дочь» П. Короницкая и «губернская секретарша» В. Ильинская [2, л. 11].

Отдельного пояснения требует учет крестьянок. М. Васильева была записана как «крестьянская девка костромского уезда казенной деревни Сухорукова»; А. Иванова – «крестьянская девка г. Энгельгарда»; А. Сорокина – «дворовая девка г. Бурановой». Особое место занимали две сестры Журавлевы, названные в источнике «девками, отыскивающими свободы из владения г. Вяхирева» [2, л. 11]. Подобная формулировка скорее не сословная, а юридическая, указывавшая на крепостных, находившихся в процессе выхода из владельческой зависимости. До отмены крепостного права крестьяне делились на помещичьих, государственных и удельных, причем помещичьи подразделялись на крестьян, занятых сельским хозяйством на барской земле, и дворовых, лишенных средств производства и обслуживавших личные потребности владельца [9, с. 14–30].

Таблица 1

Состав публичных женщин Костромы в 1852 г.[1]

Сословная группа	Численность	Доля (%)
Мещанки (в том числе «мещанские девки»)	8	42,1
Солдатские дочери	3	15,8
Крестьянские девки	5	26,3
Дочери низших церковнослужителей	2	10,5
Жена чиновника	1	5,3
Всего	19	100

В выявленном перечне публичных женщин Костромы 1883 г. учет велся по частям города, что свидетельствовало о переходе к более дробной организации надзора. По 1-й части Костромы записали тридцать женщин: мещанок – 12, крестьянок – 10, солдаток – 8; по 2-й части зафиксировали восемь: мещанок – 4, крестьянок – 2, солдаток – 1, дочь чиновника – 1 (табл. 2). Помимо проституток Костромской губернии, в списке фигурировала одна крестьянка из Московской и две из Нижегородской [ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825. Л. 13–15].

[1] Составлено и рассчитано по: ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 444. Л. 11.

Таблица 2

Состав публичных женщин Костромы в 1883 г.[2]

Сословная группа	1-я часть Костромы	2-я часть Костромы	Всего
Мещанки	12	4	16
Крестьянки	10	2	12
Солдатки	8	1	9
Дочь чиновника	–	1	1
Всего	30	8	38

Обследование 1 августа 1889 г. показало, что из 78 зарегистрированных в Костромской губернии женщин 55 человек (70,5 %) составляли «одиночки», а 23 (29,5 %) проживали в домах терпимости [13, с. 2]. Преобладали крестьянки и мещанки – 37 и 27 человек (вместе 82 %). Среди одиночек выделялись солдатки – 12 женщин (21,8 %) (табл. 3).

Таблица 3

Состав публичных женщин Костромской губернии в 1889 г.[3]

Сословие	В домах терпимости	Одиночки	Всего
Крестьянки	12 (52,2 %)	25 (45,5 %)	37 (47,4 %)
Мещанки	10 (43,5 %)	17 (30,9 %)	27 (34,6 %)
Солдатки	1 (4,3 %)	12 (21,8 %)	13 (16,7 %)
Дворянки и чиновницы	–	1 (1,8 %)	1 (1,3 %)
Всего	23 (100 %)	55 (100 %)	78 (100 %)

Средний возраст обитательниц домов терпимости составлял 23 года, одиночек – 25 лет [13, с. 2]. Основная масса – 20–30 лет; среди одиночек встречались женщины более старших возрастов. Большинство обращалось к проституции в 15–20 лет; отмечен случай начала в 14 лет [13, с. 54–55, 58–59]. Образовательный уровень был крайне низким: в заведениях 18 из 23 не получили никакого образования, среди одиночек – 51 из 55 [13, с. 48–49]. Медицинская статистика фиксировала высокий уровень инфицированности: в домах терпимости из 23 женщин 30,4 % имели заболевания (сифилисом – 6, иными венерическими – 1); среди одиночек из 55 человек – 69 % (сифилисом – 18, иными венерическими – 8, одновременно – 12) [13, с. 9].

В 1889 г. дома терпимости существовали лишь в Костроме и Кинешме; в остальных уездах проституция была представлена исключительно одиночками. В заведениях преобладали уроженки тех же мест – 14 против 9 приезжих; среди одиночек перевес еще значительнее – 48 против 7. Однако это распределение было неравномерным. В Костроме из 16 женщин домов терпимости 12 были местными, 4 – из других губерний; среди 19 одиночек местных насчитывалось 14, приезжих – 5. В Кинешме 5 обитательниц домов терпимости из 7 происходили из других губерний. В Галиче и Кинешме были отмечены и приезжие одиночки – по одной в каждом городе (табл. 4). Проституция в губернии носила преимущественно местный характер, но в крупных центрах она формировалась в том числе за счет притока из других губерний.

Таблица 4

Распределение публичных женщин Костромской губернии по городам и уездам в 1889 г.[4]

Город	В домах терпимости			Одиночки			Общее количество проституток
	Всего	Из них местных	Из них из других губерний	Всего	Из них местных	Из них из других губерний	
Кострома	16	12	4	19	14	5	35
Варнавинский уезд	–	–	–	8	8	–	8
Ветлуга	–	–	–	3	3	–	3
Галич	–	–	–	4	3	1	4
Кинешма	7	2	5	8	7	1	15
Макарьев	–	–	–	6	6	–	6
Нерехта	–	–	–	1	1	–	1
Юрьевец	–	–	–	6	6	–	6
Всего	23	14	9	55	48	7	78

[2] Составлено и рассчитано по: ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825. Л. 13–15.
[3] Составлено и рассчитано по: Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. 1890. С. 36–37.
[3] Составлено и рассчитано по: Проституция по обследованию 1-го августа 1889 года. 1890. С. 8–9.

Согласно Первой всеобщей переписи населения 1897 г., в губернии были зафиксированы 43 женщины, указавшие проституцию как основной вид занятий: Кострома – 29 женщин; Галич – 6; Кинешма – 4; Макарьев – 1; Чухлома – 1 и Юрьевецкий уезд – 2 женщины соответственно. Сокращение почти вдвое по сравнению с 1889 г. может объясняться как различием методик учета, так и действительным уменьшением числа лиц, официально причислявших себя к этому занятию. Концентрация в Костроме усилилась: 29 из 43 женщин (67,4 %) [12, с. 158–165].

Следующая обнаруженная точка статистического ряда – списки публичных женщин Костромы 1901 г. По 1-й части г. Костромы были учтены 24 женщины, среди которых зафиксированы три пары сестер: Цветковы, Дружинины, Кочкины [8, л. 3]. Наличие сестер в списке заслуживает особого внимания: проституция предстает не только индивидуальной стратегией выживания, но и семейным промыслом. По 2-й части зафиксировали 9 женщин в возрасте от 18 до 24 лет, все крестьянки кроме одной мещанки. География их происхождения охватывала Чухломской, Даниловский, Нерехтский, Костромской, Кологривский и Мологский уезды, а также г. Мологу Ярославской губернии [8, л. 12–13].

Практика открытия домов терпимости подлежала строгой регламентации. Так, 23 мая 1886 г. костромской полицмейстер выдал свидетельство ивановской мещанке У. Пиатровской на устройство «борделя для содержания женщин вольного обращения» [5, л. 19]. Разрешение обязывало: не передавать его другому лицу без предварительного разрешения; «не было допущено при этом никаких неблагопристойных поступков и разгула как со стороны посетителей так и самих женщин, а соблюдалось всем строгое приличие»; не менять квартиру без санкции полиции; строго выполнять выданные правила. Замыкалось все угрозой: «если замечено будет хотя малейшее нарушение этих правил, или обнаружатся в каком бы ни было виде действия противные приличию в самом помещении бордели, или вне нее явному соблазну и оскорблению нравственного чувства жителям, то заведение это тотчас же будет закрыто без права возобновить таковое на будущее время в Костроме» [5, л. 19].

Отдельные жители пытались извлечь доход из сдачи помещения под проституток. В июле 1893 г. 70-летняя костромская мещанка О. Захарова обратилась к полицмейстеру с прошением разрешить «временный впуск проституток, находящихся на Еленинской улице», в отдаленный флигель. Заявительница объясняла, что сын «находится в болезненном состоянии» и «никто из нас трудом силы заработать ничего не может». Разрешения не последовало. Полиция подобные попытки пресекала [7, л. 14–16].

Подлежали учету и так называемые меблированные комнаты для тайных свиданий. В августе 1901 г. парфентьевский мещанин И. Щербаков арендовал помещение в доме купца И. Зимина на Набережной ул. и пожелал «открыть Меблированные комнаты с допущением проституток» [8, л. 40]. Свидетельство, выданное городским полицейским управлением, разрешило учредить заведение на следующих условиях: содержать помещение в чистоте и с форточками для притока воздуха; вести списки проституток и «каждодневно к 9 утра сообщать полицмейстеру о всех в посетивших в течении минувшего дня»; предоставлять женщин к освидетельствованию в назначенный городовым врачом день и час; заразившихся отправлять «за свой счет на излечение в губернскую больницу»; наблюдать за тишиной и порядком, не торговать спиртными напитками; при нарушении правил полицмейстер «вправе немедленно закрыть вышеуказанный дом» [8, л. 41].

Согласно списку «притонов проституции (домов терпимости, меблированных комнат и гостиниц)» по Костромской губернии за октябрь 1913 г. в Костроме значились: дом терпимости крестьянки Владимирской губ. Е. Крюковой на Смоленской ул., д. 7, и дом терпимости крестьянки Костромского уезда В. Тимофеевой на Павловской ул., в доме Грязнова. Меблированные комнаты держала парфентьевская мещанка Т. Иванова; гостиницу и номера на Набережной ул., в доме наследников Полякова – крестьянин Тверской губ П. Плетнев. В Кинешме дом терпимости на Солдатской ул., в доме Тыквиной, имела могилевская мещанка А. Гликина и дом терпимости на Солдатской ул., в доме Калмыкова, – крестьянка Костромской губ. П. Белова [1, л. 16–20].

В январе 1904 г. губернатор Л. М. Князев предложил выработать по соглашению с губернским общественным управлением и представить на утверждение проект устройства «Бюро для заведывания санитарной частью надзора за городской проституцией». Поводом послужил циркуляр МВД, предлагавший привести «ныне действующие правила врачебно-полицейского надзора за городской проституцией» в соответствие с «Положением об ор-

ганизации надзора за городской проституцией в империи» от 8 октября 1903 г. Губернатор признавал «более целесообразным для городов Костромской губернии установить организацию надзора за проституцией <…>, по которому полицейская часть надзора остается в ведении местной полиции, а заведывание санитарной частью возлагается на местные общественные установления» [3, л. 1].

11 сентября 1904 г. при Губернской управе состоялось совещание представителей земства, города, полиции и врачей, одобрившее проект санитарного бюро. 16 сентября Губернская земская управа препроводила его в Городскую управу «для представления городской думе на обсуждение как проекта устройства бюро, так и относительно предполагаемого участия города в содержании его». Городская дума постановила «передать означенный вопрос на предварительное заключение Санитарно-Технической Комиссии» [4, л. 10–13, 20–20об.]. Журнал совещания уездного земского собрания 29 сентября 1904 г. зафиксировал конкретное финансовое решение: «Предложили внести в смету 800 руб. на помещение, особого врача и фельдшерицу» [3, л. 28].

Согласно заключению санитарно-технической комиссии от 4 февраля 1905 г., бюро учреждалось в Костроме с целью надзора «за санитарным состоянием проституток, домов терпимости, поднадзорных притонов» и включало члена городской управы, городского санитарного врача, врача, заведовавшего санитарным надзором за проституцией, и участкового санитарного врача Губернского земства. К предметам ведения были отнесены: «а) производство врачебных осмотров проституток, присылаемых комитетом на смотровые пункты, и организация на этих пунктах амбулаторного лечения проституток, страдающих сифилисом и венерическими болезнями; б) направление в больницу проституток, подлежащих больничному лечению, и осмотр их на пунктах в тот же день, по выписке их из больницы; в) сообщение полицейскому комитету о проститутках, уклоняющихся от врачебных осмотров; г) ведение санитарной статистики и отчетности по деятельности бюро и представление отчетов за каждое полугодие в местное Общественное Управление; д) наблюдение за санитарным состоянием домов терпимости, поднадзорных притонов; е) наблюдение за исправным содержанием и снабжением необходимыми принадлежностями смотровых пунктов (амбулаторий)». Смета: «единовременный расход на инструменты, приспособления и мебель до 300 р.»; «ежегодные на содержание бюро: жалованье врачу 1500 р., фельдшерице-акушерке 600 руб., на отопление и прислугу до 300 р. и 100 на пополнение инвентаря, всего же до 2500 р.». Комиссия признала «справедливым и желательным, если бы и город и земство приняли участие в несении расходов по устройству и содержанию бюро, – определение же размеров участия предоставить взаимному соглашению города и земства» [4, л. 24–25].

22 октября 1909 г. состоялось губернское совещание по вопросу организации надзора за проституцией под председательством губернатора А. П. Веретенникова, который «высказал, что значительное развитие сифилиса и венерических болезней в Костромской губернии находится отчасти в связи с слабым, если не фиктивным, надзором за городской проституцией, а в уездах такой надзор отсутствует, как это показал недавно обнаруженный случай заражения венерическими болезнями в чайной села Вичуги, где находились женщины вольного поведения, в качестве прислуги, не подчиненные врачебно-полицейскому надзору» [4, л. 32].

По собранным сведениям, «в городах Костромской губернии, принимая в расчет 1904, 1907 и 1908 годы, в среднем за год оказывалось зарегистрированных проституток 104, а именно: в домах 34, 54 одиночек и тайных 16. За последние годы замечалось 7 домов терпимости: в Кинешме 4, в Костроме 2 и в Пучеже 1; других притонов разврата было в прошлом году 2 в Кинешме». Одиночки регистрировались в 1907 и 1908 гг. в Костроме, Кинешме, Варнавине и уезде, в Галиче и Буе, «в остальных уездах Костромской губернии регистрация и осмотры проституток не производились, другими словами, надзора за проституцией не существовало» [4, л. 32].

Надзор за проституцией в губернии осуществляла полиция; освидетельствование проституток в Костроме производилось в домах терпимости городовым врачом, а одиночки осматривались врачами губернской больницы; в. Кинешме, Галиче, Буе и Пучеже обязанность эта лежала на земских врачах. Лечение зараженных проституток производилось в местных земских больницах, а в Костроме – в губернской земской больнице. В 1908 г. сифилис был обнаружен у 26 зарегистрированных проституток, а другие венерические заболевания – у 2. Существовавшая «организация надзора за проституцией в Костромской губернии руководится правилами, приложенными к циркуляру М-ва Внутренних Дел по Медицинскому Департа-

менту от 26 октября 1851 г.» [4, л. 32]. Совещание постановило учредить врачебно-полицейские комитеты в Костроме и во всех уездах губернии, надзор возложить на полицию, а санитарную часть предоставить ведению санитарного бюро [4, л. 32–33об.].

В ноябре 1909 г. Костромской врачебно-полицейский комитет обратился в Губернскую земскую управу, отметив, что «на обязанности больницы бывших приказа общественного призрения лежит освидетельствование и лечение проституток», и просил «организовать санитарную часть надзора за проституцией, <...> выработать инструкцию для руководства деятельностью врачей по санитарной части надзора» [3, л. 31]. 12 ноября 1909 г. врачебно-полицейский комитет обратился уже в Городскую управу с отсылкой к тому же циркуляру и просил «отвести помещение для осмотра одиночек и тайных проституток, присылаемых Комитетом; оборудовать это помещение всем необходимым для осмотра и амбулаторной помощи проституток, а также снабдить его прислугою; назначить врача для осмотра проституток» [4, л. 33об.].

23 января 1910 г. в помещении Городской управы обсуждался вопрос о том, что «для амбулаторного приема больных сифилисом женщин и для осмотра проституток необходимо особое помещение, состоящее из 2-х, а лучше из 3 комнат: комнаты для приходящих, в ожидании очереди осмотра, комнаты для осмотра приходящих и, по возможности, еще – врачебного кабинета для работ по ведению регистрации, для хранения инструментов, аптеки и, наконец, в случае необходимости сделать больным перевязку». Врачи признали недопустимым использование амбулаторного покоя при городской больнице для приема больных сифилисом и венерическими болезнями женщин и для осмотра проституток. «Во 1-х, осмотр больных сифилисом проституток вообще требует достаточного дневного света, а не искусственного освещения, а это возможно осенью и зимою только в дообеденные часы, т. е. как раз в то время, когда в городском амбулаторном отделении городской больничный врач производит прием больных. Во 2-х, осмотр проституток и специальный прием и лечение больных сифилисом и венерическими болезнями женщин в том амбулаторном помещении, где городской больничный врач ежедневно принимает больных, в значительной степени стесняли бы персонал больницы, а в особенности это обстоятельство было бы тягостно для молодежи и для женщин» [4, л. 36об.].

Это не означало отказа от проведения осмотров как таковых, речь шла о непригодности конкретного помещения. Финансовый вопрос также остался нерешенным: губернское земство соглашалось участвовать в расходах, но не определило их размера, а уездное земство от участия уклонилось [4, л. 36–37].

10 февраля 1910 г. на очередном совещании по вопросу об организации надзора за проституцией в Костроме врач А. В. Понизовский отметил, что амбулатория при городской больнице «не может быть использована для осмотра проституток», а отделенное помещение «необходимо больничному учреждению для изоляции заразных больных (рожа, сыпной тиф и др.)». Более того, «по воле жертвователей, на капитал которых содержится городская больница, последняя имеет строго определенное назначение – для хроников, а согласно инструкции, данной городской думой заведующему городской больницей, в последней не могут быть помещены сифилитики и душевнобольные». Выяснилось также, что «больница, начиная с этого времени (с 1905 г.), по неизвестной причине перестала направлять проституток для осмотра в губернскую земскую больницу, как это практиковалось раньше». Было решено «предложить полиции направлять проституток по-прежнему в губернскую земскую больницу для осмотра». Губернская земская управа согласилась участвовать в расходах «в размере 1000 руб.» [4, л. 38–39].

15 марта 1910 г. состоялось заседание Костромского городского врачебно-полицейского комитета под председательством губернатора П. П. Шиловского. Присутствовали: врачебный инспектор, его помощник, член городской управы, представитель военного ведомства, полицмейстер, военный врач, уездный врач, городовой врач и городской санитарный врач. Широкий состав отражал межведомственный характер надзора, соединявшего полицейскую, врачебную и военную части [4, л. 42].

Врачебный инспектор доложил, что надзор был по-прежнему основан на циркуляре 1851 г. и распределен между полицией и земскими больницами. Осмотры в Костроме производились в губернской земской больнице врачом, заведующим сифилитическим отделением, а в домах терпимости – городовым врачом. Действовала та же система, что и в середине XIX в., с минимальными изменениями. Количество зарегистрированных проституток не отвечало действительности, «а в особенности в фабричном районе, где число женщин вольного поведения значительно больше» [4, л. 42об.]. Это свидетельствовало о том, что официальная статистика не отражала реального положения.

На заседании обсудили провал учреждения санитарного бюро, причиной которого стал отказ уездной управы в его финансировании. Шиловский признал, что администрация «за неимением средств имеет возможность только осуществить врачебно-полицейский надзор, согласно циркуляру Министра 1851 года, который в настоящее время не может быть признан отвечающим современным требованиям и условиям жизни» [4, л. 43]. Это было открытым признанием устарелости системы, которую глава губернии представлял сам.

Губернатор предложил новую логику: предоставить общественным учреждениям агентов, которые бы «имели наблюдение и надзор за женщинами вольного поведения и применяли бы проституток к врачебным осмотрам не путем принудительным, а гуманно, – путем ознакомления женщин вольного поведения с целями регистрации и необходимостью врачебного надзора» [4, л. 43об.]. Предложенная модель означала отход от сугубо репрессивного подхода и попытку перейти к добровольному участию женщин в освидетельствованиях, хотя уклонение по-прежнему влекло ответственность по 44-й статье Устава о наказаниях.

Шиловский отметил, что борьба с распространением сифилиса и венерических болезней через проституцию не может вестись только административными средствами, и призвал перейти от прежнего чисто бюрократического порядка надзора к более отвечающему требованиям жизни [Там же, л. 43об.]. Это самоограничение властной компетенции было редким признанием бессилия исключительно полицейских мер.

Городской санитарный врач сослался на московскую санитарную комиссию, которая связывала надзор за проституцией с проблемой народного образования в империи. Губернатор не согласился с такой формулировкой: «откладывать этот вопрос до времени высокого развития страны не следует» [4, л. 43об.]. Здесь просматривалось столкновение просвещенческого подхода, отсрочивавшего решение до роста образования, и практического, требовавшего немедленных мер.

В итоге врачебно-полицейский комитет постановил обратиться к городским, губернским и уездным земским управам с предложением организовать санитарный надзор на условиях приглашения специального врача; устройства нескольких смотровых пунктов в разных частях города; приглашения особых агентов для наблюдения, предполагая добровольность осмотров, а в случае отказа – составления актов для привлечения к ответственности. Кроме того, были отклонены два прошения Щербаковых об открытии «домов свиданий» в д. Зимина на Набережной [4, л. 44об.].

17 июня 1910 г. совещание под председательством члена городской управы П. И. Кекина об организации надзора за проституцией в Костроме вернулось к прежним вопросам. Участники, настаивавшие на привлечении общественных учреждений, «не могли, однако, указать практически осуществимые мероприятия для достижения намеченной цели» [4, л. 48–48об.].

28 марта 1911 г. городская санитарно-техническая комиссия приняла решение устроить «бесплатный амбулаторный прием мужчин и женщин, больных венерическими болезнями», признав, что «в деле борьбы с распространением венерических болезней, помимо периодического осмотра проституток, важно лечить мужчин, разносящих заразу» [4, л. 52]. Лечебницу решили открыть «в фабричном районе города» и пригласить владельцев фабрик к участию в расходах. Была представлена смета: «Итого ежегодный расход 3300 р. и единовременный на оборудование лечебницы 300 р.» [4, л. 52об.]. Причисление к разряду проституток и освобождение от регистрации должны были производиться «исключительно по постановлению городского санитарного комитета» [4, л. 52об.]. Однако по вопросу об агентах, которые «выслеживали бы женщин, тайно промышляющих развратом, комиссия не могла высказаться в положительном смысле, не будучи в состоянии представить себе в настоящее время объем деятельности таковых агентов и целесообразность ее» [4, л. 53].

В 1911 г. Городская управа обратилась в Губернскую земскую управу с просьбой «не отказать уведомить ее, в какой сумме может быть принято участие Губернским Земством в расходах по содержанию означенной лечебницы» [4, л. 62]. Однако 8 февраля 1912 г. Уездная земская управа сообщила, что «в смету Уездного Земства не внесено никакой суммы на расходы по содержанию городской амбулатории для больных венерическими болезнями и для осмотра проституток» [4, л. 58]. Таким образом, учреждение не было открыто, так как уездное земство отказалось участвовать в его содержании.

Проблема оставалась нерешенной, и в 1915 г. 3 апреля 1915 г. старший врач 88-го пехотного запасного батальона обратился к костромскому полицмейстеру: «Ввиду участившихся случаев заболеваний венерическими болезнями нижних чинов вверенного мне батальона,

имею честь покорнейше просить о принятии надлежащих мер» [4, л. 64]. 9 апреля 1915 г. Врачебное отделение Костромского губернского правления препроводило его в Городскую управу, прося «сделать распоряжение о принятии санитарных мер для борьбы с венерическими болезнями в городе Костроме» [4, л. 63].

13 мая 1915 г. городская санитарно-техническая комиссия под председательством городского головы В. А. Шевалдышева обсудила «мероприятия для предупреждения распространения венерических болезней» и постановила «предоставить таковой осмотр врачам городским и земским в амбулаториях при городской и земских больницах», а «регистрацию проституток и наблюдение за тем, чтобы они не уклонялись от врачебного осмотра, – предоставить это заботам полиции» [4, л. 66–66об.]. Отдельно комиссия остановилась на заболеваниях среди военнослужащих: «Ввиду же участившихся случаев заболевания венерическими болезнями нижних чинов 88 пехотного запасного батальона, как об этом сообщает старший врач этого батальона, комиссия высказала пожелание, чтобы соответственной властью были приняты надлежащие меры относительно этих больных нижних чинов, с целью устранения всякой возможности передачи ими заразы женщинам и таким путем предупредить дальнейшее распространение венерических болезней». Конкретных мер лечения, изоляции и надзора комиссия не предусмотрела, ограничившись пожеланием, адресованным военному ведомству. К маю 1915 г. специального учреждения по-прежнему не существовало: осмотр проституток передавался врачам общих амбулаторий при больницах, а регистрация оставалась за полицией [4, л. 66об.].

Проституция в Костромской губернии во второй половине XIX – начале XX в. предстает явлением, устойчиво сохранявшим свои основные характеристики на протяжении более чем полувека. Преобладание одиночек над обитательницами домов терпимости, крестьянско-мещанский сословный состав, практически однородная национальная принадлежность, молодой возраст, низкий образовательный уровень и высокая степень заболеваемости венерическими болезнями – таковы постоянные черты, фиксируемые источниками на разных этапах.

Надзор за проституцией в губернии усилился в 1852 г. вследствие исполнения указа «О мерах Врачебной полиции против любострастной болезни». В январе 1904 г. предложение костромского губернатора привело к выработке проекта учреждения «Бюро для заведывания санитарной частью надзора за городской проституцией». Позднее было решено открыть специализированную лечебницу. Идеи остались нереализованными из-за проблем с финансированием и излишнего администрирования.

Губернское совещание 1909 г. констатировало слабость и даже фиктивность надзора. Костромской врачебно-полицейский комитет активно обсуждал вопросы регулирования проституции, взаимодействовал с различными общественными учреждениями. Протокол заседания 15 марта 1910 г. отразил критическое отношение местной власти к действовавшей системе регламентации, отметил неполноту учета и даже продемонстрировал попытку перейти к новой гуманной и добровольной модели надзора. При этом система врачебно-полицейского учета продолжила действовать в прежних формах.

Список литературы

1. ГАКО (Государственный архив Костромской области). Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12515.
2. ГАКО. Ф. 204. Оп. 1. Д. 444.
3. ГАКО. Ф. 205. Оп. 4. Д. 415.
4. ГАКО. Ф. 207. Оп. 1. Д. 1008.
5. ГАКО. Ф. 281. Оп. 3. Д. 30.
6. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 825.
7. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 970.
8. ГАКО. Ф. 281. Оп. 2. Д. 1010.
9. *Зайончковский П. А.* Отмена крепостного права в России. М. : Просвещение, 1968. 368 с.
10. *Карандашев Г. В.* Регламентация проституции в Ярославской губернии во второй половине XIX – начале XX в. // Вестник гуманитарного образования. 2025. № 4(40). С. 28–34.
11. *Нижник Н. С.* Деятельность врачебно-полицейских комитетов Министерства внутренних дел по осуществлению социального контроля над девиантным поведением в российском обществе // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2012. № 2 (54). С. 11–18.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г. Костромская губерния. СПб. : Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1903. XII, 265 с.
13. Проституция = La prostitution: по обследованию 1-го августа 1889 года. СПб. : Тип. Мин. внутр. дел, 1890. XXXVI, 85, 39 с.

Prostitution as a Social Phenomenon in the Kostroma Governorate: Everyday Practices and Public Perception (the Second Half of the 19th – Early 20th Century)

Karandashev Gleb Vladimirovich
PhD in History, associate professor, associate professor of the Department of National History,
Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky.
Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-7499-9254. E-mail: karandashevg@gmail.com

Abstract. The article is devoted to the study of the regulation of prostitution in the Kostroma Governorate in the second half of the 19th – early 20th century. Drawing on unpublished archival materials and statistical sources, the author reconstructs the number and composition of the women engaged in prostitution, the arrangement of the brothels, and the organization of medical and police supervision.

It is shown that the majority of the registered women were independent practitioners rather than employees of brothels; the estate composition was dominated by peasant women and townswomen. The category of the "public woman" was not only a stigma but also a legal status, fixed by the confiscation of the passport and by weekly medical examinations. A low level of education, an early age of entry into prostitution, and a high rate of infection with venereal diseases are noted.

Supervision of prostitution in the governorate was intensified in 1852 as a result of the implementation of the decree "On the Measures of the Medical Police against the Venereal Disease". Attempts to reform the medical part of the regulation system at the beginning of the 20th century were unsuccessful: the project of a sanitary bureau and of a specialized hospital remained unrealized because of funding problems. Various conferences periodically stated the weakness and even the fictitiousness of the supervision. The local authorities acknowledged that it did not correspond to contemporary requirements. Prostitution in the Kostroma Governorate appears as a socio-economic phenomenon: state registration distributed women into categories behind which stood particular destinies. At the same time, the system of supervision that had taken shape in the middle of the 19th century was preserved into the early 20th century as well.

Keywords: the Russian Empire, the Kostroma Governorate, prostitution, police, brothel.

References

1. SAKR (State Archive of the Kostroma Region). F. 133. Op. 2. T. 9. D. 12515.
2. SAKR. F. 204. Op. 1. D. 444.
3. SAKR. F. 205. Op. 4. D. 415.
4. SAKR. F. 207. Op. 1. D. 1008.
5. SAKR. F. 281. Op. 3. D. 30.
6. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 825.
7. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 970.
8. SAKR. F. 281. Op. 2. D. 1010.
9. *Zajonchkovskij P. A. Otmena krepostnogo prava v Rossii* [The Abolition of Serfdom in Russia]. M., Prosveshchenie (Enlightenment), 1968. 368 p.
10. *Karandashev G. V. Reglamentaciya prostitucii v Yaroslavskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX v.* [The Regulation of Prostitution in the Yaroslavl Governorate in the Second Half of the 19th – Early 20th Century] // *Vestnik gumanitarnogo obrazovaniya* – Bulletin of Humanitarian Education. 2025. No. 4 (40). Pp. 28–34.
11. *Nizhnik N. S. Deyatel'nost' vrachebno-policejskih komitetov Ministerstva vnutrennih del po osushchestvleniyu social'nogo kontrolya nad deviantnym povedeniem v rossijskom obshchestve* [The Activities of the Medical and Police Committees of the Ministry of Internal Affairs in Exercising Social Control over Deviant Behavior in Russian Society] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* – Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2012. No. 2 (54). Pp. 11–18.
12. *Pervaya Vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii 1897 g. Kostromskaya guberniya* [The First General Census of the Population of the Russian Empire of 1897. The Kostroma Governorate]. SPb., Izdanie Central'nogo statisticheskogo komiteta Ministerstva vnutrennih del (Publication of the Central Statistical Committee of the Ministry of Internal Affairs), 1903. XII, 265 p.
13. *Prostituciya = La prostitution: po obsledovaniyu 1-go avgusta 1889 goda* [Prostitution = La prostitution: According to the Survey of August 1, 1889]. SPb., Tip. Min. vnutr. del (Printing House of the Ministry of Internal Affairs), 1890. XXXVI, 85, 39 p.

Поступила в редакцию: 30.09.2026
Принята к публикации: 28.10.2026

EDN: GMXTPB УДК 94(47).073

«Прискорбно, печально и горько на сердце патриота»: Русско-японская война в письмах к святому Иоанну Кронштадтскому

Орлов Максим Александрович
кандидат исторических наук, Петербургский лицей. Россия, г. Киров.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Аннотация. Русско-японская война 1904–1905 гг. стала многомерным конфликтом, в котором тесно переплетались военные события и внутриполитическое развитие Российской империи. В статье впервые вводятся в научный оборот письма к Иоанну Кронштадтскому, написанные ему в связи с событиями Русско-японской войны. В историографии корреспонденция Иоанна Кронштадтского, связанная с событиями данной войны, еще не изучена. Большое количество писем, отправленных к Иоанну Кронштадтскому во время войны с Японией, было обусловлено значительным авторитетом этого священника, который он приобрел на рубеже XIX–XX вв. В проповедях и письменных посланиях Иоанн Кронштадтский регулярно обращался к событиям на Дальнем Востоке, формировал у людей свое видение противостояния России и Японии. Поэтому у авторов писем часто встречаются схожие взгляды на войну. Анализ документов позволил выявить образы войны: России, Японии, императора и самого Иоанна Кронштадтского. Восприятие военного конфликта является своеобразным зеркалом, в котором отражаются представления авторов писем о власти и духовенстве (на примере Иоанна Кронштадтского). Показано, что в начале XX в. большинство людей имело смутное представление о Японии. Русско-японская война была тесно связана с революционными событиями 1905 г. Поэтому корреспонденты Иоанна Кронштадтского сопоставляли Русско-японскую войну с Первой русской революцией. Особенностью писем является то, что в них почти отсутствует критика властей за неудачи в войне с японцами. Поражения рассматриваются как Божие наказание за грехи народа. Такой взгляд на войну был характерен для самого Иоанна Кронштадтского.

Ключевые слова: Русско-японская война, Иоанн Кронштадтский, Порт-Артур, военная психология, образ войны.

Военные конфликты остаются неотъемлемой частью жизни, поэтому их изучение является актуальным для современного общества. Чем дальше развивается «цивилизация», тем болезненнее ощущается веяние войны, которая слабо сопоставима с удобствами развитой культуры. Можно согласиться с мнением Е. С. Сенявской, утверждавшей, что XX в. стал «апогеем человеческой воинственности». Исследователь отмечает, что, вопреки всем прогнозам гуманистов, будто с прогрессом цивилизации разрушительные формы взаимоотношений в человеческом обществе постепенно сойдут на нет, не оправдались [17, с. 3]. Действительно, технический прогресс не внес умиротворения в души людей. Распространение демократических ценностей во всем мире не сформировало единого гражданского общества. Как и в начале XX в., когда на Дальнем Востоке сражались русская и японская армии, так и сейчас в современном обществе сохраняется разделение на «своих» и «чужих».

В современной историографии восприятие современниками Русско-японской войны является востребованной темой исследования. Прежде всего, стоит отметить работы Е. С. Сенявской, которые стали флагманом в изучении психологии войны. Большое внимание уделено психологии комбатантов [17; 18]. Заслуживают внимания исследования о формировании образов войны современниками событий, не являвшихся непосредственно участниками военных конфликтов [2; 4; 11; 23].

Вопрос об участии святого Иоанна Кронштадтского в Русско-японской войне исследован недостаточно. Изучены патриотические проповеди о. Иоанна, сказанные пастырем в поддержку царского правительства [1, с. 725–729; 5, с. 76; 8, с. 305; 19]. В работе М. И. Одинцова особо подчеркнута важность взаимодействия Иоанна Кронштадтского с адмиралом С. О. Макаровым в отношениях между Церковью и военным руководством [12, с. 79–86]. В богатой фактическим материалом работе И. К. Сурского «Отец Иоанн Кронштадтский» сохранились воспоминания офицеров о молитвенной помощи о. Иоанна во время боевых действий с япон-

© Орлов Максим Александрович, 2026

цами [22, с. 385]. Таким образом, в историографии письма и телеграммы к Иоанну Кронштадтскому, написанные ему в связи с Русско-японской войной, не были темой отдельного исследования.

В настоящем исследовании основной источниковой базой является тематическое дело под № 50 «Переписка о русско-японской войне» [30]. В данном деле проанализировано 58 писем. Кроме того, письма и телеграммы, связанные с войной, содержатся в других делах фонда [26; 27; 29]. Всего для написания статьи использовано 61 письмо (среди них есть и телеграммы). Сам факт группировки писем в отдельное архивное дело показывает, что объем корреспонденции, связанной с событиями Русско-японской войны, был достаточно внушительным. Отметим, что в тематических делах фонда отложилось различное количество писем. В некоторых папках имеется не более десяти писем [31], в других – несколько сотен [25; 26]. В деле, которое содержит письма и программы монархических и черносотенных организаций, из почти пятидесяти документов только половина является рукописями, остальные – программными документами и листовками политических партий [28].

Богатый фонд писем к Иоанну Кронштадтскому имеет большой потенциал для пополнения знаний по заявленной теме. В основном это частная корреспонденция, отличающаяся от деловых бумаг. В письмах к Иоанну Кронштадтскому отражены непосредственные эмоции, которые испытывали родственники людей, так или иначе связанных с войной на Дальнем Востоке. Этим частная корреспонденция отличается от официальных документов (например, адресов на «Высочайшее имя»), в которых авторы, как правило, были лаконичны при изложении своих мыслей, скрывая свое отношение к проблемам современности. Напротив, письма к священнику свободны от условностей, не проверялись (насколько известно) цензурой.

Авторы писем к Иоанну Кронштадтскому принадлежали к различным социальным категориям. Вполне ожидаемо встретить много писем от военных. Не всегда можно выявить звание военного. Так, ветеран Крымской войны Захарий Наговский пишет, что он «бывший нахимовской школы моряк» [30, л. 12об.]. В другом письме подписано еще боле неопределенно: «Штаб войск» [30, л. 2]. В некоторых случаях авторы указывали свое звание: «подполковник Винтер» [30, л. 16], «Есаул Туношевский» [30, л. 37]. Имеются телеграммы от рядовых солдат [30, л. 32]. Так как любая война затрагивает не только военных, но и гражданских лиц, то корреспонденция о. Иоанна пополнялась письмами от родственников и знакомых солдат. Однако многие адресанты либо вовсе не подписывали своего имени, либо указывали только имя без фамилии и сословной принадлежности. Поэтому определить социальный состав в данном случае непросто. Впрочем, это характерно для большинства документов фонда Иоанна Кронштадтского. Есть письма, посланные от имени великой княгини Елизаветы Федоровны и «Государыни Императрицы Александры Федоровны» [30, л. 25]. Среди адресатов были лица духовного звания. Архимандрит Гавриил из Уфы просил о. Иоанна молитв о воинах Златоустовского полка [30, л. 35].

На рубеже XIX–XX вв. в России Иоанн Кронштадтский являлся одним из наиболее влиятельных священнослужителей. Город Кронштадт в это время стал местом паломничества, куда стекались тысячи людей со всей России. Иоанн Кронштадтский совершал поездки по разным городам Российской империи. Многие благотворительные организации России просили о. Иоанна стать их почетным членом. В годы первой русской революции этот пастырь вступил в различные монархические партии. С Иоанном Кронштадтским вели переписку высокопоставленные лица империи. Вполне естественно, что от позиции этого человека в Русско-японской войне зависело умонастроение людей.

Тема войны с Японией стала неотъемлемой частью проповедей и литературных трудов Иоанна Кронштадтского. Даже в богослужебной практике пастыря появлялись молитвы о прекращении войны на Дальнем Востоке. В молитвах о. Иоанн взывал: «Но ныне молю Тебя усердно – укроти брань японцев, проливающих реки крови человеческой, – и смятенной крамолами России даруй умиротворение!» [6, с. 168]. Иоанн Кронштадтский распространял воззвания к воинам, в которых призывал стоять «за веру, царя и отечество» [1, с. 728]. Молитвы и проповеди Иоанна Кронштадтского, так или иначе связанные с Русско-японской войной, стоит расценивать как своего рода поучения для народа, способствовавшие утверждению идеи незыблемости царской власти, необходимости бороться с врагами царя, как внутренними, так и внешними. Эти призывы были услышаны. Из писем к пастырю известно, что солдаты, находившиеся на Дальнем Востоке, читали его послания [30, л. 43].

Если в публичных выступлениях Иоанн Кронштадтский всемерно старался поддержать царское правительство, то в частной жизни он мог критиковать действия чиновников. Так, в

своем дневнике о. Иоанн пишет, что в стране не оказалось людей, способных построить надежные военные корабли. В этом он видел одну из причин поражения России в войне с Японией: «Послали на войну с японцами на смех; суда потеряли, войну проиграли». Другой причиной поражения, по мнению пастыря, была плохая подготовка офицеров и низкий уровень патриотизма: «...способных офицеров нет как нет, а главное – охоты к делу, патриотизма, да религии в будущих моряках не предвидится». Отец Иоанн пишет, что российскому правительству стоило бы обратиться к опыту Англии и Германии: «Подготовьте сначала любящих Россию и Бога и преданных всем сердцем делу офицеров, как в Германии и Англии. Послушайте вы умных речей императора Вильгельма[1]…» [16, с. 297]. В другом месте пастырь критикует действия генерала А. Н. Куропаткина [7, с. 44]. Таким образом, дневниковые записи позволяют лучше понять взгляды Иоанна Кронштадтского на события Русско-японской войны. Стоит думать, что это не доказательство противоречия во взглядах о. Иоанна, а иллюстрация исторической действительности, когда действовала цензура, не позволявшая вносить критику в публичную сферу. Вполне возможно, что, будучи патриотом, Иоанн Кронштадтский не хотел создавать из власти мишень для революционеров, подливать масла в огонь, которое и так лилось на царское правительство как из рога изобилия.

Как только началась война с Японией, на имя Иоанна Кронштадтского люди из разных мест России стали посылать письма и телеграммы. В основном в них содержались просьбы напутствовать воинов на ратный подвиг, помолиться о родственниках и близких людях. 17 февраля 1904 г. пастырю пришло письмо, в котором автор, называя о. Иоанна «Всероссийским молитвенником», пишет, что его два сына отправились на Дальний Восток, куда они «неудержно стремятся» [30, л. 15]. Из Читы от подполковника Винтера на имя о. Иоанна пришла телеграмма следующего содержания: «Отправляемся в действующую армию. Почтительно прошу Вашего благословения» [30, л. 16]. В другой телеграмме есаул Туношевский пишет: «Глубокочтимый отец Иоанн, прошу Вас помолиться и благословить меня. Отъезжаю завтра на войну» [30, л. 37]. Таким образом, Иоанн Кронштадтский ассоциируется как всероссийский пастырь, а не только как приходской священник города Кронштадта. К началу войны этот образ был уже весьма устоявшимся.

Люди, писавшие о. Иоанну, глубоко верили, что молитва пастыря защитит воинов на поле брани. Елена Гоппе пишет: «У Бога все возможно для верующих людей». Она верит, что те воины, о которых молится Иоанн Кронштадтский, «спасаются» и переносят все тяжести войны [30, л. 38об.]. Одна мать (оставшаяся безымянной) отмечает, что ее сын в «ужасных» Мукденских боях остался невредим благодаря молитвам о. Иоанна [30, л. 42]. Анна Терликова также верит с силу молитвы о. Иоанна. При этом пишет, что ее сын был храним «милостию Господа, Царицы Небесной и святителя Николая» [30, л. 44]. Этот момент заслуживает внимания. В письмах к Иоанну Кронштадтскому авторы редко упоминают о молитвенной помощи прославленных святых, например святителя Николая Чудотворца. Чаще всего люди просят помолиться Богу и Божией Матери. Евфимий из Саранска пишет, что неудачи под Порт-Артуром происходят из-за того, что туда не была доставлена икона «Торжество Пресвятыя Богородицы», написанная в Киево-Печерской лавре. Он умоляет о. Иоанна, чтобы пастырь содействовал доставлению иконы в Порт-Артур, иначе «за ослушание и нерадение» в доставлении святыни русская армия будет разбита японцами [30, л. 27].

В письмах прослеживается еще один образ Иоанна Кронштадтского. Люди воспринимают его как пастыря, который может оказывать влияние на политику государства. Некоторые авторы писем были уверены в том, что о. Иоанн имеет доступ к императору, может и должен давать царю советы по управлению страной. В мае 1905 г., когда война с Японией была в самом разгаре, на имя о. Иоанна пришло письмо от иеромонаха Гиацинта. Он пишет, что знает об одном «военном секрете» и готов рассказать о нем только Иоанну Кронштадтскому и государю императору. Что это был за «секрет», в письме не говорится, но иеромонах верил, что с его помощью можно будет победить японцев [27, л. 2]. Ветеран Крымской войны Захарий Наговский считал, что Иоанн Кронштадтский может оказывать влияние на цензурную политику государства. Он просил батюшку сделать все возможное, чтобы в газетах больше не писали о поражениях русской армии [30, л. 12об.].

[1] Речь идет о германском императоре Вильгельме II (1888–1918). Интересно отметить, что это был, пожалуй, единственный европейский монарх, который удостоился от Иоанна Кронштадтского лестной характеристики. В основном о. Иоанн в своих дневниковых записях весьма критично относился к европейским правителям.

Представление, что Иоанн Кронштадтский оказывал влияние на государственную политику, несколько наивно. В связи с этим важно следующее. Несмотря на хорошие связи с государственными и военными деятелями, о. Иоанн никакого влияния на политическое руководство не оказывал. Н. Б. Киценко подчеркивает, что мысль об особой близости Иоанна Кронштадтского к царской семье является мифом, так как он не имел прямых связей с царствующим домом [8, с. 147]. Иоанна Кронштадтского почитали в придворных кругах, но никому в голову не приходила мысль сделать его «серым кардиналом». Тем не менее современники смотрели на Иоанна Кронштадтского как на советника монарха. В 1903 г. один рабочий отправил батюшке письмо, в котором просил, чтобы о. Иоанн донес до царя весть о тяжелом положении рабочих. Автор письма называет пастыря «ближайшим советником» государя, надеется, что такой статус позволит повлиять на политику государства в отношении рабочих [24, л. 23об.]. Подобные письма приходили к о. Иоанну и впоследствии. Поликарп Косцов из области Войска Донского просил батюшку, чтобы он явился к царю и просил его сохранить самодержавие, ограничив полномочия Государственной думы [28, л. 20].

Русско-японская война оценивалась авторами писем к о. Иоанну как «тяжелая», «ужасная», «страшная несчастная война» [30, л. 40, 43, 67]. Один военный пишет, что он с содроганием смотрит на потери русских воинов, и задается вопросом: не зря ли началась эта война? [30, л. 79об.]. Уже упомянутый ветеран Крымской войны Захарий Наговский воспринимает войну с Японией как неслыханную дерзость со стороны «блох-японцев» и с горечью пишет: «Прискорбно, печально и горько на сердце патриота, да еще любящего свое отечество, как Бога и радеющего о славе его! Да, этот факт заставит всех наших врагов, и внешних и внутренних, задрать носы вверх и кричать: когда какие-то блохи японцы покусали Россию, то что же мы сможем сделать с нею?» На Наговского, судя по его письму, Русско-японская война оказала сильное эмоциональное воздействие. Он вспоминает, как Павел Степанович Нахимов дерзновенно напал на турецкий флот, не дожидаясь атаки со стороны врага. Наговский сравнивает этот славный эпизод в истории русского военного флота с нападением японцев на Порт-Артур, когда русские не смогли отбить врага. Он пишет: «…сердце мое облилось кровью, а лице горячими слезами о стыде родины моей… Я, старый, бывший моряк, не могу постичь того… что на Дальнем Востоке плавают наших сто шестьдесят вымпелов, и вдруг допустить, чтобы какие-нибудь 15 судов японских осмелились подойти… к Порт-Артуру и бомбардировать его» [31, л. 12]. Наговский свысока смотрит на русскую армию и флот начала XX в. Его критика во многих отношениях справедлива (в частности, несогласованность действий, противоречия между военным министром А. Н. Куропаткиным и адмиралом Е. И. Алексеевым), однако стоит учесть, что Крымская война также оказалась неудачной для России. Поражения в Русско-японской войне были вызваны не только неумелыми действиями военного руководства. Как и перед Крымской войной, в начале XX в. российская дипломатия недооценила международную обстановку, когда главный враг (как и в Крымскую войну) имел влиятельных союзников. Не стоит сравнивать эти войны. Нужно только учитывать, что военное и дипломатическое руководство при Николае I допустило немало ошибок. Аналогичные просчеты были на рубеже XIX–XX в. Поэтому письмо ветерана Крымской войны несет большой отпечаток субъективизма.

По мнению Павла Гоппе, война с Японией являлась «неслыханной в истории» [30, л. 53]. Иные считали, что эта та война, в которой России «феноменально не везет» [30, л. 60]. Ольга Бурачек смотрит на войну с библейской точки зрения, как «испытание всей России», посланное на страну Господом. Ее слова «на то была воля Божия» напоминает знаменитую лермонтовскую фразу о неизбежности войны: «Когда б на то не Божья воля» [30, л. 19]. Такой взгляд совпадал с мыслями самого Иоанна Кронштадтского, который регулярно подчеркивал, что война с Японией является наказанием Божиим за грехи народа [5, с. 76].

В письмах к Иоанну Кронштадтскому некоторые авторы подчеркивали, что неудачная и тяжелая война полезна России, ибо принесет с собой очищение от недуга неверия и ненужного заимствования западной модели общественного развития. Елена Гоппе пишет о. Иоанну, что война с Японией послужит только «на благо России» [30, л. 38об.]. Ее муж, Павел Гоппе, в письме от 1 декабря 1904 г. отмечал, что война с Японией приносит духовную пользу: «Она научила молиться Богу, бросить сквернословие, одеть на шею крест и осенять себя крестом». Павел добавил, что в «мирное время» это редко случалось [30, л. 53]. Схожие мысли о пользе войны высказал Федор Тимофеев (Гайсинский уезд Подольской губернии). В своем письме по поводу происходивших в России революционных событий 1905 г. он высказал свои пережи-

вания в связи с распространением неверия и толстовства, увлечением западноевропейскими учениями о представительстве. Тимофеев считает, что «Бог естественно через Японца обращает наше внимание на Восток». Он надеялся, что обращение к «Светлому Востоку» избавит Россию от «темного запада» [28, л. 12]. Интересно, что эта мысль выражена жителем одной из западных губерний Российской империи.

Некоторые авторы писем считали, что события войны говорят о начале конца мира. Штабс-капитан Владимир Александрович Самонов из Минской губернии прислал о. Иоанну письмо, в котором сообщал, что во время Русско-японской войны он стал чаще размышлять над «Апокалипсисом» св. Иоанна Богослова. Военный считал, что причины происходящих событий люди ищут не там, где нужно. Он рассуждал так: не стоит искать виновных, как это делает большинство русских людей, а лучше глубже взглянуть в книгу «Откровения» и в ней разгадывать тайный смысл происходящего [30, л. 67]. Письмо Самонова примечательно тем, что оно показывает, каким образом события войны могли восприниматься людьми с чуткой религиозной интуицией. Как отмечает Самонов, апокалиптические мысли пришли к нему после получения известия о поражении русской армии под Мукденом. Он открыл «Апокалипсис» и стал внимательно изучать его, сопоставляя священный текст с событиями на Дальнем Востоке. Офицер был убежден, что сам Бог навел его на мысль читать эту священную книгу: «Он всемогущей рукой не допустил мне кончить жизнь свою в награду за пережитое, показал мне страницы откровения Св. Иоанна, в котором я, по крайнему своему разумению, вижу ясное и почти дословное подтверждение всего происходящего перед нашими глазами. Сначала я как-то многому не верил, многое мне было непонятно по тайному своему смыслу, но, когда я вдумывался, сопоставляя перед собой действительность со словами пророчеств, мне непонятным образом раскрывался тайный смысл этих слов, и я убеждался в правдивости и полной соответственности откровений Св. Иоанна с происходящими событиями на Дальнем Востоке» [30, л. 67об.].

Самонов был не одинок в таких рассуждениях. Схожую оценку находим в другом письме к Иоанну Кронштадтскому. Неизвестный автор пишет, что «междоусобные войны», война с Японией только подтверждают евангельские слова о «последних временах», когда «люди будут истреблены друг другом» [28, л. 11]. Генерал и военный министр А. Н. Куропаткин, по словам французского историка Марлен Ларюэля, представлял революционные события 1905 г. и войну с Японией «в апокалиптическом духе», как «бой, в который вступает христианство перед угрозой нового монгольского ига» [10, с. 584].

Представление о Японии в письмах к Иоанну Кронштадтскому основывается на убеждении, что это далекая и непонятная страна, «азиатская» и «языческая». Находившийся в Амурской области Владимир написал Иоанну Кронштадтскому, что его с семьей отправили «на далекую окраину». Он просил пастыря, чтобы Господь сохранил его семью в этом «далеком краю» [30, л. 51]. В письмах к Иоанну Кронштадтскому нет подробной информации о культуре и истории Японии. Это неудивительно, ведь даже такой интеллектуал, как А. С. Суворин, признавался, что до войны мало что знал о Японии [15, л. 2]. И только война заставила его много прочитать про эту страну [21, с. 59]. Тем не менее он называл Японию «неизвестным человеком», «новой величиной» для России [21, с. 59]. Если Суворин мало знал о Японии, то что говорить о простонародье? С. А. Новикова пишет: «Массовый русский читатель имел слабое представление о Дальнем Востоке и плохо понимал цели войны с Японией» [11, с. 90]. Духовенство Орловской губернии обратило внимание на то, что народ ничего не знает о Японии, Китае и Корее. Эти названия «для простого человека необычные, почти сказочные» [23, с. 113].

Смутное представление о Японии было не только у простого обывателя. В историографии отмечается, что в российском руководстве слабо разбирались в геополитической ситуации на Дальнем Востоке [20, с. 1024]. Несмотря на смену внешнеполитического вектора в направлении Дальнего Востока, строительство железнодорожных дорог в данном регионе, увеличение численности переселенцев, правительство не предпринимало значимых шагов для изучения культуры Японии и ее политического строя. Напротив, руководство Японии хорошо изучило будущего врага. Эта деятельность была важной частью подготовки к войне [20, с. 1024]. Как показали дальнейшие события, Япония смогла оптимально реализовать свои планы нанесением поражений российским войскам.

В целом отношение к Японии было не столько враждебным, сколько презрительным. Это было связано с тем, что японцы воспринимались как «язычники» (противопоставление христианству), представители малоразвитой культуры (в отличие от европейской) и как

главные противники России на Дальнем Востоке. В российском обществе популярной стала идея о культурной миссии России на Востоке, о том, как «белый царь» защищает Европу от «желтой опасности» [11, с. 88]. Начавшаяся война только спровоцировала рост антиазиатских настроений в российском обществе [20, с. 1025].

Японцы изображаются единой массой, которая воспринимается как чуждая для России этническая общность. В письмах к Иоанну Кронштадтскому японцы назывались «блохами», «азиатами» и «язычниками» [30, л. 12, 67, 79]. Так как Япония страна «языческая», то в плен к японцам попадать было нельзя. Автор одного из писем к о. Иоанну пишет, что в плену у японцев-язычников «мучают, а может быть и пытают» [30, л. 74]. Люди, писавшие о. Иоанну, просили его молиться не только о том, чтобы не погибнуть в боях, но чтобы не попасть в плен к такому врагу, как японец [30, л. 38].

Данное восприятие Японии основывалось на ассоциации Востока с язычеством и варварством, противопоставлении его «цивилизации» в лице Европейской России. Образ Востока как «желтой опасности», по словам исследователя, стал на рубеже XIX–XX вв. «устойчивым элементом европейских страхов» [10, с. 579]. Хорошо знавший общественное мнение А. С. Суворин выражал общий взгляд на японцев как на «глупых» и «наглых противников», «азиатов настоящих» и, конечно, «язычников» [21, с. 34, 36]. В другом месте Суворин пишет: «…вдруг дьявол поднялся на Востоке… Дьявол притворился смирным, поджал хвост, опустил рога и, высунув на бок лживый язык, моргал кривыми глазами, в которых светился зеленый огонь. Цивилизованный дьявол, приятный, скромный дьявол, – думали мы. А он подкрался и выпустил горячее пламя, и оно обдало нас и обожгло» [21, с. 46]. Иными словами, Япония – это не просто «языческая» страна, но страна антихристианская, образ тьмы.

Сказанное выше вовсе не означает, что Япония на рубеже XIX–XX вв. была страной, не имевшей культурных связей с Россией. Со второй половины XIX в. в Японии действовала русская православная миссия во главе со святителем Николаем (Касаткиным). Появилась японская православная община. В фонде Иоанна Кронштадтского сохранилось письмо студента Киевской духовной академии Ивана Кавамото, который просил пастыря помолиться о его сестре Софье. Она приняла святое крещение, хотя ее муж остался в прежней вере [29, л. 106об.]. Однако на общем фоне это были исключения.

Е. С. Сенявская отмечает, что со временем, по мере приобретения знаний о противнике, стереотипы о Японии сменялись более трезвой оценкой [17, с. 314–315]. Это же самое просматривается в письмах к Иоанну Кронштадтскому. Военные с уважением относились к японским солдатам. Они называли их «храбрыми» и «отчаянными» [30, л. 42об.]. И другие современники признавали, что японцы являются неплохими воинами. Японцы – это «хитрые, сильные и храбрые враги» [13, с. 35]. Ни в одном письме к о. Иоанну не выявлено уничижительной характеристики воина-японца. Некоторые даже опасались японцев. Ветеран Крымской войны Захарий Наговский в письме к Иоанну Кронштадтскому вспомнил высадку в Крыму англо-французского десанта. Он опасался повторения этой истории на Дальнем Востоке: «Что если также допустят японцев высадиться у нас где-либо, как высадились англо-турки-французы в Евпатории?» [30, л. 12]. Вновь вернемся к Суворину, который понимал, что расовые различия («белые» и «желтые») не играют никакой роли, если в государстве происходит военная модернизация. Он пишет, что Япония напоминает Россию при Петре I, и приходит к такому выводу: «…перед нами серьезный противник» [19, с. 59].

Россия воспринималась как «дорогая родина» и «Святая Русь» [30, л. 38об., 40]. Заметим, что образ России как дорогой и многострадальной родины встречается во многих письмах к о. Иоанну, не связанных с Русско-японской войной. Можно встретить сопоставление России с «многострадальной матушкой» [25, л. 34]. Выражение же «Святая Русь» употреблялась, как правило, людьми правых взглядов, писавших к о. Иоанну в годы революции 1905 г. [28, л. 19]. В письмах к Иоанну Кронштадтскому о Русско-японской войне отчетливо прослеживается образ России как страны богохранимой, которая находится под покровительством Богоматери. Евфимий (возможно, монах) убеждал о. Иоанна, что японцы будут разбиты только тогда, когда в Порт-Артур будет доставлена икона «Торжество Пресвятыя Богородицы», явленная во время Крымской войны [30, л. 27].

В письмах к святому Иоанну Кронштадтскому прослеживается определенный образ российского императора и России. Слова «царь», «Родина» и «Отечество» воспринимались как синонимы [30, л. 38, 40, 62]. Чаще всего фигурирует слово «царь». Слова одного круга: «царь», «царствующий», «император» – употребляются 10 раз. Слово «Россия» встречается намного

реже – всего четыре раза, а «Святая Русь» только один раз. Слова «Родина», «Родная земля» – шесть раз, а «Отечество» – два раза [30, л. 11, 18об., 12, 32, 37, 42, 44, 49–50об., 52, 63, 83][2]. В письме неизвестной женщины слово «царь» употреблено сразу три раза [30, л. 49–50об.]. Здесь восприятие государства основано не на размытом понятии гражданской Родины. Авторы писем видят во власти конкретную, персонифицированную большую семью во главе с царем. Подобные сопоставления России с «царем-батюшкой» были обычным явлением того времени. Один солдат, отправляясь на войну с Японией, говорил священнику, что желает победить врага-японца («супостата»), «да возрадуется нам Царь-Батюшка» [23, с. 115]. В благодарственных письмах-адресах начала XX в., направляемых на имя императора, люди по патриархальному именовали себя «детьми», а царя – своим «отцом» [14, л. 94]. Согласно исследованию Н. А. Коноваловой, слова «царь», «царь-батюшка» являлись устойчивыми в их восприятии политической системы Российской империи. Такой символ власти, как «царь-батюшка», выступает в качестве основной характеристики власти в крестьянском представлении [9, с. 121–123].

Иоанну Кронштадтскому чаще всего писали люди, настроенные патриотично. Любовь к Отечеству неизменно связывалась с идеей служения Богу и царю. В корреспонденции о. Иоанна сохранился приказ инспектора госпиталей, адресованный военным: «Каждый безропотно, с честью неси свой крест. Бог, – Царь, – Служба, – Любовь: – вот Св. заветы истинного и верного слуги Государя!» [30, л. 62]. Анна Терликова, мать воина Евгения, характеризовала своего сына как «истинного воина и слугу Отечества и Царя». В ее письме нельзя не увидеть переживание за сына, так как он долгое время находился на войне. Однако она доказывает о. Иоанну, что ее сын «без ропота и жалобы нес свой крест» [30, л. 44]. Одна женщина пишет о своем муже, уехавшем добровольно на войну с Японией, что своими речами (видимо, был лектор. – *Авт.*) он поднимал боевой дух матросов. Эта женщина пишет о муже с особым эстетическим подъемом: «Мой муж страшный патриот, за Царя и родину готов на все» [30, л. 49].

В письмах почти отсутствует критика армии и военного руководства России. Несмотря на тяготы войны, солдаты хотели воевать против японцев [30, л. 15]. Даже в тяжелые для России дни весны 1905 г. люди верили, что победа (по молитвам о. Иоанна) будет за Россией [30, л. 39]. Согласно воспоминанию участника Русско-японской войны П. И. Изместьева, одним из главных мотивов участия в этой войне была «ненависть к врагу» и «чувство любви к отечеству» [17, с. 59]. Авторов писем к о. Иоанну нельзя заподозрить в сервилизме, в маскировании собственных чувств. Такое обычно наблюдалось, когда люди обращались к высокопоставленным чиновникам и, чтобы получить искомое, драпировали свои прошения словами «обожаемый монарх», «верный слуга» и т. д. Однако письма к Иоанну Кронштадтскому – это частная корреспонденция, в которой духовных запросов больше, чем материальных. Люди, писавшие о. Иоанну, были вполне искренни.

Мир с Японией, судя по письму Петра Рогозинского из Тюмени, воспринимался как милость Господня. Речь шла, конечно, не о содержании статей Портсмутского договора, а о том, что тяжелая война закончилась: «Мир благостей Господних дарован нашему изстрадавшемуся отечеству к великой радости нашего возлюбленного Государя и всех истинно русских людей» [28, л. 22]. С. Добронравов послал Иоанну Кронштадтскому флаг, сшитый из русского и китайского. Это знамя, по мнению Добронравова, символизирует не только дружбу двух стран, но и мир и любовь между народами. По всей видимости, этот военный не был сторонником продолжения войны с Японией, так как в своем письме много говорит о мире, а войну оценивает критически [30, л. 79–81]. Согласно исследованию Громыко и Буганова, военные перенесли известие об окончании войны с терпением, стыдились возвращаться побежденными [3, с. 526].

Рассмотренные документы позволяют проследить представления авторов писем к Иоанну Кронштадтскому о Русско-японской войне. В отличие от газетного материала, в котором главное внимание уделялось пропагандистской кампании против «желтых», в письмах к о. Иоанну центральное внимание уделено религиозным вопросам. В рассмотренных документах прослеживаются распространенные представления о Японии как «языческой», неизвестной вражеской стране, однако акцент смещен в иную сторону: авторы писем больше думают о

[2] При подсчете не учитывалось слово «императрица», так как оно употреблялось в письмах, посылаемых секретарями вдовствующей императрицы Александры Федоровны и императрицы Александры Федоровны. В них не было ассоциации со страной (л. 20, 25).

своих близких и родственниках, оказавшихся на Дальнем Востоке, чем о роли России в «просвещении» азиатов.

В письмах к Иоанну Кронштадтскому мало фактов и описаний боевых действий, отсутствуют характеристики участников боевых действий. В рассмотренных документах за редким исключением имеются аналитические рассуждения об основных событиях войны, ее причинах или поражениях. С другой стороны, они отражают умонастроения людей. Война воспринимается как неизбежная, как воля Божия о России.

Приведенные документы показывают, что люди, писавшие о. Иоанну, связывали Русско-японскую войну с начавшейся революцией. Стоит учитывать, что авторы писем, как правило, не были представителями левых и либералов, поэтому у них нет пораженческих и революционных настроений. Если и присутствует критика, то она касается скорее технических моментов. Захарий Наговский, негодуя по поводу поражений русской армии, рассуждает о том, как лучше поступать командованию, а не о том, какие просчеты были сделаны военным и политическим руководством страны.

Список литературы

1. *Большаков Н. И.* Источник живой воды. Жизнеописание святого праведного отца Иоанна Кронштадтского. СПб. : Царское дело, 1995. 855 с.

2. *Воробьева Э. А.* «Прекрасная страна Япония, прекрасная страна Россия»: формирование и восприятие образа врага // Идеи и идеалы. 2018. № 1, т. 1. С. 164–182.

3. *Громыко М. М., Буганов А. В.* О воззрениях русского народа. М. : Паломник, 2000. 541 с.

4. *Жукова Л. В.* Восприятие Японии в России накануне Русско-японской войны // Россия и мир глазами друг друга: из истории взаимовосприятия : сб. ст. М. : РОССПЭН, 2002. Вып. 2. С. 341–356.

5. *Ильяшенко Ф. А.* Отец Иоанн Кронштадтский в восприятии современников : дис. … канд. ист. наук. М., 2004. 225 с.

6. Иоанн Кронштадтский. Путь к Богу // Иоанн Кронштадтский : сб. / сост.: В. А. Десятников. М., 1992. С. 129–176.

7. Иоанн Кронштадтский. Неизданный дневник. Воспоминания епископа Арсения об отце Иоанне Кронштадтском. М. : Благотворительное братство во имя Всемилостивого Спаса, 1992. 59 с.

8. *Киценко Н. Б.* Святой нашего времени: отец Иоанн Кронштадтский и русский народ. М. : Новое литературное обозрение, 2006. 390 с.

9. *Коновалова Н. А.* Образ самодержавия в представлениях русского крестьянства по фольклорным материалам // Вестник Омского университета. 2007. № 4. С. 121–126.

10. *Ларюель М.* «Желтая опасность» в работах русских националистов // Русско-японская война 1904–1905. Взгляд через столетие : междунар. ист. сб. / под ред. О. Р. Айрапетова. М. : Три квадрата, 2004. С. 579–591.

11. *Новикова С. А.* Образ войны в военных корреспонденциях и публицистике Вас. И. Немировича-Данченко в период русско-турецкой (1877–1878) и русско-японской (1904–1905) войн: сюжеты и роль общественных стереотипов в его формировании // Вестник ПСТГУ. Серия История. История Русской Православной Церкви. 2014. Вып. 1 (56). С. 84–96.

12. *Одинцов М. И.* Иоанн Кронштадтский. М. : Молодая гвардия, 2014. 349 с.

13. Пребывание иконы «Торжество Пресвятые Богородицы» в гор. Владивостоке и отправления ее в Порт-Артур // Владивостокские епархиальные ведомости. 1905. № 2. С. 31–36.

14. РГИА (Российский государственный исторический архив). Ф. 796. Оп. 442. Д. 2290.

15. РГИА. Ф. 1622. Оп. 1. Д. 470.

16. Святой праведный Иоанн Кронштадтский : дневник. Т. 26. М. : Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2020. 343 с.

17. *Сенявская Е. С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М. : РОССПЭН, 1999. 382 с.

18. *Сенявская Е. С.* Человек на войне: опыт историко-психологической характеристики российского комбатанта // Отечественная история. 1995. № 3. С. 7–16.

19. *Сербиненко В. Г.* Война в воззрениях святого праведного Иоанна Кронштадтского // Традиции и новации в современном культурно-образовательном пространстве вектор развития : сб. материалов науч.-практ. конф., Шуя, 15 мая 2025 г. Шуя : Шуйский филиал ИвГУ, 2025. С. 52–55.

20. *Старовойтова Е. О.* Китай в российской сатирической прессе времен Русско-японской войны // Новейшая история России / Modern history of Russia. 2021. Т. 11, № 4. С. 1023–1044.

21. *Суворин А. С.* Русско-японская война и русская революция. Маленькие письма (1904–1908). М., 2005. 572 с.

22. *Сурский И. К.* Отец Иоанн Кронштадтский. М. : Отчий дом, 2008. 719 с.

23. *Хлодов В. А.* Русско-японская война 1904–1905 гг. в восприятии населения Орловской губернии (по данным орловской прессы) // Учёные записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2011. № 4. (42). С. 111–123.

24. ЦГИА СПб (Центральный государственный архив Санкт-Петербурга). Ф. 2219. Оп. 1. Д. 1.
25. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 14 б.
26. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 14 в.
27. ЦГИА. СПб. Ф. 2219. Д. 30.
28. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 34.
29. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 48.
30. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 50.
31. ЦГИА СПб. Ф. 2219. Оп. 1. Д. 59.

"It Is Grievous, Sad, and Bitter in the Heart of a Patriot": The Russo-Japanese War in Letters to Saint John of Kronstadt

Orlov Maksim Aleksandrovich
PhD in History, Petersburg Lyceum. Russia, Kirov. ORCID: 0000-0003-4663-9443.
E-mail: orlov.m.a.87@yandex.ru

Abstract. The Russo-Japanese War of 1904–1905 became a multidimensional conflict in which military events and the internal political development of the Russian Empire were closely intertwined. The article for the first time introduces into scholarly circulation letters to John of Kronstadt written to him in connection with the events of the Russo-Japanese War. In the historiography, John of Kronstadt's correspondence relating to the events of this war has not yet been studied. The large number of letters sent to John of Kronstadt during the war with Japan was due to the considerable authority this priest acquired at the turn of the 19th and 20th centuries. In his sermons and written epistles, John of Kronstadt regularly addressed the events in the Far East and shaped in people his own vision of the confrontation between Russia and Japan. For this reason, the authors of the letters frequently display similar views of the war. An analysis of the documents has made it possible to identify the images of the war: of Russia, of Japan, of the emperor, and of John of Kronstadt himself. The perception of the military conflict is a kind of mirror reflecting the letter-writers' conceptions of authority and of the clergy (on the example of John of Kronstadt). It is shown that at the beginning of the 20th century most people had a vague notion of Japan. The Russo-Japanese War was closely connected with the revolutionary events of 1905, and therefore John of Kronstadt's correspondents compared the Russo-Japanese War with the First Russian Revolution. A distinctive feature of the letters is that they contain almost no criticism of the authorities for the failures in the war with the Japanese. Defeats are regarded as God's punishment for the sins of the people. Such a view of the war was characteristic of John of Kronstadt himself.

Keywords: the Russo-Japanese War, John of Kronstadt, Port Arthur, military psychology, the image of war.

References

1. *Bol'shakov N. I. Istochnik zhivoj vody. Zhizneopisanie svyatogo pravednogo otca Ioanna Kronshtadtskogo* [The Source of Living Water. A Life of the Holy Righteous Father John of Kronstadt]. SPb., Carskoe delo, 1995. 855 p.
2. *Vorob'eva E. A. "Prekrasnaya strana Yaponiya, prekrasnaya strana Rossiya": formirovanie i vospriyatie obraza vraga* ["Beautiful Japan, Beautiful Russia": The Formation and Perception of the Image of the Enemy] // *Idei i idealy* – Ideas and Ideals. 2018. No. 1, Vol. 1. Pp. 164–182.
3. *Gromyko M. M., Buganov A. V. O vozzreniyah russkogo naroda* [On the Views of the Russian People]. M., Palomnik, 2000. 541 p.
4. *Zhukova L. V. Vospriyatie Yaponii v Rossii nakanune Russko-yaponskoj vojny* [The Perception of Japan in Russia on the Eve of the Russo-Japanese War] // *Rossiya i mir glazami drug druga: iz istorii vzaimovospriyatiya : sb. st.* [Russia and the World Through Each Other's Eyes: From the History of Mutual Perception : A Collection of Articles]. M., ROSSPEN, 2002. Is. 2. Pp. 341–356.
5. *Il'yashenko F. A. Otec Ioann Kronshtadtskij v vospriyatii sovremennikov : dis. ... kand. ist. nauk* [Father John of Kronstadt in the Perception of His Contemporaries : dis. ... PhD in History]. M., 2004. 225 p.
6. *Ioann Kronshtadtskij. Put' k Bogu* [John of Kronstadt. The Path to God] // *Ioann Kronshtadtskij : sb.* [John of Kronstadt : A Collection] / comp. by V. A. Desyatnikov. M., 1992. Pp. 129–176.
7. *Ioann Kronshtadtskij. Neizdannyj dnevnik. Vospominaniya episkopa Arseniya ob otce Ioanne Kronshtadtskom* [John of Kronstadt. An Unpublished Diary. Bishop Arseny's Reminiscences of Father John of Kronstadt]. M., Blagotvoritel'noe bratstvo vo imya Vsemilostivogo Spasa, 1992. 59 p.
8. *Kicenko N. B. Svyatoj nashego vremeni: otec Ioann Kronshtadtskij i russkij narod* [A Saint of Our Time: Father John of Kronstadt and the Russian People]. M., Novoe literaturnoe obozrenie, 2006. 390 p.
9. *Konovalova N. A. Obraz samoderzhaviya v predstavleniyah russkogo krest'yanstva po fol'klornym materialam* [The Image of Autocracy in the Conceptions of the Russian Peasantry According to Folklore Materials] // *Vestnik Omskogo universiteta* – Herald of Omsk University. 2007. No. 4. Pp. 121–126.

10. *Laryuel' M. "Zheltaya opasnost'" v rabotah russkih nacionalistov* [Laruelle M. The "Yellow Peril" in the Works of Russian Nationalists] // *Russko-yaponskaya vojna 1904–1905. Vzglyad cherez stoletie : mezhdunar. ist. sb.* [The Russo-Japanese War of 1904–1905. A View Across a Century : An International Historical Collection] / ed. by O. R. Ajrapetov. M., Tri kvadrata, 2004. Pp. 579–591.

11. *Novikova S. A. Obraz vojny v voennyh korrespondenciyah i publicistike Vas. I. Nemirovicha-Danchenko v period russko-tureckoj (1877–1878) i russko-yaponskoj (1904–1905) vojn: syuzhety i rol' obshchestvennyh stereotipov v ego formirovanii* [The Image of War in the War Correspondence and Journalism of Vas. I. Nemirovich-Danchenko During the Russo-Turkish (1877–1878) and Russo-Japanese (1904–1905) Wars: Plots and the Role of Social Stereotypes in Its Formation] // *Vestnik PSTGU. Seriya Istoriya. Istoriya Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi* – St. Tikhon's University Review. Series: History. History of the Russian Orthodox Church. 2014. Is. 1 (56). Pp. 84–96.

12. *Odincov M. I. Ioann Kronshtadtskij* [John of Kronstadt]. M., Molodaya gvardiya (The Young Guard), 2014. 349 p.

13. *Prebyvanie ikony "Torzhestvo Presvyatye Bogorodicy" v gor. Vladivostoke i otpravleniya ee v Port-Artur* [The Stay of the Icon "The Triumph of the Most Holy Mother of God" in the City of Vladivostok and Its Dispatch to Port Arthur] // *Vladivostokskie eparhial'nye vedomosti* – Vladivostok Diocesan Gazette. 1905. No. 2. Pp. 31–36.

14. RSHA (Russian State Historical Archive). F. 796. Op. 442. D. 2290.

15. RSHA. F. 1622. Op. 1. D. 470.

16. *Svyatoj pravednyj Ioann Kronshtadtskij : dnevnik. T. 26* [Saint John of Kronstadt the Righteous : A Diary. Vol. 26]. M., Svyato-Troickaya Sergieva Lavra, 2020. 343 p.

17. *Senyavskaya E. S. Psihologiya vojny v XX veke: istoricheskij opyt Rossii* [The Psychology of War in the 20th Century: The Historical Experience of Russia]. M., ROSSPEN, 1999. 382 p.

18. *Senyavskaya E. S. Chelovek na vojne: opyt istoriko-psihologicheskoj harakteristiki rossijskogo kombatanta* [Man at War: An Attempt at a Historical-Psychological Characterization of the Russian Combatant] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian History. 1995. No. 3. Pp. 7–16.

19. *Serbinenko V. G. Vojna v vozzreniyah svyatogo pravednogo Ioanna Kronshtadtskogo* [War in the Views of Saint John of Kronstadt the Righteous] // *Tradicii i novacii v sovremennom kul'turno-obrazovatel'nom prostranstve vektor razvitiya : sb. materialov nauch.-prakt. konf., Shuya, 15 maya 2025 g.* [Traditions and Innovations in the Contemporary Cultural and Educational Space: A Vector of Development : Proceedings of a Scientific-Practical Conference, Shuya, May 15, 2025]. Shuya, Shujskij filial IvGU, 2025. Pp. 52–55.

20. *Starovojtova E. O. Kitaj v rossijskoj satiricheskoj presse vremen Russko-yaponskoj vojny* [China in the Russian Satirical Press of the Russo-Japanese War Period] // *Novejshaya istoriya Rossii* – Modern History of Russia. 2021. Vol. 11, No. 4. Pp. 1023–1044.

21. *Suvorin A. S. Russko-yaponskaya vojna i russkaya revolyuciya. Malen'kie pis'ma (1904–1908)* [The Russo-Japanese War and the Russian Revolution. Little Letters (1904–1908)]. M., 2005. 572 p.

22. *Surskij I. K. Otec Ioann Kronshtadtskij* [Father John of Kronstadt]. M., Otchij dom, 2008. 719 p.

23. *Hlodov V. A. Russko-yaponskaya vojna 1904–1905 gg. v vospriyatii naseleniya Orlovskoj gubernii (po dannym orlovskoj pressy)* [The Russo-Japanese War of 1904–1905 in the Perception of the Population of Oryol Province (According to the Oryol Press)] // *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki* – Scientific Notes of Oryol State University. Series: Humanities and Social Sciences. 2011. No. 4 (42). Pp. 111–123.

24. CSHA SPb (Central State Historical Archive of St. Petersburg). F. 2219. Op. 1. D. 1.

25. CSHA SPb. F. 2219. D. 14 b.

26. CSHA SPb. F. 2219. D. 14 v.

27. CSHA SPb. F. 2219. D. 30.

28. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 34.

29. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 48.

30. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 50.

31. CSHA SPb. F. 2219. Op. 1. D. 59.

Поступила в редакцию: 26.02.2026
Принята к публикации: 09.09.2026

ВСЕОБЩАЯ ИСТОРИЯ

EDN: GWUQFM УДК 94(470)

Заключение советско-китайского договора о ненападении 1937 г.

Новиков Михаил Васильевич
доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, заведующий кафедрой теории и методики профессионального образования, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. E-mail: m.novikov@yspu.org

Аннотация. Рассматривается история (1932–1937 гг.) советско-китайского переговорного процесса о заключении пакта о ненападении 1937 г. на основе документов Политбюро ЦК ВКП(б) и Народного комиссариата иностранных дел СССР. Целью исследования является детальный анализ документальных материалов и реконструкция на их основе хода переговорного процесса. Отмечается одномоментность советско-китайских переговоров о восстановлении дипломатических отношений, разорванных Китаем в 1929 г., и переговоров о заключении договора о ненападении, инициированных китайской стороной. Подчеркивается, что после захвата Японией Северо-Восточных провинций Китая и образования там в марте 1932 г. марионеточного государства Маньчжоу-го Китайская Республика была крайне заинтересована в переговорах о пакте, чтобы тем самым оказывать давление на японскую сторону на японо-китайских переговорах о достижении взаимоприемлемого компромисса. Подчеркивается, что в дальнейшем китайская сторона отказалась от идеи пакта о ненападении и стала настаивать на заключении пакта о взаимной помощи, что сначала было поддержано советской стороной, позднее от этого отказавшейся. По инициативе советской стороны на переговорах вновь стал обсуждаться вариант заключения пакта о ненападении, который после провала японо-китайских переговоров о достижении взаимоприемлемого компромисса был подписан 21 августа 1937 г. в условиях начавшейся полномасштабной войны Японии против Китая. Отмечается, что гораздо большее значение в той ситуации для Китая имело заключенное в сентябре 1937 г. советско-китайское соглашение о взаимодействии в военной сфере, о поставках оружия и командировании в Китай советских военных специалистов, что сыграло важную роль в сопротивлении японской агрессии в 1937–1941 гг.

Ключевые слова: СССР, Китайская Республика, пакт о ненападении, переговоры, военное соглашение, поставки оружия, советские военные специалисты.

В 2027 г. исполняется 90 лет советско-китайскому договору о ненападении, сыгравшему важную роль в развитии взаимодействия СССР и Китайской Республики в отражении японской агрессии в 1930-е гг., направленной против Китая, а также против Монгольской Народной Республики и Советского Союза. Это историческое событие отражено во многих общих работах по истории Китая и советско-китайских отношений [2; 6–8; 11–13; 18; 20]. Из специальных научных исследований [10] выделяется статья А. Ю. Сидорова «Проблемы заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.)» [16], подготовленная с привлечением как опубликованных документов, так и архивных материалов; переговорный процесс рассматривается в широком контексте политического взаимодействия двух стран. Целью нашего исследования является представление переговорного процесса строго в соответствии с имеющимися документами Политбюро ЦК ВКП(б) и Народного комиссариата иностранных дел СССР по данной проблеме. Разделяя некоторые оценочные суждения Сидорова, наша статья, тем не менее, носит самостоятельный характер и является существенным дополнением к данному исследованию.

Первые предложения китайской стороны о заключении договора о ненападении между Советским Союзом и Китайской Республикой (далее – КР) практически совпадают по времени с началом контактов о восстановлении дипломатических отношений, разорванных Китаем в 1929 г. 26 сентября 1931 г. глава делегации КР на советско-китайских переговорах в Москве, именуемых в дипломатических документах конференцией, в беседе с заместителем наркома иностранных дел СССР Л. М. Караханом предложил восстановить дипломатические отноше-

© Новиков Михаил Васильевич, 2026

ния по упрощенной процедуре [15, с. 37]. 21 июня 1932 г. Карахан был проинформирован китайской стороной о том, что для ведения переговоров о быстром возобновлении дипломатических отношений в Москву направляется Гарри Хусейн [15, с. 95], а 29 июня нарком иностранных дел СССР М. М. Литвинов получил письмо от китайской стороны с предложением начать переговоры «по вопросу о заключении договора о ненападении между Китайской Республикой и Союзом Советских Социалистических Республик» [15, с. 96].

В тот же день, 29 июня 1932 г., состоялась беседа зав. 2-м Восточным отделом НКИД Б. И. Козловского с членом китайской делегации Ван Цзэнси, в ходе которой китайский дипломат представил предложение своего правительства немедленно заключить пакт о ненападении, «что должно будет означать одновременное восстановление нормальных дипломатических отношений между СССР и Китаем». Козловский в ответ озвучил советскую позицию по этому вопросу: сначала восстановление дипломатических отношений без всяких условий, «после чего пакт о ненападении придет, как естественный результат восстановления нормальных дипломатических отношений между СССР и Китаем» [15, с. 97]. Аналогичный ответ китайской стороне дал в официальном письме и Литвинов: «…мое правительство готово будет приступить к обсуждению вопроса о заключении пакта о ненападении с Китайской Республикой, как только Советским Союзом будут восстановлены с нею нормальные дипломатические отношения» [15, с. 99].

Сидоров достаточно полно раскрывает причины, почему китайское правительство считало приоритетом подписание договора о ненападении [16, с. 123]. Об одной из них В. М. Молотов и Л. М. Каганович письмом известили И. В. Сталина, находившегося на отдыхе в Сочи: «Восстановление отношений, да еще путем подписания пакта о ненападении, будет ставить своей целью затруднить нам восстановление нужных нам отношений с Маньчжоу-го. Можно быть уверенным, что китайцы прямо включат в пакт о ненападении какие-либо пункты, прямо связывающие нас в нашей маньчжурской политике» [1, с. 165, 166; 19, с. 215].

Поскольку в НКИД возникла дискуссия относительно приоритетности [см.: 16, с. 124], вопрос был вынесен на политбюро ЦК ВКП(б), которое приняло следующее Постановление: «Совпра не будет возражать против немедленного восстановления отношений без всяких условий, после чего пакт о ненападении придет как естественный результат восстановления отношений» [1, с. 171].

Дискуссия советских и китайских представителей по этому вопросу еще продолжалась какое-то время, но в итоге правительство КР приняло советское предложение о приоритетности восстановления дипломатических отношений перед заключением пакта о ненападении; во всяком случае, в китайском проекте ноты от 28 сентября 1932 г. речь шла только о восстановлении дипломатических отношений [15, с. 113, 114]. Восстановление отношений между СССР и КР должно было произойти в ходе обмена соответствующими нотами во время встречи в Женеве Литвинова и представителя КР в Лиге наций Янь Хойцина [15, с. 120].

7 декабря 1932 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло следующее постановление: «В случае возобновления со стороны Китая предложения о заключении пакта о ненападении ответить, что этот вопрос может быть разрешен после фактического восстановления отношений в дипломатическом порядке» [15, с. 126]. 12 декабря 1932 г. состоялся обмен нотами между Литвиновым и Янь Хойцином, что означало немедленное восстановление дипломатических отношений между СССР и КР [15, с. 129, 130]. На следующий день НКИД представил в Совет народных комиссаров записку об отмене Постановления ЦИК Союза ССР и СНК от 16 августа 1929 г. «О прекращении сношений Союза ССР с Китаем» [15, с. 131, 132].

В начале 1933 г. китайская сторона, которая вела параллельные переговоры с Японией в надежде разрешить конфликтную ситуацию дипломатическим путем, в целях шантажа японской стороны организовала утечку информации о советско-китайских переговорах, касающихся договора о ненападении. Информационный шум в японских газетах по этому поводу вынудил советское руководство, для которого гораздо важнее представлялось заключение такого договора с Японией, подготовить официальное опровержение ТАСС: «…ТАСС уполномочен опровергнуть, как лишенное всякого основания, распространяемые японским агентством “Демпо цусин” и газетой “Осака Майници” сведений о том, что в Москве происходят переговоры о заключении пакта о ненападении между СССР и Китаем» [15, с. 158].

В условиях продолжения японской агрессии против Китая и выхода Японии из Лиги Наций китайская сторона весной 1933 г. стремилась форсировать подписание пакта о ненападении с СССР. 11 мая 1933 г. китайский МИД вручил послу СССР в КР Д. В. Богомолову про-

ект пакта о ненападении, состоявший из введения и 11 статей [15, с. 169, 170]. В проведенной советским посольством в Китае экспертизе документа говорилось, что «он содержит обычные для пактов о ненападении обязательства об отказе от войны, отказе от участия во враждебных актах, отказ от помощи третьей державе, являющейся агрессором, и о взаимном отказе от вмешательства во внутренние дела. Но, кроме статей, обычно содержащихся в пактах о ненападении, Нанкинским правительством включена в проект пакта статья, придающая пакту особый характер, связанный с нынешними событиями на Дальнем Востоке, а именно – отказ от всякого признания де-юре и де-факто положений, созданных агрессией третьей державы. Эта статья, очевидно, имеет в виду воспрепятствовать продаже КВЖД, а также поддержанию официальных отношений с Маньчжоу-го» [15, с. 170].

Для советского руководства в тот момент гораздо важнее было избежать открытого конфликта с Японией, поэтому, как подчеркивает Сидоров, «советская сторона решила затянуть изучение китайского проекта и тем временем прояснить намерения Токио относительно судьбы КВЖД (а возможно, и заключить соглашение о ее продаже), после чего вновь вернуться к вопросу о договоре» [16, с. 125]. Коллегия НКИД приняла решение не форсировать переговоры [15, с. 179], а сменивший Карахана на восточном направлении зам. наркома иностранных дел Г. Я. Сокольников в письме просил Богомолова убедить китайскую сторону, что СССР не против заключения пакта о ненападении [15, с. 179, 180].

Китайский МИД был очень озабочен судьбой своего проекта пакта о ненападении. 11 июля 1933 г. поверенный в делах КР У Наньжу начал беседу с Сокольниковым с прояснения ситуации с китайским проектом пакта о ненападении, который был вручен Богомолову два месяца тому назад. Сокольников предсказуемо ответил, что он получил текст китайского проекта «лишь недавно и в настоящее время занят его изучением» [15, с. 192]. Информируя Богомолова об этой беседе, Сокольников сообщил, что, поскольку новых решений по этому вопросу нет, сообщить китайской стороне, «что предложенный китайским мининделом проект мы не считаем приемлемым в качестве основы переговоров и готовы его рассматривать лишь как предварительный материал. Мы готовы представить на рассмотрение китайского мининдел свой проект пакта» [15, с. 193].

16 августа 1933 г. Сокольников проинформировал Богомолова о беседе с послом КР, в ходе которой, «естественно, всплыл вопрос о нашем ответе на предложения по заключению пакта о ненападении, сделанного нам китпра. Однако я вполне категорически подчеркнул, что переговоры по этому вопросу поручено вести Вам в Нанкине и что мои сообщения ему здесь имеют только информационный характер» [15, с. 199].

Как видно из письма Богомолова Сокольникову от 29 августа 1933 г., советский полпред, будучи по делам дипломатического корпуса в Пекине, «не торопился в Нанкин и Шанхай для того, чтобы избежать постановки вопросов со стороны нанкинского правительства о пакте» [15, с. 202]. В следующем письме Сокольникову, датированном тоже 29 августа 1933 г., Богомолов подчеркивал, что политика Нанкина в ближайшее время будет направлена на дальнейшие уступки Японии, на поддержание хороших отношений с США, Лигой Наций и СССР в надежде, что это поможет уменьшить японские притязания, но основа китайской политики в том, «чтобы найти пути к прочному соглашению с Японией» [15, с. 205].

31 августа 1933 г. врио зав. 2-м Восточным отделом НКИД М. В. Юшкевич и зав. правовым отделом НКИД А. В. Саванин направили на Коллегию НКИД советский проект «Договора о ненападении между СССР и Китайской Республикой», состоявший из короткого введения и семи статей, с приложением китайского проекта [15, с. 206–211]. 10 сентября Коллегия НКИД рассмотрела оба проекта и постановила поручить правовому отделу переработать представленный вариант советского проекта на базе пакта с Турцией 1925 г. с дополнением некоторых статей китайского проекта и передать новый вариант на утверждение Сокольникову [15, с. 211]. 27 сентября Сокольников известил Богомолова о том, что новый вариант проекта пакта о ненападении направлен на утверждение в «инстанцию» (Политбюро ЦК ВКП(б). – *М. Н.*). После утверждения проект разрешалось переслать Богомолову по телеграфу, что исключало всякую секретность. Сокольников просил не затягивать вручение китайцам советского проекта, но в то же время не подчеркивать то тактическое значение, «которое переговоры о пакте с Китаем имеют для нас в момент обострения переговоров по КВЖД» [15, с. 211, 212].

13 октября 1933 г. Богомолов вручил китайскому МИДу советский проект пакта о ненападении [3, с. 570]. В письме Сокольникову он поделился своими впечатлениями, которые сводились к тому, что в данный момент китайская сторона «не весьма увлечена идеей пакта…

или все, или ничего, или тесное сближение с СССР на предмет общей защиты от японской агрессии, или нет особого смысла для Китая заключать какой-либо пакт» [15, с. 219]. 13 ноября 1933 г. Богомолов направил Сокольникову еще одно письмо, в котором он отметил, что прошел месяц со времени вручения китайской стороне советского проекта и нет никакой реакции. По его предположению проект не устроил китайскую сторону, но самое главное в том, что Нанкинское правительство ведет серьезные переговоры с Японией и постарается использовать переговоры о пакте с СССР как инструмент давления на Японию [15, с. 227]. К аналогичным выводам пришел и Сокольников 26 декабря 1933 г. после бесед с послом КР Янь Хойцином: «Нанкин решил основательно замариновать вопрос о подписании пакта… Чан Кайши не хочет подписанием пакта с нами портить свои отношения с Японией и, пожалуй, даже имеет на этот счет прямые “советы” от японцев» [15, с. 242].

Как справедливо отмечает Сидоров, в тот момент казалось, что тема заключения пакта о ненападении никому не нужна, «обе державы не собирались воевать друг с другом, прекрасно об этом знали и не нуждались в правовых гарантиях ненападения. В формате пакта каждая из них пыталась разрешить те или иные интересовавшие ее конкретные внешнеполитические вопросы» [16, с. 126].

В течение 1934 г. Богомолов информировал НКИД об отношении китайской стороны к идее пакта о ненападении. 27 февраля он сообщил, что китайский МИД не предпринимает в этом направлении никаких шагов [15, с. 273]. 13 ноября на Коллегии НКИД обсуждался вопрос развития советско-китайских отношений, и в первом пункте решения было записано, что «ввиду позиции Китая считать вопрос неактуальным» [15, с. 357].

23 марта 1935 г. завершился советско-японский переговорный марафон о продаже КВЖД Маньчжоу-го [9]. В тот же день Литвинов направил Сталину новый проект пакта о ненападении, подготовленный в соответствии с Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) [15, с. 410]. В сопроводительном письме Литвинов отмечал нежелание китайской стороны заключить пакт в данный момент и подчеркивал, «что при таких обстоятельствах нам вряд ли стоило напрашиваться с пактом… вместо этого поручить т. Богомолову заявить Чан Кайши, что мы готовы продолжить переговоры о пакте о ненападении и внести даже некоторые изменения в первоначальный проект с учетом китайских пожеланий» [15, с. 409]. В итоге Политбюро ЦК ВКП(б) поддержало точку зрения Литвинова, хотя принятое им Постановление об активизации советско-китайских отношений придало стимул для их развития по другим направлениям.

В ходе беседы Богомолова с Чан Кайши 19 октября 1935 г. еще раз подтвердилось весьма прохладное отношение китайского руководства к идее заключения пакта о ненападении. Чан Кайши заявил, что он, безусловно, за подписание с СССР и пакта о ненападении и торгового договора, но он считает, что они являются только формальными актами. «Он хотел бы иметь такое существенное соглашение, которое действительно способствовало бы сердечным отношениям между Китаем и СССР и могло бы гарантировать мир на Дальнем Востоке», подчеркнув, что он имеет в виду военное соглашение, соглашение о взаимной помощи [3, с. 537].

14 декабря 1935 г. зам. наркома иностранных дел СССР Б. С. Стомоняков, сменивший Сокольникова на восточном направлении, телеграммой проинформировал Богомолова, что советское правительство не возражает против предложения Чан Кайши заключить соглашение о взаимной помощи и готово подробно обсудить этот вопрос с китайской стороной [3, с. 590]. В последовавшем вскоре письме Богомолову Стомоняков поделился сомнениями в надежности Чан Кайши как партнера по пакту о взаимной помощи. Он предложил Богомолову организовать встречу с Чан Кайши с целью выяснения его истинных намерений в отношении Японии и СССР. Богомолову предлагалось подтвердить готовность правительства СССР пойти на заключение пакта о взаимной помощи и поставить Чан Кайши ряд вопросов: каковы должны быть обязательства сторон, с какого момента они вступают в силу, какими военными силами Китай располагает, каков план защиты Китая от японской агрессии, планирует ли Чан Кайши договориться с КПК о создании единого фронта для борьбы с Японией? Учитывая особую секретность темы беседы, ответ Чан Кайши предлагалось доставить в Москву дипкурьером [3, с. 601, 602].

Выполняя поручение НКИД, Богомолов встретился с Чан Кайши и познакомил его с содержанием письма Стомонякова «по пунктам». Выслушав Богомолова, Чан Кайши никак не отреагировал на советское предложение о заключении пакта о взаимной помощи, в то же время он заявил, что самым важным из заданных ему он считает вопрос о китайской Красной армии. «Если нам удастся договориться по этому вопросу, остальные решатся сами собой».

Далее он отметил, что вполне понимает, что может существовать легально компартия, но ни в одном государстве недопустимо, чтобы политическая партия имела свою армию. Необходимо, чтобы СССР использовал свой авторитет, чтобы убедить Красную армию признать фактическое правительство, и тогда китайское правительство сможет оказать сопротивление Японии [4, с. 35, 36]. В течение 2-часового разговора Чан Кайши неоднократно возвращался к этой мысли, получая предсказуемые ответы Богомолова об отсутствии у правительства СССР влияния на китайскую Красную армию и о том, что проблема отношений правительства КР и КПК является внутренним делом Китая. Чан Кайши просил передать правительству СССР его заявление: Красная армия должна признать авторитет центрального правительства и командования и, сохраняя свой теперешний состав, принять участие в войне против Японии [4, с. 36]. В ответной телеграмме Стомонякова Богомолову констатировалась неопределенность позиции Чан Кайши, отсутствие прогресса в переговорах о заключении пакта о взаимной помощи [4, с. 723].

В дальнейшем, как пишет А. Сидоров, Москва «под разными предлогами тянула время, чтобы “прояснить намерения” Чан Кайши и дождаться от него новых уступок, в первую очередь по вопросу примирения с коммунистами» [16, с. 129].

В ходе беседы Богомолова с Чан Кайши и Кун Сянси 21 марта 1936 г. китайская сторона озвучила свое видение советско-китайского договора о взаимной помощи: «…китайское правительство мыслит себе соглашение как широкий пакт. Китайское правительство готово взять на себя обязательство выступить на стороне СССР, если Япония выступит на любой границе СССР, то же самое должен сделать и СССР» [4, с. 724]. Кроме того, в конце беседы Кун Сянси по секрету сообщил, что Чан Кайши уже ведет переговоры с компартией о едином фронте и он надеется на успех [4, с. 724].

Летом 1936 г. китайская сторона через видного деятеля Гоминьдана Чэнь Лифу представила согласованное с Чан Кайши предложение по содержанию договора о взаимной помощи: пакт должен быть составлен по образцу советско-французского договора от 2 мая 1935 г., но без упоминания Лиги Наций; пакт должен устанавливать, что СССР обязан оказать помощь Китаю после истечения определенного срока после официального начала военных действий между Китаем и Японией [15, с. 579].

Эти предложения китайской стороны стали предметом серьезного анализа в НКИД, результаты которого были представлены в проекте директивы Центра к переговорам по вопросу пакта о взаимной помощи. В проекте подчеркивалось, что основная трудность переговоров заключается «в специфическом положении Китая как партнера для подобных переговоров. То обстоятельство, что Китай в течение нескольких лет допускает постепенное вторжение японских войск и постепенное отторжение ими ряда китайских территорий, создает основную трудность в этом деле. Фактически Япония уже в течение свыше пяти лет ведет малую войну против Китая, и никто в мире не знает, до каких пределов китайское правительство позволит Японии захватывать китайские территории без оказания сопротивления этим захватам» [15, с. 579]. Далее в проекте отмечалась неопределенность политики и намерений правительства КР, которое вело параллельные переговоры с СССР о заключении пакта о взаимной помощи и с Японией, центральным пунктом соглашения с которой являлась борьба с так называемой красной опасностью, т. е. фактически с СССР [15, с. 580]. Исходя из этой аргументации, в проекте подчеркивалось, что советско-китайские переговоры «затянуты не по нашей вине, а исключительно вследствие неясности положения Китая, его политики и намерений» [15, с. 580].

Основные положения директивы с подробными комментариями были изложены в письме Стомонякова Богомолову 23 октября 1936 г. Подчеркивая, что при политической ситуации в Китае, отмеченной в директиве, заключение пакта о взаимной помощи с этой страной по-прежнему является делом преждевременным, Стомоняков предлагал затянуть переговоры на новый срок под предлогом выезда Богомолова в СССР для доклада и отпуска. В то же время, понимая, что соглашение о продаже Китаю советских военных самолетов могло бы стать какой-то заменой пакта о взаимной помощи, Стомоняков поручил заявить Чан Кайши и Чэнь Лифу о готовности СССР начать поставки самолетов через Синьцзян [15, с. 581–583]. В тот же день Стомоняков направил Богомолову еще одно письмо, в котором поделился сомнениями относительно готовности Чан Кайши создать единый фронт с КПК для борьбы с японской агрессией. Он поддержал Богомолова в том, что Чан Кайши пойдет на союз с КПК либо за день, либо через день после начала Японией полномасштабной войны [15, с. 583, 584] (что в итоге так и оказалось).

Несомненным катализатором советско-китайского переговорного процесса стали события в г. Сиани. Чан Кайши, стоявший перед дилеммой создания единого фронта с КПК или ее уничтожения в ходе очередной военной кампании, прибыл в Сиань с большой охраной, чтобы разобраться с командующими армиями генералами Чжан Сюэляном и Ян Хучэном, начавшими создание единого фронта с КПК регионального масштаба. В ночь на 12 декабря 1936 г. Чан Кайши был арестован офицерами армии Чжан Сюэляна, и ему предъявили следующие требования: прекратить гражданскую войну с КПК, освободить из тюрем лидеров патриотического движения и политзаключенных, разрешить массовое патриотическое движение и др. Чан Кайши находился под арестом до 25 декабря 1936 г., КПК требовала суда над ним и казни, верные Чан Кайши войска были готовы освободить его силой, СССР и Коминтерн настаивали на его немедленном освобождении, полагая, что только Чан Кайши может возглавит единый фронт борьбы с японской агрессией, позиция КПК эволюционизировала в эту же сторону. В итоге достигнутого компромисса Чан Кайши был освобожден, дав устное секретное обещание о прекращении гражданской войны с КПК и о создании единого фронта. Сианьские события, твердая позиция СССР и Коминтерна о поддержке Чан Кайши, по мнению и Мао Цзэдуна, и Чан Кайши, создали необходимые условия для создания единого общенационального фронта борьбы с японской агрессией в Китае [см.: 14, с. 741, 742].

Вернувшийся в Москву Богомолов 11 февраля 1937 г. представил Литвинову пространную докладную записку с предложениями относительно советско-китайских переговоров о заключении пакта о взаимопомощи. Он предлагал в любом случае продолжать переговоры, обосновывая это их большим влиянием как на японофильскую, так и на антияпонскую части китайской элиты, а также на ход японо-китайских переговоров в части возможного присоединения Китая к Антикоминтерновскому пакту. Далее Богомолов высказал рискованное предположение, что советско-китайский пакт о взаимопомощи «не только не ускорит возможную японо-советскую войну, но наоборот, отдалит момент ее возникновения», подкрепив ошибочным утверждением о неготовности Японии к немедленной большой войне не только с СССР, но и с Китаем [15, с. 624] (менее чем через пять месяцев Япония начала полномасштабную войну с Китаем). Понимая неготовность КР к заключению пакта о взаимной помощи в тот момент, Богомолов предлагал заключить договор о дружбе. Кроме того, он считал необходимым «довести до благоприятного конца переговоры о нашей технической помощи Китаю», поставив самолеты, танки и направив военных инструкторов, получив взамен вольфрам, тунгстен, олово, чай, шелк и т. д. [15, с. 626].

Литвинов довел до сведения Политбюро содержание докладной записки Богомолова, акцентировав внимание на поддержке полпредом идеи заключения пакта о дружбе. Литвинов также предлагал ограничиться пактом о дружбе. Позиция Литвинова была поддержана Политбюро и стала основой директивного письма Богомолову, в котором заключение пакта о взаимной помощи было объявлено преждевременным и предлагалось подписать пакт о дружбе. Подчеркивалось, что в случае заключения Тихоокеанского пакта о взаимопомощи (США, СССР, Китай, Англия, Франция и др.) двухсторонний договор о дружбе должен был автоматически аннулироваться (это было маловероятно вследствие непопулярности у руководства США идеи Тихоокеанского пакта). Далее в письме отмечалась целесообразность заключения с правительством КР военно-технического соглашения о продаже самолетов, танков и другого военного снаряжения с выделением кредита на 50 млн долл. США и покрытием кредита поставками китайских товаров (вольфрам, тугстен, чай, шелк и др.). В письме также сообщалось о готовности СССР принять в советские военные училища китайских летчиков и танкистов, а также в порядке исключения направить в Китай советских военных инструкторов. В случае угрозы единственной линии транспортировки советской военной помощи через Синьцзян высказывалось предложение направить для охраны этой коммуникации военно-воздушные и танковые подразделения Красной армии на условиях включения их в состав армии КР [5, с. 629, 630].

В связи с непопулярностью у китайской стороны идеи заключения пакта о дружбе в начале апреля 1937 г. НКИД подготовил еще один, уже третий вариант проекта пакта о ненападении, который 7 апреля получил одобрение Политбюро ЦК ВКП(б): «Утвердить представленный в НКИД проект советско-китайского пакта о ненападении, исключив из него ст. 1-ю», которая касалась темы установления дипломатических отношений между СССР и КР 31 мая 1924 г. [15, с. 632]. Богомолов передал проект пакта китайской стороне, и 5 мая в письме Стомонякову он отмечал, что советские предложения совпали «с моментом наибольшего смягче-

ния японской политики в Китае и с моментом расцвета надежд у китайских политиков достичь наибольших уступок от Японии… Китайцы прекрасно учитывают, что японцы больше всего боятся китайско-советского соглашения и потому опасаются, что всякие переговоры с нами в настоящий момент затруднят для них соглашение с Японией… Когда дело доходит до принятия решения, они по-прежнему трусят и колеблются» [15, с. 643, 644].

Китайская сторона не спешила с ответом на новый советский проект пакта о ненападении. 8 июня 1937 г. Стомоняков в письме Богомолову объяснял это следующими обстоятельствами: «…именно японская тактика в отношении Китая оказывает влияние на отношение китайского правительства к переговорам с нами. Несомненно, китайское правительство хотело бы использовать момент для заключения какого-нибудь соглашения с Японией, которое дало бы ему передышку в отношении японской агрессии» [5, с. 302].

13 июля 1937 г., через шесть дней после начала Японией большой войны против Китая, председатель исполнительного юаня КР Сунь Фо в беседе с Богомоловым отметил, «что Чан Кайши преследует слишком осторожную политику в отношениях с СССР и что он сам и заместитель председателя военного совета Китая Фэн Юйсян хотели бы активизировать советско-китайское сближение» [5, с. 376]. В ходе очередной встречи 16 июля Сунь Фо изложил точку зрения китайской стороны на тот момент, которая касалась возможных договоренностей с СССР. Речь вновь шла о двухстороннем пакте о взаимной помощи, на что Сунь Фо получил отрицательный ответ Богомолова [5, с. 385].

19 июля 1937 г. Чэнь Лифу посетил Богомолова и имел с ним продолжительную беседу, в ходе которой китайский политический деятель не дал никакого ответа на советский проект пакта о ненападении и по-прежнему настаивал на заключении двухстороннего пакта о взаимной помощи. Он также передал просьбу Чан Кайши об увеличении суммы военного кредита до 150–200 млн кит. долл. и о поставках военных самолетов, танков и зенитных орудий. Комментируя просьбу руководства КР, Богомолов отметил, что «считал бы желательным настаивать на заключении пакта ненападения, мотивируя это тем, что мы должны иметь гарантию, что наше оружие не будет направлено против нас» [5, с. 394].

23 июля 1937 г. министр иностранных дел КР Ван Чжунгуй в беседе с Богомоловым вслед за Чэнь Лифу также настаивал на заключении двухстороннего пакта о взаимопомощи и выделении военного кредита [5, с. 400, 401]. 26 июля Богомолову передали просьбу Чан Кайши ускорить вопрос о военных поставках вне зависимости от всяких политических условий на чисто коммерческой основе, так как якобы подписание пакта о ненападении может занять слишком много времени, а оружие надо получить как можно быстрее [5, с. 405]. Эта просьба Чан Кайши была рассмотрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 29 июля 1937 г. В принятом Постановлении давалось согласие на увеличение суммы кредита, количества поставляемых самолетов и танков, на командирование в Китай советских военных специалистов, на обучение в СССР китайских летчиков и танкистов, но при одном условии – предварительном подписании пакта о ненападении [15, с. 658]. Литвинов телеграммой довел до Богомолова содержание принятого постановления [5, с. 430].

2 августа 1937 г. Богомолов имел беседу с Чан Кайши относительно полученной из Москвы информации. Информируя НКИД о содержании беседы, Богомолов отметил, что основная дискуссия развернулась по проблеме пакта о ненападении. Чан Кайши был против увязки военного соглашения и пакта о ненападении, «он не может согласиться на то, что такой пакт о ненападении мог быть истолкован как плата за соглашение о военной помощи» [5, с. 438]. Чан Кайши предлагал сначала подписать соглашение о военных поставках, затем заключить договор о ненападении и только после этого начать поставки оружия. Богомолов в ходе дискуссии, естественно, отстаивал советскую точку зрения о скорейшем подписании пакта о ненападении, в этом его поддержала участвовавшая в беседе жена Чан Кайши Сун Мэйлин. Резюмируя, Богомолов спросил Чан Кайши: «Могу ли информировать мое правительство, что китайское правительство согласно немедленно начать переговоры о пакте о ненападении?» Чан Кайши ответил согласием «при условии, если в пакте не будет ничего, что нарушило бы китайский суверенитет» [5, с. 439]. Завершая текст телеграммы, Богомолов просил НКИД переслать ему советский проект пакта о ненападении: «Я не знаю, в чем он состоит, но полагаю, что чем короче, тем лучше и тем скорее мы можем договориться с китайским правительством» [5, с. 440].

«В начале августа 1937 г., – подчеркивает Сидоров, – переговоры вышли на финишную прямую. Они велись в Нанкине Богомоловым под неусыпным контролем Политбюро ЦК ВКП(б).

С 5 по 13 августа 1937 г. оно приняло три постановления по этому вопросу. И в Москве, и особенно в Нанкине спешили побыстрее "оформить отношения", чтобы затем перейти к согласованию конкретных объемов военной помощи» [16, с. 133].

Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 августа содержало изменения и дополнения в ранее утвержденный советский проект пакта о ненападении [15, с. 659, 660]. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 10 августа стало следствием появления очередного китайского проекта пакта о ненападении. 8 августа Чэнь Лифу вручил этот документ Богомолову, сопроводив пожеланием китайского правительства, «чтобы обе стороны при подписании обязались словесно не подписывать пакта о неагрессии с Японией» [5, с. 746]. Политбюро ЦК ВКП(б) провело согласование текстов двух проектов, которое резюмировалось фразой «не возражать против немедленного заключения пакта» [15, с. 660–661]. Наконец 13 августа Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило директиву для Богомолова «настаивать на обязательстве китайцев не подписывать т. н. антикоммунистических договоров на весь срок договора о ненападении» [15, с. 662].

В тот же день, 13 августа 1937 г., Стомоняков предложил Богомолову настаивать на безусловном обещании Китая не присоединяться к антикоммунистическим договорам. «Если вследствие этого, – подчеркивал Стомоняков, – они потребуют от нас обязательства не заключать пакта ненападения с Японией в течение всего времени действия пакта ненападения с Китаем, отведите категорически это требование, указав на то, что антикоммунистические договоры являются открыто враждебными, т. е. агрессивными в отношении СССР, а заключение пакта о ненападении с Японией не содержало бы абсолютно ничего агрессивного и враждебного в отношении Китая. Эти взаимные обещания должны быть формально даны друг другу Вами и Ван Чунхоем при подписании пакта и составят, таким образом, устное джентльменское соглашение, дополняющее пакт» [5, с. 746, 747].

В дальнейшем китайская сторона фактически отозвала свой проект пакта о ненападении, приняв советский вариант с дополнениями и изменениями. 18 августа Богомолов встретился с Чан Кайши, который сказал, «что китайское правительство готово подписать пакт», но оно ждет разъяснений относительно необходимости его ратификации советской стороной. По получении разъяснения «оно немедленно подпишет пакт» [5, с. 463]. В ходе дальнейшего разбирательства выяснилось, что, действительно, советская сторона допустила рассогласованность в этом вопросе. Первоначально Богомолов предлагал обойтись без ратификации и ввести договор в действие немедленно, либо, если бы китайская сторона стала настаивать на ратификации, провести ее в недельный срок. Богомолову удалось убедить Ван Чжунгуя принять вариант подписания пакта без ратификации. Однако, как выяснилось, полномочия Богомолова на подписание пакта были утверждены ВЦИК СССР, и в этом случае была необходима ратификация пакта. НКИД, исправляя это недоразумение, в срочном порядке подготовил новое подтверждение полномочий Богомолова – от Совета Народных Комиссаров, в этом случае ратификация не требовалась [5, с. 745, 747].

После устранения этого последнего препятствия 21 августа 1937 г. полпред СССР в КР Д. В. Богомолов и министр иностранных дел КР Ван Чжунгуй, имевшие необходимые полномочия, подписали «Договор о ненападении между Союзом Советских Социалистических Республик и Китайской Республикой», состоявший из введения и четырех статей [5, с. 466–468]. Подписание договора сопровождалось устными секретными декларациями от имени правительств двух стран, которые озвучили Богомолов и Ван Чжунгуй: «Устная декларация строго конфиденциальна и никогда не подлежала оглашению, ни официально, ни неофициально. При подписании сегодня договора о ненападении уполномоченный Союза Советских Социалистических Республик заявляет от имени своего правительства, что Союз Советских Социалистических Республик не заключит какого-либо договора о ненападении с Японией до того времени, пока нормальные отношения Китайской республики и Японии не будут формально восстановлены. Уполномоченный Китайской республики заявляет от имени своего правительства, что Китайская республика не заключит в течение действия договора о ненападении, подписанного сегодня, какого-либо договора с третьей державой о так называемых совместных действиях против коммунизма, который практически направлен против СССР» [15, форзац].

Пятилетний переговорный процесс между СССР и КР о заключении пакта о ненападении, сопровождавшийся большими паузами и отказами от, казалось бы, достигнутых договоренностей, находился под влиянием одного существенного внешнего фактора – фашистско-милитаристской Японии с ее непомерными агрессивными амбициями. Политика совет-

ского руководства на японском направлении в тот период сводилась прежде всего к тому, чтобы не спровоцировать Японию на большую войну против СССР, в основном ради этого за бесценок была продана КВЖД в 1935 г., этим же объяснялась крайне осторожная политика на советско-китайских переговорах. Китайская сторона начиная с 1932 г. вела параллельные переговоры с Японией, чтобы добиться приемлемого компромисса, и это для нее было важнее пакта с СССР. Чан Кайши пошел на подписание пакта о ненападении с СССР лишь после того, как окончательно убедился в провале переговоров на японском направлении. Сам пакт о ненападении Чан Кайши считал формальным актом, и он согласился подписать его под давлением советской стороны ради заключения соглашения о поставках оружия и командирования в Китай советских военных специалистов. Очевидно, что руководство обеих стран гораздо большее значение придавало не стандартным статьям пакта о ненападении, а содержанию секретной устной декларации, которая обязывала СССР не подписывать аналогичного пакта с Японией, а Китай – не присоединяться к Антикоминтерновскому пакту, направленному против СССР. Этим отчасти объясняется трагическая судьба Д. В. Богомолова, которого обвинили в том, что составленный им текст устной декларации якобы был больше выгоден КР, чем СССР [см.: 16, с. 136; 17].

Надо сказать, что Китай не нарушил данного слова и не присоединился к Антикоминтерновскому пакту, чего нельзя сказать об СССР, заключившем с Японией в апреле 1941 г. пакт о нейтралитете. Самое главное историческое значение пакта о ненападении состоит в том, что он открыл возможность советско-китайского военного сотрудничества в самый тяжелый для КР период войны с Японией. По признанию многих китайских политиков, включая Чан Кайши, именно советская военная помощь сыграла решающую роль в том, что Китай не капитулировал, продолжал войну Сопротивления и внес серьезный вклад в разгром фашистско-милитаристской Японии. Историческое значение этого документа можно рассматривать и в других аспектах [см.: 16, с. 136, 137].

Список литературы

1. ВКП(б), Коминтерн и Китай. Т. IV. ВКП(б), Коминтерн и советское движение в Китае. 1931–1937 : в 2 ч. Ч. 1. М. : РОССПЭН, 2003. 856 с.

2. *Глушаков В.* История Китая в XX веке. М. : Энциклопедия-ру, 2019. 480 с.

3. Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января – 31 декабря 1935 г. М. : Политиздат, 1973. 718 с.

4. Документы внешней политики СССР. Т. XIX. 1 января – 31 декабря 1936 г. М. : Политиздат, 1974. 824 с.

5. Документы внешней политики СССР. Т. XX. Январь–декабрь 1937 г. М. : Политиздат, 1976. 820 с.

6. *Дубинский А. М.* Советско-китайские отношения в период японо-китайской войны, 1937–1945 гг. М. : Мысль, 1980. 279 с.

7. История Китая с древнейших времен до начала XXI века : в 10 т. / гл. ред. С. Л. Тихвинский. Т. VII: Китайская Республика (1912–1949) / отв. ред. Н. Л. Мамаева. М. : Наука, 2013. 863 с.

8. *Ледовский А. М.* СССР и Сталин в судьбах Китая. Документы и свидетельства участника событий: 1937–1952. М. : Памятники исторической мысли, 1999. 344 с.

9. *Лубков А. В., Новиков М. В.* Продажа Советским Союзом Китайско-Восточной железной дороги (по документам Народного комиссариата иностранных дел СССР) // Вопросы истории. 2025. № 6. С. 22–43.

10. *Мамаева Н. Л.* Советско-китайский договор о ненападении (21 августа 1937 г.) и его значение для развития советско-китайских отношений // Китай, китайская цивилизация и мир. История, современность, перспективы : тез. докл. XXIV Междунар. науч. конф. М., 2021. С. 128–130.

11. *Мировицкая Р. А.* Советский Союз в стратегии Гоминьдана (20–30-е годы). М. : Наука, 1990. 234 с.

12. *Новиков М. В.* Советская дипломатическая поддержка Китайской Республики в 1937–1939 гг. // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 1. С. 8–16.

13. *Новиков М. В.* СССР в борьбе с фашизмом: советская помощь Испанской Республике (1936–1939 гг.) и Китайской Республике (1937–1945 гг.) : монография. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2024. 339 с.

14. Политбюро ЦК РКП(б)-ВКП(б) и Коминтерн: 1919–1943 гг. : документы. М. : РОССПЭН, 2004. 960 с.

15. Русско-китайские отношения в XX веке : материалы и документы. Т. III. Советско-китайские отношения. Сентябрь 1931 г. – сентябрь 1937 г. / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М. : Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.

16. *Сидоров А. Ю.* Проблема заключения пакта о ненападении в советско-китайских отношениях (1932–1937 гг.) // Проблемы Дальнего Востока. 2009. № 1. С. 122–138.

17. *Соколов В. В.* «Забытый дипломат» Д. В. Богомолов (1890–1938) // Новая и новейшая история. 2004. № 3. С. 165–195.

18. *Сотникова И. Н.* Помощь СССР Китаю в антияпонской войне 1937–1945 гг. // Проблемы Дальнего Востока. 2011. № 3. С. 123–133.

19. Сталин и Каганович. Переписка. 1931–1936 гг. М. : РОССПЭН, 2001. 798 с.

20. *Тихвинский С. Л.* Путь Китая к объединению и независимости. 1898–1949 : по материалам биографии Чжоу Эньлая. М. : Восточная литература, 1996. 575 с.

The Conclusion of the Soviet-Chinese Non-Aggression Pact of 1937

Novikov Mikhail Vasilyevich

Doctor of History, professor, Honored Scientist of the Russian Federation, head of the Department of Theory and Methods of Professional Education, Yaroslavl State Pedagogical University n. a. K. D. Ushinsky. Russia, Yaroslavl. E-mail: m.novikov@yspu.org

Abstract. The article examines the history (1932–1937) of the Soviet-Chinese negotiation process on the conclusion of the non-aggression pact of 1937 on the basis of the documents of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR. The aim of the study is a detailed analysis of the documentary materials and a reconstruction of the course of the negotiation process on their basis. The simultaneity is noted of the Soviet-Chinese negotiations on the restoration of the diplomatic relations severed by China in 1929 and of the negotiations on the conclusion of a non-aggression pact initiated by the Chinese side. It is emphasized that, after Japan's seizure of the north-eastern provinces of China and the establishment there in March 1932 of the puppet state of Manchukuo, the Republic of China was extremely interested in negotiations on the pact in order thereby to exert pressure on the Japanese side at the Japanese-Chinese negotiations on reaching a mutually acceptable compromise. It is emphasized that subsequently the Chinese side abandoned the idea of a non-aggression pact and began to insist on the conclusion of a mutual assistance pact, which was at first supported by the Soviet side and later rejected by it. On the initiative of the Soviet side, the variant of concluding a non-aggression pact was again discussed at the negotiations; after the failure of the Japanese-Chinese negotiations on reaching a mutually acceptable compromise it was signed on August 21, 1937, under the conditions of the full-scale war that Japan had begun against China. It is noted that of far greater importance for China in that situation was the Soviet-Chinese agreement concluded in September 1937 on cooperation in the military sphere, on arms supplies, and on the dispatch of Soviet military specialists to China, which played an important role in the resistance to Japanese aggression in 1937–1941.

Keywords: the USSR, the Republic of China, non-aggression pact, negotiations, military agreement, arms supplies, Soviet military specialists.

References

1. *VKP(b), Komintern i Kitaj. T. IV. VKP(b), Komintern i sovetskoe dvizhenie v Kitae. 1931–1937 : v 2 ch. Ch. 1* [The AUCP(b), the Comintern and China. Vol. 4. The AUCP(b), the Comintern and the Soviet Movement in China. 1931–1937 : in 2 parts. Part 1]. M., ROSSPEN, 2003. 856 p.

2. *Glushakov V. Istoriya Kitaya v XX veke* [The History of China in the 20th Century]. M., Enciklopediya-ru, 2019. 480 p.

3. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XVIII. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1935 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 18. January 1 – December 31, 1935]. M., Politizdat, 1973. 718 p.

4. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XIX. 1 yanvarya – 31 dekabrya 1936 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 19. January 1 – December 31, 1936]. M., Politizdat, 1974. 824 p.

5. *Dokumenty vneshnej politiki SSSR. T. XX. Yanvar' – dekabr' 1937 g.* [Documents of the Foreign Policy of the USSR. Vol. 20. January – December 1937]. M., Politizdat, 1976. 820 p.

6. *Dubinskij A. M. Sovetsko-kitajskie otnosheniya v period yapono-kitajskoj vojny, 1937–1945 gg.* [Soviet-Chinese Relations during the Period of the Sino-Japanese War, 1937–1945]. M., Mysl' (Thought), 1980. 279 p.

7. *Istoriya Kitaya s drevnejshih vremen do nachala XXI veka : v 10 t.* [The History of China from the Earliest Times to the Beginning of the 21st Century : in 10 vols.] / ed.-in-chief S. L. Tihvinskij. *T. VII: Kitajskaya Respublika (1912–1949)* [Vol. 7: The Republic of China (1912–1949)] / ex. ed. N. L. Mamaeva. M., Nauka (Sciences), 2013. 863 p.

8. *Ledovskij A. M. SSSR i Stalin v sud'bah Kitaya. Dokumenty i svidetel'stva uchastnika sobytij: 1937–1952* [The USSR and Stalin in the Destinies of China. Documents and Testimonies of a Participant in the Events: 1937–1952]. M., Pamyatniki istoricheskoj mysli (Monuments of Historical Thought), 1999. 344 p.

9. *Lubkov A. V., Novikov M. V. Prodazha Sovetskim Soyuzom Kitajsko-Vostochnoj zheleznoj dorogi (po dokumentam Narodnogo komissariata inostrannyh del SSSR)* [The Sale by the Soviet Union of the Chinese Eastern Railway (Based on the Documents of the People's Commissariat for Foreign Affairs of the USSR)] // *Voprosy istorii* – Questions of History. 2025. No. 6. Pp. 22–43.

10. *Mamaeva N. L. Sovetsko-kitajskij dogovor o nenapadenii (21 avgusta 1937 g.) i ego znachenie dlya razvitiya sovetsko-kitajskih otnoshenij* [The Soviet-Chinese Non-Aggression Treaty (August 21, 1937) and Its Significance for the Development of Soviet-Chinese Relations] // *Kitaj, kitajskaya civilizaciya i mir. Istoriya, sov-*

remennost', perspektivy : tez. dokl. XXIV Mezhdunar. nauch. konf. [China, Chinese Civilization and the World. History, the Present, Prospects : Abstracts of the 24th International Scientific Conference]. M., 2021. Pp. 128–130.

11. *Mirovickaya R. A. Sovetskij Soyuz v strategii Gomin'dana (20–30-e gody)* [The Soviet Union in the Strategy of the Kuomintang (the 1920s–1930s)]. M., Nauka (Sciences), 1990. 234 p.

12. *Novikov M. V. Sovetskaya diplomaticheskaya podderzhka Kitajskoj Respubliki v 1937–1939 gg.* [Soviet Diplomatic Support for the Republic of China in 1937–1939] // *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Kostroma State University. 2024. No. 1. Pp. 8–16.

13. *Novikov M. V. SSSR v bor'be s fashizmom: sovetskaya pomoshch' Ispanskoj Respublike (1936–1939 gg.) i Kitajskoj Respublike (1937–1945 gg.) : monografiya* [The USSR in the Struggle against Fascism: Soviet Aid to the Spanish Republic (1936–1939) and the Republic of China (1937–1945) : a monograph]. Yaroslavl', RIO YaGPU, 2024. 339 p.

14. *Politbyuro CK RKP(b)-VKP(b) i Komintern: 1919–1943 gg. : dokumenty* [The Politburo of the Central Committee of the RCP(b)-AUCP(b) and the Comintern: 1919–1943 : Documents]. M., ROSSPEN, 2004. 960 p.

15. *Russko-kitajskie otnosheniya v XX veke : materialy i dokumenty. T. III. Sovetsko-kitajskie otnosheniya. Sentyabr' 1931 g. – sentyabr' 1937 g.* [Russian-Chinese Relations in the 20th Century : Materials and Documents. Vol. 3. Soviet-Chinese Relations. September 1931 – September 1937] / ex. ed. S. L. Tihvinskij. M., Pamyatniki istoricheskoj mysli (Monuments of Historical Thought), 2010. 861 p.

16. *Sidorov A. Yu. Problema zaklyucheniya pakta o nenapadenii v sovetsko-kitajskih otnosheniyah (1932–1937 gg.)* [The Problem of Concluding a Non-Aggression Pact in Soviet-Chinese Relations (1932–1937)] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Far Eastern Affairs. 2009. No. 1. Pp. 122–138.

17. *Sokolov V. V. "Zabytyj diplomat" D. V. Bogomolov (1890–1938)* ["The Forgotten Diplomat" D. V. Bogomolov (1890–1938)] // *Novaya i novejshaya istoriya* – Modern and Contemporary History. 2004. No. 3. Pp. 165–195.

18. *Sotnikova I. N. Pomoshch' SSSR Kitayu v antiyaponskoj vojne 1937–1945 gg.* [The Aid of the USSR to China in the Anti-Japanese War of 1937–1945] // *Problemy Dal'nego Vostoka* – Far Eastern Affairs. 2011. No. 3. Pp. 123–133.

19. *Stalin i Kaganovich. Perepiska. 1931–1936 gg.* [Stalin and Kaganovich. Correspondence. 1931–1936]. M., ROSSPEN, 2001. 798 p.

20. *Tihvinskij S. L. Put' Kitaya k ob'edineniyu i nezavisimosti. 1898–1949 : po materialam biografii Chzhou En'laya* [China's Path to Unification and Independence. 1898–1949 : Based on Materials from the Biography of Zhou Enlai]. M., Vostochnaya literatura (Oriental Literature), 1996. 575 p.

Поступила в редакцию: 16.03.2026
Принята к публикации: 08.04.2026

EDN: HHARSY УДК 940(510)+341.123

Выступая от имени малых и слабых наций: о роли Китая в создании Организации Объединённых Наций

Хоу Чжунцзюнь
доктор исторических наук, научный сотрудник Института новой истории, Китайская Академия общественных наук; главный эксперт рабочей студии Хоу Чжунцзюня, Китайская Академия истории. Китай, г. Пекин. E-mail: houzhongjun@126.com

Аннотация. В процессе создания Организации Объединенных Наций Китай выступал от имени малых государств и народов, последовательно отстаивая международную справедливость и принципы правопорядка. Учитывая исторический опыт неэффективности системы Лиги Наций в применении санкций против агрессии, Китай настаивал на принятии принципа единогласия великих держав при голосовании и предложил четко определить понятие агрессии, с тем чтобы наделить послевоенную международную организацию реальными возможностями по пресечению агрессии. На первой стадии конференции в Думбартон-Оуксе Китай представил собственные предложения, а не отказался от участия в их разработке; достигнутые договоренности между Великобританией, США и СССР на первом этапе фактически отражали китайские предложения. Поэтому реальный вклад Китая в конференцию в Думбартон-Оуксе следует оценивать по степени включения его предложений в итоговый проект документов, а не по факту участия или не участия в первой стадии переговоров. На Сан-Францисской учредительной конференции китайская делегация, включая представителей Коммунистической партии Китая, последовательно добивалась включения положения о поддержке независимости малых и слабых наций в систему опеки, стремясь выступать от имени широкого круга стран Азии, Африки и Латинской Америки, входивших в формирующийся «третий мир».

Ключевые слова: конференция в Думбартон-Оуксе, Устав Организации Объединенных Наций, Лига Наций, Сан-Францисская конференция.

Организация Объединенных Наций – важнейшая международная организация современного мира, созданная в период Великой Отечественной войны и ставшая результатом совместных военных действий союзников в борьбе с фашизмом, а также планирования послевоенного международного порядка. Являясь одним из важных союзников в Великой Отечественной войне, Китай принимал активное участие в различных подготовительных работах по созданию ООН, и в научных кругах уже накоплен обширный объем исследований, посвященных участию Китая в создании ООН[1]. В научных кругах считается, что участие Китая в создании Организации Объединенных Наций тесно связано с утверждением его статуса одной из четырех ведущих держав; Китай внес активный вклад в создание ООН и разработку Устава ООН, что «систематически ознаменовало вхождение Китая в число великих держав и имело далеко идущие последствия» [8, гл. 10]. Согласно соответствующим архивным документам, в существующих исследованиях уже отмечалось, что «Национальное правительство на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден придерживалось прагматичного курса», что обеспечило Китаю статус великой державы, и только на конференции в Сан-Франциско Китай изложил все свои предложения в отношении Организации Объединенных Наций [41]. Однако в академических кругах США существуют разные мнения относительно роли Китая в процессе создания ООН, причем наблюдается тенденция к ее намеренному принижению [3]. Какие положения нынешнего Устава ООН отражают предложения Китая? Представил ли Китай США и Великобритании свой план на первом этапе конференции в Думбартон-Оукс-Гарден? Эти вопросы требуют дальнейшего изучения, при этом необходимо развеять укоренившиеся в научных кругах заблуждения. В данной статье, исходя из первоначальной концепции Китая в отношении ООН, исследуется историческая ценность предложения, выдвинутого Китаем на основе уроков истории Лиги Наций, анализируется роль Китая на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден и на Учредительной конференции в Сан-Франциско, а также в целом обсуж-

© Хоу Чжунцзюнь, 2026

[1] О подготовке Китая к участию в ООН, а также о ситуации на конференциях в Думбартон-Оуксе и Сан-Франциско см. [8, гл. 10; 41]. О вкладе Китая в создание ООН см. [46; 47]. О составе китайской делегации на Сан-Францисской конференции см. [15]. О роли Гу Вэйцзюня в создании ООН см. [40; 45].

дается вклад Китая в разработку Устава ООН. В статье с исторической точки зрения будут проанализированы недавно обнаруженные архивные документы и рассмотрен исторический процесс борьбы Китая за права и интересы малых и средних государств в рамках ООН, а также за независимость подмандатных территорий.

I. Первоначальные планы Китая по созданию послевоенной международной мирной организации. С момента инцидента 18 сентября до инцидента 7 июля Китай постоянно призывал Лигу Наций ввести санкции против японской агрессии, однако Лига Наций уже не была в состоянии выполнять функции по введению реальных санкций. Помимо Лиги Наций Китай пытался найти другие пути для введения санкций против японской агрессии. В ноябре 1937 года страны-подписанты «Договора девяти держав» провели конференцию в Брюсселе, но так и не смогли принять резолюцию о введении реальных санкций и были вынуждены отложить заседание на неопределенный срок. В то же время Италия присоединилась к «Договору о борьбе с Коммунистическим Интернационалом», и официально сформировался союз стран Оси. Созданная после Первой мировой войны система Версаль – Вашингтон перестала существовать.

Обращаясь за помощью к Лиге Наций и странам-подписантам «Договора девяти держав», Китай на собственном опыте убедился, что существующие международные организации и система договоров уже не способны остановить агрессию; исходя из этого урока, он призывал к созданию после войны некой организации коллективной безопасности. Согласно имеющимся научным исследованиям, до начала Тихоокеанской войны предложение Китая о создании международной организации коллективной безопасности после войны было «лишь общим призывом», «не сопровождалось политическими обсуждениями, которые обычно предшествуют принятию официальных решений, не было выдвинуто соответствующих предложений и, тем более, не было доведено до уровня принятия решений» [41, с. 175–176].

1 сентября 1939 года Германия совершила внезапное вторжение в Польшу, и официально началась Вторая мировая война. 22 июня 1941 года официально разразилась Советско-германская война. К этому моменту в войну были втянуты все крупные державы, за исключением США. После начала Советско-германской войны президент США Рузвельт и премьер-министр Великобритании Черчилль встретились на одном из военных кораблей в Атлантическом океане и 14 августа обнародовали Атлантическую хартию, в которой заявили: «Любые территориальные изменения, не согласованные с свободной волей заинтересованных народов, обе страны не желают, чтобы они осуществлялись», отвергая территориальные изменения, вызванные войной, и выражая надежду на восстановление мира после падения нацистского деспотизма и создание «широкой, постоянной и всеобщей системы безопасности» [50]. В Атлантической хартии подчеркивалось, что до создания этой «широкой, постоянной и всеобщей системы безопасности» необходимо разоружить фашистские государства, а Великобритания и США будут оказывать помощь странам, подвергшимся агрессии. 7 декабря Япония совершила внезапное нападение на американскую базу в Перл-Харборе, что ознаменовало официальное начало войны на Тихом океане. К этому моменту Великобритания, США, СССР и другие страны официально вступили в антифашистскую войну, и мир перешел в состояние военного времени. Лига Наций, а также такие документы, как «Договор девяти держав» и «Договор о невоенных действиях», призванные поддерживать международный порядок после Первой мировой войны, фактически утратили свое значение.

После начала Тихоокеанской войны США на основе Атлантической хартии подготовили полный текст Декларации союзников. 30 декабря посол Китая в США Ху Ши получил текст декларации, переданный ему государственным секретарем США Халлом (Hull). Халл предложил Китаю присоединиться к совместной декларации, выразив надежду, что Китай обязуется задействовать все свои военные и экономические ресурсы для борьбы с фашизмом, а также не заключать в одностороннем порядке ни перемирий, ни мирных договоров. 1 января 1942 года президент США Рузвельт пригласил на встречу министра иностранных дел Китая Сун Цзывэня, премьер-министра Великобритании Черчилля и посла СССР в США Литвинова для обсуждения вопроса о подписании Декларации союзников под руководством этих четырех стран; Сун Цзывэнь подписал документ на месте. После подписания он немедленно обратился к Чан Кайши с докладом: «Поскольку положения декларации соответствуют ранее переданным по телеграфу указаниям, я, руководствуясь обстоятельствами, подписал документ; президент поручил передать, что он приветствует включение Китая в число четырех великих

держав» [59]. Обнародование Атлантической хартии и Декларации объединенных наций стало первым шагом на пути к созданию послевоенной международной организации. Это не означало, что Китай, СССР, США и Великобритания уже приступили к разработке структуры ООН, а свидетельствовало о том, что четыре великие державы начали разрабатывать основные принципы обеспечения коллективной безопасности в послевоенный период. Китай, участвовавший в подписании этих документов в качестве одного из ведущих подписантов, был признан одной из «четырех великих держав», и с тех пор упоминания о Китае в качестве одной из «четырех великих держав» стали постепенно учащаться [8, с. 314–315].

После подписания в качестве ведущей стороны Декларации Объединенных Наций Национальное правительство приступило к планомерному изучению вопроса о создании послевоенной международной организации. Первым органом, который систематически занимался изучением вопроса о послевоенной международной организации, был Семинар по международным вопросам при Высшем совете обороны. 21 мая 1942 года этот семинар обсудил и внес поправки в «Основные положения Конвенции о Сообществе Наций», а 4 июня того же года внес в них дополнения. Исправленные «Основные положения Конвенции о Сообществе Наций» состояли из 25 статей и временно называли послевоенную международную организацию «Сообществом Наций» (Community of Nations). Проект Конвенции учитывал уроки Лиги Наций, определял основные принципы, организационную структуру и порядок работы новой международной организации, предусматривал создание Комитета по сокращению вооружений и экономическому сотрудничеству, учреждение международной полиции, а также устанавливал, что резолюции Ассамблеи принимаются при согласии не менее двух третей присутствующих делегатов. В статье 22 Конвенции прямо предлагалось заменить прежнее понятие «мандатные территории» на «территории под международным управлением» и, насколько это возможно, содействовать обретению их независимости. Эта статья свидетельствует о том, что в первоначальном проекте китайского предложения содействие обретению независимости слабых и малых народов уже рассматривалось как одна из обязанностей международной организации [32].

В предыдущих исследованиях уделялось внимание проекту и основным положениям «Конвенции о Международной группе», однако упускался из виду «Договор о взаимной помощи стран Тихого океана», предложенный в то же время, что и эта конвенция; первоначальной целью данного договора о взаимной помощи было «заменить Конвенцию девяти стран и укрепить систему международной коллективной безопасности». «Договор о взаимной помощи стран Тихого океана», обсужденный и принятый 7 мая 1942 года, представлял собой региональную международную организацию, объединявшую страны Тихого океана, и в нем четко указывалось, что он «не должен вступать в какое-либо противоречие с Конвенцией о Международном союзе», а также что «государства-подписавшие стороны, являющиеся одновременно членами Международного союза, не должны уклоняться от обязательств по Конвенции о Международном союзе под предлогом обязательств по настоящему Договору». В договоре не было прямо указано, что Организация взаимной помощи стран Тихого океана является подведомственным органом Международного союза наций, однако очевидно, что она в принципе признавала руководство Конвенцией Международного союза наций, «принимая положения Конвенции Международного союза наций, касающиеся мирного урегулирования международных споров и санкций за агрессию», и направляла текст договора «в Секретариат Международного союза наций для регистрации». Согласно первоначальному замыслу, в число его членов входили Китай, США, Великобритания, СССР, Канада, Австралия, Новая Зеландия, Нидерланды, Таиланд и другие страны Дальнего Востока, а также Корея и Филиппины, независимость которых должна была быть признана после войны [58]. Принятие «Проекта конвенции о международных группах» и «Договора о взаимной помощи стран Тихого океана» означало, что Китай, опираясь на Атлантическую хартию, выдвинул собственное предложение.

Генеральный секретарь Верховного совета обороны Китая Ван Чунхуэй считал, что из-за недостатков самой Атлантической хартии между странами существуют разногласия по поводу ее толкования. Первое разногласие касается статьи 2 Хартии, в которой говорится: «Обе страны не желают, чтобы произошли какие-либо территориальные изменения, не одобренные свободной волей заинтересованных народов». Ван Чунхуэй считал, что это положение представляет собой «лишь пассивную форму национального самоопределения», поскольку «на побережье Тихого океана находится множество колоний», и Китай надеялся, что «после окончания войны будут произведены активные корректировки в соответствии с принципом

национального самоопределения». Второе разногласие касалось китайской войны против Японии и было характерно исключительно для Китая. Статья 6 Хартии гласит: «После окончательного уничтожения нацистского тирания мы надеемся на восстановление мира» [61, с. 5–6]. Поскольку в то время Япония еще не объявила войну Великобритании и США, это произвольное правление касалось исключительно немецких и итальянских фашистов, а японские фашисты не упоминались, что, разумеется, было неприемлемо для Китая.

В связи с недостатками Атлантической хартии Ван Чунхуэй предложил три пункта «Дополнительных положений к Атлантической хартии»: во-первых, «уничтожение Японии-агрессора»; во-вторых, «самоопределение народов»; в-третьих, «расовое равенство». Эти три пункта «либо отсутствуют в Атлантической хартии», либо «недостаточно отражены в ней». Ван Чунхуэй предложил четко сформулировать вышеуказанные три пункта в качестве дополнения к Атлантической хартии. Время для их выдвижения необходимо «тщательно обдумать». Конкретный текст дополнений следующий: во-первых, «Атлантическая хартия, в особенности принципы, касающиеся разоружения агрессивных государств, а также самоопределения всех стран и народов, должны без исключения применяться во всем мире»; во-вторых, «территория Японии должна ограничиваться пределами, существовавшими до начала ее агрессивной политики в 1894 году»; в-третьих, «все народы и расы равны, что является залогом мира и прогресса во всем мире» [61, с. 6–7].

Три дополнения к Атлантической хартии, внесенные Верховным комитетом по национальной обороне во главе с Ван Чунхуэем, в частности, касающиеся принципа национального самоопределения, стали одной из основных отправных точек для последующего отношения Китая к принципам Устава ООН. Китай возглавил подписание Декларации объединенных наций, что с юридической и процедурной точек зрения сделало его одной из четырех великих держав и заложило правовую основу для его будущего статуса постоянного члена Совета Безопасности ООН. Предложенные Ван Чунхуэем «Дополнительные положения к Атлантической хартии» тесно связаны с «Проектом конвенции о международных группах» Исследовательского общества по международным вопросам и «Договором о взаимной помощи стран Тихоокеанского региона»; эти три документа составили первоначальную концепцию Китая в отношении послевоенных международных организаций и организаций Тихоокеанского региона.

В августе 1943 года, в ходе первой Квебекской конференции, Государственный департамент США подготовил проект декларации четырех стран, который представлял собой конкретную реализацию плана президента Рузвельта по созданию послевоенной международной организации. После подготовки проекта декларации он был направлен на рассмотрение в Китай и СССР. Китайская сторона, обсудив проект, пришла к выводу, что его содержание благоприятно для Китая и что в данный момент не следует выдвигать каких-либо дополнительных условий, а следует стремиться к скорейшему принятию декларации на предстоящей конференции министров иностранных дел в Москве. 30 октября Китай, США, Великобритания и СССР приняли «Декларацию о всеобщей безопасности», и Китай официально взял на себя «обязательства и ответственность по совместному участию с США, Великобританией и СССР в создании новой международной организации» [41, с. 177]. Опубликование Декларации четырех держав «предоставило статусу Китая как великой державы более четкую документальную основу» и «подтвердило положение Китая как одной из четырех союзных держав»[2].

Поскольку Советский Союз на тот момент еще не объявил войну Японии, при организации встречи с участием четырех крупнейших союзников: Китая, США, Великобритании и СССР – обычно считалось, что Чан Кайши должен был стремиться принять в ней участие. Однако на самом деле он не желал присутствовать на саммите, в котором участвовали лидеры этих четырех стран, поскольку «считал, что Китай на такой встрече не получит равного отношения и не сможет участвовать в принятии решений, и поэтому не хотел играть второстепенную роль, занимая последнее место» [8, с. 315–320]. Во время встреч «четырех стран» обычно сначала проводились переговоры между Великобританией, США и СССР, а затем – отдельные переговоры между Китаем, Великобританией и США. Это стало стандартной практикой проведения встреч четырех союзных держав в последующий период.

Несмотря на нежелание участвовать в саммите «четырех держав», Национальное правительство положительно относилось к участию в создании международной организации.

[2] Новейшее исследование вопроса о подписании Китаем Московской декларации см. [8, с. 315–320].

В мае 1944 года Национальное правительство узнало из газеты «Нью-Йорк Таймс», что Великобритания соберет конференцию для обсуждения плана создания новой мировой организации, причем Китай не входил в число приглашенных. Чан Кайши срочно направил телеграмму послу в США Вэй Даомину с просьбой выяснить истину. Заместитель госсекретаря США Эдвард Р. Сеттиниус-младший (Edward R. Stettinius, Jr.) заявил, что эта информация является чистым домыслом: «На совещании Британской империи обсуждались принципы плана создания новой мировой организации, но для этого необходимо согласие правительств всех стран, и на данный момент никаких решений принято не было». Он также отметил, что США в настоящее время изучают соответствующие планы и «при будущих переговорах Китай, безусловно, примет участие, о чем будет уведомлен заранее» [80].

29 мая США объявили о созыве неформальных консультаций с участием четырех великих держав по вопросу создания международного органа безопасности; Китай получил официальное приглашение принять участие в совещании по вопросам послевоенного мирного устройства. На следующий день газета «Центральный ежедневник» опубликовала эту новость. В разработке китайского предложения принимали участие такие организации, как Исследовательский институт по международным вопросам, Министерство иностранных дел и Канцелярия советников, а представители всех слоев китайского общества излагали свои представления о послевоенной организации в прессе и других средствах массовой информации. 13 июля Ван Шицзе представил проект Канцелярии советников. 17 июля Сун Цзывэнь представил проект Министерства иностранных дел. На основе этих двух проектов Ван Чунхуэй, учитывая предложения семинара по международным вопросам, разработал первоначальный проект Китая и 24 июля передал Чан Кайши документ «Наша основная позиция и отношение к важным вопросам»[3].

26 июля Чан Кайши направил телеграмму Гу Вэйцзюню с просьбой выяснить содержание предложения британской стороны, а также узнать его личное мнение относительно того, какую позицию следует занять Китаю [39]. В ожидании предложения Гу Вэйцзюня в Национальном правительстве продолжалась доработка комплексного плана Ван Чунхуэя. 27 июля министр иностранных дел Сун Цзывэнь высказал конкретные предложения по поводу постоянных членов Совета и права голоса. Во-первых, что касается состава первого Совета, он предложил, чтобы постоянными членами стали четыре великие державы – Китай, СССР, США и Великобритания, а число непостоянных членов было ограничено пятью странами. Что касается порядка их избрания, то если страны будут поочередно занимать места непостоянных членов, китайская сторона может дать на это согласие; если же избрание будет происходить путем выборов или выдвижения кандидатур, Китай должен выступать за распределение квот по географическому принципу, «поддерживая избрание пяти стран: Франции, Чехии, Канады, Бразилии и Филиппин». Если Турция вступит в войну, следует помочь ей быть избранной вместо Филиппин. Во-вторых, что касается права принятия резолюций Советом, «следует руководствоваться принципом двух третей голосов». Сун Цзывэнь также высказал предложения по вопросам военной мощи стран в мирное время и по созданию международных военно-воздушных сил, предложив, чтобы военный потенциал четырех ведущих держав: Китая, СССР, США и Великобритании – определялся «исходя из площади территории, численности действующих вооруженных сил и производственных мощностей по выпуску вооружений», с целью достижения следующего соотношения: США – на первом месте, Великобритания и СССР – на втором, а Китай – недалеко от Великобритании и СССР. Он предложил создать международные военно-воздушные силы в течение нескольких лет после окончания войны, одновременно упразднив военно-воздушные силы отдельных стран [55].

29 июля Сун Цзывэнь сообщил Вэй Даомину о плане, скорректированном Чан Кайши, а также об общих принципах позиции китайской стороны. Это предложение можно назвать «планом 729». В нем излагались пять пунктов, отражающих основную позицию китайской стороны, и подчеркивалось, что в случае расхождений с предыдущими предложениями преимущественную силу имеет именно данный план. Основная позиция китайской стороны: 1) «Пока не выдвигать официального альтернативного предложения в целом, но предлагать дополнения или поправки к проекту американской стороны в соответствии с позицией нашей страны»; 2) «Чем более сильной и влиятельной будет организация по обеспечению мира во всем мире, тем лучше»; 3) «Следует выступать за скорейшее создание всей организа-

[3] О характере внутрикитайских обсуждений накануне конференции см. [8, гл. 10; 41].

ции по обеспечению мира во всем мире или ее части», например, «создание сначала четырьмя странами – Китаем, США, Великобританией и СССР – или сначала Китаем, США, Великобританией и СССР, а затем постепенное расширение с включением всех стран»; в-четвертых, «во всех вопросах, в которых США, Великобритания и СССР участвуют в рамках Всемирной организации мира, наша страна должна участвовать на равных условиях»; в-пятых, «во всех вопросах, не имеющих непосредственного отношения к позиции или интересам нашей страны, но по которым мнения США, Великобритании и СССР расходятся, наша сторона придает значительное значение мнению американской стороны» [57]. В рамках данного предложения основная позиция китайской стороны заключается в том, чтобы внести изменения или дополнения на основе предложения США, при этом основные процедуры и правила ведения заседаний будут определяться исходя из предложения американской стороны.

Основываясь на предложении Ван Чунхуэя, Гу Вэйцзюнь подчеркнул необходимость устранения недостатков Устава Лиги Наций, создания эффективного и влиятельного исполнительного органа, исправления недоразумений в его положениях, а также содействия обретению независимости слабыми и малыми нациями. 6 августа Гу Вэйцзюнь телеграфировал Цзян Цзеши о выявленных им мнениях британской стороны, а также о своих личных взглядах. Гу Вэйцзюнь указал, что в целом британская сторона «не выступает за строгий и сложный» порядок в послевоенной мирной организации и «в основном ориентируется на масштабы Лиги Наций». Общая руководящая идея британской стороны заключается в «сокращении жестких положений и проведении политики постепенного продвижения», а также в «постоянном совершенствовании» с учетом изменений в послевоенной обстановке и накопленного опыта. Цель британской стороны заключается в «сохранении возможности гибко реагировать на ситуацию и свободно маневрировать». Что касается позиции и отношения, которые должна выразить китайская сторона, Гу Вэйцзюнь предложил в целом «по-прежнему руководствоваться духом нашей страны, глубоко ценящей мир и справедливость, а также принципом коллективной безопасности, уделяя особое внимание всемирной мирной структуре в целом, а региональные организации рассматривать лишь как ее часть». В случае возникновения каких-либо ситуаций региональные организации должны «действовать по поручению центрального органа или, в случае принятия собственных решений, получать одобрение центрального органа и действовать от его имени». Учитывая уроки Лиги Наций, во-первых, необходимо «закрепить за государствами-членами обязанность вводить экономические и военные санкции», «во избежание необходимости проведения экстренного голосования или взаимных уклонений», а также заранее определить «общие принципы санкций». Для обеспечения выполнения вышеуказанных обязательств и принципов необходимо «создать Международный военный штаб, который будет постоянно анализировать и изучать международную военную обстановку и совершенствовать методы применения санкций». Во-вторых, в случае возникновения правовых споров между государствами-членами «каждое из них обязано передавать дело на рассмотрение суда, без каких-либо исключений»; в-третьих, подопечные территории не должны делиться на три категории (А, Б и В), а должны быть независимыми во всех отношениях, с тем чтобы способствовать достижению их самоуправления как общей цели; в-четвертых, необходимо усилить действие статьи 19 Устава, с тем чтобы государства-члены могли подавать заявки на внесение поправок в договор в целях устранения международных споров и укрепления основ мира [28].

Гу Вэйцзюнь считал, что Китай, участвуя в конференции, должен учитывать следующее: «Расовое равенство является одним из элементов постоянного международного мира, однако это вызывает опасения у США, Австралии, стран Африки и других»; Япония уже потерпела неудачу на Парижской мирной конференции, «поэтому мне следует не упоминать об этом». Что касается права голоса, то, если «перейти от принципа полного голосования к принципу большинства голосов», «для обеспечения эффективности в него должны быть включены все постоянные члены Совета Безопасности, чтобы подчеркнуть наш статус»; в отношении предложения Советского Союза Великобритания и США обязательно обратятся к Китаю за согласованием, стремясь к единому мнению, «нам следует избегать выдвижения предложений, вступающих в прямой конфликт с позицией какой-либо страны», и следует «уделять больше внимания посредничеству, примирению и поиску компромисса между этими тремя странами» [29].

Эти предложения Гу Вэйцзюня нашли отражение в окончательном предложении Китая в двух пунктах: во-первых, отказ от формулировки «расовое равенство»; во-вторых, предложение о предоставлении постоянным членам Совета Безопасности права вето. Позиция и

стратегия Китая на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден в целом соответствовали предложениям Гу Вэйцзюня, однако в тот момент Гу Вэйцзюнь не выступал за отказ от представления на конференцию полного проекта – и это очень важно. Гу Вэйцзюнь считал, что данная конференция имеет важное значение и что китайская сторона должна серьезно подойти к работе над проектом; эта точка зрения в последний момент повлияла на дипломатическое решение о том, представлять ли полный проект.

После получения китайской стороной проекта США и выдержек из британского документа на основе «предложения 729» и с учетом предложений Гу Вэйцзюня, Ван Чунхуэя и других Чан Кайши скорректировал китайский проект. Скорректированный вариант можно назвать «поправками к предложению 729», и самое важное изменение в нем заключается в следующем: было решено исключить первый пункт, отражавший позицию нашей стороны в «предложении 729», то есть изменить основную позицию, согласно которой «пока не будет официально выдвигаться полный контрпроект». На основе пятого пункта первоначального проекта было добавлено: «По важным вопросам, не упомянутым в проекте США, наша сторона по обстоятельствам примет решение о целесообразности их выдвижения, оставив их для обсуждения в будущем» [37].

Также были внесены корректировки в позицию по важным вопросам. Во-первых, пока не будет делаться акцент на том, что основная позиция региональных организаций остается неизменной, однако «британская сторона предлагает, чтобы европейские региональные организации не высказывали возражений». В статью 2 добавлено положение о том, что «территориальная целостность и политическая независимость государств-членов должны быть гарантированы». Прежняя статья 2 переименована в статью 3. Положения прежней статьи 3, касающиеся права голоса, исключены и заменены следующим текстом: «В центре деятельности Всемирной организации мира должен находиться Совет; четыре страны – Китай, Великобритания, США и СССР – должны быть постоянными членами Совета, остальные члены Совета избираются». Удалена часть прежней статьи 4, касающаяся права голоса при голосовании по проектам резолюций, и она изменена следующим образом: «Проекты резолюций Генеральной Ассамблеи или Совета не принимаются единогласно; по отдельным вопросам может быть предусмотрено принятие резолюций двумя третями голосов или большинством голосов, однако для принятия резолюции необходимо, чтобы Китай, Великобритания, США и СССР проголосовали “за”, при этом любая сторона, вовлеченная в спор, не должна участвовать в голосовании» [26]. Изменение позиции Китая отражает настроения китайского общества. Китай извлек глубокий урок из того, что Лига Наций не смогла наложить санкции на агрессора, поэтому общественность возлагает большие надежды на послевоенные международные организации [41, с. 181].

По сравнению с первоначальным проектом основная концепция «поправки к проекту 729» отражает два изменения: во-первых, китайская сторона по-прежнему намерена представить на заседании свои общие предложения в отношении международных организаций; во-вторых, по вопросам, не затронутым американской стороной, китайская сторона оставляет за собой право выступить с предложениями в будущем. По сравнению с первоначальным проектом позиция китайской стороны после начала заседания стала более активной, что, очевидно, тесно связано с предложением Гу Вэйцзюня.

II. Принятие резолюции по Китаю на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден. Созванная США конференция по вопросам послевоенного мирного устройства, прошедшая в Думбартон-Оукс-Гарден, расположенном недалеко от Вашингтона, округ Колумбия, также известна как Думбартон-Оукс-Гарденская конференция. Эта конференция сыграла чрезвычайно важную роль в процессе подготовки к созданию Организации Объединенных Наций: на ней четыре страны: Китай, Великобритания, США и СССР – заложили основы целей и принципов послевоенной мирной организации, а Китай в полной мере продемонстрировал свою роль представителя малых и средних государств. Конференция в Думбартон-Оукс-Гарден проходила в два этапа: первый этап представлял собой встречу представителей Великобритании, США и СССР, второй – встречу представителей Китая, Великобритании и США. Национальное правительство Китая назвало эту конференцию «Конференцией трех стран – Великобритании, США и Китая – по вопросам послевоенного мирного устройства». В документах американской стороны эти два этапа обозначены как «советский этап» и «китайский этап» [1].

12 августа правительство Китая официально утвердило состав делегации для участия в конференции в Думбартон-Оукс-Гарден: Гу Вэйцзюнь, Вэй Даомин, Ху Шицзе и Шан Чжэнь

были назначены делегатами конференции, а 16 августа Гу Вэйцзюнь был утвержден в качестве главы делегации, который будет находиться под непосредственным руководством Кон Сянси [40]. Перед началом конференции китайская делегация определила основную позицию и подход Китая к конференции, сформулировав их в четырех пунктах. Главная цель китайской стороны заключалась в том, чтобы «обеспечить успех данной конференции», с тем чтобы «четыре страны смогли выработать проект международного органа по вопросам мира и безопасности». Исходя из этой главной цели, китайская сторона считала, что, поскольку конференция носит «характер предварительных переговоров», «все вопросы, которые в настоящее время не могут быть решены, можно оставить для обсуждения на будущих сессиях Генеральной Ассамблеи ООН». Именно исходя из вышеуказанных соображений, позиция китайской стороны заключалась в том, что «не следует настаивать на решении всех вопросов», «чтобы продемонстрировать стремление нашей страны к миру и дух сотрудничества с дружественными странами». Несмотря на дух сотрудничества, китайская делегация не является просто наблюдателем: «по важным вопросам, касающимся органа по обеспечению мира и безопасности, наша сторона все же должна высказать свои мнения и подробно их разъяснить». Наряду с достижением вышеуказанной цели остальные три пункта позиции заключаются в следующем: сохранение статуса Китая как одной из четырех ведущих держав; несмотря на нежелание Советского Союза, чтобы Китай участвовал в конференции наряду с ним, Китай все же должен поддерживать контакты с представителями СССР; при упоминании о конференции за пределами страны Китай должен проявлять крайнюю осторожность и соблюдать секретность [9]. Вышеупомянутые четыре позиции китайской стороны, основанные на духе сотрудничества и отличающиеся прагматичным подходом, не зацикливаются на каком-либо конкретном вопросе, а их основной целью является сохранение статуса Китая как великой державы.

После официального открытия конференции 22 августа представитель китайской делегации Кон Сянси передал главным представителям США и Великобритании «Основные положения Устава международной организации», состоящие из 22 пунктов, для использования в качестве ориентира на первом этапе конференции[4]. План корректировок, внесенных Китаем в последний момент, нашел отражение в представленных китайской стороной «Основных положениях». Окончательные изменения коснулись разделов, посвященных Совету и методам голосования. Раздел, посвященный Совету, является пятым пунктом, и его статья 1 гласит: «Совет должен состоять из четырех стран-подписантов Московской декларации в качестве постоянных членов, а также из нескольких непостоянных членов», «число непостоянных членов не должно превышать семи стран, и они должны избираться Генеральной Ассамблеей на основе принципа географического распределения», «при избрании непостоянных членов следует соблюдать принцип ротации и принять меры, чтобы избежать одновременной смены всех непостоянных членов». Порядок голосования изложен в шестом пункте, статья 1 которого гласит: «Резолюции, касающиеся введения санкций и других важных вопросов, связанных с поддержанием мира, принимаются большинством в две трети голосов присутствующих государств-членов», «причем это большинство в две трети должно включать голоса всех постоянных членов Совета»; статья 2 гласит: «Резолюции по всем другим вопросам принимаются большинством голосов присутствующих государств-членов; однако по некоторым вопросам, таким как выборы и т. п., голосование проводится тайным»; третий пункт гласит: «Любая сторона, вовлеченная в спор, независимо от того, является ли она постоянным членом Совета, не имеет права голоса при принятии резолюций, касающихся данного спора»; четвертый пункт гласит: «Государства-члены, отказавшиеся от права голоса или проголосовавшие против, обязаны подчиняться резолюции, принятой большинством голосов» [34, с. 202–204]. Для принятия резолюций Ассамблеи требовалось две трети голосов, а также согласие постоянных членов Совета Безопасности; именно этот момент и лежал в основе правил голосования в Совете Безопасности ООН, сформировавшихся позднее, а именно принципа единодушия великих держав.

Остальные основные положения практически не претерпели изменений. Во-первых, общие принципы, всего шесть пунктов. Среди них: «Следует соблюдать принцип равенства всех государств и всех народов»; «Следует категорически запретить использование силы в качестве средства проведения государственной политики; любые международные споры, независимо от их характера и происхождения, должны разрешаться исключительно мирными средствами».

[4] В американских дипломатических документах датой получения указано 23 августа, см. [7].

Во-вторых, членство в международной организации. Предусматривается, что страны Оси «могут присоединиться к ней только после того, как докажут свою полную готовность сотрудничать с другими государствами в целях содействия миру и демократии», а государства-члены, выходящие из организации, должны выполнить все обязательства, предусмотренные Уставом. В-третьих, организационная структура международной организации. Предлагается создать Генеральную Ассамблею, Совет, Международный суд и Секретариат. При Совете также создаются несколько специализированных комитетов. В-четвертых, Генеральная Ассамблея: «Генеральная Ассамблея собирается не реже одного раза в год и может созываться в любое время для проведения чрезвычайных заседаний». В-пятых, Генеральный секретариат: предлагается учредить должность одного Генерального секретаря и шести заместителей Генерального секретаря. В-шестых, Военный комитет, полномочия которого заключаются в разработке планов разоружения и контроле за их выполнением; при нем создается Международный штаб. Остальные пункты в порядке перечисления: Экономический комитет, Международный комитет по территориальному управлению, Комитет по систематизации международного публичного права, Международное бюро труда, Международное бюро социального обеспечения, Бюро международных культурных связей, Международный суд, мирное урегулирование международных споров, агрессия и санкции, мирные изменения, региональные организации, договорные обязательства, отношения международной организации с государствами, не являющимися ее членами, бюджет [34, с. 202–212]. 22 пункта, предложенные Китаем на конференции в Думбартоне и Оукс-Гарден, охватывали все аспекты повестки дня конференции, и в них по-прежнему прослеживались рамки и общие контуры Организации Объединенных Наций. В своем окончательном предложении китайская сторона дала четкое определение понятию «агрессия», а также ясно указала, что все территории, находящиеся под опекой, в конечном итоге должны обрести самоуправление и независимость.

В ходе заседания по первому этапу конференции в Думбартон-Оукс-Гарден Чан Кайши, ознакомившись с подготовленным делегацией документом «Основные положения Устава международной организации», дал указание не настаивать на «расовом равенстве» в ходе заседания, а по остальным вопросам действовать в соответствии с ранее выработанной позицией [56]. Следует отметить: Чан Кайши считал, что нет необходимости настаивать на вопросе «расового равенства» в ходе встречи; его намерение заключалось не в отказе от расового равенства, а в том, что он считал расовое равенство «само собой разумеющимся вопросом», который не следует специально подчеркивать [52]. Хотя в этом вопросе цели совпадают с предложением Гу Вэйцзюня отказаться от выдвижения предложения о «расовом равенстве», причины различаются.

Между представителями США и СССР возникли серьезные разногласия по вопросу о праве голоса в Совете Безопасности; представитель СССР настаивал на праве вето постоянных членов Совета Безопасности. 13 сентября Студинюс доложил госсекретарю Халлу (Hull) о напряженной обстановке на заседании; Халл предложил на втором этапе обратиться к Китаю с просьбой о уступках, чтобы достичь соглашения, на что Студинюс ответил, что советская делегация придерживается принципа единодушия великих держав. Халл предложил американской делегации остаться при своем мнении и отложить обсуждение этого спора до Учредительного собрания Организации Объединенных Наций, чтобы через Ассамблею оказать давление на Советский Союз и заставить его изменить свою позицию [2]. 27 сентября Студинюс встретился с Гу Вэйцзюнем, проинформировал его о ходе первого этапа переговоров между Великобританией, США и СССР и передал китайской стороне копию итогового документа первого этапа переговоров объемом 33 страницы [5].

На первом этапе конференции было предложено назвать послевоенную международную организацию «Организацией Объединенных Наций», а ее целями – «поддержание международного мира и безопасности, принятие эффективных совместных мер по предотвращению и устранению угроз миру, а также пресечению актов агрессии или иных действий, нарушающих мир, и урегулированию международных споров мирным путем». В отношении членства в ООН было предусмотрено, что «в нее могут вступить все миролюбивые государства»; основными органами были определены: Генеральная Ассамблея, Совет Безопасности, Международный Суд и Секретариат, а также предусматривалось создание ряда вспомогательных органов. На Генеральной Ассамблее «каждое государство-член имеет один голос»; «важные резолюции принимаются двумя третями голосов присутствующих, а по другим вопросам – большинством голосов»; что касается состава Совета Безопасности, было предложено включить Фран-

цию в число пяти постоянных членов, однако вопрос о праве голоса остался нерешенным; в отношении действий, определенных как угрожающие международному миру и безопасности, Совет Безопасности имеет право применять различные меры для их пресечения, причем эти меры могут постепенно усиливаться вплоть до принятия военных действий. В проекте трех стран: Великобритании, США и СССР – предлагалось, чтобы для обеспечения возможности проведения чрезвычайных военных операций государства-члены подготовили свои национальные военно-воздушные силы к участию в совместных международных операциях, а также создали Военный штабной комитет. Что касается региональных вопросов, в целях поддержания международного мира и безопасности проект трех стран поощряет существование региональных организаций: «Ни одно из положений настоящего проекта не должно препятствовать применению региональных мер или задействованию региональных органов для реагирования на события, связанные с поддержанием международного мира и безопасности», при условии, что «они соответствуют целям и принципам настоящей Организации», подчиняются руководству Совета Безопасности и предоставляют полную информацию [30]. Если сравнить основные положения документа, принятого на заседании первого этапа, с окончательным предложением китайской делегации, можно обнаружить множество общих моментов. Вопросы, касающиеся целей и принципов ООН, состава основных органов, региональных проблем и региональных организаций и т. д., фактически уже нашли отражение в предложении китайской стороны. Различия заключаются в том, что такие вопросы, как определение агрессии и принцип единогласия великих держав в Совете Безопасности, пока не нашли в нем отражения.

29 сентября в 15:00 начался второй этап конференции с участием представителей Китая, США и Великобритании. В начале заседания Гу Вэйцзюнь, выступая от имени Китая, выдвинул семь дополнительных предложений по итоговому документу первого этапа конференции; эти семь предложений стали основной темой обсуждения на втором этапе. Из этих семи вопросов три были приняты участниками конференции и вошли в конкретные резолюции: во-первых, «Поддержание международного мира и безопасности должно основываться на принципах справедливости и международного права» – это первый вопрос из первоначального предложения; во-вторых, «Систематизация международного публичного права» – это пятый вопрос из первоначального предложения; в-третьих, «Содействие международному сотрудничеству в области образования и культуры» – это седьмой вопрос из первоначального предложения. Помимо вышеупомянутых трех вопросов, по которым уже были приняты резолюции на втором этапе конференции, еще один вопрос получил принципиальное признание со стороны Великобритании и США: «Международный суд должен обладать правом принудительного судебного разбирательства»; это шестой вопрос из первоначального предложения. Третий пункт первоначального предложения касался определения агрессии; Великобритания и США предложили передать его на обсуждение Генеральной Ассамблее ООН. Что касается создания международных военно-воздушных сил, «в первоначальном предложении уже было предусмотрено, что страны должны выделить часть своих военно-воздушных сил для использования международным органом по поддержанию мира». В китайском первоначальном предложении был полностью отклонен второй пункт, а именно обеспечение политической независимости и территориальной целостности государств. При обсуждении процедуры конференции представители США и Великобритании неоднократно заявляли, что «надеются на быстрое проведение конференции и ожидают ее завершения до 9 октября», с тем чтобы в 12:00 9 октября в столицах США, Китая, Великобритании и СССР одновременно было сделано соответствующее публичное заявление. Представители США и Великобритании предложили китайской стороне полностью принять предложения, выдвинутые США, Великобританией и СССР, а семь пунктов предложений китайской стороны можно было бы включить в дополнительный документ [10].

На заседании, состоявшемся во второй половине дня 3 октября, делегации США и Великобритании заявили, что наиболее актуальным вопросом является то, как отразить итоговые результаты обсуждений второго этапа переговоров, а именно – какую роль сыграл Китай. В связи с этим исполняющий обязанности председателя делегации США Лео Пасвольский (Leo Pasvolsky) выдвинул три предложения: во-первых, подготовить дополнительный документ, где будут отражены все пункты, по которым был достигнут консенсус за пределами первого этапа переговоров; во-вторых, вынести предложенные пункты на обсуждение пленарного

заседания; в-третьих, перед пленарным заседанием вынести на обсуждение делегациями США, Великобритании и СССР все пункты, предложенные Китаем на втором этапе. Гу Вэйцзюнь выразил предпочтение первому варианту, то есть подготовке дополнительного документа. В ходе обсуждения Пасвольский особо отметил: базовый документ, сформулированный делегациями США, Великобритании и СССР на первом этапе конференции, уже в полной мере отражает точку зрения китайской делегации, особенно в том, что касается права членов Совета Безопасности обращаться за содействием к Экономическому и Социальному Совету – именно в этом вопросе вклад Китая был наибольшим [4]. Государственный департамент США особо подчеркнул, что главной причиной «быстрого прогресса» на втором этапе стало то, что «точка зрения и предложения Китая уже были всесторонне обсуждены и учтены на этапе переговоров с СССР», а на первом этапе встречи, при непосредственном участии Грю (Grew), представители Китая и США «вышли за рамки самой встречи и провели несколько неформальных подробных обсуждений». Обсуждения между представителями Китая и США велись на основе «предварительных предложений США и "необходимых предложений" Китая». Хотя совместные предложения, сформулированные по итогам первого этапа переговоров, не были подробно озвучены на этапе предварительных обсуждений, общие принципы и рамки были специально доведены до сведения китайской стороны [1, с. 328–329].

На втором этапе конференции первоначально планировалось сформировать из трех резолюций, добавленных китайской стороной, дополнительный документ, который «прилагался бы к первоначальному предложению трех стран – Великобритании, США и СССР», однако после обсуждения Великобритания и США выразили «серьезные опасения» по поводу такого подхода. Одной из причин для озабоченности Великобритании и США был вопрос времени. Представители этих стран заявили китайской делегации: «Если этот дополнительный документ будет опубликован одновременно с первоначальным предложением трех стран – Великобритании, США и СССР – в качестве части предложения четырех стран – США, Великобритании, Китая и СССР, – то, безусловно, потребуется сначала получить согласие правительства СССР, а это, в свою очередь, займет очень много времени»; второй причиной для озабоченности Великобритании и США был международный статус или имидж Китая. Великобритания и США считали, что если три дополнительных предложения не будут включены в предложения четырех стран, а будут опубликованы только от имени Китая, США и Великобритании, то, с одной стороны, «это, возможно, вновь вызовет общее заблуждение у внешнего мира, который может посчитать, что Советский Союз не желает принимать такие предложения», или же может сложиться впечатление, что, «помимо этого небольшого числа предложений, Китай не внес никакого другого вклада в первоначальное предложение». Участники встречи пришли к выводу, что, хотя Китай и не принимал участия в первом этапе переговоров между СССР, США и Великобританией, на самом деле «многие положения из «Основ Устава Международного мирного института», представленных Китаем 22 августа, уже были приняты этими тремя странами» [11].

С формальной точки зрения или с точки зрения процедуры конференции создавалось впечатление, что «вклад Китая» в конференцию в Думбартон-Оукс-Гарден был «ограниченным». Основной причиной такого впечатления, возможно, было то, что Китай не участвовал в первом этапе конференции, а второй этап представлял собой лишь обсуждение и доработку предложений, выдвинутых на первом этапе. На самом деле это было заблуждением. 28 августа 1944 года Кон Сянси на внутреннем заседании китайской делегации подчеркнул, что Китай уже представил представителям Великобритании и США китайский проект, содержащий все пункты, которые должны быть включены в Устав послевоенной международной организации мира, и что «делегации Великобритании и США должны ознакомиться с предложением Китая, чтобы в случае отказа Китая принять итоги конференции они не могли жаловаться на то, что не знали о предложении китайской стороны» [6]. Чтобы продемонстрировать, в какой степени документы конференции в Дан-Бартоне отразили китайский проект, Гу Вэйцзюнь провел систематический анализ взаимосвязи между проектами, предложенными Великобританией, США и СССР, и предложением китайской стороны, а также проанализировал и сравнил степень учета предложений китайской стороны в проектах этих трех стран. Гу Вэйцзюнь считает, что в предложении китайской стороны проекты Великобритании, США и СССР уже нашли отражение в подавляющем большинстве случаев: некоторые положения были приняты полностью, другие подлежали согласованию, и только три пункта не были учтены. Этими тремя пунктами являются: 1. «Мирные изменения: помимо признания принципа, следует од-

новременно предусмотреть конкретные меры по его применению»; 2. «По вопросу о мандатных территориях можно указать, что в качестве принципа следует перейти к прямому управлению со стороны международного мирного органа»; 3. «Будущее колониальной системы в целом: если другие страны не поднимут этот вопрос, нам также следует пока воздержаться от его поднятия» [62]. Если к этому добавить три пункта, учтенные на втором этапе переговоров, то степень и масштаб учета предложений китайской стороны по-прежнему остаются весьма значительными. Нельзя просто так считать, что предложения китайской стороны не были учтены только потому, что она не участвовала в обсуждениях на первом этапе переговоров; равно как и нельзя просто так считать, что, несмотря на то что в предложениях трех стран: Великобритании, США и СССР – были учтены элементы предложений китайской стороны, вклад Китая не нашел отражения из-за того, что он не участвовал в обсуждениях. Можно полагать, что в предложении трех стран во многих местах нашли отражение предложения китайской стороны; поскольку во многих вопросах позиции Китая и США совпадали, США просто выступили в качестве посредника в координации с Великобританией и СССР. Следует пояснить, что, хотя в данном проекте Китай решил пока не поднимать вопрос о будущем колоний, это означает не отказ от первоначального предложения, а лишь откладывание его обсуждения на последующие заседания.

Учитывая все вышеперечисленные факторы, участники совещания пришли к выводу, что «дополнительный документ, по-видимому, пока не следует публиковать» и что «лучше сначала обнародовать первоначальное предложение от имени четырех стран в качестве совместного предложения этих стран, чтобы продемонстрировать единодушие великих держав», а пункты резолюции второго этапа можно будет включить в более полную резолюцию, которая в будущем будет разработана великими державами для Генеральной Ассамблеи ООН [12]. Кун Сянси предложил Чан Кайши «опубликовать проект от имени четырех стран». В своем запросе Кун Сянси указал, что Великобритания и США уже приняли три предложения китайской стороны, но испытывают немало сомнений относительно формы публикации: «Если вести переговоры с Советским Союзом, это, пожалуй, приведет лишь к потере времени», «если же обнародовать его от имени Китая, США и Великобритании, это может вызвать общее заблуждение, что Советский Союз отклонил данное предложение, а также создать впечатление, будто Китай, помимо этих трех предложений, не внес никакого вклада в первоначальный проект». Именно по вышеуказанным причинам, не дождавшись указаний от Цзяна, Кон Сянси уже «поручил делегации дать согласие» и при обращении за указаниями заявил: «Полагаю, что это не противоречит Вашему решению» [43]. 6 октября Сун Вэньвэнь уполномочил Гу Вэйцзюня «в случае необходимости выразить согласие нашего правительства в отношении документов конференции, с тем чтобы они могли быть опубликованы одновременно» [60]. 7 октября Чан Кайши официально одобрил предложение Кун Сянси, ответив: «Поступим так, как ты предлагаешь» [38]. На церемонии закрытия конференции представители четырех стран-участниц приняли решение обнародовать полный текст проекта этих стран, а именно «Проект рекомендаций для международных организаций», 9 октября в 12:00.

После публикации проекта предложения в китайской общественности сразу же развернулась бурная дискуссия. Газета «Центральный ежедневник» опубликовала редакционную статью, в которой отмечалось, что по сравнению с договором Лиги Наций, положившем конец Первой мировой войне, «Проект предложения о создании международной организации» представляет собой «прорывный шаг вперед», а «система международных силовых санкций зародилась именно с этой „Уставы Организации Объединенных Наций“», и проект предложения уже рассматривался как «Устав» создаваемой Организации Объединенных Наций [33]. В редакционной статье газеты «Дагунбао» выражается осторожный оптимизм: в ней отмечается, что основная структура мирного органа в целом схожа со структурой Лиги Наций, а особое внимание в проекте резолюции следует уделить целям и принципам, а также положениям главы VIII, касающимся поддержания мира и предотвращения агрессии. «В целом проект резолюции можно охарактеризовать как меру, призванную извлечь уроки из прошлого и не допустить повторения прежних ошибок» [36]. В интервью китайскому радио Гу Вэйцзюнь заявил, что, хотя конференция в Дан-Бартоне проходила в два этапа, позиция китайской делегации была передана правительствам США и Великобритании еще до начала трехсторонней встречи США, Великобритании и СССР: «По многим вопросам позиция нашей страны в отношении международных организаций совпадает с их позицией», поэтому вопросы, уже принятые на этапе переговоров между Китаем, США и Великобританией, не нужно было вновь выносить на обсуждение [27].

III. Подготовительная работа Китая перед конференцией в Сан-Франциско. После конференции в Думбартон-Оукс-Гарден работа по созданию Организации Объединенных Наций официально вошла в повестку дня. Утром 12 октября 1944 года Студинюс пригласил Гу Вэйцзюня в Государственный департамент для обсуждения вопросов, которые не удалось решить на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден. В основном речь шла о двух вопросах: во-первых, о рассылке приглашений на готовящуюся Генеральную Ассамблею ООН и связанных с этим вопросах; во-вторых, о Международном суде, системе опеки и других вопросах. Американская сторона сообщила Гу Вэйцзюню, что «созыв Ассамблеи и приглашения к участию в ней будут направлены от имени четырех великих держав», однако до отправки приглашений необходимо сначала решить «два вопроса: порядок голосования в Совете Безопасности и круг стран, приглашаемых к участию». Американская сторона предложила «включить решение этих вопросов вместе с тремя предложениями, согласованными делегациями Китая, США и Великобритании, в проект предложения четырех держав и направить его одновременно с приглашениями» [31]. Еще до Ялтинской конференции американская сторона заблаговременно согласовала с китайской стороной все детали подготовки к сессии Генеральной Ассамблеи ООН.

Государственный департамент США сообщил Гу Вэйцзюню, что, с учетом приближающихся президентских выборов в США, приглашение на Генеральную Ассамблею ООН, находящееся в стадии обсуждения, будет отправлено только после завершения выборов. Причина заключается в том, что решение двух ключевых вопросов: о порядке голосования в Совете Безопасности и о том, какие страны пригласить на Ассамблею – должно быть принято новым президентом США после выборов в консультации с представителями трех других стран. До открытия Генеральной Ассамблеи ООН «предполагается пригласить экспертов из делегаций более десяти стран, включая экспертов из четырех ведущих держав, прибыть в США за две недели до начала сессии» с целью «согласования проекта регламента Международного суда и проекта Устава Международного органа по поддержанию мира» для представления их на обсуждение Генеральной Ассамблеи. На этот раз американская сторона также специально упомянула международную систему опеки и вопросы, касающиеся опекаемых территорий; американская сторона считает, что это относится к политическим вопросам и должно обсуждаться на предстоящей Ассамблее. Что касается места нахождения штаб-квартиры органа по поддержанию мира, американская сторона предложила, чтобы страны принимали его поочередно [31].

4 февраля 1945 года состоялась Ялтинская конференция. На ней Великобритания, США и СССР предложили провести Учредительную конференцию Организации Объединенных Наций 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско (США) и постановили, что «необходимо немедленно провести консультации с правительством Китая и временным правительством Франции и предложить им совместно с США, Великобританией и СССР инициировать эту конференцию»; как только Китай и Франция дадут свое согласие, будут обнародованы предлагаемые правила, касающиеся права голоса в Совете Безопасности [65]. 13 февраля посольство США в Китае направило в Министерство иностранных дел Китая проект приглашения и проинформировало китайскую сторону о содержании готовящегося к публикации Ялтинского коммюнике, в котором четко указывалось, что приглашение на конференцию Организации Объединенных Наций «высылается правительством США от своего имени, а также от имени Соединенного Королевства, Китая, Советского Союза и Временного правительства Франции», «все страны, подписавшие Декларацию Объединенных Наций до 8 февраля 1945 года, а также страны-союзники, которые объявят войну до 1 марта 1945 года, включая Турцию, будут приглашены на конференцию»; конференция будет основываться на коммюнике конференции в Думбартон-Оукс-Парк, опубликованном в октябре прошлого года, с добавлением следующих деталей: члены Совета Безопасности обладают одним правом голоса; «постановления Совета Безопасности по различным процедурным вопросам принимаются с согласия семи членов»; «все остальные решения Совета Безопасности принимаются с согласия семи членов, включая голоса всех постоянных членов»; «государства, участвующие в споре, не должны голосовать» [64]. Фактически положения, принятые тремя странами: Советским Союзом, США и Великобританией – на Ялтинской конференции в отношении процедуры голосования в Совете Безопасности, отличались от общей концепции китайской стороны лишь в одном пункте, а именно в вопросе о том, следует ли стране, затронутой рассматриваемым вопросом, участвовать в голосовании, если она является одним из членов Совета Безопасности. Хотя китайская сторо-

на не принимала участия в обсуждении, это предложение уже было выдвинуто на конференции в Думбартон-Оукс-Гарден.

В связи с противоречием между «Договором о взаимной помощи между Францией и Советским Союзом», подписанным в 1935 году, и проектом, разработанным в Думбартон-Оукс-Гарден, а также из-за оговорок в отношении мандатных территорий Франция не желала выступать в качестве одной из стран-инициаторов Сан-Францисской конференции, но заявила, что готова принять участие в ней в качестве одной из приглашающих стран. Поскольку Франция не смогла принять на себя роль страны-инициатора приглашения, в конечном итоге созывающими сторонами конференции в Сан-Франциско выступили четыре страны: Китай, США, Великобритания и СССР, и 5 марта 1945 года были разосланы приглашения. После того как страны-организаторы разослали приглашения, Кун Сянси предложил, чтобы Китай в отношении Сан-Францисской конференции «не выдвигал отдельных предложений», а ограничился вопросами, обсуждавшимися на конференции в Думбартоне, и нерешенными вопросами; основная позиция китайской стороны заключалась в том, что «в активном плане следует предотвращать акты агрессии, а в пассивном – избегать международных трений и подозрений» [44].

После Ялтинской конференции США, следуя заранее установленному плану, сначала созвали юридический комитет для обсуждения вопроса о Международном Суде, а затем созывали совещание представителей пяти постоянных членов Совета Безопасности для обсуждения вопроса о международной опеке над мандатными территориями. 15 марта временный поверенный в делах США в Китае Этчесон (Atcheson) направил письмо в Министерство иностранных дел Китая с приглашением принять участие 9 апреля в Вашингтоне или его окрестностях в заседании Комитета юридических экспертов по подготовке к Сан-Францисской конференции для предварительного обсуждения, в частности, Устава Международного Суда. Получив приглашение, Министерство иностранных дел поручило генеральному секретарю Высшего совета обороны Ван Чунхуи выступить в качестве представителя, а Ван назначил Сюй Мо и Ху Шицзе в качестве советников для участия в данной встрече [53]. 19 марта Эйчесон направил письмо в Министерство иностранных дел, в котором сообщил, что в соответствии с решением Ялтинской конференции до начала конференции в Сан-Франциско «пять будущих постоянных членов Совета Безопасности должны предварительно обсудить вопрос о том, как включить положения об органах по опеке над территориями в устав новой международной организации»; с целью обеспечения участия Франции «США предлагают созвать в начале апреля в Вашингтоне совещание экспертов». Министерство иностранных дел Национального правительства в ответном письме согласилось с предложением американской стороны и попросило посла в Великобритании Гу Вэйцзюня принять участие в обсуждении системы опеки над территориями; до прибытия Гу Вэйцзюня на встрече присутствовал посол в США Лю Кай [54].

При подготовке предложений к конференции в Сан-Франциско китайская сторона считала, что, поскольку Китай являлся одной из стран-созывающих, «нецелесообразно вновь выдвигать» те из предложений, которые были представлены на конференции в Думбартоне, но не были приняты Великобританией и США. В основном речь шла о трех предложениях, не получивших одобрения: 1. «Гарантирование территориальной целостности и политической независимости государств-членов». 2. «Определение понятия агрессии». 3. «Создание международных военно-воздушных сил». Кроме того, было три предложения, выдвинутых Китаем отдельно и впоследствии принятых Великобританией и США: 1. «Урегулирование международных споров на основе справедливости и международного публичного права». 2. «К-одификация международного права». 3. «Международное сотрудничество в области образования и культуры». Китай должен приложить все усилия, чтобы эти три пункта были включены в Устав. Помимо вышеупомянутых вопросов, в предложениях Китая для конференции в Сан-Франциско был особо выделен «вопрос о создании системы опеки над территориями», цель которого заключалась в обеспечении институциональных гарантий независимости для всех колоний и подопечных территорий [66].

Одновременно с подготовкой китайского предложения для конференции в Сан-Франциско Национальное правительство также начало рассматривать вопрос о составе делегации. К концу войны против японской агрессии, после кровопролитных боев, которые вели военные и гражданское население в партизанских районах и в тылу врага, развитие внутренней политики Китая приобрело тенденцию, благоприятную для широких масс, участвовавших в сопротивлении. Партизанские районы, возглавляемые Коммунистической партией Китая, а

также военные и гражданское население в тылу врага стали важной политической силой внутри страны. Национальному правительству необходимо было решить, следует ли включить в состав делегации на конференцию в Сан-Франциско представителей Коммунистической партии Китая и других политических партий. В сентябре 1944 года Коммунистическая партия Китая выступила с предложением о создании коалиционного правительства, после чего под эгидой США между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая состоялось несколько раундов переговоров. Требование о совместном формировании делегации с Гоминьданом для участия в конференции в Сан-Франциско можно рассматривать как политическое продолжение требования Коммунистической партии Китая о создании коалиционного правительства[5].

Благодаря наблюдательной группе ВС США в Яньане к этому моменту между Коммунистической партией Китая и высшим руководством ВС США и правительства США уже были налажены каналы связи. В период переговоров между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая под председательством Херли вопрос о составе китайской делегации на Сан-Францисской конференции был вынесен на повестку дня. 18 февраля 1945 года на седьмом пленуме шестого Центрального комитета КПК Мао Цзэдун принял решение направить представителей на Сан-Францисскую конференцию. В тот же день Чжоу Эньлай направил телеграмму Херли, в которой подчеркнул, что Национальное правительство является однопартийной диктатурой, не может представлять 10 миллионов жителей освобожденных районов Китая, а также не может отражать общее мнение широких масс населения в районах, контролируемых Гоминьданом: «Поэтому на конференции Организации Объединенных Наций, которая состоится 25 апреля в Сан-Франциско, делегация, сформированная исключительно Гоминьданом, не сможет представлять Китай». Было выдвинуто требование, чтобы в составе делегации число представителей Гоминьдана было ограничено одной третью, а остальные две трети были выделены Коммунистической партией и Демократическим альянсом [79]. В своей ответном телеграмме Херли указал, что поскольку конференция в Сан-Франциско является «международной конференцией», а «не встречей внутригосударственных политических партий», то с точки зрения Китая приглашение на конференцию было направлено Национальному правительству Китая, и для участия в ней Коммунистическая партия Китая должна с организационной точки зрения войти в состав «Национального правительства Китая» [35].

Президент США Рузвельт выразил надежду, что Китай сформирует делегацию, отражающую широкие слои общественности, для участия в конференции в Сан-Франциско, с тем чтобы обеспечить единство различных политических сил в Китае и заложить основу для победы над японским фашизмом. 10 марта Рузвельт направил письмо Мао Цзэдуну, в котором особо высоко оценил совместную борьбу Гоминьдана и Коммунистической партии Китая в антияпонской войне и выразил уверенность в том, что сотрудничество этих двух партий непременно укрепит силы Китая в борьбе против Японии [48]. 15 марта Рузвельт направил письмо Чан Кайши с просьбой включить представителей Коммунистической партии Китая в состав китайской делегации на конференцию в Сан-Франциско. Гу Вэйцзюнь предложил расширить состав и увеличить численность делегации; после получения телеграммы Рузвельта он вновь рекомендовал Чан Кайши включить в делегацию представителей Коммунистической партии и выдвинул кандидатуру Дун Биву. По требованию Коммунистической партии Китая и прогрессивных политических сил внутри страны, а также благодаря непосредственному вмешательству президента Рузвельта Гоминьдан в конечном итоге согласился включить в состав делегации представителей Коммунистической партии Китая и других демократических партий. 23 марта министр иностранных дел Национального правительства Ван Шицзе предложил выбрать одного из троих кандидатов – Чжоу Эньлая, Дун Биву и Цинь Бансяня – для участия в Учредительном собрании Организации Объединенных Наций, и рекомендовал выбрать Цинь Бансяня. 26 марта на заседании Высшего совета обороны было принято решение о том, что Дун Биву будет представлять Коммунистическую партию Китая на конференции. Главным представителем был Сун Цзывэнь, остальными – Гу Вэйцзюнь, Ван Чунхуэй, Вэй Даомин, Ху Ши, У Ифан, Ли Хуан, Чжан Цзюньду, Дун Биву и Ху Линь [42]. 27 марта Центральный комитет Коммунистической партии Китая направил телеграмму Ван Жуофею: «Поскольку список делегатов на конференцию в Сан-Франциско уже обнародован, в целях достижения компромисса мы согласны на участие старого товарища Дун, но необходи-

[5] О составе китайской делегации см. [15].

мо сообщить Ван Шицзе и Шао Лицзы, что мы выражаем недовольство тем, что Коммунистической партии Китая выделено только одно место» [49]. 1 апреля Центральный комитет Коммунистической партии Китая принял решение о том, что Дун Биву вместе с двумя сопровождающими лицами (У Сюцюань, Чэнь Цзякан или Чжан Ханьфу) войдет в состав китайской делегации на конференции в Сан-Франциско. Президиум шестого пленума седьмого ЦК КПК поручил Дуну Биву после прибытия в США в первую очередь налаживать связи с зарубежными друзьями, повышать международный авторитет нашей партии и добиваться возможности остаться работать в США. 6 апреля Дун Биву вылетел из Яньаня в Чунцин. На прощальной вечеринке, организованной Китайским демократическим союзом, Дун Биву выступил с речью, в которой союзники назвали его истинным представителем трудящихся масс Китая.

После формирования китайской делегации в ее рядах сначала обсудили основные вопросы, которые необходимо было затронуть на Учредительном собрании Организации Объединенных Наций. На Ялтинской конференции был решен вопрос о праве голоса членов Совета Безопасности, а именно: «Совет Безопасности имеет право голоса при принятии решения о назначении одной из вовлеченных в конфликт стран постоянным членом». По итогам обсуждения этой резолюции делегация сначала пришла к выводу, что «нашей стороне не следует инициативно выступать против этой резолюции на Генеральной Ассамблее», «во время обсуждения этого вопроса на заседаниях или в подкомитетах наша сторона может высказать свое мнение, но формулировки должны быть достаточно сдержанными». Делегация предвидела, что в отношении данного положения малые страны выступят с возражениями. После обсуждения делегация предложила, что, если к тому моменту возможность внесения изменений будет отсутствовать, Китай должен проголосовать за данное положение, но в подходящий момент может пояснить, что «наше предыдущее согласие с этим положением было обусловлено исключительно стремлением содействовать приглашению и созыву данной конференции по созданию международного органа Организации Объединенных Наций». Китайская сторона может предложить участникам конференции, чтобы «данное положение носило экспериментальный характер, его срок действия был ограничен, а по истечении этого срока оно подлежало пересмотру». Ван Чунхуэй также поднял вопрос о том, что делать, если Совет Безопасности не сможет принять резолюцию о санкциях из-за голосования постоянных членов против. Он предложил рассмотреть возможность «предпринятия отдельных действий» странами в отношении той или иной агрессивной страны в такой ситуации. В заключение делегация пришла к выводу, что это затрагивает как политические, так и правовые вопросы и что данный вопрос следует передать на обсуждение в специализированный комитет [13].

Что касается вопроса о том, как включить в Устав три предложения, принятых Великобританией и США на втором этапе конференции в Думбартон-Оукс-Гарден, делегация предложила вновь вынести их на рассмотрение Генеральной Ассамблеи и дополнить их. Что касается остальных четырех предложений, которые не были приняты, то, за исключением первого – «гарантия территориальной целостности и политической независимости», которое уже нашло отражение в проекте резолюции конференции, остальные нецелесообразно «вновь выносить на рассмотрение». Если другие страны – участницы конференции поднимут аналогичные вопросы, «мы по-прежнему можем принять участие в изложении своих мнений». По вопросу о постоянных членах Совета Безопасности из числа средних государств делегация пришла к выводу, что «количество мест постоянных членов должно распределяться равномерно по географическому принципу». Что касается критериев определения средних государств, «следует руководствоваться их вкладом в текущую войну, военным и промышленным потенциалом, а также размером территории и численностью населения». Если какое-либо государство, отвечающее этим критериям, выдвинет заявку на статус постоянного члена, «ему может быть оказана соответствующая поддержка», однако этот момент не обязательно должен быть закреплен в Уставе [14].

IV. Обсуждения и решения китайской делегации в ходе Конституционного съезда в Сан-Франциско. 25 апреля 1945 года в Сан-Франциско официально открылся Учредительный съезд Организации Объединенных Наций. Чтобы своевременно получать полную картину хода работы съезда и координировать обмен информацией между представителями делегации, входящими в состав различных комитетов, китайская делегация с 27 апреля начала проводить внутренние заседания делегации. Учитывая, что делегации Великобритании и СССР устраивали пресс-конференции для журналистов из разных стран, на первом заседании деле-

гатов 27 апреля китайская делегация приняла решение провести пресс-конференцию и назначила первую из них на 1 мая (вторник) с целью изложения политики и взглядов китайской делегации в отношении конференции [25].

Для координации всех видов работы в ходе конференции китайская делегация создала два внутренних комитета. Первый – редакционный комитет, возглавляемый У Цзинсюном, в состав которого входили Лян Юньли и Чжан Чжунфу, отвечал за подготовку и перевод важных документов, в том числе Устава конференции. Второй – комитет по отчетам, возглавляемый Чжан Чжунфу, в состав которого входили Ли Вэйго, Пу Сюэфэн и другие в качестве постоянных членов. В рамках секретариата было создано 12 специализированных групп, отвечавших за выполнение конкретных задач [63]. В соответствии с предварительной договоренностью Учредительное собрание в Сан-Франциско было разделено на четыре главных комитета и двенадцать специализированных комитетов. Первый комитет – Комитет по общим положениям Устава – отвечал за изучение и представление Ассамблее вопросов, касающихся преамбулы, целей, принципов, основных органов Ассамблеи и секретариата; второй комитет – Комитет по Ассамблее – отвечал за вопросы, касающиеся Ассамблеи, Экономического и Социального Совета и международной системы опеки; третий комитет – Комитет по Совету Безопасности – отвечал за подготовку проектов документов, касающихся поддержания международного мира и безопасности; четвертый комитет – Комитет по судебной организации – отвечал за правила и устав Международного Суда.

После начала конференции, по итогам внутреннего обсуждения в делегации, Китай принял решение представить на конференции в Сан-Франциско три новые поправки на основе думбартон-оукс-паркской программы. Суть этих трех новых поправок заключается в следующем: 1. «В случае возникновения международных инцидентов, угрожающих миру, Совет Безопасности должен иметь право принимать временные меры». 2. «Решения Международного Суда не могут исполняться самим Судом, поэтому необходимо создать орган, ответственный за их исполнение». 3. «Если государство, не являющееся членом ООН, является одной из сторон международного спора или если такое государство передает спор на рассмотрение Генеральной Ассамблеи или Совета Безопасности, то в Уставе должны быть прописаны статус таких государств в международной организации, а также полномочия Совета Безопасности в отношении них» [18]. 4 мая были официально обнародованы последние поправки, внесенные четырьмя странами: Китаем, СССР, США и Великобританией. Первое предложение китайской стороны отражено в пункте 2 раздела 2 главы 8: «Можно потребовать от соответствующих заинтересованных государств соблюдения временных мер, которые Комитет сочтет необходимыми или целесообразными для предотвращения ухудшения ситуации», а третье предложение – в пункте 3 раздела 4 главы 6 [51].

После обнародования последней поправки, представленной четырьмя странами: Китаем, СССР, США и Великобританией, делегация, обсудив вопрос, приняла решение: поскольку Китай – одна из стран-инициаторов, в целом следует выразить согласие; в случае «появления колебаний в отношении поправки четырех стран эти страны должны действовать согласованно»; если предлагается добавить несущественные формулировки, Китай может дать согласие; если потребуется установить контакт с другими странами, «специальный уполномоченный или секретарь может подойти к ним и обсудить вопрос»; в случае возникновения сомнений «пока воздержаться от голосования» [21]. Что касается предложений, с которыми уже согласились четыре страны, то в случае возникновения возражений китайская сторона «должна учитывать характер каждого конкретного вопроса, прежде чем определять дальнейшие действия». По общим вопросам сначала предоставляется слово малым странам, а затем учитывается позиция крупных стран: «если крупные страны возражают, пусть возражают; если крупные страны согласны, мы тоже можем согласиться» [23]. На 17-м заседании делегатов 16 мая было принято решение, что перед голосованием в комитетах Ассамблеи делегаты, с одной стороны, «должны сначала провести внутренние консультации», а с другой – «должны предварительно проконсультироваться на месте с представителями великих держав – Великобритании, США, СССР и Франции». В ходе этих консультаций, если самому делегату неудобно покидать зал заседаний, консультации могут проводить специальные члены или секретари, с тем чтобы по возможности сохранить «дух единства пяти великих держав» [76].

Оказание помощи слабым народам в обретении независимости и освобождения является политическим идеалом, которого Китай неизменно придерживается, а также темой, вызывающей пристальное внимание общественности в Китае с момента начала подготовки к со-

зданию международной организации. Начиная с третьего съезда представителей, китайская делегация приступила к обсуждению позиции, которую Китай должен занять в отношении системы опеки[6]. Делегация Китая высказала мнение, что в отношении территорий, находящихся под опекой, «международный центральный орган по опеке должен иметь право проводить расследования и вносить предложения по улучшению положения, с тем чтобы местное население могло достичь цели независимости и самоуправления». Что касается территорий, находящихся под международной опекой, то в ходе внутренних обсуждений в Китае было решено выделить три категории: во-первых, территории, находящиеся под опекой Лиги Наций; во-вторых, территории, оккупированные врагом, «за исключением тех, которые должны быть возвращены их законным владельцам»; в-третьих, колонии Японии и Италии [19]. США предложили разделить территории под опекой на две категории: первая – «территории, имеющие военное значение, подпадающие под юрисдикцию Совета Безопасности»; вторая – «территории, не имеющие военного значения, подпадающие под юрисдикцию Генеральной Ассамблеи». На шестой конференции представителей китайская сторона приняла решение «принять компромиссный подход» [17]. Кроме того, на восьмом заседании делегатов было решено «не представлять документ в форме официального проекта, а подготовить меморандум для сведения участников заседания» [16]. На последующем заседании делегатов, после внутреннего обсуждения в Китае, по вопросу о том, следует ли включать в Устав формулировку о «независимости или автономии» подмандатных территорий, китайская сторона настояла на том, что это должно быть упомянуто в Уставе: «Если это невозможно сделать в разделе „Основные принципы“, то можно упомянуть в разделе „Цели“» [75]. После неоднократных переговоров с Великобританией и США эти страны заявили, что готовы принять предложение, но выразили надежду, что Китай не будет настаивать на «упоминании в “Основных политических принципах”». После обсуждения китайская делегация постановила принять предложение Великобритании и США и не упоминать это в «Основных политических принципах», но настаивать на упоминании в системе опеки [71].

Что касается вопросов территориальной целостности и суверенитета, делегация Китая выступает за уважение суверенитета и предлагает соблюдать существующие границы. После внутреннего обсуждения делегация Китая пришла к выводу, что в Уставе могут быть три варианта формулировки понятия суверенитета: первый – «уважение суверенитета», второй – «гарантия суверенитета», третий – «ограничение суверенитета». Слабые и малые страны обязательно выдвинут требование об уважении суверенитета; чтобы избежать конфликта с другими великими державами, «уважение суверенитета – это хорошо, пусть это предлагают они, нам не нужно на этом настаивать». Если говорить о территориальной целостности, то в ходе обсуждения китайская делегация пришла к выводу, что границы ни одной страны в мире не остаются неизменными: «Территориальная целостность приносит больше вреда, чем пользы; мы должны удовлетвориться существующими в мире границами, только тогда мы сможем гарантировать такую территориальную целостность». Было предложено обратить особое внимание на способы изменения территориальных границ. Если границы изменяются с помощью силы, «это, безусловно, неправильно». Исходя из вышеизложенного анализа, Китай должен отстаивать «политическую независимость», а не настаивать на «территориальной целостности» [22]. На 18-м заседании представителей 17 мая данная тема вновь обсуждалась и было принято решение о том, что вопрос о том, следует ли упоминать «территориальную целостность» в преамбуле или принципах Устава Организации Объединенных Наций, может быть передан на обсуждение и решение «Комиссии по корректировке Генеральной Ассамблеи» [20].

Учитывая уроки, извлеченные из неоднократных призывов к Лиге Наций о введении санкций против Японии после событий 18 сентября, которые остались без ответа, китайская делегация выразила надежду на определение понятия «агрессия» с целью предотвращения вооруженного вторжения великих держав в слабые страны и обеспечения институциональных гарантий для малых и слабых государств. 19 мая 1945 года китайская делегация провела 20-е заседание представителей, на котором обсуждался вопрос о включении определения агрессии в Устав. В случае проведения голосования в Комитете по санкциям Китай должен был проголосовать «за включение соответствующего положения», что означало вынужденный отказ от определения актов агрессии [69]. Что касается вопроса о выходе членов из орга-

[6] Система опеки не распространялась на британские колонии; об американо-британских переговорах по этому вопросу см. [41, с. 187].

низации, то после обсуждения делегация Китая постановила, что «чем сложнее будет выход из организации, тем лучше; наличие или отсутствие прямого запрета в Уставе не имеет большого значения» [70]. В ходе обсуждения 7 июня было вновь принято решение о том, что, «независимо от причин, в принципе это не одобряется». В конечном итоге положения о выходе из организации не были включены в Устав, однако они были затронуты в пояснительных записках.

По вопросу о том, следует ли упоминать в Уставе Международное бюро труда, позиции Великобритании и Франции с одной стороны и США и СССР – с другой разошлись: Великобритания и Франция выступали за включение этого пункта, а США и СССР – против. Делегация Китая на 21-м заседании представителей при обсуждении резолюции «должна была присоединиться к позиции США и СССР и выступить за то, чтобы не упоминать об этом». Что касается вопроса о выборах судей Международного Суда, Китай выступил за то, чтобы «выборы проводились совместно Генеральной Ассамблеей и Советом Безопасности», причем «в Генеральной Ассамблее выборы должны проводиться на основе простого большинства», а «в Совете Безопасности – на основе двух третей голосов». По вопросу об экономической и социальной политике Китай «в принципе одобрил предложение Канады, но считает, что чем меньше конкретных положений в Уставе, тем лучше» [74]. В связи с тем, что Великобритания и США выступили против включения вопроса о кодификации международного права, китайская делегация на 14-м совещании представителей постановила, что «нашей стороне не следует вносить это предложение», однако стоит включить формулировку «развитие международного права» [24].

Что касается вопроса о наличии у Международного Суда полномочий по принудительному исполнению решений, Китай склоняется к тому, чтобы наделить Международный Суд такими полномочиями, и такая позиция разделяется большинством малых стран. Делегация считает, что, поскольку в Думбартонском соглашении содержатся положения о полномочиях внутреннего права и ввиду противодействия со стороны малых стран, Китай «может воздержаться от выступления во время обсуждения», но «при голосовании будет вынужден проголосовать за первоначальный проект» [72]. Что касается вопроса о том, следует ли включить в Устав положение о принудительной силе Международного Суда, то Великобритания, США, Франция и Советский Союз выступили против такого включения, в то время как более 20 средних и малых государств поддержали эту идею. США и СССР также дали понять, что в случае включения положения о принудительной силе в Устав они не намерены присоединяться к Международному Суду. Во избежание разногласий между пятью постоянными членами Совета Безопасности было решено, что Сюй Мо будет действовать с учетом обстоятельств в ходе обсуждения на заседании [68]. На 25-м внутреннем заседании делегации китайская делегация приняла решение о том, что «все представители нашей страны примут участие в церемонии подписания» [73]. До подписания Устава Сун Цзывэнь, чтобы подготовиться к китайско-советским переговорам, уже покинул Сан-Франциско и вернулся на родину, а Гу Вэйцзюнь сменил Сун Цзывэня на посту главного представителя. 26 июня состоялась церемония подписания Устава ООН, и Гу Вэйцзюнь, представляя китайскую делегацию, первым поставил свою подпись. 24 августа 1945 года Национальное правительство ратифицировало Устав ООН.

В ходе конференции в Сан-Франциско, исходя из своей основной позиции – отстаивать интересы малых и средних государств, китайская делегация боролась за решение ряда вопросов, имеющих особое значение для Китая, но по которым крупным державам было трудно прийти к соглашению. В силу своего положения и потенциала Китай фактически был вынужден пойти на уступки США, Великобритании и другим странам по многим деталям, однако в Комитете по опеке китайский представитель Гу Вэйцзюнь отстаивал свою позицию. Тот факт, что в Уставе ООН появились положения, позволяющие Организации управлять территориями под опекой, а именно соответствующие положения главы XII, касающиеся «Международной системы опеки», следует отнести на счет заслуг китайской делегации. Китай настаивал на том, чтобы независимость территорий под опекой была отдельно включена в число основных целей ООН, и ради этого не побоялся вступить в острую конфронтацию на конференции с представителями США, Великобритании, Франции, Австралии и других стран. На заседаниях подкомитета Гу Вэйцзюнь четыре раза вставал, чтобы выступить против возражений со стороны Великобритании и США, настаивая на том, чтобы к понятию «самоуправление» территорий под опекой было добавлено слово «независимость» [41, с. 187]. Благодаря настойчивости Китая и в целях достижения консенсуса США даже в ходе переговоров за пределами кон-

ференции пообещали предоставить Китаю постоянное место в Совете по опеке. Гу Вэйцзюнь заявил, что у Китая нет особых интересов в этом вопросе и он не намерен извлекать из этого выгоду для себя, а лишь надеется, что национальная независимость будет включена в Устав Организации Объединенных Наций [77]. В ходе конференции министр иностранных дел Ирака и делегат на конференции в Сан-Франциско Аршад Аль-Омари (Arshad Al-Omari) выразил особую признательность Гу Вэйцзюню, поблагодарив его за неустанные усилия, предпринятые от имени Китая в рамках Комиссии по опеке, и отметив, что голос народов опекаемых территорий должен быть услышан. Гу Вэйцзюнь дал на это утвердительный ответ, «подчеркнув, что именно поэтому он настаивает на том, чтобы независимость опекаемых территорий стала основной целью новой системы опеки» [67].

Заключение. Когда проходили конференция в Думбартон-Оукс-Гарден и Учредительная конференция Организации Объединенных Наций в Сан-Франциско, Вторая мировая война еще продолжалась. С целью полного разгрома фашизма и демонстрации единства сил, ведших борьбу против японской агрессии внутри Китая, президент США Рузвельт настоятельно призвал Китай сформировать широкую делегацию, включающую Коммунистическую партию Китая. Национальное правительство в конечном итоге приняло предложение США. Коммунистическая партия Китая, руководствуясь общими интересами, согласилась с выделением одного официального места в делегации. Широкий состав китайской делегации на конференции в Сан-Франциско привнес вклад в разработку и подписание Устава ООН, что само по себе стало отражением вклада Китая в международную политику. С точки зрения развития послевоенной международной политической обстановки участие представителя Коммунистической партии Китая в качестве одного из подписантов Устава ООН подтвердило правомерность восстановления в 1971 году законного места Китайской Народной Республики в Организации Объединенных Наций.

В процессе подготовки проекта для конференции в Думбартон-Оукс-Гарден Китай широко прислушивался к мнениям различных сторон, что в конечном итоге привело к формированию «плана 729». Параллельно с подготовкой проекта послевоенной международной мирной организации в Китае велась работа по созданию региональной международной организации в Тихоокеанском регионе; в предыдущих исследованиях эта подготовительная работа Китая в данной области упускалась из виду. На основе «плана 729» Национальное правительство продолжало активно прислушиваться к предложениям различных сторон, стремясь сделать китайское предложение более целенаправленным и конструктивным. Следует признать, что предложения Гу Вэйцзюня сыграли важную роль в более активном участии Китая в конференции в Думбартон-Оукс-Гарден. В отличие от прежних представлений, хотя Китай придавал огромное значение согласованности с США и стремился отстоять свой статус великой державы, он все же представил свои предложения Великобритании и США на первом этапе конференции в Думбартон-Оукс-Гарден, а не отказался от права на представление предложений, как считалось ранее. На втором этапе конференции, в связи с недостатками проекта, подготовленного Великобританией, США и СССР, Китай выдвинул еще семь предложений, из которых в конечном итоге были приняты три. На конференции в Сан-Франциско Китай добавил три предложения в «поправку четырех стран», из которых в итоге были приняты два. Хотя многие предложения китайской делегации не нашли отражения в Уставе, например, определение агрессии или положения о выходе из Организации и т. д., принятых предложений было больше. Справедливости ради следует отметить, что с принятием Устава ООН ожидания и замыслы Китая в отношении этой организации в целом оправдались.

Китай стремился придать ООН авторитет, чтобы с помощью системы коллективной безопасности отстаивать международную справедливость и равенство, налагать санкции на агрессоров и надежно защищать права слабых и малых государств. Как сказал Гу Вэйцзюнь в своей речи на церемонии подписания, «мы включили в Устав положения, подчеркивающие, что урегулирование или разрешение международных споров должно соответствовать принципам справедливости и международного права», «а также предусмотрели широкую и свободную систему международного доверительного управления, одной из основных целей которой является независимость и самоуправление» [78]. Еще со времени подготовки проекта в Думбартон-Оукс-Гарден Китай стремился извлечь уроки из неудач Лиги Наций и наделить Совет Безопасности достаточным авторитетом, с тем чтобы ООН могла быстро и эффективно вмешиваться в случае актов агрессии, а в случае неэффективности такого вмешательства – применять

соответствующие санкции. Следует считать, что Устав ООН воплотил первоначальные замыслы Китая. С точки зрения практического результата право голоса двумя третями голосов в Генеральной Ассамблее ООН, а также право вето постоянных членов Совета Безопасности реализовали замыслы Китая. При выборе непостоянных членов Совета Безопасности было также принято предложение Китая о равномерном распределении мест по географическому принципу. Для обеспечения эффективного посредничества в конфликтах была принята поправка Китая, согласно которой Совет Безопасности может применять временные меры в отношении международных споров. Особого внимания заслуживает то, что в систему опеки Устава ООН был включен термин «независимость» – это результат настойчивых усилий представителя Китая Гу Вэйцзюня, добившегося включения этого термина в Устав.

В вопросе системы опеки благие намерения китайской делегации, выступавшей от имени слабых и малых государств и народов, в конечном итоге принесли положительный результат. К 1994 году, после обретения независимости последней международной опекунской территории – Палау, все территории, находившиеся под опекой ООН, обрели автономию или независимость; достижение этого исторического успеха неразрывно связано с усилиями китайской делегации. Выполнив свою задачу, Совет по опеке ООН прекратил свою деятельность 1 ноября 1994 года. Решением Совета по опеке от 25 мая 1994 года было отменено положение о проведении ежегодных заседаний; в дальнейшем решение о созыве пленарных заседаний принималось по мере необходимости.

Список литературы

1. Division of Publications Office of Public Affairs. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. U. S. Department of State Publication 3580. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1950.

2. Extracts From the Personal Diary of the Under Secretary of State (Stettinius). September 13 // FRUS. 1944. Vol. 1. P. 804.

3. *Hilderbrand R. C.* Dumbarton Oaks: The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill ; London : The University of North Carolina Press, 1990.

4. Informal Record of the First Meeting of the Joint Formulation Group, October 3, 1944 // Wellington Koo Papers, Koo-0075-001-0013-001~002.

5. Memorandum by the Under Secretary of State to the Secretary of State // FRUS. 1944. Vol. 1. P. 863.

6. Notes of a Meeting at the Apartment of Dr. H. H. Kung. New York City, August 28, 1944 // Wellington Koo Papers, Koo-0075-001-0020-001.

7. Tentative Chinese Proposals for a General International Organization, August 23, 1944 // FRUS. 1944. Vol. 1. Pp. 718–728.

8. 步平、王建朗主编：《中国抗日战争史》第五卷（战时外交），社会科学文献出版社 2019 年版.

9.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0009.

10. 参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0011.

11.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0023.

12.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0024.

13.《代表团非正式谈话会对若干主要问题之结论》（日期不详），Wellington Koo Papers, Koo-0079-019-0004-001.

14.《代表团非正式谈话会对若干主要问题之结论》（日期不详），Wellington Koo Papers, Koo-0079-019-0004-0013/004.

15. 邓野：《旧金山会议中国代表团的组成问题》，《历史研究》1994 年第 3 期.

16.《第八次代表会议结论》（1945 年 5 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-015.

17.《第六次代表会议结论》（1945 年 5 月 2 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-010.

18.《第六次代表会议结论》（1945 年 5 月 2 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-011.

19.《第三次代表会议结论》（1945 年 4 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-008.

20.《第十八次代表会议结论》（1945 年 5 月 17 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-036.

21.《第十次代表会议结论》（1945 年 5 月 8 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-021.

22.《第十次代表会议结论》（1945 年 5 月 8 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-022/023.

23.《第十六次代表会议结论》（1945 年 5 月 15 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-032.

24.《第十四次代表会议结论》（1945 年 5 月 12 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-030.

25.《第一次代表会议结论》（1945 年 4 月 27 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-002.

26.《对重要问题之立场》（1944 年 8 月 19、21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0008-0002~0004.

27.《顾维钧广播词》（1944 年 10 月 13 日），Wellington Koo Papers, Koo-0091b-003-0044-002~003.

28.《顾维钧致蒋介石电》（1944 年 8 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0023-0001~ 0003.

29.《顾维钧致蒋介石电》（1944 年 8 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0023-0004.

30.《顾维钧致外交部电》（1944 年 9 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-003-0024-001~005.
31.《顾维钧致外交部电》（1944 年 10 月 12 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-008-0003-0001.
32.《国际集团会公约要点》（1942 年 6 月 4 日），Wellington Koo Papers, Koo-0054-001-0002.
33.《国际制裁与国际道义》，《中央日报》（重庆），1944 年 10 月 10 日，第二版.
34.《国际组织宪章中之要点》（1944 年 9 月 9 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》.
35.《赫尔利致周恩来》（1945 年 2 月 20 日），王建朗主编：《中华民国时期外交文献汇编 1911–1949》第八卷（中），第 559 页.
36.《和平机构的症结与剖视》，《大公报》（重庆），1944 年 10 月 12 日，第二版.
37.《蒋介石来电》（1944 年 8 月 19、21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0008-0001.
38.《蒋介石致代表团电》（1944 年 10 月 7 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0013-0001.
39.《蒋介石致顾维钧电》（1944 年 7 月 26 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0003-0001.
40.金光耀：《顾维钧与中国参加敦巴顿橡树园会议》，金光耀主编：《顾维钧与中国外交》，上海古籍出版社 2001 年版，第 286–302 页.
41. 金光耀：《国民政府与联合国的创建》，《中国社会科学》2003 年第 6 期.
42.《旧金山会议我国代表团发表》，《中央日报》（重庆），1945 年 3 月 27 日，第三版.
43.《孔祥熙致蒋介石电》（1944 年 10 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0014-0001.
44.《孔祥熙致蒋介石电》（1945 年 3 月 7 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 304 页.
45. 李朝津：《顾维钧与旧金山会议》，金光耀主编：《顾维钧与中国外交》，上海古籍出版社 2001 年版.
46. 李铁城：《中国的大国地位及对创建联合国的贡献》，《中国社会科学》1992 年第 6 期.
47. 刘少华：《中国与联合国的创建》，《世界历史》1996 年第 3 期.
48.《罗斯福致毛泽东函》（1945 年 3 月 10 日），董佳编：《美国与战时国共关系》，上海世纪出版股份有限公司远东出版社 2016 年版，第 583 页.
49.《毛泽东年谱》（中），第 587 页.
50.《美国总统罗斯福、英首相丘吉尔共同发表大西洋宪章成立经过及宣言内容》（1941 年 8 月 14 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 2–3 页.
51.《美英苏中四国政府提出对于敦巴顿橡树草案之修正案》（1945 年 5 月 4 日），Wellington Koo Papers, Koo-0089-133-0111-006/009.
52.《宋子文呈蒋介石》（1944 年 9 月 9 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 202 页.
53.《宋子文呈蒋介石》（1945 年 3 月 17 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 308–309 页.
54.《宋子文呈蒋介石》（1945 年 3 月 21 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 309–310 页.
55.《宋子文致顾维钧电》（1944 年 7 月 27 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0007-0001/0002.
56.《宋子文致顾维钧电》（1944 年 9 月 13 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0009-005.
57.《宋子文致魏道明电》（1944 年 7 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0006-001~003.
58.《太平洋各国互助条约》（1942 年 5 月 7 日），Wellington Koo Papers, Koo-0054-001-0003.
59.《外交部长宋子文电蒋委员长》（1942 年 1 月 1 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 4 页.
60.《外交部致顾维钧电》（1944 年 10 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-002-0002-0001.
61.《王宠惠呈蒋介石报告》（1942 年 7 月 7 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》.
62.《我方立场与三国建议案比较表》，叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 272–273 页.
63.《我国代表团之组成及其工作之分配》，Wellington Koo Papers, Koo-0081-034-0003-001.
64.《吴国桢译呈蒋介石》（1945 年 2 月 13 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 340–341 页.
65.《雅尔达秘密协定及雅尔达（即克里米亚）会议报告》，国际出版社 1946 年版，第 5 页.
66.《有关国际和平机构各项问题之方案》，Wellington Koo Papers, Koo-0080-029-0006-006/007.
67.《与伊拉克外长会谈记录》（1945 年 5 月 26 日），Wellington Koo Papers, Koo-0077-012b-0017-001.
68.《中国代表团第二十八次代表会议结论》（1945 年 5 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0014-001.
69.《中国代表团第二十次代表会议结论》（1945 年 5 月 19 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0006-001.

70.《中国代表团第二十二次会议结论》（1945 年 5 月 22 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0008-001.
71.《中国代表团第二十三次会议结论》（1945 年 5 月 23 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0009-001.
72.《中国代表团第二十四次代表会议结论》（1945 年 5 月 24 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0010-001.
73.《中国代表团第二十五次代表会议结论》（1945 年 5 月 25 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0011-001.
74.《中国代表团第二十一次会议结论》（1945 年 5 月 21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0007-001.
75.《中国代表团第十九次代表会议结论》（1945 年 5 月 18 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0005-001.
76.《中国代表团第十七次代表会议》（1945 年 5 月 16 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0003-001.
77. 中国社会科学院近代史研究所译：《顾维钧回忆录》第 5 分册，第 489 页.
78.《中华民国首席代表顾维钧在联合国宪章签字仪式之演说全文》，《中央日报》（重庆），1945 年 6 月 27 日，第三版.
79.《周恩来致赫尔利》（1945 年 2 月 18 日），王建朗主编：《中华民国时期外交文献汇编 1911–1949》第八卷（中），第 558 页.
80.《驻美大使魏道明致蒋介石电》（1944 年 5 月 17 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 126 页.

Speaking on Behalf of Small and Weak Nations: On the Role of China in the Creation of the United Nations

Hou Zhongjun
Doctor of History, research fellow of the Institute of Modern History, Chinese Academy of Social Sciences; chief expert of the Hou Zhongjun Studio, Chinese Academy of History.
China, Beijing. E-mail: houzhongjun@126.com

Abstract. In the course of the creation of the United Nations, China spoke on behalf of small states and peoples, consistently upholding international justice and the principles of the rule of law. Taking into account the historical experience of the ineffectiveness of the League of Nations system in applying sanctions against aggression, China insisted on the adoption of the principle of unanimity of the great powers in voting and proposed a clear definition of the concept of aggression, so as to endow the postwar international organization with real capacities for suppressing aggression. At the first stage of the Dumbarton Oaks Conference, China presented proposals of its own rather than declining to take part in their elaboration; the agreements reached between Great Britain, the USA and the USSR at the first stage in fact reflected the Chinese proposals. The real contribution of China to the Dumbarton Oaks Conference should therefore be assessed by the degree to which its proposals were included in the final draft of the documents, and not by the fact of its participation or non-participation in the first stage of the negotiations. At the San Francisco founding conference, the Chinese delegation, which included representatives of the Communist Party of China, consistently sought the inclusion in the trusteeship system of a provision on support for the independence of small and weak nations, striving to speak on behalf of a wide circle of the countries of Asia, Africa and Latin America that were entering the emerging "third world".

Keywords: the Dumbarton Oaks Conference, the Charter of the United Nations, the League of Nations, the San Francisco Conference.

References

1. Division of Publications Office of Public Affairs. Postwar Foreign Policy Preparation, 1939–1945. U. S. Department of State Publication 3580. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1950.
2. Extracts From the Personal Diary of the Under Secretary of State (Stettinius). September 13 // FRUS. 1944. Vol. 1. P. 804.
3. *Hilderbrand R. C.* Dumbarton Oaks: The Origins of the United Nations and the Search for Postwar Security. Chapel Hill ; London : The University of North Carolina Press, 1990.
4. Informal Record of the First Meeting of the Joint Formulation Group, October 3, 1944 // Wellington Koo Papers, Koo-0075-001-0013-001~002.
5. Memorandum by the Under Secretary of State to the Secretary of State // FRUS. 1944. Vol. 1. P. 863.
6. Notes of a Meeting at the Apartment of Dr. H. H. Kung. New York City, August 28, 1944 // Wellington Koo Papers, Koo-0075-001-0020-001.

7. Tentative Chinese Proposals for a General International Organization, August 23, 1944 // FRUS. 1944. Vol. 1. Pp. 718–728.

8. 步平、王建朗主编：《中国抗日战争史》第五卷（战时外交），社会科学文献出版社 2019 年版.

9.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0009.

10.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0011.

11.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0023.

12.《参加国际和平安全机构会议代表团报告书》，Wellington Koo Papers, Koo-0076-004-0002-0024.

13.《代表团非正式谈话会对若干主要问题之结论》（日期不详），Wellington Koo Papers, Koo-0079-019-0004-001.

14.《代表团非正式谈话会对若干主要问题之结论》（日期不详），Wellington Koo Papers, Koo-0079-019-0004-0013/004.

15. 邓野：《旧金山会议中国代表团的组成问题》，《历史研究》1994 年第 3 期.

16.《第八次代表会议结论》（1945 年 5 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-015.

17.《第六次代表会议结论》（1945 年 5 月 2 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-010.

18.《第六次代表会议结论》（1945 年 5 月 2 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-011.

19.《第三次代表会议结论》（1945 年 4 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-008.

20.《第十八次代表会议结论》（1945 年 5 月 17 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-036.

21.《第十次代表会议结论》（1945 年 5 月 8 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-021.

22.《第十次代表会议结论》（1945 年 5 月 8 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-022/023.

23.《第十六次代表会议结论》（1945 年 5 月 15 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-032.

24.《第十四次代表会议结论》（1945 年 5 月 12 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-030.

25.《第一次代表会议结论》（1945 年 4 月 27 日），Wellington Koo Papers, Koo-0085-061-0003-002.

26.《对重要问题之立场》（1944 年 8 月 19、21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0008-0002~0004.

27.《顾维钧广播词》（1944 年 10 月 13 日），Wellington Koo Papers, Koo-0091b-003-0044-002~ 003.

28.《顾维钧致蒋介石电》（1944 年 8 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0023-0001~0003.

29.《顾维钧致蒋介石电》（1944 年 8 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0023-0004.

30.《顾维钧致外交部电》（1944 年 9 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-003-0024-001~005.

31.《顾维钧致外交部电》（1944 年 10 月 12 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-008-0003-0001.

32.《国际集团会公约要点》（1942 年 6 月 4 日），Wellington Koo Papers, Koo-0054-001-0002.

33.《国际制裁与国际道义》，《中央日报》（重庆），1944 年 10 月 10 日，第二版.

34.《国际组织宪章中之要点》（1944 年 9 月 9 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》.

35.《赫尔利致周恩来》（1945 年 2 月 20 日），王建朗主编：《中华民国时期外交文献汇编 1911–1949》第八卷（中），第 559 页.

36.《和平机构的症结与剖视》，《大公报》（重庆），1944 年 10 月 12 日，第二版.

37.《蒋介石来电》（1944 年 8 月 19、21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0008-0001.

38.《蒋介石致代表团电》（1944 年 10 月 7 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0013-0001.

39.《蒋介石致顾维钧电》（1944 年 7 月 26 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0003-0001.

40. 金光耀：《顾维钧与中国参加敦巴顿橡树园会议》，金光耀主编：《顾维钧与中国外交》，上海古籍出版社 2001 年版，第 286–302 页.

41. 金光耀：《国民政府与联合国的创建》，《中国社会科学》2003 年第 6 期.

42.《旧金山会议我国代表团发表》，《中央日报》（重庆），1945 年 3 月 27 日，第三版.

43.《孔祥熙致蒋介石电》（1944 年 10 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-004-0014-0001.

44.《孔祥熙致蒋介石电》（1945 年 3 月 7 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 304 页.

45. 李朝津：《顾维钧与旧金山会议》，金光耀主编：《顾维钧与中国外交》，上海古籍出版社 2001 年版.

46. 李铁城：《中国的大国地位及对创建联合国的贡献》，《中国社会科学》1992 年第 6 期.

47. 刘少华：《中国与联合国的创建》，《世界历史》1996 年第 3 期.

48.《罗斯福致毛泽东函》（1945 年 3 月 10 日），董佳编：《美国与战时国共关系》，上海世纪出版股份有限公司远东出版社 2016 年版，第 583 页.

49.《毛泽东年谱》（中），第 587 页.

50.《美国总统罗斯福、英首相丘吉尔共同发表大西洋宪章成立经过及宣言内容》（1941 年 8 月 14 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 2–3 页.

51.《美英苏中四国政府提出对于敦巴顿橡树草案之修正案》（1945 年 5 月 4 日），Wellington Koo Papers, Koo-0089-133-0111-006/009.

52.《宋子文呈蒋介石》（1944 年 9 月 9 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 202 页.

53.《宋子文呈蒋介石》（1945 年 3 月 17 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 308–309 页.

54.《宋子文呈蒋介石》（1945 年 3 月 21 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 309–310 页.

55.《宋子文致顾维钧电》（1944 年 7 月 27 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0007-0001/0002.

56.《宋子文致顾维钧电》（1944 年 9 月 13 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0009-005.

57.《宋子文致魏道明电》（1944 年 7 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-001-0006-001~003.

58.《太平洋各国互助条约》（1942 年 5 月 7 日），Wellington Koo Papers, Koo-0054-001-0003.

59.《外交部长宋子文电蒋委员长》（1942 年 1 月 1 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 4 页.

60.《外交部致顾维钧电》（1944 年 10 月 6 日），Wellington Koo Papers, Koo-0070-002-0002-0001.

61.《王宠惠呈蒋介石报告》（1942 年 7 月 7 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》.

62.《我方立场与三国建议案比较表》，叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 272–273 页.

63.《我国代表团之组成及其工作之分配》，Wellington Koo Papers, Koo-0081-034-0003-001.

64.《吴国桢译呈蒋介石》（1945 年 2 月 13 日），叶惠芬编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 340–341 页.

65.《雅尔达秘密协定及雅尔达（即克里米亚）会议报告》，国际出版社 1946 年版，第 5 页.

66.《有关国际和平机构各项问题之方案》，Wellington Koo Papers, Koo-0080-029-0006-006/007.

67.《与伊拉克外长会谈记录》（1945 年 5 月 26 日），Wellington Koo Papers, Koo-0077-012b-0017-001.

68.《中国代表团第二十八次代表会议结论》（1945 年 5 月 29 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0014-001.

69.《中国代表团第二十次代表会议结论》（1945 年 5 月 19 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0006-001.

70.《中国代表团第二十二次会议结论》（1945 年 5 月 22 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0008-001.

71.《中国代表团第二十三次会议结论》（1945 年 5 月 23 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0009-001.

72.《中国代表团第二十四次代表会议结论》（1945 年 5 月 24 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0010-001.

73.《中国代表团第二十五次代表会议结论》（1945 年 5 月 25 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0011-001.

74.《中国代表团第二十一次会议结论》（1945 年 5 月 21 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0007-001.

75.《中国代表团第十九次代表会议结论》（1945 年 5 月 18 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0005-001.

76.《中国代表团第十七次代表会议》（1945 年 5 月 16 日），Wellington Koo Papers, Koo-0078-004-0003-001.

77. 中国社会科学院近代史研究所译：《顾维钧回忆录》第 5 分册，第 489 页.

78.《中华民国首席代表顾维钧在联合国宪章签字仪式之演说全文》，《中央日报》（重庆），1945 年 6 月 27 日，第三版.

79.《周恩来致赫尔利》（1945 年 2 月 18 日），王建朗主编：《中华民国时期外交文献汇编 1911–1949》第八卷（中），第 558 页.

80.《驻美大使魏道明致蒋介石电》（1944 年 5 月 17 日），叶惠芬主编：《中华民国与联合国史料汇编·筹设篇》，第 126 页.

Поступила в редакцию: 25.08.2026
Принята к публикации: 28.09.2026

EDN: JHUFBT УДК 94(519)“1950/1953”

Корейская война и перемирие: оценки американских экспертов 1953 г.

Рычкова Ольга Владимировна
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ResearcherID: QKY-0420-2026. ORCID: 0000-0002-9468-6562.
E-mail: olya.rychkova@gmail.com

Аннотация. В условиях развертывания холодной войны события в Корее в 1950–1953 гг. стали важным элементом медийного внимания в Соединенных Штатах. В отличие от новостных изданий, профессиональные американские журналы проявили строгость в оценках этого события. Подписание Пханмунджомского перемирия и актуализированный интерес к региону со стороны читателей привели к особой востребованности работ профессиональных аналитиков (дипломатов, политиков, военных, политических обозревателей и специальных корреспондентов). В статье представлен анализ того, как ведущие эксперты США интерпретировали ключевые события конфликта. Исследуются подходы прессы к истокам войны, акцентируется роль идеологического противостояния сверхдержав и концепции «сдерживания коммунизма». Уделено внимание различиям в трактовках значения советского и американского факторов в корейских событиях. Анализируется освещение средствами массовой информации участия в конфликте Организации Объединенных Наций, степени самостоятельности этой организации и результативности действий войск ее коалиции. Изучаются ключевые аргументы, которые пресса США приводила в объяснение причин заключения перемирия: от стратегического тупика на фронте и огромных человеческих потерь до внутреннего политического давления на администрацию Эйзенхауэра. Уделено внимание прогнозам американских специалистов относительно будущего Корейского полуострова. Исследуется, как в медиадискурсе формировалось понимание того, что перемирие – это не окончательный мир, а лишь временная стабилизация. Обосновывается вывод о том, что материалы американских СМИ позволяют проследить механизмы взаимодействия прессы и власти в условиях холодной войны.

Ключевые слова: корейская война, перемирие, внешняя политика СССР, НАТО, ООН, Пханмунджом, холодная война, средства массовой информации.

Введение. В июле 1953 г. в Пханмунджоме было подписано перемирие, остановившее корейскую войну. Эта первая реальная проба сил США, возглавивших коалицию ООН, костяк которой составили государства только что созданного Североатлантического альянса, и социалистических государств (КНДР, КНР, СССР) до сих пор является объектом внимания политиков, публицистов, журналистов и историков. Интерес к истории войны в Корее в значительной степени актуализирован как текущей ситуацией на полуострове, так и международными отношениями в целом.

Проблемы перемирия отражены в документах американских структур, вовлеченных в дипломатические, экономические и военные аспекты этого конфликта [16; 25; 46; 54–56]. События корейской войны запечатлены в бумагах президентов Г. Трумэна и Д. Эйзенхауэра [22; 53] и дипломатов (Д. Ачесон и Ч. Болен) [8; 14].

Американская историография, оценивая Пханмунджомское перемирие, эволюционировала от расхожих идеологических штампов [33; 44] до взвешенного анализа истоков, итогов и глобальных последствий конфликта [47; 58]. Советская историография тоже следовала идеологическим установкам холодной войны и общему курсу СССР, связывая причины конфликта с деструктивным курсом «марионеточного режима» в Южной Корее и действиями его «американских покровителей» [4–6]. Современная отечественная историография существенно продвинулась в изучении этого конфликта и отличается разнообразием оценок и опорой на широкую источниковую базу [1–3].

Влияние прессы на общественность к моменту подписания перемирия 1953 г. было очевидно и для читателей, и для политической элиты; газеты и журналы как мощный пропагандистский ресурс любого конфликта XX в. прочно вошли в общественное сознание американцев. Однако в условиях трехлетней войны для медийного потребителя была важнее не эмоциональная перцепция, а экспертное мнение специалистов. Новостная пресса, ориентиро-

© Рычкова Ольга Владимировна, 2026

ванная на борьбу за читателя, делала ставку на сенсационность и скорость в ущерб глубине анализа и зачастую качеству контента. Специализированная пресса не могла позволить себе поверхностно-эмоционального подхода к такой сложной проблеме, как корейская война, не потеряв профессиональной репутации. С учетом указанных обстоятельств и современных событий исследование направлено на изучение медиапрезентаций американского профессионального мнения по проблеме корейской войны (от генезиса до перспектив) и выявление степени разнообразия их взглядов. Принимая во внимание специфику предмета исследования, методологической основой статьи мы сделали текстовый анализ материалов СМИ, включающий в себя дискурс-анализ, семантику и анализ сюжетов.

Пресса и конфликт: особенности эпохи. Освещение корейской войны в американской прессе 1953 г. имело ряд специфических черт, обусловленных как психологическими особенностями читателя, так и геополитической ситуацией.

Первое. К 1953 г. энтузиазм первых месяцев войны в американской прессе сменился разочарованием. Читатели устали от бесконечных сводок о боях за безымянные высоты, которые переходили из рук в руки по нескольку раз. Пресса почти перестала печатать карты продвижения фронта, ограничившись формальными сводками. В начале 1953 г. все чаще стал употребляться термин «забытая война». Эта усталость общества от затяжного конфликта привела к дефициту читательского внимания.

Второе. Несмотря на спад общественного интереса, тема корейской войны была важнейшим элементом политической жизни, особенно в условиях смены власти в Белом доме. Как показывают опросы, проведенные службой Дж. Гэллапа, и в 1952, и в начале 1953 г. респонденты уверенно и однозначно отмечали, что главная проблема, стоящая перед президентом страны, – это корейская война [51, p. 1108; 1118]. Два указанных обстоятельства: усталость и осознание значения конфликта – переместили и читательские, и медийные акценты с новостной на экспертную журналистику.

Третье. Если новостная пресса проявляла регулярный (хотя и уменьшенный в масштабах публикаций и эмоциональном окрасе) интерес, то академические издания показывали редкостную для СМИ сдержанность. Материалов по поводу корейской войны совсем немного, и они очень умеренны в комментариях. Вероятное объяснение этого обстоятельства связано не только с туманными последствиями Пханмунджомского перемирия, но и с соображениями иного рода. Специализированная пресса стремилась не столько к сенсации, сколько к выдержке репутационного фильтра. Поэтому экспертный медийный анализ корейского перемирия с обозначением бэкграунда и иных закулисных течений для образованного читателя был желаннее, нежели мнение новостных репортеров.

Советский фактор в войне. Одна из первых тем, поднятых всеми экспертами (и журналистами, и политиками, и учеными) в публикациях, касаемых перемирия в Корее, касалась истоков – причин этой войны. Минуя все политические иллюзии по поводу отношений Южной и Северной Кореи (игнорируя собственно корейский фактор), академические издания США вполне однозначно выделили в качестве мотивационного начала кризиса особую роль СССР как катализатора корейского конфликта. Аргументация в этом плане отличалась не слишком разнообразным спектром доводов.

Обстоятельства, обозначившие активизацию действий советской стороны в событиях в Азии, по мнению Стэнли Хорнбека, бывшего начальника отдела Госдепартамента по делам Дальнего Востока, в первую очередь имели идеологически извращенные основания. «Теории, изложенные Карлом Марксом, были превращены русскими революционными заговорщиками в Евангелие – инструмент для захвата, осуществления и реализации власти. Оно призывает их к мировому господству. Эта система способствовала формированию в течение тридцати пяти лет коммунистической империи, охватывающей более 800 000 000 человек. Они получили контроль над мыслями и действиями внушительного числа последователей за пределами этой империи…» [30, p. 35]. Отрицание иных идеологических теорий и традиций, нетерпимость к политическому плюрализму, стремление Москвы расширить «коммунистическую империю» – все это, по мнению автора, привело Корею на грань «смертельной бойни». Коммунистической армии здесь противостояли «местные силы и силы Запада, объединившиеся в целях самообороны» [30, p. 36]. Риторика профессора Хорнбека определила основное направление и содержание последующего далее публицистического дискурса в американской периодике: перемолотая агрессивной практикой коммунистическая теория во многом спровоцировала корейскую войну.

Бернард Тауэр, один из крупнейших западных специалистов по советской истории, разложил по полочкам сталинскую логику на примере Кореи. Диалектическая терминология Кремля объясняет коммунистическую идеологию движением за мир, которое (при определенных обстоятельствах) часто перерастает в гражданскую войну. «Этот диалектический прием, превращающий “мир” и “гражданскую войну” в тактические эквиваленты, в сиамских близнецов сталинской логики», был успешно реализован на примере Кореи. Более того, Кремль старался избегать слова «война» (форма прямой военной агрессии), используя понятие «гражданская война», не предполагающее какого-либо внешнего участия. Эту пластичность коммунистической доктрины в сталинском изложении профессор Тауэр назвал «волшебной палочкой теории империализма» [50, p. 376].

Продолжил эту линию профессор Военно-морской академии США Фредерик Хартман. Этот специалист по военной истории считал истоком зла «марионеточные правительства Китая и Северной Кореи» и исходящую от них, но организованную и направляемую Москвой «коммунистическую агрессию» [29, p. 450]. Вывод автора однозначен и предсказуем: «Если бы Запад не решил поддержать вооруженное сопротивление в Корее, вся Восточная Азия вместе с Японией была бы к настоящему времени во власти коммунизма» [29, p. 450].

Бертрам Д. Вулф, эволюционирующий от советских симпатий к ярому антикоммунизму, автор многих публикаций о Ленине и Сталине, истоки корейского конфликта тоже усматривал не столько в специфике ситуации на Дальнем Востоке, сколько в особенностях коммунистической идеи. «“Красное смещение” во внешних пределах вселенной истории» [60, p. 157] грозило широкомасштабным наступлением тоталитаризма, создавая тем самым угрозу всему демократическому миру. Это, в свою очередь, вызвало ответную, вполне обоснованную, по мнению автора, реакцию Америки. Такая позиция Вашингтона, проиллюстрированная на примере Кореи, – вмешательство в региональные конфликты с нарушителями установленного США миропорядка – сохраняет актуальность и по сей день [7, с. 257].

Агрессивность советских намерений, переросшая в воинственность всего коммунистического лагеря, по мнению профессора Фрэда Грина, специалиста по международной безопасности, автора серии публикаций по атомной проблеме, не только привела к корейской войне, но и фактически спровоцировала гонку вооружений, вынудив «свободный мир» наращивать «усилия по достижению военного паритета с коммунистическим блоком» [28, p. 1041]. Тем не менее эксперт считал, что поиск виновных в конфликте не столь актуален, сама по себе «ситуация силы» не дает однозначного ответа, а надежды на разрешение кризиса он связывал с переговорами.

Подобная однозначность и местами категоричность мнений влиятельных экспертов не выглядит чем-то необычным: и политическая конъюнктура, и эффективно работающий пропагандистский аппарат, частью которого эти авторы являлись, вряд ли могли позволить себе даже стилистическую корректность в отношении Москвы.

Таким образом, в качестве ведущего нарратива корейской войны абсолютное большинство американских экспертов выделяли «агрессию коммунистов» – как северокорейских (спровоцированных Москвой), так и советских, превративших локальных конфликт в часть глобального противостояния. Американская пресса воспринимала роль СССР не как наблюдателя, а как закулисный, но определяющий стержень конфликта, действующий в рамках глобального плана противостояния коммунистической экспансии.

Американский фактор в войне. Если в отношении роли СССР в политическом развитии региона для американских экспертов все было в целом однозначно (Москва как идейный провокатор), то американское участие в корейском вопросе требовало более аргументированного обоснования.

Абсолютное большинство американских авторов воспринимали роль США исключительно в оправдательном ракурсе: Вашингтон – это защитник демократического мира, и эта высокая миссия возлагала особую ответственность и давала исключительные права, включая право применения силы. В качестве аргументов использовался традиционный арсенал западных тезисов, так или иначе сводящихся к вынужденному противостоянию Москве, неизбежности политики «сдерживания коммунизма», обязанности защищать западные ценности от угрозы экспорта коммунизма и неотвратимости воспрепятствованию коммунистической агрессии всеми силами и ресурсами [6, p. 38; 21, p. 1041; 29, p. 91; 38, p. 86–87; 51, p. 84; 53, p. 157].

В 1953 г. некоторые американские аналитики уделяли большое внимание экономическим факторам. Объясняя вмешательство Вашингтона в проблемы Корейского полуострова,

профессор истории Университета Вандербильта Д. Ф. Флеминг в качестве причины американского присутствия в Корее назвал экономические интересы. В 1953 г. подобное объяснение выбивалось из общего ряда устоявшихся в западном политическом пространстве парадигм. Флеминг следующим образом раскрывает логику поведения американского руководства: «У нашего огромного производства должно быть место, куда можно прийти не только с бомбами и пушками. Уже сегодня мир представляет собой экономическое единство, и ни одна из сторон не может разделить его пополам без серьезного ущерба для себя. Если раскол будет принудительным, именно коммунистические нации, скорее всего, создадут самодостаточную целостность; это будет болезненно, но эффективно. Они начинают с такого низкого жизненного уровня, что им некуда идти, кроме как вверх» [24, p. 44]. Положение Запада было совершенно иным. Именно здесь крылись главные причины конфликта: конкуренция уровней жизни и борьба за ресурсы.

Экономическую природу корейского конфликта обозначил и авторитетный на Западе аналитик Робб Лэвис. По мнению этого финансового эксперта, до начала корейской войны значительная часть производственных мощностей Соединенных Штатов оставалась неиспользованной. И даже в условиях активных мобилизационных мероприятий в отношении промышленности, «атмосферы безотлагательности, которую правительство усердно пыталось создать после начала Корейской войны», часть ресурсов бездействовала [34, p. 322, 324]. Автор, анализируя сугубо экономические проблемы, избегал прямых и однозначных выводов, особенно в отношении геополитики. Однако контекст статьи вполне очевиден: корейская война использовалась правительством США для масштабного обновления своего промышленного потенциала.

Асирватам Эдди, профессор политических наук и государственного управления, автор популярной в США «Политической теории», отмечал: «В Соединенных Штатах есть несколько человек, которые открыто говорят, что именно гонка вооружений, особенно с началом корейской войны, спасла Америку от экономического спада. Верна эта интерпретация или нет, но в высокоразвитых странах распространено мнение, что война и подготовка к ней означают полную занятость и высокую заработную плату, а мир и стремление к миру означают безработицу и низкую заработную плату» [21, p. 134]. Эта точка зрения не отличалась особой новизной для американской читающей публики: фактор финансовой выгоды от участия в войне обсуждался в США с середины 1930-хх гг. Однако так открыто указывать на прагматизм государственной власти, как указанная выше политически разноплановая троица, в США позволяли себе немногие авторы.

Джозеф Б. Мэтьюз, ученый и политический активист, ярый пацифист, признанный в США специалист по коммунистическому движению, в обсуждении причин войны занял оборонительную линию. Приводя мнение анонимного высокопоставленного офицера отдела информации армии Соединенных Штатов, он отмечал, что важным фактором, определившим непосредственное участие Америки в конфликте, стали геополитические выгоды от размещения дополнительных воинских контингентов: «Мы приняли ее (войну в Корее. – *О. Р.*), прежде всего потому, что, не сделай мы этого шага, в случае войны с Россией мы не могли бы даже эвакуировать наши войска из региона» [45, p. 87].

Мнение Фреды Атли, политической активистки, известной своей богатой на крутые повороты биографией (от члена Коммунистической партии до ярой антикоммунистки), по поводу истоков корейской войны тоже строилось на тезисе о том, что у правительства США в этом вопросе не было альтернативы. Ее взгляды основывались на крайне консервативных идейно-политических постулатах. Ф. Атли пишет: «Корейская война обрушилась на нас из-за того, что банда сочувствующих коммунистам тупых “либералов” взяла в свои руки рычаги контроля над нашим общественным мнением и политикой» [57, p. 112]. Непонимание всей глубины проблемы со стороны общественности и некоторой части политической элиты, по мнению Атли, привело Америку к необходимости отстаивать свои интересы с оружием в руках за пределами страны. Бывшая коммунистка призывала более жестко реагировать на проявления политического «невежества» и «дезинформированности» в американском обществе относительно «коммунистической угрозы» [57, p. 112].

На близких Ф. Атли позициях стоял президент Ассоциации международных исследований Норман Палмер. Его статья с говорящим названием «Дальний Восток: недостаток понимания» резко критикует предыдущую администрацию за невежество в области региональных проблем, недооценку эффективности советской антиимпериалистической риторики в

Корее и решимости корейских коммунистов. Запоздалая и вынужденная реакция США на корейские события хотя и остановила коммунистов, но, по мнению Палмера, сильно осложнила положение американцев в регионе, привела к неоправданным человеческим потерям и многомиллиардным затратам [42, p. 243]. Автор сдержанно оценивал шансы на успех только что пришедшей к власти в Вашингтоне администрации Эйзенхауэра, которая на момент выхода статьи не смогла понять специфики Кореи, а потому вряд ли могла рассчитывать на достижение быстрых благоприятных результатов.

Гамильтон Ф. Армстронг в январе 1953 г. опубликовал материал, посвященный проблемам международных отношений. Во время смены администрации в Вашингтоне, анализируя тупиковую ситуацию во внешней политике США, он напоминал, что все мировые процессы взаимосвязаны, и указывал, что события на Дальнем Востоке подтверждают этот тезис. Кремль спровоцировал конфликт в Корее – «уязвимом и почти забытом плацдарме» Запада. Регион «не был включен в число просчитываемых Вашингтоном рисков». Однако «мир кругл», и любая проблема возвращается к порогу Америки. Поэтому начало корейской войны поставило под сомнение прочность оборонной стратегии НАТО во всем мире. Правительство США, однако, вовремя осознало возможные губительные последствия коммунистической агрессии [11, p. 178]. Этот географический факт стал важным политическим аргументом для американского руководства: события в любых (даже самых отдаленных регионах), связанные с коммунистической активностью, напрямую влияют на безопасность США.

При наличии разноплановых подходов к определению причин участия США в корейской войне и отдельных критических замечаний в адрес Белого дома все американские эксперты признавали, что корейская война – это элемент глобального противостояния двух систем, поэтому участие США в войне было неизбежно.

Роль ООН. Значительное внимание при анализе корейской войны аналитики США уделили роли ООН. «Война, развернувшаяся в Корее, ставит фундаментальный вопрос о роли Организации Объединенных Наций и ее органов в сохранении международного мира», – отмечал Л. Гудрич [27, p. 104]. Дебютные действия этой международной организации подверглись критике американских аналитиков.

Во-первых, осуждалось недостаточно активное обличение ООН советской агрессии в Корее и нежелание использовать для этих целей все разрешенные Уставом инструменты влияния, хотя, по мнению военно-политического обозревателя Чесли Мэнли, аккредитованного корреспондента США при ООН, потенциал этих инструментов был не очень весомым и «моральный авторитет» Организации в основном «приписывается ей ее же сторонниками» [36, p. 92]. Рассуждая о причинах и характере конфликта, Мэнли отметил, что «сопротивление агрессии в Корее называют операцией ООН, но это прежде всего американская война. Президент Трумэн приказал американским вооруженным силам действовать еще до того, как Совет Безопасности рекомендовал такую помощь южнокорейцам». И только после этого ООН приняла соответствующее решение. Политическую неторопливость, проявленную Организацией в данном случае и в других вопросах, обозреватель назвал «умиротворением» [36, p. 92]. Отсюда возникал вопрос, поставленный впервые с момента основания Организации: нужен ли вообще этот «пережиток непрактического идеализма Вудро Вильсона»? [11, p. 189].

Во-вторых, деятельность ООН порицалась в связи с нерешительностью в использовании имевшихся правовых механизмов. Говард Дж. Таубенфельд, ученый в области международного публичного права, утверждал, что, хотя в правовом арсенале ООН есть сомнительные разделы, в целом «даже в настоящее время существует правовая основа для разрешения таких ситуаций (подобных корейской войне. – *О. Р.*)» [49, p. 396]. Профессор, на примере Кореи рассматривая роль ООН в послевоенном мире, сделал вывод: «Если Организация Объединенных Наций хочет добиться успеха в качестве агентства по принуждению к миру, ей нужна сила там, где Лига Наций проявила слабость. Воля подавляющего числа государств к искоренению угрозы миру не должна быть подорвана актом агрессии одной или нескольких наций, независимо от того, являются ли они членами Организации или нет» [49, p. 396].

Упомянутый выше Л. Гудрич тоже признал дипломатическое фиаско ООН в разрешении конфликта, хотя с иной причинно-следственной аргументацией. По его мнению, Организация Объединенных Наций стремилась к бескровному правовому разрешению конфликта (учитывая географическое положение Кореи, признавая важность интересов Китая и России в этом регионе), но все мирные инициативы «потерпели неудачу из-за отказа Советского Союза сотрудни-

чать». Такое «неконструктивное поведение» Москвы (а также Пекина) фактически вынудило западные державы посредством ООН использовать силу против Северной Кореи [27, p. 100]. Гудрич таким образом избегал однозначного ответа, утверждая, что ООН – это сложное образование, сочетающее в себе как значительные достижения, так и серьезные неудачи.

В-третьих, значительная доля критики в адрес Организации связывалась с ее чрезмерной осторожностью и медлительностью. Так, профессор Питман Поттер, преподающий международное право (азиатское направление), анализируя причины войны, содержание перемирия и проблему военнопленных, отмечал, что попытки решения этих вопросов вносят нечто «новое», «сложное» и «необычное» в практику регулирования международных отношений. Репатриация военнопленных требует согласованных действий и уточненных правовых механизмов, для чего необходимо активное участие ООН (позиция Генерального Комитета либо созыв отдельной конференции), но «ООН вряд ли решится изменить договоренности, подписанные в Пханмунджоме» [43, p. 661]. Вполне возможно, отмечает Поттер, что избыточная сдержанность ООН основывалась на стремлении сохранить хрупкий мир в регионе; однако во всей его статье прослеживается разочарование действиями этой международной организации.

В-четвертых, критике подверглась и структура ООН. Гамильтон Фиш Армстронг в статье «Мир кругл» привел точку зрения некоторых сенаторов, оценивающих «всемирную организацию в лучшем случае как помеху, а в худшем – как серьезное препятствие для действий стран, несущих главную ответственность за выдвижение инициатив и продвижение позитивных программ по сохранению мира». Эта претензия была связана с тем, что механизм вето в Совете Безопасности позволял блокировать любые решительные действия, и Организация, таким образом, превратилась в препятствие американским усилиям по решению корейской проблемы [11, p. 189]. ООН, соответственно, из инструмента коллективной безопасности превращалась в площадку для бесконечных дипломатических споров, пропагандистских кампаний и даже шантажа. Армстронг отмечал «бессилие» организации перед лицом локальных войн. ООН не могла оперативно реагировать на кризисы, если в них были замешаны постоянные члены Совбеза.

Кеннет Томпсон, известный американской политолог, с данными выводами был солидарен. Корейская война как площадка для апробации возможностей ООН, по его мнению, подняла целый ворох проблем. Коллективная безопасность дала сбой: «Влияние других стран, искушенных в исторической дипломатии, в рамках Организации Объединенных Наций послужило встроенным сдерживающим фактором для импульсов американской внешней политики» [52, p. 772]. Желая минимизировать роль «партнеров по утопии», этот автор призывал к более взвешенному пониманию термина «коллективная безопасность» [52, p. 772].

На фоне анализа корейского конфликта, полномочий ООН и обозначившегося разномыслия в рядах западной дипломатии Томпсон обозначил ментальный переход СМИ от идеализма вудровианского толка к реалистическому восприятию внешней политики и приоритету национальных интересов.

Подводя итог рассуждениям о роли международных институций и структур в регулировании проблем войны и мира, Л. Гудрич сделал вывод: корейский конфликт стал испытанием на эффективность Организации Объединенных Наций (пока не слишком успешным) и маркером наличия фундаментальных проблем, которые еще предстояло решить. Корейская история должна дать четкий ответ на вопрос: «является ли основная функция ООН выступать центром для согласования конфликтующих интересов или же в силу своих основных целей и принципов ей следует стремиться служить интересам свободного мира в борьбе с мировым коммунизмом, в которой мало компромиссов и перспектив истинного сотрудничества»? [27, p. 104].

В попытках найти ответы на ключевой вопрос, чем является участие международной коалиции в корейской войне: актом коллективной безопасности или же инструментом внешней политики Вашингтона, эксперты разошлись во мнениях. В любом случае флаг ООН на поле боя представлялся символом коллективной безопасности и победы над законом коммунистических джунглей в международной политике. Это позволяло СМИ оправдывать отсутствие официального объявления войны Конгрессом США, представляя конфликт как операцию по наведению порядка, санкционированную международным правом.

От войны к миру. В 1953 г. аналитиков интересовал вопрос: почему при неразрешенности идеологических, экономических, военно-стратегических политических и территориальных разногласий стороны пошли на перемирие?

Версия первая: главная причина – социальные факторы, давление общественности.

В мае 1953 г., когда перемирие было уже не за горами, в "Life" была опубликована статья генерала Джеймса Ван Флита «Правда о Корее», где он анализировал ход войны. Флит критиковал и американское руководство, заставившее США перейти к обороне, и искусственный дефицит боеприпасов, и сами переговоры как «умиротворение агрессора». При этом генерал признавал, что главной причиной приостановки военных действий стала усталость в обществе: «Конечно, мы хотим мира. Мы все утомлены корейской войной – больше, чем кто-либо, участвовавший в ней» [23, p. 126].

Ощутимым фактором для Вашингтона и Пентагона были настроения непосредственных участников конфликта и их семей. На протяжении корейской войны американские социологи (Роуз Кон Голдсен, Эдвард А. Сучман, Робин Мерфи Уильямс-мл.), известные своими работами по изучению общественного мнения в военной среде, проводили исследование среди американских солдат, участвовавших в конфликте. Результаты оказались неутешительными. Выяснилось, что одним из главных мотивов решения посвятить свою жизнь армии для большинства военнослужащих была «безоговорочная вера в правоту нашего дела». Сейчас же молодых американцев призывают к оружию «в то время, когда страна в целом не согласна с целесообразностью нынешнего конфликта» [48, p. 171].

Усталость общества от «войны без победы», гибель американских солдат за далекую и малоизвестную страну при отсутствии явного прогресса сделали конфликт непопулярным («единая и всесторонняя поддержка общественным мнением корейской войны явно отсутствует») [48, p. 171]. Не считаться с этим Белый дом не мог.

Версия вторая: политические перемены.

Часто можно было встретить мнения (в большинстве оптимистичные), выделяемые в качестве главной причины перемирия изменения в составе руководства СССР и США в 1952–1953 гг.: «И в Вашингтоне, и в Москве к власти пришли новые правительства, вновь способные по-новому взглянуть на изменившуюся ситуацию», протянувшие друг другу "руку примирения"» [12, p. 133].

Исаак Дойчер, марксист, политический деятель с польскими корнями, влиятельный в США публицист, обосновывал эти подходы в нетипичном для американской прессы позитиве. По мнению журналиста, смерть Сталина и отставка Берии стали важными факторами в урегулировании конфликта: «Новый дух дал о себе знать в ведении иностранных дел. Москва последовательно использовала свое влияние в пользу перемирия в Корее; и даже провокации Ли Сын Мана не сбили русских с этого пути» [18, p. 229].

Версия третья: «ограниченность войны»: обе стороны стремились избежать прямого столкновения и перерастания конфликта в Третью мировую с применением ядерного оружия.

Доктор политических наук Генри Л. Бреттон, специалист по международным отношениям, анализируя политическую ситуацию в Европе (казалось бы, далеком от Кореи регионе), заметил следующую связь. Общественные силы в Европе, укрепляя концепцию Realpolitik, выступили с идеей взаимных уступок и компромиссов в сфере разоружения и дипломатии в целом и в корейском вопросе в частности [15, p. 994]. Эти настроения были услышаны ведущими акторами конфликта.

Джулиус Оппенгеймер, руководитель Манхэттенского проекта, воспринимал корейскую войну как пример изнурительного, затяжного конфликта, закончившегося компромиссом. Он подчеркивал, что на фоне корейского опыта атомное оружие может рассматриваться как способ предотвращения подобных ситуаций (не только на Корейском полуострове, но и в Европе), указывая на риск перерастания таких локальных войн в глобальную ядерную катастрофу. «Нас можно сравнить с двумя скорпионами в бутылке, каждый из которых способен убить другого, но только рискуя собственной жизнью» [40, p. 529]. Эта метафора Оппенгеймера описывала патовое состояние гонки вооружений между США и СССР. Она иллюстрировала концепцию взаимного ядерного сдерживания, где использование оружия одной стороной гарантирует самоубийство обеих.

Версия четвертая: война как позиционный тупик.

Война превратилась в изнурительные позиционные бои, где ни одна из сторон не смогла добиться территориального перевеса. Именно это состояние безвыходности Д. Флеминг назвал главным аргументом в пользу перемирия: «Наши мечты о безболезненной победе в воздухе над Советским Союзом в значительной степени испарились в Корее, где полный кон-

троль над воздухом в течение длительного периода не мог дать нам победы, даже на этом наперсточном театре» [24, p. 43]. Неопределенность результатов дальнейших военных действий, сопряженная с нежелательными рисками для Запада, по мнению этого эксперта, стала одной из причин, по которой Вашингтон поддержал идею перемирия.

Филипп Мосли, директор Русского института Колумбийского университета, бывший сотрудник Государственного департамента, политический советник делегации США на переговорах, концепцию предыдущего автора принял, но с иного геополитического ракурса. По мнению этого эксперта, заключение корейского перемирия («исправление одной из самых вопиющих ошибок Сталина») было связано с нанесением США и союзниками «ответного удара по вдохновленной и поддерживаемой Советским Союзом агрессии северокорейского режима – в конечном итоге Москве было выгодно положить конец конфликту» [39, p. 21].

Норман Альштедтер, военный репортер и редактор, также утверждал, что СССР согласился на перемирие в силу неудач на корейском фронте. Но, в отличие от Мосли, бывший штурман ВВС не ограничился абстрактными выводами, а в качестве аргумента привел изменение позиции советской стороны, которая отступила на переговорах от нескольких своих первоначальных требований. При этом он полагал, что эта передышка может быть использована Кремлем для укрепления своих военных позиций [9, p. 258]. Альтштедтер, таким образом, невольно наметил подход к обозначению еще одной позиции к определению причин перемирия.

Версия пятая: перемирие как провокация.

Чарльз Д. Керстон, председатель Специального комитета Палаты представителей США по расследованию коммунистической агрессии и насильственного присоединения стран Балтии к СССР, был уверен, что призывы Кремля к перемирию преследовали «единственную цель – убаюкать ООН и дать возможность красным в Корее нарастить свои сильно потрепанные силы» [32, p. 93]. Внутриполитическая ситуация в СССР, отсутствие уверенных преимуществ в Корее, трудности в социалистическом блоке – все это, по мнению Керстона, обусловило «внезапный советский переход от насилия к словам мира, от презрения к аплодисментам в адрес ООН – и все это часть крупной стратагемы с очень важной для коммунистов целью» [32, p. 93]. По мнению автора, перемирие было необходимо Москве для того, чтобы получить передышку, разрешить внутренние проблемы и консолидировать свои силы в Восточной Европе и на Дальнем Востоке [32, p. 94].

Теория Керстона получила поддержку со стороны американского экспертного сообщества. Упомянутый Ф. Мосли тоже считал, что искренность советских намерений в отношении окончания конфликта в Корее очень сомнительна: «С заключением перемирия Москва получила больше свободы для дипломатических маневров». Как утверждал политик, эти возможности СССР будет использовать не только и не столько для укрепления внутреннего положения новой кремлевской власти, но скорее «для политического раскола Запада в наиболее уязвимых точках» [39, p. 21].

Сомневался в искренности намерений советской стороны и Гамильтон Фиш Армстронг. Анализируя международную ситуацию 1953 г., он указывал, что корейское перемирие – хитрая советская операция в условиях некого тупика, «созданная для того, чтобы выиграть время с помощью тактики, уже закрепленной в других паузах советского империализма. Но преемники Сталина будут стремиться использовать выигранное таким образом время с пользой, а не просто ждать более благоприятной мировой конъюнктуры, прежде чем форсировать события…» [11, p. 50]. Тем не менее, отдавая должное изменению внешнеполитической орбиты Москвы, Армстронг утверждал, что мотивы Кремля неясны («Мы еще не знаем, является ли эта операция мирной “наступательной” или мирной “оборонительной”»); однако разделять как крайне пессимистические, так и излишне оптимистические настроения по поводу искренности СССР не следует ни в коем случае: чем бы ни руководствовались Маленков and Co, «на самом деле все это несущественно, потому что оно может быть отменено в любой момент» [11, p. 54].

Уолтер Милиц предостерегал читателя от чрезмерных ожиданий по поводу мирных переговоров: «Невозможно разработать такую политику, которая одновременно удовлетворяла бы требованиям вывода американских войск их Кореи, установления там почетного мира, поддержки ООН, резкого сокращения военных расходов, создания более прочного фронта против коммунистической агрессии, сохранения полного согласия в западном альянсе… Это взаимоисключающие положения; от некоторых из них придется отказаться» [38, p. 215]. Слишком много было поставлено на карту.

Перемирие в Корее в оценках американской прессы, таким образом, оценивалось неоднозначно, однако в большинстве случаев соглашение воспринималось не как полноценная победа, а как вынужденная мера, продиктованная патовой ситуацией на фронте и политическими изменениями в СССР и США. Стадия позиционной («окопной») борьбы, где ни одна из сторон не могла добиться решающего преимущества, а также общая усталость от затяжного конфликта без ясных перспектив победы – все это оказывало сильное давление на администрацию Эйзенхауэра, а потому, невзирая на причины и мотивы сторон, перемирие воспринималось как лучший из плохих вариантов на тот момент.

Уроки войны. Американские перспективы в Корее. Ситуация после Пханмунджомского перемирия выглядела непредсказуемой. Поэтому объяснимо, что большинство авторов включили в повестку своих исследований еще одну тему: насколько прочным и долгим будет это корейское затишье? Что последует дальше?

Особого оптимизма экспертные размышления по этому поводу не демонстрировали. С одной стороны, слишком устойчивым было недоверие к идеологии и практике коммунизма. Отсюда и опасения: «Ввиду известной способности коммунистов мгновенно менять свою политику в соответствии с новейшим направлением Кремлевского ветра», нельзя сказать, что будет дальше [35, p. 559]. С другой стороны, все эксперты признавали особо значимую геополитическую роль корейского фактора в стратегии НАТО, от которого нельзя было отказываться ни при каких условиях [19, p. 37]. Но и с учетом этого обстоятельства отмечалось, что итоги перемирия нельзя оценивать как победу, «в лучшем случае это ничья» [57, p. 141].

В конце 1953 г. в “World Affairs” была опубликована короткая, почти тезисная вводная статья, посвященная корейской войне. Редакторы критиковали несостоятельность соглашения как прелюдии к миру, считали, что «остановка боевых действий дает возможность противнику укрепить свои позиции и силы» [26, p. 66]. Но уже через несколько месяцев после этой выверенной критики была опубликована статья действующего государственного секретаря, главная мысль которой сводилась к тому, что корейский опыт показал действенность тактики прекращения и/или предотвращения войны путем угрозы применения всей мощи ядерного оружия. «Свободный мир должен разработать более эффективную стратегию обороны, основанную на собственных передовых ресурсах, к которым относятся, в частности, военно-воздушные и военно-морские силы, а также атомное оружие» [20, p. 358]. Госсекретарь, таким образом, фактически сообщал, что Пханмунджомское перемирие – это не точка в конфликте, а пауза для корректировки стратегии и тактики в последующем противостоянии с СССР. Корейская война возложила на США роль лидера в защите цивилизационного мира, и, чтобы не допустить новой Кореи, важно заранее продемонстрировать потенциальному агрессору весь военный арсенал [20, p. 354].

Был и иной, более взвешенный и прагматичный подход. Джеймс Пол Варбург, в прошлом один из руководителей департамента Управления военной разведки США, считал, что не обязательно завоевывать Корею физически; необходимо широко использовать дипломатический инструментарий (даже если корейское правительство пока настроено враждебно). Такая тактика, согласно его прогнозу, должна была привести к разрыву союза Пхеньяна с Москвой [58, p. 89].

Норман Палмер, признавая важность перемирия, все же считал, что это лишь временная стабилизация, а не политическая победа Запада. Чтобы найти выход из корейского тупика, важно было сплотить народы региона, которые «разделяют американскую веру в свободу человека и демократический путь» [42, p. 247].

Артур Н. Дин, дипломат и специальный посланник США на переговорах по перемирию, к годовщине Пханмунджома опубликовал статью, посвященную роли США на Дальнем Востоке. Анализ стратегических интересов США в регионе, подготовленный этим экспертом, подытожил годовую дискуссию по поводу итогов войны в Корее. Дин считал необходимым сохранить американское участие в послевоенной судьбе полуострова и представил план «девяти шагов», необходимых для получения «наилучших результатов» в регионе, включающий демонстрацию силы Запада через укрепление «свободной» части полуострова, союзничество Республики Корея с ООН, активное психологическое давление на Пхеньян, поддержку антикоммунистических настроений и экономического сотрудничества [17, p. 52]. Дипломат обозначил переход к политике терпеливого, но жесткого реализма и долгосрочного сдерживания коммунизма.

Заключение. Практически все комментарии и аналитические обзоры независимо от статуса и профессионального опыта авторов, позиций редакций и ожиданий читающий аудитории сходились в том, что к 1953 г. конфликт зашел в тупик.

Признавая факт того, что корейский конфликт – это не столько и не столько борьба между Севером и Югом полуострова, сколько противоборство СССР и США, аналитики, как правило, не считали Пханмунджом точкой окончательного завершения конфликта. Для американцев, привыкших выходить из международных кризисов с видимыми доказательствами своего превосходства и капитуляции врага, война без очевидной победы была психологически невыносима. Осторожная дискуссия экспертов остановилась на обсуждении роли ООН и причин, побудивших конфликтующие стороны окончить войну. Единодушие экспертного сообщества США отчетливо проявилось в восприятии перемирия не как окончательного мира, но как необходимой всем паузы, которая позволила избежать ядерной эскалации, но оставила Корею разделенной на неопределенный срок.

Отмечалось, что выводы из событий 1950–1953 гг. предстояло сделать всем структурам (военным, экономическим, разведывательным, пропагандистским, дипломатическим), ибо намеченные экспертами перспективные векторы американского присутствия на полуострове демонстрировали явное нежелание США уходить из региона. Единственный положительный момент состоял в том, что «ни одна из сторон не осмелилась провести “блиц” атомной бомбой» [41, p. 227]. А корейский конфликт перешел в латентную фазу, став пороховой бочкой на долгие десятилетия вперед.

Список литературы

1. *Богатуров А. Д.* Корейский вопрос в отношениях между ведущими державами // Системная история международных отношений : в 2 т. Т. 2. М. : Культурная революция, 2007. 717 с.

2. *Ванин Ю. В.* Корейская война и ООН. М. : Институт востоковедения РАН, 2006. 286 с.

3. Корейское урегулирование и интересы России / под ред. В. И. Денисова, А. З. Жебина. М. : Русская панорама, 2008. 343 с.

4. *Мазулов В. М.* Южная Корея и внешняя политика США. М. : Наука, 1971. 268 с.

5. *Петухов В. И.* У истоков борьбы за единство и независимость Кореи. М. : Наука, 1987. 239 с.

6. *Шабшина Ф. И.* Очерки новейшей истории Кореи (1945–1953 гг.). М. : Госполитиздат, 1958. 307 с.

7. *Юнгблюд В. Т., Садаков Д. А.* Дипломатическое обеспечение вмешательства США в Корейскую войну. Опыт кризисного реагирования // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 4 (61). С. 257. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

8. *Acheson D*. Present at the Creation. My Years in State Department. N. Y. : W. W. Norton, 1969. 853 p.

9. *Altstedter N*. Problems of Coalition Diplomacy: The Korean Experience // International Journal. 1953. Vol. 8. Autumn. № 4. Pp. 256–265.

10. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. October. № 1. Pp. 48–67. DOI: 10.2307/20031007.

11. *Armstrong H. F.* The World Is Round // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. January. № 2. Pp. 175–199. DOI: 10.2307/20030953.

12. *Asirvatham E.* Is Peace Possible? // The Indian Journal of Political Science. 1953. Vol. 14. April-June. № 2. Pp. 131–144.

13. *Bauer R. A.* The Implications of the Succession Crisis in the Soviet Union for East-West Relations // Social Problems. 1953. Vol. 1. October. № 2. Pp. 38–43. DOI: 10.2307/798598.

14. *Bohlen C.* Witness to history. 1929–1969. N. Y. : W. W. Norton, 1973. 620 p.

15. *Bretton H. L.* The German Social Democratic Party and the International Situation // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. December. № 4. Pp. 980–996. DOI: 10.2307/1951120.

16. Calendar of Events since Stalin's Death and Points to be Considered by Ministers- NATO Archives Online archives.nato.int/calendar-of-events-since-stalins-death-and-points-to-be-considered-by-ministers Memorandum of Discussion at a Special Meeting of the National Security Council on Tuesday, March 31, 1953. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16064-document-03-memorandum-discussion (дата обращения: 02.05.2026).

17. *Dean A.* The Role of the United States in the Far East, 1954) // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1954. Vol. 294: America and a New Asia. July. Pp. 48–55.

18. *Deutscher I.* The Beria Affair // International Journal. 1953. Vol. 8. Autumn. № 4. Pp. 227–239.

19. *Donovan W. J.* Strategic Services in Cold War' // Naval War College Review. September. 1953. Vol. 6. September. № 1. Pp. 31–42.

20. *Dulles J. F.* Policy for Security and Peace // Foreign Affairs. 1954. Vol. 32. April. № 3. Pp. 353–364. DOI: 10.2307/20031035.

21. *Eddy A.* Is Peace Possible? // The Indian Journal of Political Science. 1953. Vol. 14. April – June. № 2. Pp. 131–144.

22. *Eisenhower D.* Mandate for change, 1953–1956. N. Y. : Garden City, N. Y., Doubleday, 1963. 713 p.

23. *Fleet J. A. van*. The Truth About Korea // Life. 1953. Vol. 34. 11 May. № 19. Pp. 126–141.

24. *Fleming D. F.* The Failure of Western Policies // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1953. Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 36–46.

25. Foreign Relations of the United States. Vol. XV. 1952–1954, Korea. P. 1. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1984. 1192 p.

26. Foreword // World Affairs. 1953: Fall. Vol. 116. № 3. P. 66.

27. *Goodrich L. M.* United Nations: Success or Failure? // Proceedings of the Academy of Political Science. 1953. Vol. 25. January. № 2. Pp. 90–104.

28. *Greene Fr.* Neutralization and the Balance of Power // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. December. № 4. Pp. 1058–1075. DOI: 10.2307/1951124.

29. *Hartmann Fr.* H. The Renewal of Multi-Power Diplomacy // The Antioch Review. 1953. Vol. 13. Winter. № 4. Pp. 443–454.

30. *Hornbeck S. K.* Korea – In Perspective // World Affairs. 1953. Vol. 116. Summer. № 2. Pp. 35–38.

31. *Huston J. A.* Germany, Another Korea? // World Affairs. 1953. Fall. Vol. 116. № 3. Pp. 69–71.

32. *Kersten Ch. J.* The Liberation Policy and International Order // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1953. Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 93–104.

33. *Leckie R.* Conflict: The History of the Korean War. N. Y. : Putnam, 1962. 488 p.

34. *Lewis H. R.* Industrial Capacity and Its Utilization // Science & Society. 1953. Fall. Vol. 17. № 4. Pp. 318–325.

35. *Lundin C. E., Jr.* Repatriation of Prisoners of War: The Legal and Political Aspects // American Bar Association Journal. 1953. Vol. 39. July. № 7. Pp. 559–563.

36. *Manly Ch*. The Truth about the United Nation // American Mercury. 1953. Vol. 76. Pp. 87–96.

37. *Matthews J. B.* Communists and the New Deal. Part III // American Mercury. 1953. Vol. 76. August. Pp. 17–25.

38. *Millis W.* Military Problems of the New Administration // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. January. № 2. Pp. 215–224. DOI: 10.2307/20030955.

39. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin// Foreign Affairs. 1953. Vol. 32. October. № 1. Pp. 20–33. DOI: 10.2307/20031005.

40. *Oppenheimer J. R.* Atomic Weapons and American Policy // Foreign Policy. 1953. Vol. 31. July. № 4. Pp. 525–535. DOI: 10.2307/20030987.

41. *Palmer N. D.* Factors Shaping Postwar United States Policy Toward China // India Quarterly. 1953. Vol. 9. July – September. № 3. Pp. 227–248.

42. *Palmer N. D.* The Far East: Lack of Understanding // Current History. 1953. Vol. 25. October. № 146. Pp. 242–249.

43. *Potter P. B.* Repatriation of Korean Prisoners of War // The American Journal of International Law. 1953. Vol. 47. October. № 4. Pp. 661–662.

44. *Rees D.* Korea: The Limited War. N. Y. : St Martin's Press, 1964. 552 p.

45. *Schwartz D. F.* Blueprint for Conquest // American Mercury. 1953. Vol. 77. August. Pp. 83–87.

46. Selected List of Soviet Moves since Stalin's Death on 5-mar-53-NATO. Archives Online// archives.nato.int/ uploads/r/ nato-archives-online/4/7/a/47a809ba6ddefc2f57e2ba9c820df9de774ddb83685963d29420af6f51937623/AC_34-D_15_ ENG_NHQL742870.pdf (дата обращения: 05.05.2026).

47. *Stuek W.* The Korean War: An International History. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1995. 506 p.

48. *Suchman E. A., Goldsen R. K., Williams, Jr. R. M.* Attitudes Toward the Korean War // The Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17. Summer. № 2. Pp. 171–184.

49. *Taubenfeld H. J.* International Actions and Neutrality // The American Journal of International Law. 1953. Vol. 47. July. № 3. Pp. 377–396.

50. *Taurer B.* Stalin's Last Thesis // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. April. № 3. Pp. 367–381. DOI: 10.2307/20030971.

51. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 2: 1949–1958. N. Y. : Random House, 1972. 1584 p.

52. *Thompson K. W*. Collective Security Reexamined // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. September. № 3. Pp. 753–772. DOI: 10.2307/1952903.

53. *Truman H. S*. Memoirs by Harry S. Truman: years of trial and hope. N. Y. : New American Library, 1965. 620 p.

54. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. February 26 – April 8, 1953. Vol. 99, Part 2. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1409 p.

55. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. May 01–27, 1953. Vol. 99, Part 4. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1483 p.

56. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. June 25 – July 11, 1953. Vol. 99, Part 6. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1363 p.

57. *Utley Fr.* Facing the Facts in Germany // American Mercury. 1953. Vol. 76. June. Pp. 112–118.

58. *Warburg J. P.* Which way to Liberation? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1953. Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 82–92.

59. *Wells K. M.* Korea: Outline of a Civilization. Boston : Brill, 2015. 327 p.

60. *Wolfe B. D.* Totalitarianism and History // The Antioch Review. 1953. Vol. 13. Summer. № 2. Pp. 155–165.

The Korean War and the Armistice: Assessments of American Experts of 1953

Rychkova Olga Vladimirovna
PhD in History, associate professor of the Department of History and Political Science,
Vyatka State University. Russia, Kirov. ResearcherID: QKY-0420-2026.
ORCID: 0000-0002-9468-6562. E-mail: olya.rychkova@gmail.com

Abstract. Under the conditions of the unfolding Cold War, the events in Korea in 1950–1953 became an important element of media attention in the United States. Unlike the news publications, the professional American journals showed rigor in their assessments of these events. The signing of the Panmunjom Armistice and the renewed interest of readers in the region led to a particular demand for the work of professional analysts (diplomats, politicians, military men, political observers, and special correspondents). The article presents an analysis of how the leading experts of the USA interpreted the key events of the conflict. The approaches of the press to the origins of the war are examined, and the role of the ideological confrontation of the superpowers and of the concept of "the containment of communism" is emphasized. Attention is paid to the differences in the interpretations of the significance of the Soviet and the American factors in the Korean events. The coverage by the mass media of the participation of the United Nations in the conflict, of the degree of that organization's independence, and of the effectiveness of the actions of the troops of its coalition is analyzed. The key arguments that the US press advanced in explanation of the reasons for the conclusion of the armistice are studied: from the strategic deadlock at the front and the enormous human losses to the domestic political pressure on the Eisenhower administration. Attention is paid to the forecasts of American specialists regarding the future of the Korean Peninsula. The author examines how the understanding was formed in media discourse that the armistice was not a final peace but only a temporary stabilization. The conclusion is substantiated that the materials of the American mass media make it possible to trace the mechanisms of interaction between the press and the authorities under the conditions of the Cold War.

Keywords: the Korean War, armistice, the foreign policy of the USSR, NATO, the UN, Panmunjom, the Cold War, mass media.

References

1. *Bogaturov A. D. Korejskij vopros v otnosheniyah mezhdu vedushchimi derzhavami* [The Korean Question in the Relations among the Leading Powers] // *Sistemnaya istoriya mezhdunarodnyh otnoshenij : v 2 t. T. 2* [A Systemic History of International Relations : in 2 vols. Vol. 2]. M., Kul'turnaya revolyuciya (Cultural Revolution), 2007. 717 p.

2. *Vanin Yu. V. Korejskaya vojna i OON* [The Korean War and the UN]. M., Institut vostokovedeniya RAN (Institute of Oriental Studies of the RAS), 2006. 286 p.

3. *Korejskoe uregulirovanie i interesy Rossii* [The Korean Settlement and the Interests of Russia] / ed. by V. I. Denisov, A. Z. Zhebin. M., Russkaya panorama (Russian Panorama), 2008. 343 p.

4. *Mazulov V. M. Yuzhnaya Koreya i vneshnyaya politika SShA* [South Korea and the Foreign Policy of the USA]. M., Nauka (Sciences), 1971. 268 p.

5. *Petuhov V. I. U istokov bor'by za edinstvo i nezavisimost' Korei* [At the Origins of the Struggle for the Unity and Independence of Korea]. M., Nauka (Sciences), 1987. 239 p.

6. *Shabshina F. I. Ocherki novejshej istorii Korei (1945–1953 gg.)* [Essays on the Contemporary History of Korea (1945–1953)]. M., Gospolitizdat, 1958. 307 p.

7. *Yungblyud V. T., Sadakov D. A. Diplomaticheskoe obespechenie vmeshatel'stva SShA v Korejskuyu vojnu. Opyt krizisnogo reagirovaniya* [The Diplomatic Support of the US Intervention in the Korean War. The Experience of Crisis Response] // *Vestnik MGIMO-Universiteta* – MGIMO Review of International Relations. 2018. No. 4 (61). P. 257. DOI: 10.24833/2071-8160-2018-4-61-241-261.

8. *Acheson D*. Present at the Creation. My Years in State Department. N. Y. : W. W. Norton, 1969. 853 p.

9. *Altstedter N*. Problems of Coalition Diplomacy: The Korean Experience // International Journal. 1953. Vol. 8. Autumn. № 4. Pp. 256–265.

10. *Armstrong H. F.* The Grand Alliance Hesitates // Foreign Affairs*. 1953.* Vol. 32. October. № 1. Pp. 48–67. DOI: 10.2307/20031007.

11. *Armstrong H. F.* The World Is Round // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. January. № 2. Pp. 175–199. DOI: 10.2307/20030953.

12. *Asirvatham E.* Is Peace Possible? // The Indian Journal of Political Science*. 1953.* Vol. 14. April-June. № 2. Pp. 131–144.

13. *Bauer R. A.* The Implications of the Succession Crisis in the Soviet Union for East-West Relations // *Social Problems. 1953.* Vol. 1. October. № 2. Pp. 38–43. DOI: 10.2307/798598.

14. *Bohlen C.* Witness to history. 1929–1969. N. Y. : W. W. Norton, 1973. 620 p.

15. *Bretton H. L.* The German Social Democratic Party and the International Situation // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. December. № 4. Pp. 980–996. DOI: 10.2307/1951120.

16. Calendar of Events since Stalin's Death and Points to be Considered by Ministers- NATO Archives Online archives.nato.int/calendar-of-events-since-stalins-death-and-points-to-be-considered-by-ministers Memorandum of Discussion at a Special Meeting of the National Security Council on Tuesday, March 31, 1953. URL: https://nsarchive.gwu.edu/document/16064-document-03-memorandum-discussion (date accessed: 02.05.2026).

17. *Dean A.* The Role of the United States in the Far East, 1954) // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1954. Vol. 294: America and a New Asia. July. Pp. 48–55.

18. *Deutscher I.* The Beria Affair // International Journal. 1953. Vol. 8. Autumn. № 4. Pp. 227–239.

19. *Donovan W. J.* Strategic Services in Cold War' // Naval War College Review. September. 1953. Vol. 6. September. № 1. Pp. 31–42.

20. *Dulles J. F.* Policy for Security and Peace // Foreign Affairs. 1954. Vol. 32. April. № 3. Pp. 353–364. DOI: 10.2307/20031035.

21. *Eddy A.* Is Peace Possible? // The Indian Journal of Political Science. 1953. Vol. 14. April – June. № 2. Pp. 131–144.

22. *Eisenhower D.* Mandate for change, 1953–1956. N. Y. : Garden City, N. Y., Doubleday, 1963. 713 p.

23. *Fleet J. A. van.* The Truth About Korea // Life. 1953. Vol. 34. 11 May. № 19. Pp. 126–141.

24. *Fleming D. F.* The Failure of Western Policies // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. *1953.* Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 36–46.

25. Foreign Relations of the United States. Vol. XV. 1952–1954, Korea. P. 1. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1984. 1192 p.

26. Foreword // World Affairs. 1953: Fall. Vol. 116. № 3. P. 66.

27. *Goodrich L. M.* United Nations: Success or Failure? // Proceedings of the Academy of Political Science. 1953. Vol. 25. January. № 2. Pp. 90–104.

28. *Greene Fr.* Neutralization and the Balance of Power // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. December. № 4. Pp. 1058–1075. DOI: 10.2307/1951124.

29. *Hartmann Fr. H.* The Renewal of Multi-Power Diplomacy // The Antioch Review. *1953.* Vol. 13. Winter. № 4. Pp. 443–454.

30. *Hornbeck S. K.* Korea – In Perspective // World Affairs. *1953.* Vol. 116. Summer. № 2. Pp. 35–38.

31. *Huston J. A.* Germany, Another Korea? // World Affairs. 1953. Fall. Vol. 116. № 3. Pp. 69–71.

32. *Kersten Ch. J.* The Liberation Policy and International Order // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1953. Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 93–104.

33. Leckie R. Conflict: The History of the Korean War. N. Y. : Putnam, 1962. 488 p.

34. *Lewis H. R.* Industrial Capacity and Its Utilization // Science & Society. 1953. Fall. Vol. 17. № 4. Pp. 318–325.

35. *Lundin C. E., Jr.* Repatriation of Prisoners of War: The Legal and Political Aspects // American Bar Association Journal. 1953. Vol. 39. July. № 7. Pp. 559–563.

36. *Manly Ch.* The Truth about the United Nation // American Mercury. 1953. Vol. 76. Pp. 87–96.

37. *Matthews J. B.* Communists and the New Deal. Part III // American Mercury. 1953. Vol. 76. August. Pp. 17–25.

38. *Millis W.* Military Problems of the New Administration // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. January. № 2. Pp. 215–224. DOI: 10.2307/20030955.

39. *Mosely Ph. E.* The Kremlin's Foreign Policy since Stalin // Foreign Affairs. *1953.* Vol. 32. October. № 1. Pp. 20–33. DOI: 10.2307/20031005.

40. *Oppenheimer J. R.* Atomic Weapons and American Policy // Foreign Policy. 1953. Vol. 31. July. № 4. Pp. 525–535. DOI: 10.2307/20030987.

41. *Palmer N. D.* Factors Shaping Postwar United States Policy Toward China // India Quarterly. 1953. Vol. 9. July – September. № 3. Pp. 227–248.

42. *Palmer N. D.* The Far East: Lack of Understanding // Current History. 1953. Vol. 25. October. № 146. Pp. 242–249.

43. *Potter P. B.* Repatriation of Korean Prisoners of War // The American Journal of International Law. 1953. Vol. 47. October. № 4. Pp. 661–662.

44. *Rees D.* Korea: The Limited War. N. Y. : St Martin's Press, 1964. 552 p.

45. *Schwartz D. F.* Blueprint for Conquest // American Mercury. 1953. Vol. 77. August. Pp. 83–87.

46. Selected List of Soviet Moves since Stalin's Death on 5-mar-53-NATO. Archives Online. Available at: archives.nato.int/uploads/r/nato-archives-online/4/7/a/47a809ba6ddefc2f57e2ba9c820df9de774ddb83685963d29420af6f51937623/AC_34-D_15_ENG_NHQL742870.pdf (date accessed: 05.05.2026).

47. *Stuek W.* The Korean War: An International History. Princeton, N. J. : Princeton University Press, 1995. 506 p.

48. *Suchman E. A., Goldsen R. K., Williams, Jr. R. M.* Attitudes Toward the Korean War // The Public Opinion Quarterly. 1953. Vol. 17. Summer. № 2. Pp. 171–184.

49. *Taubenfeld H. J.* International Actions and Neutrality // The American Journal of International Law. 1953. Vol. 47. July. № 3. Pp. 377–396.

50. *Taurer B.* Stalin's Last Thesis // Foreign Affairs. 1953. Vol. 31. April. № 3. Pp. 367–381. DOI: 10.2307/20030971.

51. The Gallup Poll: Public Opinion, 1935–1971. Vol. 2: 1949–1958. N. Y. : Random House, 1972. 1584 p.

52. *Thompson K. W.* Collective Security Reexamined // The American Political Science Review. 1953. Vol. 47. September. № 3. Pp. 753–772. DOI: 10.2307/1952903.

53. *Truman H. S.* Memoirs by Harry S. Truman: years of trial and hope. N. Y. : New American Library, 1965. 620 p.

54. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. February 26 – April 8, 1953. Vol. 99, Part 2. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1409 p.

55. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. May 01–27, 1953. Vol. 99, Part 4. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1483 p.

56. U. S. Congress. Congressional Record. Proceedings and debates of the 83th Congress. First session. June 25 – July 11, 1953. Vol. 99, Part 6. Washington, D. C. : U. S. Government Printing Office, 1953. 1363 p.

57. *Utley Fr.* Facing the Facts in Germany // American Mercury. 1953. Vol. 76. June. Pp. 112–118.

58. *Warburg J. P.* Which way to Liberation? // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1953. Vol. 288: NATO and World Peace. July. Pp. 82–92.

59. *Wells K. M.* Korea: Outline of a Civilization. Boston : Brill, 2015. 327 p.

60. *Wolfe B. D.* Totalitarianism and History // The Antioch Review. *1953.* Vol. 13. Summer. № 2. Pp. 155–165.

Поступила в редакцию: 31.08.2026
Принята к публикации: 10.09.2026

ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ

EDN: KNLGFP УДК 94(44)

Политика Франции по отношению к мигрантам из Алжира в 1980–1985 гг.: по материалам архива МИД Франции

Осипов Евгений Александрович
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН.
Россия, г. Москва. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Аннотация. В статье на основе материалов архива МИД Франции исследуется миграционный вопрос во франко-алжирских отношениях в первой половине 1980-х гг. Обмен письмами от 18 сентября 1980 г. между Францией и Алжиром внес существенные изменения в режим пребывания алжирских рабочих на территории Пятой республики и ввел меры по стимулированию добровольного возвращения алжирцев на родину, став олицетворением миграционной политики Валери Жискар д'Эстена. Однако усложненная процедура реализации соглашения, разногласия сторон, высокая стоимость и обострение межэтнической ситуации во Франции в начале 1980-х гг. привели к тому, что цели и задачи соглашения не были выполнены, и уже при президенте Ф. Миттеране оно не было продлено.

Проанализированные архивные материалы показывают, как в первые годы нахождения Ф. Миттерана у власти в Пятой республике менялся подход по отношению к алжирским мигрантам. Уже в 1981 г., сразу после прихода социалистов к власти, французская сторона отказалась от количественных показателей по возвращению мигрантов на родину. В Париже перестали связывать меры по реинтеграции алжирцев на родину с созданием благоприятных условий продления видов на жительство во Франции для алжирцев, хотя в этом был смысл соглашения 1980 г.

Именно в первые годы президентства Миттерана французские власти впервые сделали выбор в пользу обеспечения и регулирования жизни мигрантов во Франции, а не их потенциального возвращения в родные страны. Наиболее четко это заметно как раз на примере истории алжирской диаспоры в Пятой республике. Миграционная политика Франции с тех пор направлена не на управление миграционными потоками, а на легализацию уже сложившихся правил и норм.

Ключевые слова: Франция, Пятая республика, Алжир, Валери Жискар д'Эстен, Миттеран, мигранты, миграционная политика, идентичность.

Проблематика увеличения количества мигрантов, постепенного распространения ислама, обострения межнациональной и межконфессиональной ситуации давно является одной из ключевых для Пятой республики. На эту тему написано множество научных работ как во Франции, так и за ее пределами. Одной из распространенных тем для исследования является вопрос о генезисе кризиса идентичности в современной Франции. Иными словами, попытка ответить на вопрос, когда и с чего все началось. Например, известный французский философ Ален Финкелькраут в книге «Несчастливая идентичность» пишет, что «все началось в 1989 г.» [18, p. 22]. Имеется в виду скандал с исключением из колледжа в городе Крей (пригород Парижа) трех учениц за ношение мусульманского платка [19] – первый случай, когда вопрос о ношении религиозной одежды стал предметом обсуждения всей Франции. Некоторые исследователи, политические и общественные деятели ведут начало кризиса с 1976 г., когда был принят декрет, разрешающий воссоединение семей для мигрантов [17], и во Францию приехало много арабских детей (к концу 1980-х гг. именно они будут учиться в старших классах и окажутся в центре скандала с ношением религиозной одежды). В качестве исходной даты можно назвать и 1983 г., когда состоялся знаменитый марш за равенство и против расизма и вся Франция впервые увидела, что арабская молодежь готова бороться за свои права. Как бы то ни было, все эти события и даты связаны с президентством Валери Жискар д'Эстена и Франсуа Миттерана.

© Осипов Евгений Александрович, 2026

В статье, на основе материалов архива МИД Франции, анализируется миграционная политика Франции по отношению к мигрантам из Алжира в 1980–1985 гг. Миграционный вопрос, наряду с экономической составляющей, был ключевым во франко-алжирских отношениях, что объясняет наличие этих материалов в дипломатическом архиве. А алжирские мигранты были, в свою очередь, основной составляющей всей миграционной проблематики Франции 1960–1980 гг. [16]. Хронологические рамки статьи объясняются тем, что именно на первую половину 1980-х гг. приходится ряд важных инициатив в области французской миграционной политики. Более того, этот период охватывает последние годы президентства Валери Жискар д'Эстена и начало президентства Миттерана, что позволяет сравнить их миграционную политику.

Французская миграционная политика в отношении алжирских рабочих в первой половине 1980-х гг. строилась на двустороннем, франко-алжирском, соглашении от 27 декабря 1968 г. В преамбуле документа было обозначено, что обе стороны привержены поискам «глобального и длительного решения проблем, связанных с передвижением, трудоустройством и пребыванием выходцев из Алжира на французской территории» и осознают «необходимость в поддержке регулярного потока рабочих, соответствующего объемам традиционной иммиграции алжирцев во Францию» [2]. В качестве целей соглашения указывалось «упрощение профессионального и социального развития алжирских рабочих, улучшение условий их жизни и труда, содействие полной занятости тех рабочих, кто уже находится во Франции, и тех, кто прибудет позднее…» [2]. Изначально, в 1968 г., квота, установленная для алжирских рабочих, составляла 35 тыс. человек в год. После прибытия во Францию у алжирцев было девять месяцев на поиск работы, после чего они получали вид на жительство, который выдавался сроком на пять лет, для тех, кто на тот момент находился во Франции, менее трех лет, и на 10 лет для тех алжирских рабочих, кто прибыл во Франции до 1966 г. Алжирцы, приезжавшие во Францию не с целью получения рабочего места, могли свободно въезжать на территорию страны сроком не более трех месяцев.

В статье 3 соглашения от 1968 г., неоднократно критиковавшейся впоследствии сторонниками ограничения миграции, говорилось, что «особое внимание будет уделено, с увеличением средств, поддержке алжирских трудящихся, в контексте развития образования для взрослых, довузовской и профессиональной подготовки, обеспечения доступа к различным программам содействия занятости… а также постоянному улучшению условий жизни и жилищных условий этих работников» [2]. Важно, что в статье 4 документа разрешалось на законодательном уровне воссоединение семей для алжирцев во Франции: «Супруга, дети младше 18 лет и находящиеся на иждивении наделяются таким же видом на жительство, что и у главы семьи» [2]. Создавалась также смешанная двусторонняя комиссия, занимавшаяся впоследствии на протяжении многих лет претворением документа в жизнь.

Соглашение 1968 г. фактически было продолжением Эвианских соглашений 1962 г. [23], даровавших независимость Алжиру. В Декларации о правах и гарантиях лиц Эвианских соглашений было прописано, что, «если иное не запрещено постановлением суда, любой гражданин Алжира, имеющий удостоверение личности, может свободно передвигаться между Алжиром и Францией» [20], а в Декларации принципов экономического и финансового сотрудничества значилось, что «граждане Алжира, проживающие во Франции, в том числе рабочие, будут иметь те же права, что и французы, за исключением политических прав» [20]. Собственно, это и стало основой соглашения от 27 декабря 1968 г. Очевидно, что его текст создавал для алжирцев весьма благоприятные условия для самореализации во Франции и для значительного увеличения численности алжирского сообщества во Франции. Речь шла о позитивной дискриминации для алжирцев на французском рынке труда, поскольку выходцы из других стран не обладали подобными преимуществами.

В период президентства Валери Жискар д'Эстена было сделано несколько попыток ужесточения миграционной политики. В 1974 г. французское правительство временно закрыло границы для всех типов миграции, запретило приезд семей к мигрантам [22]. Однако из-за противоречия этих норм европейскому законодательству и из-за активной позиции различных левых общественных организаций, выступавших за защиту общегражданских прав мигрантов, Государственный совет Франции в 1975 г. отменил эти решения. В 1977 г. была сделана еще одна попытка по ограничению права мигрантов на воссоединение с семьей, но и она была не реализована из-за позиции Государственного совета. В ответ французское правительство начало разрабатывать меры, которые способствовали бы добровольному возвращению мигрантов на родину. В первую очередь речь шла об алжирских рабочих.

Идея нового соглашения возникла в 1978 г. по инициативе французской стороны. Главная мотивация Парижа заключалась в желании стимулировать возвращение на родину до 300 тыс. алжирских работников, чьи виды на жительство не были продлены в тот момент после окончания срока их действия [3]. С учетом деликатности вопроса и его чрезвычайной важности для развития двусторонних отношений, процесс согласования позиций занял много времени. Реальные переговоры прошли только в начале 1980 г. в рамках заседаний двусторонней комиссии. Завершились они официальным обменом письмами 18 сентября 1980 г. Обе стороны направили друг другу письма с идентичным текстом, содержащим новые условия для алжирских мигрантов во Франции. От Пятой республики документ был подписан государственным секретарем по делам рабочих и иммигрантов Л. Столеру, от Алжира его подписал генеральный секретарь Министерства труда и профессиональной подготовки Аммар-Азуз. Срок действия соглашения – три года и три месяца (до 31 декабря 1983 г.), после чего оно могло быть продлено по желанию сторон.

Для французского правительства смысл нового соглашения заключался в попытке увязать вопрос автоматического продления видов на жительства для алжирских рабочих (в чем была заинтересована алжирская сторона и что было прописано в соглашении от декабря 1968 г.) с принятием целого комплекса мер по стимулированию рабочих к возвращению (реинтеграции) в Алжир. Документ предусматривал, что алжирские рабочие, проживавшие и работавшие во Франции, в случае своего добровольного желания могли рассчитывать либо на помощь со стороны Франции в профессиональной переподготовке с целью дальнейшего трудоустройства в Алжире; либо на помощь в открытии предприятия малого бизнеса в Алжире; либо просто на денежную компенсацию за возвращение в Алжир.

Что касается профессиональной переподготовки, то она могла осуществляться как на предприятиях, там и в специальных центрах подготовки. Предполагалось, что первый год обучения должен был пройти во Франции, от трети до половины второго года обучения – в Алжире, третий год – на две трети в Алжире. На время обучения стажеры обеспечивались жильем и получали стипендию. Французская сторона финансировала подготовку во Франции будущих алжирских наставников, которые должны были впоследствии обучать персонал в Алжире; оплату труда будущих алжирских и французских наставников, задействованных в реализации программы; разработку учебных программ; строительство учебных центров и закупку оборудования для них. Алжирцы брали на себя расходы по подготовке площадки для строительства центров профессиональной подготовки в Алжире и текущие расходы по обеспечению их функционирования [21].

Обмен письмами 1980 г. предполагал разработку двусторонней политики по оказанию помощи в создании малых промышленных и ремесленных предприятий в Алжире рабочими, пожелавшими вернуться из Франции. После одобрения заявки как французскими, так и алжирскими уполномоченными органами заявитель мог рассчитывать с французской стороны на льготные кредиты на закупку материалов во Франции, а с алжирской стороны – на таможенные и налоговые льготы [21].

Особенно детально в рамках соглашения 1980 г. был прописан механизм получения компенсации за возвращение в Алжир. Она выплачивалась во Франции до отъезда и равнялась четырем средним месячным зарплатам. Размер месячной зарплаты рассчитывался исходя из того, сколько заявитель зарабатывал в течение шести последних месяцев перед подачей заявления при условии, что он имел работу в течение всех этих шести месяцев. Помимо базовой заработной платы учитывались выслуга лет, бонусы за производительность труда, за работу в опасных условиях, антисанитарию и высоту зданий.

Для тех работников, у кого не было постоянной работы в течение шести последних месяцев, выплата составляла 1374 минимальных размера оплаты труда, предусмотренных статьей 141.8 Трудового кодекса Франции. На момент 1 ноября 1981 г. это была сумма в размере 10,13 франка, соответственно, безработные алжирцы могли рассчитывать на выплату 13 918 франков. Средняя зарплата во Франции в 1980 г. составляла примерно 4000 франков в месяц, то есть выплата для неработающих алжирцев, желавших вернуться на родину, более чем в три раза превышала среднемесячную зарплату по стране.

По соглашению 1980 г. было прописано и право на компенсацию расходов за сам переезд из Франции в Алжир. Она включала в себя стоимость билета на самолет от ближайшей точки во Франции (Париж, Лилль, Лион, Марсель) до ближайшей точки в Алжире (Алжир, Оран, Константин, Аннаба). Компенсация расходов за переезд выплачивалась в любом случае,

вне зависимости от выбранной цели (получение образования, открытие малого предприятия или возвращение на родину). Более того, компенсировались расходы на переезд не только самого заявителя (алжирского работника), но и всей его семьи (несовершеннолетние дети и супруга), даже если дети успели к тому времени получить французское гражданство. В исключительных случаях компенсация распространялась и на родителей, братьев и сестер [4].

Соглашение 1980 г. по-разному оценивается как в историографии, так и в самих документах МИД Франции. С одной стороны, обмен письмами от сентября 1980 г. стал первым примером реализации на практике государственной программы по реинтеграции мигрантов обратно на родину. Разработанные двумя сторонами меры потенциально касались большого количества людей и затрагивали самые разные сферы их жизни. В этом контексте соглашение стало знаковым моментом в миграционной политике Франции. С другой стороны, его жизнеспособность изначально вызывала сомнения. Помимо обмена письмами были еще две декларации, французская и алжирская, с разными по смыслу текстами. Во французской декларации была прописана цель в организации возвращения на родину 35 тыс. алжирцев в год. В алжирской же декларации никаких количественных целей не значилось, наоборот, прописывалась необходимость возвращения к условиям 1968 г. после окончания соглашения 1980 г. Во французских документах уже во времена Ф. Миттерана отмечалось, что декларации 1980 г. стали олицетворением «несогласия» двух сторон и примером «ложного окна» [3] в дипломатии, когда соглашение подписывается, но позиции сторон настолько разные, что его реализация фактически становится невозможной.

Реализация соглашения 1980 г. шла очень тяжело. Уже в июле 1981 г., через два месяца после победы Ф. Миттерана на президентских выборах, французская сторона отказалась от количественных критериев (возвращение 35 тыс. алжирцев в год) [5]. Итоговые результаты соглашения оказались очень скромными. За три года и три месяца всего 33 алжирца (общее число заявок около 700) прошли обучение на получение новой профессии. Речь шла о таких профессиях: оператор станка, механик/ремонтник станков, механик строительной техники, техник по промышленному холодильному оборудованию, электромеханик, помощник бухгалтера, секретарь руководителя, директор учебного центра. Малое количество обучающихся объяснялось сложностью процедуры и неуверенностью кандидатов в своем будущем. Для выработки процедуры отбора понадобилось провести восемь встреч смешанной комиссии (с октября 1981 г. по сентября 1982 г.). К участию в программе допускались те кандидаты, с которыми заранее заключали контракты алжирские фирмы, в чем и состояла основная сложность (алжирские компании не проявляли большого интереса). Некоторые заявки в итоге рассматривались более года [5]. Поэтому низким было и общее количество заявок, и количество одобренных заявок.

Что касается строительства центров подготовки в Алжире с французским финансированием, то были определены места для их создания в городах Алжир, Джиджель, Сетиф, Тлемсен. На момент марта 1983 г. французская сторона заявляла, что их строительство «почти завершено», однако к середине лета 1985 г. ни один центр так и не был еще открыт, прежде всего из-за проблем с поиском персонала [6]. На строительство и оборудование центров Франция потратила 322 млн франков, Алжир – 115 млн франков. Для Франции 63 млн франков были невозвратными тратами, остальная часть предоставлялась алжирской стороне в виде кредитов на 10–17 лет под 7–10 % годовых [7].

Ни одно предприятие малого бизнеса за три года также не было открыто [5]. Всего было подано несколько десятков заявок. Одна из причин заключалась в очень сложной процедуре. Заявка на открытие предприятия отправлялась в консульство Алжира во Франции, затем в алжирское Управление по вопросам труда. После – в Торгово-промышленную палату, которая проводила оценку соответствия проекта требованиям. Далее она уходила в управление по вопросам труда на уровне департамента и возвращалась в консульство, которое пересылало ее в Министерство труда Алжира. Министерство затем передавало ее в Министерство планирования и в вилайет (региональный административный орган), который передавал его в комиссию, ответственную за утверждение. Затем дело рассматривалось Франко-алжирской смешанной комиссией, которая после утверждения направляла заявление во французский банк для получения кредита. Пройти эту процедуру до конца ни одна заявка так и не смогла [7].

Что касается выплаты денежной компенсации за возвращение в Алжир, то на момент марта 1983 г. было подано 25 372 заявки, из которых 23 150 были одобрены и оплачены, что было сильно меньше изначально заявленных 35 тыс. в год.

Трудности с реализацией соглашения 1980 г. были вызваны не только изначальными разногласиями сторон и усложненной процедурой, но и изменением контекста миграционного вопроса во Франции. Именно на начало 1980-х гг. приходится период обострения межэтнической обстановки в стране. Первые массовые столкновения произошли осенью 1979 г. в пригороде Лиона, а в 1981 г. – во многих районах Франции. При этом все чаще происходили и преступления расистского характера против арабов. Осенью 1983 г. состоялся знаменитый «Марш за равенство и против расизма», в рамках которого арабская молодежь, прежде всего алжирцы, прошла пешком от Лиона до Парижа с целью привлечения внимания к проблемам, с которыми сталкивалось мигрантское население во Франции [15]. Среди прочего, марш мигрантов показал: во-первых, незаметно для большинства коренного французского населения в пригородах выросли дети первых мигрантов, то есть мигранты второго поколения; во-вторых, эти дети не собирались никуда уезжать, а тезис об их скором «возвращении» в родные страны – миф. Французы начали осознавать, что для многих мигрантов именно Франция являлась родиной. Более того, арабская молодежь показала, что готова бороться за свои права. В итоге термин «трудовые мигранты» постепенно ушел в прошлое, а французские СМИ все чаще начали говорить об «укоренении» мигрантов [1]. Все это не могло не повлиять на миграционную политику Франции по отношению к алжирским рабочим, а также поставило вопрос о реальной численности алжирцев в Пятой республике.

Цифры назывались разные. В справке Министерства социального развития и национальной солидарности Франции от 23 июля 1982 г. было прописано, что всего в стране находилось 816 873 алжирца [8]. А в ноябре 1982 г. уточнялось, что общее количество алжирцев, владевших видом на жительство или находящихся в стране по туристическому паспорту, составляло чуть больше миллиона человек [7]. В марте 1985 г. Министерство социального развития и национальной солидарности Франции получило задание подготовить справку о бюджетных тратах на обеспечение мигрантов из Алжира жильем. В документе было специально отмечено, что до этого от министерства всегда требовали не разделять мигрантов по национальностям, поэтому подсчеты не могли быть точными. Тем не менее в подготовленном ответе было отмечено, что применительно к жилищному вопросу бюджетные деньги с 1976 по 1982 г. тратились на финансирование покупки земли или зданий для жилья иммигрантов; строительство новых общежитий (43 000 коек, из которых 18 500 для граждан Алжира), улучшение существовавших общежитий, разработку специальных программ для семей и адаптацию семейного жилья (только для семей из стран Магриба, 70% которых из Алжира), резервирование социального жилья (62 000 помещений, из которых 28 000 для алжирцев), улучшение существовавшего социального жилья (50 000 помещений, из которых 28 000 для алжирцев), кредиты физическим лицам для приобретения жилья в собственность. В сумме по этим статьям расходов за 1976–1982 гг. было потрачено из бюджета 5044 млн франков, из которых 2270 млн на выходцев из Алжира, а за 1983–1984 гг. в общей сложности потрачено 1774 млн франков, из которых 630 млн на алжирцев [9]. Цифры подтверждают, что алжирская диаспора была крупнейшей во Франции и основные расходы также были связаны с ней.

Провал реализации соглашения 1980 г. в совокупности с обострением межнациональной обстановки во Франции в начале 1980-х гг. требовал от французских властей выработки новых подходов к регулированию миграционных потоков из Алжира. По мере приближения окончания действия соглашения 1980 г. (оно действовало до 31 декабря 1983 г.) во Франции проходило все больше и больше совещаний по этой проблематике. Возможных вариантов действий было три: не продлевать соглашение 1980 г. и вернуться к условиям 1968 г.; переподписать соглашение 1980 г. на новых условиях, разработав дополнительные меры по стимулированию реинтеграции алжирских рабочих; отменить соглашение 1968 г. и подписать новый комплексный договор с Алжиром.

В начале марта 1983 г. госсекретарь по делам мигрантов Франсуа Отэн дал инструкции заинтересованным ведомствам по развитию миграционного вопроса в двух направлениях: во-первых, ассимиляция молодых мигрантов, прежде всего через развитие профессионального образования; во-вторых, разработка новых мер по реинтеграции мигрантов в свои родные страны. Фактически речь шла о дублировании соглашения 1980 г., хотя оно официально было признано неэффективным. По второму вопросу было организовано три межведомственные группы с целью изучить и проанализировать препятствия, мешавшие политике реинтеграции мигрантов, и возможные пути их преодоления. 29 марта 1983 г. в Париже прошло большое межведомственное совещание, посвященное в том числе вопросу алжирских мигрантов.

На нем присутствовали представители Министерства социального развития и национальной солидарности и Управления по вопросам народонаселения и миграции Франции. В ходе совещания была подчеркнута нехватка бюджетных средств на реализацию каких бы то ни было новых инициатив, в связи с чем Управление по вопросам народонаселения и миграции исключило возможность заключения новых соглашений по реинтеграции мигрантов, признав, однако, возможность разработки ограниченных мер технического характера в сфере образования, постройки жилья и создания новых рабочих мест для мигрантов в родных странах. Даже эти ограниченные инициативы были восприняты со скептицизмом другими ведомствами. В частности, было отмечено, что полученный в последние годы опыт свидетельствовал: страны, являвшиеся источником поступления мигрантов во Францию, не заинтересованы в реализации мер в «пользу мигрантов, стремящихся вернуться на родину» [10].

Летом-осенью 1983 г., по мере приближения срока окончания соглашения 1980 г., французские органы власти продолжали вырабатывать позицию по тематике алжирских мигрантов. Основные вопросы касались правил продления видов на жительство для алжирских рабочих; мер по поддержке реинтеграции алжирцев на родину; режима пересечения границы. Что касается продления видов на жительство, то довольно быстро решили вернуться к режиму, установленному соглашением от 1968 г.: автоматическое продление видов на жительство на 5 или 10 лет в зависимости от даты въезда во Францию (до или после 1966 г.). А 3 декабря 1984 г. состоялся очередной обмен письмами между Францией и Алжиром, согласно которому вид на жительство для алжирских работников обновлялся отныне автоматически на 10 лет. Правда, это касалось только обновления существующих документов, неурегулированным оставался вопрос о сроках впервые выданных разрешений. Французская сторона позже предлагала вариант со сроком на один год с последующим автоматическим продлением, алжирцы же настаивали на пятилетнем сроке первого вида на жительство [6].

Вопрос о реинтеграции алжирцев был значительно сложнее как в плане развития двусторонних отношений с Алжиром, так и в экономическом смысле, поскольку требовал поиска дополнительных бюджетных средств. После визита премьер-министра Франции Пьера Моруа в Алжир 9–11 октября 1983 г. оба правительства договорились, что «постараются к 31 декабря 1983 г. создать новый конвенциональный механизм реинтеграции, основанный на принципе добровольного согласия, либо путем нового обмена письмами или путем добавления соответствующих пунктов к соглашению 1968 года» [6].

Напомним, что госсекретарь Франции по делам рабочих и мигрантов Столеру, ответственный за подписание соглашения 1980 г., его главной целью считал разработку мер для добровольной реинтеграции части алжирцев на родину, в то время как остальные алжирские работники получали возможность продления своих видов на жительство во Франции. Правительство Моруа в 1983 г. видело ситуацию совершенно иначе. В справке МИД Франции от 27 сентября 1983 г. было прописано: «Следует избегать идеи установления явной связи между разработкой нового соглашения о реинтеграции и определением системы разрешений на проживание для алжирцев. Именно такого подхода придерживался г-н Столеру. Мы не добьемся хорошего соглашения о реинтеграции, оказывая давление на алжирцев по такому жизненно важному вопросу, как статус проживания их эмигрантов во Франции. Более того, мы окажемся на пути к серьезному политическому кризису, тем более что такой подход лишен практического смысла. Алжирцы знают, что могут просто дождаться конца года (окончание соглашения 1980 г.), чтобы этот вопрос вернулся в поле соглашения 1968 г… При этом реинтеграция – это одна из тем, затронутых Советом министров 31 августа. Нужно ее обсудить с алжирцами, которые не могут от этого уклониться. Мы должны им предложить обсудить этот вопрос сам по себе, в рамках специального соглашения (нового). Они прекрасно знают, что мы будем более склонны активизировать наши усилия в интересах алжирцев, проживающих во Франции, если они серьезно займутся проблемой реинтеграции. В этом наше преимущество. Мы должны параллельно взять вопрос видов на жительство. Лучше всего это сделать с самого начала, не пытаясь волновать алжирцев угрозами, мало сопоставимыми с тенденциями нашей миграционной политики» [12].

Вышеприведенный отрывок из дипломатической справки показателен для всей миграционной политики Франции в период президентства Ф. Миттерана. С одной стороны, указывалось на ошибочность действий предыдущего правительства и опасность их повторения для развития двусторонних отношений с Алжиром. С другой стороны, правительство Моруа предлагало примерно те же меры, только сформулированные другими словами. Вместо уста-

новления жесткой связи между продлением видов на жительство для алжирцев и принятием мер по их реинтеграции на родину в правительстве Моруа предлагали рассматривать эти вопросы параллельно, отдельно друг друга, но все равно считали, что Алжир поддержит реинтеграцию только в случае положительного решения со стороны Парижа вопросов, важных для пребывания алжирцев во Франции.

В итоге соглашение 1980 г. не было продлено и перестало действовать 31 декабря 1983 г. Изменения в соглашение 1968 г. также не были внесены. В январе 1984 г. французская сторона разработала проект подобных изменений, но они касались в основном отмены устаревших статей, а не разработки новых мер по стимулированию реинтеграции.

Отказ обеих сторон от продления соглашения 1980 г. объяснялся прежде всего провалом в его реализации, который признавался как в Париже, так и в Алжире. Как уже отмечалось, алжирский рынок рабочей силы был не очень заинтересован в возвращении значительного количества работников из Франции. Алжирская сторона при этом находилась в выгодном положении в ходе переговоров, поскольку могла просто дождаться окончания срока действия соглашения и вернуться к условиям 1968 г., очень выгодным для Алжира. Значительную роль сыграл и финансовый вопрос. Разработка дополнительных мер по стимулированию реинтеграции алжирцев требовала бюджетных средств, которые не могли быть выделены на тот момент. Показательно в этом смысле, что во Франции подробно изучали опыт ФРГ, где с конца 1983 г. также действовала рассчитанная до июня 1984 г. государственная программа по реинтеграции мигрантов в родные страны. В Бонне рассчитывали, что за отведенное время удастся осуществить 55 тыс. выездов из страны, подавляющая часть из которых (40 тыс.) приходилась на выходцев из Турции. Как и во Франции, основная причина реализации этих мер была в увеличении количества безработных мигрантов с 181 тыс. в 1981 г. до примерно 300 тыс. в конце 1983 г. Западногерманская программа, как и французская, предполагала выплату компенсаций за переезд мигранту и членам его семьи, профессиональную переподготовку для последующего трудоустройства на родине. В справке Министерства социального развития и национальной солидарности Франции от 28 февраля 1984 г. подчеркивалось, что программа ФРГ не будет продолжена после июня 1984 г. «по причине ее высокой стоимости…» [13].

Что касается передвижения людей через границу, то 31 августа 1983 г. между Францией и Алжиром состоялся обмен письмами, вносивший серьезные изменения в режим пересечения французской границы для граждан Алжира, прибывающих в Пятую республику не с целью получения рабочего места. До этого момента, согласно статье 9 соглашения от 27 декабря 1968 г., «граждане Алжира, прибывавшие во Францию с иной целью, нежели осуществление профессиональной деятельности, допускались без каких-либо формальностей на территорию Франции сроком не более чем три месяца, при предъявлении паспорта» [2]. Теперь же было прописано, что «граждане Алжира, прибывающие во Францию на срок менее трех месяцев, допускаются на территорию Франции… при предъявлении действующего паспорта, двухкомпонентной посадочной карты и, в случае путешествия авиационным, морским или железнодорожным способом, обратного билета… граждане Алжира, прибывающие с семейным или частным визитом, предъявляют французским властям свидетельство о проживании, выданное лицом, в доме которого они намереваются проживать во время своего пребывания во Франции» [6]. Таким образом, если по условиям 1968 г. для въезда во Францию с туристическими целями на три месяца требовался только паспорт, в результате обмена письмами в 1983 г. значительно увеличивался пакет необходимых для въезда документов. Главным новшеством была двухкомпонентная посадочная карта, которую во Франции называли «системой диптиха», контролировавшей въезд и выезд алжирских граждан. Смысл ее был в том, что вторая часть карты предъявлялась французским властям при выезде с территории Франции, подтверждая, что срок пребывания во Франции не превысил 90 дней. Являясь дополнением к соглашению 1968 г., обмен письмами от 31 августа 1983 г. фактически усиливал контроль над потоками туристической миграции из Алжира. Соглашение вступило в силу 1 июня 1984 г. Быстро стало понятно, что действует оно плохо. На заседании смешанной комиссии в марте 1985 г. французская сторона отмечала, что количество алжирцев, не предоставивших вторую часть карты (то есть оставшихся во Франции), составило 14 248 человек в начале декабря 1984 г. и достигло 36 394 человек к началу марта 1985 г. [6]. А в справке МИД Франции от 31 октября 1985 г. сообщалось уже о 50 000 подобных случаев [14] (менее чем за полтора года действия соглашения).

В целом проанализированные в статье документы из архива МИД Франции показывают, что в первой половине 1980-х гг. во французской политике по отношению к алжирским мигрантам и в целом во всей миграционной политике Франции происходили важные изменения, вызванные как ростом межэтнической напряженности в Пятой республике, так и приходом социалистов к власти. В сентябре 1980 г., на исходе президентства Валери Жискар д'Эстена, Париж предпринял попытку ограничения миграционных потоков, разработав ряд мер по реинтеграции алжирских мигрантов на родину. В дальнейшем, уже при президенте Ф. Миттеране, французское правительство отказалось от подобных мер, сконцентрировав свои усилия на обеспечении и регулировании жизни мигрантов во Франции, а не возвращении их в родные страны. Связано это было не только с экономическими аспектами (политика реинтеграции мигрантов был весьма дорогой), но и с общим изменением ситуации в стране. Трудовые мигранты, приехавшие во Францию в 1960–1970-е гг. на заработки из разных стран, прежде всего из Алжира, к 1980-м гг. уже не собирались возвращаться на родину. Проблема ассимиляции мигрантов в период президентства Миттерана стала гораздо более актуальной, чем меры по их возвращению в родные страны. Вскоре ассимиляция в качестве цели миграционной политики будет заменена на принцип интеграции. Миграционная политика Франции с тех пор направлена не на управление миграционными потоками, а на легализацию уже сложившихся правил и норм.

Список литературы

1. *Осипов Е. А.* Франция. 1983–1989. От марша за равенство к делу о мусульманском платке // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2017. Т. 8, вып. 9 (63). URL: https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/. DOI: 10.18254/S0002027-8-1.

2. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères de France). Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Document de travail. Négociations avec Algérie. Janvier 1984.

3. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Direction d'Afrique du Nord et du Moyen-Orient. Note № 278. Accord franco-algérien du 18 septembre 1980 sur le retour des travailleurs algériens. 13 octobre 1983.

4. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère de la solidarité. Direction de la population et des migrations. Projet de circulaire.

5. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Reinsertion. Algérie – Bilan. 1981–1983. 08 mars 1984.

6. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Questions relations à l'immigration. 13 juin 1985.

7. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Rapport de mission. 29 novembre 1982.

8. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note № 751. 23 juillet 1982.

9. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note 85/282. 8 mars 1985.

10. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note. Immigration algérienne. 23 septembre 1983.

11. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Fiche. Questions relatives à l'immigration. 13 juin 1985.

12. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note № 256. Immigration algérienne. 27 septembre 1983.

13. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note. Retour des immigrés. 28 février 1984.

14. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note № 277. 31 octobre 1985.

15. *Augustin M.* La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013; Kedadouche Z., Hafidi A. Marche ou creve. La Marche pour l'égalité et contre le racism, 30 ans après. Paris, 2013.

16. *Blanchard E.* Histoire de l'immigration algérienne en France. Paris, 2018.

17. *Cohen M.* Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945–1984) // Annales de démographie historique. 2014. № 128. Pp. 187–213.

18. *Finkelkraut A.* L'identité malheureuse. Paris : Folio, 2013.

19. *Gaspard F., Khosrokhavar F.* Le foulard et la République. Paris, 2006.

20. *Giraud H.-C.* Ce traité qui favorise l'immigration des Algériens en France: l'héritage secret du général De Gaulle. Fondation pour l'innovation politique. 19.08.2023.

21. Journal officielle de la République ffrançaise. 4 janvier 1981.

22. *Laurens S.* "1974" et la fermeture des frontières. Analyse critique d'une décision érigée en turning-point // Politix. 2008. № 2 (82). Pp. 69–94.

23. *Pervillé G.* Les accords d'Evian (1962). Succès ou échec de la réconciliation franco-algérienne (1954–2012). Paris, 2012.

French Policy Towards Migrants from Algeria in 1980–1985: Based on Materials from the Archives of the French Ministry of Foreign Affairs

Osipov Evgeniy Aleksandrovich
PhD in History, senior researcher, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences.
Russia, Moscow. ResearcherID: L-7995-2016. E-mail: eaossipov@gmail.com

Abstract. Drawing on materials from the archives of the French Ministry of Foreign Affairs, the article investigates the migration question in Franco-Algerian relations in the first half of the 1980s. The exchange of letters of September 18, 1980, between France and Algeria introduced substantial changes into the regime of residence of Algerian workers on the territory of the Fifth Republic and introduced measures to encourage the voluntary return of Algerians to their homeland, becoming the embodiment of Valéry Giscard d'Estaing's migration policy. However, the complicated procedure for implementing the agreement, the disagreements between the parties, the high cost, and the aggravation of the interethnic situation in France at the beginning of the 1980s led to the aims and objectives of the agreement not being fulfilled, and under President F. Mitterrand it was not extended.

The archival materials analyzed show how, during the first years of F. Mitterrand's time in power, the approach to Algerian migrants in the Fifth Republic changed. As early as 1981, immediately after the Socialists came to power, the French side abandoned quantitative targets for the return of migrants to their homeland. Paris ceased to link measures for the reintegration of Algerians in their homeland with the creation of favourable conditions for extending the residence permits of Algerians in France, although this had been the point of the 1980 agreement.

It was precisely in the first years of Mitterrand's presidency that the French authorities for the first time made a choice in favour of providing for and regulating the lives of migrants in France rather than their potential return to their native countries. This is most clearly evident precisely in the example of the history of the Algerian diaspora in the Fifth Republic. Since then, French migration policy has been directed not at managing migration flows but at legalizing already established rules and norms.

Keywords: France, the Fifth Republic, Algeria, Valéry Giscard d'Estaing, Mitterrand, migrants, migration policy, identity.

References

1. *Osipov E. A. Franciya. 1983–1989. Ot marsha za ravenstvo k delu o musul'manskom platke* [France. 1983–1989. From the March for Equality to the Affair of the Muslim Headscarf] // *Elektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal "Istoriya"* – Electronic Scientific and Educational Journal "History". 2017. Vol. 8, Is. 9 (63). Available at: https://history.jes.su/s207987840002027-8-1/. DOI: 10.18254/S0002027-8-1.

2. AMAE (Archives du ministère des affaires étrangères de France). Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Document de travail. Négociations avec Algérie. Janvier 1984.

3. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Direction d'Afrique du Nord et du Moyen-Orient. Note No. 278. Accord franco-algérien du 18 septembre 1980 sur le retour des travailleurs algériens. 13 octobre 1983.

4. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère de la solidarité. Direction de la population et des migrations. Projet de circulaire.

5. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Reinsertion. Algérie – Bilan. 1981–1983. 08 mars 1984.

6. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Questions relations à l'immigration. 13 juin 1985.

7. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Rapport de mission. 29 novembre 1982.

8. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note No. 751. 23 juillet 1982.

9. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note 85/282. 8 mars 1985.

10. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note. Immigration algérienne. 23 septembre 1983.

11. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Fiche. Questions relatives à l'immigration. 13 juin 1985.

12. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note No. 256. Immigration algérienne. 27 septembre 1983.

13. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des affaires Sociales et de la Solidarité Nationale. Note. Retour des immigrés. 28 février 1984.

14. AMAE. Algérie. 1981–1989. 108. Ministère des Relations Exterieures. Note No. 277. 31 octobre 1985.
15. *Augustin M.* La vraie histoire de la marche des beurs. Lyon, 2013 ; *Kedadouche Z., Hafidi A.* Marche ou crève. La Marche pour l'égalité et contre le racisme, 30 ans après. Paris, 2013.
16. *Blanchard E.* Histoire de l'immigration algérienne en France. Paris, 2018.
17. *Cohen M.* Contradictions et exclusions dans la politique de regroupement familial en France (1945–1984) // Annales de démographie historique. 2014. No. 128. Pp. 187–213.
18. *Finkielkraut A.* L'identité malheureuse. Paris : Folio, 2013.
19. *Gaspard F., Khosrokhavar F.* Le foulard et la République. Paris, 2006.
20. *Giraud H.-C.* Ce traité qui favorise l'immigration des Algériens en France : l'héritage secret du général De Gaulle. Fondation pour l'innovation politique. 19.08.2023.
21. Journal officiel de la République française. 4 janvier 1981.
22. *Laurens S.* "1974" et la fermeture des frontières. Analyse critique d'une décision érigée en turning-point // Politix. 2008. No. 2 (82). Pp. 69–94.
23. *Pervillé G.* Les accords d'Evian (1962). Succès ou échec de la réconciliation franco-algérienne (1954–2012). Paris, 2012.

Поступила в редакцию: 25.08.2026
Принята к публикации: 10.09.2026

ИСТОРИОГРАФИЯ

EDN: MHJPHM УДК 930(470.343)

Взаимодействие регионов и центра в СССР (1945–1991): сюжеты и тенденции современной историографии

Никифоров Юрий Сергеевич
доктор исторических наук, доцент кафедры отечественной истории, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. Россия, г. Ярославль.
ORCID: 0000-0002-4253-4532. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Аннотация. В статье предпринят историографический анализ ключевых сюжетов и тенденций современной историографии по проблеме взаимодействия регионов и центра в СССР в период от окончания Великой Отечественной войны и до распада СССР. Подчеркивается значимость различных методологических подходов в исследовании многоаспектной проблемы «регион – центр». В публикации представлен авторский подход к классификации историографических блоков по научной проблеме «регион – центр». В качестве основного показателя выделен пространственный критерий. В первый историографический блок выделены обобщающие труды по различным аспектам проблемы «регион – центр» в СССР: кадровым, политическим, экономическим. Во втором блоке представлены труды, в которых анализируются союзные республики в составе СССР и их коммуникация с центром. Третий историографический блок связан с работами, посвященными взаимодействию с центром конкретных регионов или городов РСФСР. Основное внимание в статье уделено отечественной историографии первой четверти XXI в. Отмечается, что введение в научный оборот новых источников – ключевой путь к расширению научного знания по проблемам региональной истории. Подчеркивается разнообразие методологических подходов, сформировавших историографическое пространство по проблеме «регион – центр», таких как элитологический, сетевой, институциональный и неоинституциональный. Значительное внимание уделяется документальным и справочным изданиям. В исследовании были использованы научные методы: нарративный, сравнительно-исторический, классификация.

Ключевые слова: региональная история, СССР, власть, историография, методологический подход, регион, центр.

Введение. «Пространственный поворот», обозначенный Л. П. Репиной [39], ознаменовал смещение акцентов в историографии с изучения центрального на региональный уровень. Вместе с тем еще более перспективна для исследования оптика, связанная с взаимодействием регионов и центра. В этом смысле показателен ракурс советской эпохи послевоенного периода (1945–1991 гг.), во многом заложивший основы для распада СССР. Научная проблема, связанная с особенностями коммуникации в системе «регион – центр», сохраняет свою актуальность в свете «Стратегии пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г.» [44]. Ее изучение позволяет глубже разобраться в вопросах развития территорий современной России, в том числе с возможностью в перспективе предложить органам власти рекомендации для корректировки региональной политики. Вместе с тем изучение региональной власти в СССР и ее взаимодействия с союзным центром имеет и важное теоретическое значение – дает возможность оценить «оперативную деятельность секретарей областных парторганизаций: их методы работы, процедуру лоббирования местных интересов в Центре» [54, с. 31].

Изучение проблемы взаимодействия регионов и центра в советский период носило во многом избирательный и фрагментарный характер. Публикации советской историографии в значительной степени отражали историческую картину прошлого посредством методологической триады, базировавшейся на «трех китах»: марксистско-ленинской идеологии, формационной теории, классовом подходе [13]. Подобная оптика исследования существенно влияла на выбор сюжетов исследования и отбор источников. Спектр сюжетов при таком методологическом ракурсе, как правило, концентрировался вокруг темы «партийного руководства» [34].

© Никифоров Юрий Сергеевич, 2026

Как следствие, периодизация региональной истории увязывалась с событиями из жизни ВКП(б)/КПСС или/и революционного прошлого. Проблема «регион – центр» анализировалась советскими учеными через призму тезиса о ведущей роли КПСС. При этом нельзя отрицать и достижения советской исторической науки 1950–1980-х гг.: были поставлены значимые проблемы в работе региональных органов власти и управления, проанализированы социально-экономические и кадровые аспекты взаимодействия регионов с центром; в научный оборот был введен фактический материал, в том числе уникальные архивные документы.

Результаты исследования. Настоящая публикация – скромная попытка заполнения лакун в изучении историографического ракурса проблемы взаимодействия регионов и центра в СССР (1945–1991 гг.), связанная с выявлением основных тенденций и проблемных блоков в современной историографии. Оговоримся, что, учитывая ограниченный объем статьи, основное внимание мы сосредоточили, с одной стороны, на наиболее «свежих» публикациях – отечественной историографии проблемы первой четверти XXI в., а с другой стороны, на концептуальных и типичных публикациях по проблеме, повлиявших на ход историографического процесса. Вместе с тем в отдельных случаях, как правило, в рамках сравнительного анализа имело место обращение и к отдельным трудам отечественных и зарубежных авторов более ранних периодов.

В первый блок выделим труды по общим аспектам проблемы «регион – центр» в СССР. В некоторых масштабных монографиях авторы затрагивают советский период в тесной связи с более ранними эпохами отечественной истории [48]. Одно из ключевых понятий анализируемой историографической проблемы – региональная политика – выступает стержневым концептом в экономических, политологических, исторических исследованиях [7; 22; 43; 50]. Рационально определение региональной политики как «сферы деятельности по управлению политическим, экономическим, социальным и экологическим развитием страны в пространственном, региональном аспекте, отражающей как взаимоотношения между государством и регионами, так и регионов между собой» [7, с. 19].

Советская региональная политика как феномен получила комплексное освещение с позиций лоббизма и новых хозяйственных условий, теории рынков власти, реформирования регионального и местного управления [16; 18; 20; 22]. Непреходящее значение имеют выделенные в литературе специфические особенности советской региональной политики: иерархичность, неравномерность развития регионов, преференции для стратегических территорий [4, с. 253–254]. Согласимся и с мнением дальневосточных ученых, что «политика в СССР являлась катализатором многих изменений… развитие в регионе детерминировалось политикой Центра» [31, с. 14]. Значимы в связи с этим и работы, посвященные реорганизациям территории СССР, которые регулярно проводил центр [21]. Уникальна публикация Л. Е. Горизонтова, реконструирующая феномен борьбы за приоритеты в развитии регионов и «поворот» руководства СССР в направлении Нечерноземья [8].

Значительное внимание современные ученые уделяют кадровому аспекту региональной политики в СССР. Ротации руководящих кадров местной власти в масштабах РСФСР рассмотрены в период позднего И. В. Сталина [51; 52], Н. С. Хрущева [24] и Л. И. Брежнева [45]. Интересен и подход, связанный с обращением к резонансным казусам во взаимодействии регионов с центром («рязанское дело»), реализованный А. В. Сушковым [46].

Представители англо-американской историографии, западные советологи [70; 71] сконцентрировались на конкретных персоналиях региональной политики в СССР. Показательна классическая работа «Советские префекты», не потерявшая актуальности и по настоящее время [66]. Рационален и концепт «доверие к кадрам», выделенный Й. Горлицким, применительно к советской региональной политике периода Л. И. Брежнева [62].

Особую ценность представляют документальные издания, включающие, помимо публикации источников, и исследовательские статьи, затрагивающие советскую региональную политику Н. С. Хрущева [38; 41; 57]. Тенденция, прослеживаемая в этих и других документальных, научных изданиях последнего десятилетия, – стремление авторов совместить институциональный и персоналистский подходы в историческом исследовании, а также соответствующий подбор документов для публикации. Другая тенденция – попытка историков выявить не только официальные ракурсы коммуникации регионов и центра, но и неформальные связи и механизмы, оказывавшие влияние на принятие властных решений в системе «регион – центр».

Вне всяких сомнений, новую историографическую традицию применения сетевого подхода в историческом исследовании заложили труды О. В. Хлевнюка. В работах этого известного ученого динамика коммуникации регионов и центра рассмотрена в период от И. В. Сталина до

Л. И. Брежнева через призму понятия «региональная руководящая сеть». Региональным руководителям в СССР после 1945 г. посвящена его совместная Й. Горлицким монография “Substate Dictatorship” [61]. В 2024 г. дополненный вариант этого масштабного исследования под новым названием «Секретари» был опубликован на русском языке. С точки зрения авторов монографии, центральная власть намеренно делегировала часть полномочий в регионы [56]. Выделенные О. В. Хлевнюком три типа региональных сетей и первых секретарей местных партийных комитетов («секретарь-диктатор – подавление сети», «слабый секретарь – олигархическая сеть», «сильный секретарь – компромиссная сеть») стали классической моделью для исследования региональной власти советской эпохи [54]. Одним из первых О. В. Хлевнюк исследовал и реформу 1962 г. по разделению партийного и советского аппаратов по отраслевому принципу [55], вызвавшую недовольство региональной партноменклатуры. Тем самым он заложил основы для изучения этой противоречивой и роковой для Хрущева реформы.

Второй блок исследований системы «регион – центр» в историографии представлен трудами, в которых анализируются союзные республики в составе СССР и их коммуникация с центром. Масштабное исследование региональной номенклатуры РСФСР 1950–1980-х гг. в русле элитологического подхода провел В. П. Мохов: он проанализировал ее социальное происхождение и политическое становление, выявив реальные и формальные элиты, что нашло отражение в его обобщающей монографии [27, с. 47]. Работы, опубликованные после распада СССР в бывших союзных республиках, несут ярко выраженный «след» идеологии. Он обусловлен влиянием так называемых национальных школ историографии, чьи представители часто подменяют историческую объективность политической конъюнктурой и нередко стоят на откровенно русофобских позициях. При описании коммуникации Москвы и союзных республик представители этих национальных историографических школ используют эпитеты, гиперболизированно подчеркивающие давление центра на национальные окраины СССР [14, с. 162–171, 184]. В поле внимания зарубежных исследователей, главным образом представителей англо-американской историографии – идейных наследников и продолжателей западной советологии, попадают закавказские и среднеазиатские советские республики СССР, в которых функционирование системы «регион – центр» рассматривается с учетом местной специфики. Среди закавказских республик большое внимание уделяется феномену Грузии в советскую эпоху [60; 68]. Среднеазиатские республики СССР все чаще рассматриваются как целостный феномен, объединенный институционально-религиозной основой – исламом [72]. Значительный акцент сделан на исследовании Узбекской ССР [64].

Оговоримся, что и в СССР труды историков и обществоведов, естественно, находились под влиянием идеологии – марксистско-ленинской [34]. При анализе взаимодействия Украинской ССР с центром современные историки уделяют существенное внимание кадровым вопросам [23]. Стабилен интерес ученых и к «днепропетровскому клану» периода Л. И. Брежнева, его партаппарату [37; 70], существенно повлиявшему на расстановку кадров на уровне союзного руководства. Имеются и фундированные труды о Белорусской ССР, ее экономике и руководящих кадрах в контексте взаимодействия с центром [10; 73].

Как представляется, наибольшего доверия заслуживают документальные публикации, в которых масштабные исследовательские статьи базируются строго на представленных в издании источниках – о политическом руководстве и экономических моделях союзных республик [36; 43].

В отдельную группу выделим труды, касающиеся взаимодействия с центром субрегиона советских Прибалтийских республик – Литвы, Латвии, Эстонии. Критического осмысления требуют труды собственно балтийских исследователей [63; 67]. Вместе с тем серьезнейший вклад в анализ политических элит и национальных конфликтов, кадровой политики, экономических и иных аспектов взаимодействия центра и республик Прибалтики внесли работы таких отечественных ученых, как Е. Ю. Зубкова, К. А. Болдовский, Н. Ю. Пивоваров [5; 11; 43].

Третий объемный историографический блок связан с широким спектром трудов, посвященных взаимодействию с центром конкретных регионов и /или крупнейших городов РСФСР: от исследования функционирования партийного аппарата Ленинграда до анализа корпуса первых секретарей Тамбовской области [1; 6]. Масштабностью выделяются работы по политической истории Северного Кавказа, Урала, Югры, Донбасса [12; 25; 32; 40; 47; 65; 69].

В числе трудов, касающихся условной средней полосы европейской части России, выделим публикации, включая документальные издания, посвященные Нижнему Новгороду, Смоленску, Твери/Калинину [19; 33; 53; 59]. Типичным в Центральной России для изучения системы «регион – центр» в новейшей отечественной истории послевоенного периода представляются области Верхней Волги: Владимирская, Ивановская, Костромская, Ярославская

[29; 30]. Они объединены общей административной историей (в 1930-е гг. входили в Ивановскую промышленную область), экономическими связями (в 1963–1964 гг. были включены в укрупненный Верхневолжский совнархоз) и культурно-исторически (регионы классического Золотого кольца России). Предприняты успешные критические исследования различных аспектов экономической, социальной, политической и духовной жизни областей Верхней Волги в контексте их взаимодействия с центром: анализируется коммуникация власти и общества на региональном уровне, типы регионального лидерства, коммуникативные практики органов власти, трудовые ресурсы в региональном разрезе и влияние политики центра на их динамику [2; 15; 49]. В научный оборот вводятся новые источники по советской эпохе в региональном разрезе [58]. Развивается и такое направление, как локальная история [42].

Вместе с тем отметим, что наиболее детально, как представляется, исследована партийная номенклатура и региональная власть Сибири в контексте ее взаимодействия с центром. Отметим, прежде всего, труды А. Б. Коновалова [16; 17]. Продуктивен его тезис о функционировании в послевоенном СССР трех стилей управленческой деятельности номенклатурных кадров партийных органов: административно-командного, технократического, демократического [17, с. 50]. В. И. Мерцаловым глубоко проработана реформа совнархозов в Восточной Сибири в 1957–1965 гг., которая была важным элементом политики центра в отношении регионов в период Н. С. Хрущева [26]. Справедлива оценка роли первых секретарей региональных партийных комитетов как посредников в разрешении конфликтных ситуаций между отраслевыми руководителями [17, с. 38]. Выявлена специфика северо-востока СССР – Магаданской области, представлявшей уникальный феномен и имевшей важное значение для экономики СССР [9]. Исследователи Дальнего Востока в свою очередь показали формирование «смешанного типа общества с сочетанием черт индустриального и потребительского типов», раскрыли демографические тренды и роль своего региона в экономике СССР [31, с. 2].

Отметим, что появление в субъектах РФ справочно-биографических книг о местных партийных и советских руководителях представляется своеобразным индикатором исследовательского интереса к региональной власти СССР [28; 35; 47]. Масштабным и основанным на широкой документальной базе выглядит развернутое биографическое описание руководителей Костромской области [3].

Заключение. Подводя итоги, отметим, что «архивная революция» 1990-х гг. сформировала в России к началу XXI в. новую историографическую ситуацию, связанную с расширением источниковой базы и сменой методологических подходов к изучению проблемы «регион – центр» в отечественной истории. Распад СССР и реформы 1990-х гг., укрепление вертикали власти в 2000-е гг., рассекречивание архивных фондов, влияние концептов западной историографии, идеологические/ценностные предпочтения самих историков – все эти факторы определили методологическое разнообразие и широкую палитру аспектов, анализируемых в рамках изучения коммуникации в системе «регион – центр» советской эпохи. В числе узловых методологических подходов, сформировавших историографическое пространство по проблеме «регион – центр», обозначим элитологический, сетевой, институциональный и неоинституциональный подходы.

В ходе проведенного историографического анализа учитывались: исторический контекст написания работы, методологические позиции историка, характер работы с источниками и методы исследования, концепция автора, выделение им главной и второстепенных проблем.

Отметим, что наиболее исследованными в плане функционирования институтов власти и руководящих кадров в позднем СССР были отдаленные от центра территории: Урал, Сибирь, Дальний Восток. Властные структуры центральных регионов РСФСР парадоксальным образом пользовались меньшим вниманием исследователей. До последнего времени фрагментарно были освещены в историографии аспекты взаимодействия региональной власти и центральных структур, отражающие особенности неоинституционального подхода в историческом исследовании: официальные и неформальные практики коммуникации, соотношение институциональных и персональных уровней контактов.

Явственная тенденция историографии последних десятилетий в изучении проблемы взаимоотношений регионов и центра – совмещение институционального (чаще неоинституционального) и персоналистского подходов в историческом исследовании, основанное на синтезе разнообразной источниковой базы: архивных документов и свидетельств устной истории. Другая очевидная тенденция – фокусирование историков не только на официальных ракурсах коммуникации регионов и центра, но и на неформальных контактах и механизмах.

В заключение подчеркнем, что необходимо наличие углубленных исследований на уровне конкретных регионов, чтобы возникла перспектива компаративного синтеза. Продук-

тивными представляются подходы, рассматривающие взаимодействие регионов и центра в СССР через призму двух векторов: реформ, инициированных центром, и лоббизма региональных властей, защищающих интересы своих территорий.

Список литературы

1. *Айрапетов В. А.* Эволюция корпуса первых секретарей ГК и РКВКП(б) КПСС: Тамбовская область, 1945–1982. Тамбов, 2009. 25 с.

2. *Белов А. М., Рыбин А. А.* Костромичи на целине в 1954–1964 гг. // Исторический поиск. 2021. Т. 2, № 3. С. 5–9.

3. *Белов А. М.* Руководители Костромской губернии и области 1778–2009 гг. Кострома : КГУ, 2009. 296 с.

4. *Бокарев Ю. П*. СССР и становление постиндустриального общества на Западе. 1970–1980. М. : Наука, 2007. 381 с.

5. *Болдовский К. А., Пивоваров Н. Ю.* Кадровый вопрос в послевоенных прибалтийских республиках: характеристика и решение // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2022. Т. 21, № 2. С. 190–203.

6. *Болдовский К. А.* Падение «блокадных секретарей». Партаппарат Ленинграда до и после «ленинградского дела». СПб. : Нестор-История, 2018. 312 с.

7. *Гладкий Ю. Н., Чистобаев А. И.* Основы региональной политики. СПб. : Изд-во Михайлова В. А., 1998. 659 с.

8. *Горизонтов Л. Е.* Конфликты в советском руководстве. Приоритеты в развитии регионов: Нечерноземье – целина // Вестник архивиста. 2013. № 4. С. 184–191.

9. *Гребенюк П. С.* Региональная власть и социально-экономические процессы на Северо-Востоке СССР в начале 1950-х – начале 1980-х гг. Магадан, 2023. 793 с.

10. *Гужаловский А. А.* Дефицит и теневая экономика в Белорусской ССР на фоне экономических реформ сер. 1950-х – сер. 1960-х гг. // Исторический курьер. 2022. № 4. С. 45–57.

11. *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М. : РОССПЭН, 2008. 349 с.

12. *Зубкова Е. Ю*. Югра в контексте позднесоветской модернизации: региональная история в общенациональной перспективе // Уральский исторический вестник. 2024. № 1. С. 72–81.

13. *Иванов В. В.* Ленинский принцип партийности и научная объективность // Средние века. 1980. Вып. 43. С. 5–6.

14. *Исмаилов Э. Р.* Власть и народ. Послевоенный сталинизм в Азербайджане. 1945–1953 гг. Баку, 2003. 258 с.

15. *Кищенков М. С.* Развитие регионов верхнего Поволжья в 1960–1980 гг. в контексте периода «застоя» // Актуальные проблемы образования и общества. Ярославль : ЯГПУ, 2019. С. 57–61.

16. *Коновалов А. Б.* Партийная номенклатура Сибири в системе региональной власти (1945–1991). Кемерово : Кузбассвузиздат, 2006. 635 с.

17. *Коновалов А. Б.* Формирование и функционирование номенклатурных кадров органов ВКП(б)-КПСС в регионах Сибири (1945–1991). Кемерово, 2006. 54 с.

18. *Кордонский С. Г*. Рынки власти: административные рынки СССР и России. М. : ОГИ, 2006. 240 с.

19. *Корсаков С. Н.* Тверские руководители: партия, Советы, комсомол. Тверь : Герс, 2002. 407 с.

20. *Кошкидько В. Г.* Реформирование регионального и местного управления СССР в начале 60-х гг. XX в. // Вестник Московского университета. Сер 21: Управление (государство и общество). 2021. № 1. С. 64–79.

21. *Круглов В. Н.* Организация территории России в 1917–2007 гг.: идеи, практика, результаты. М. : ИРИ РАН, 2020. 480 с.

22. *Кузнецов С. В., Межевич Н. М.* Региональная экономическая политика СССР: исторический опыт для новых хозяйственных условий // Экономическое возрождение России. 2017. № 2. С. 97–113.

23. *Лагно А. Р*. Руководящие кадры для Западной Украины (1945–1949): идеалы и реальность // Historia provinciae – журнал региональной истории. 2023. Т. 7, № 2. С. 487–526.

24. *Метёлкина Л. Н*. Особенности ротации политической элиты в РСФСР (на примере 1-х секретарей региональных комитетов КПСС в 1953–1964 гг.) // Известия Саратовского университета. Социология. Политология. 2012. Т. 12, вып. 3. С. 95–100.

25. *Михеев М. В.* Индустриальный Урал в советской региональной политике позднесталинского СССР (1945–1953). Екатеринбург, 2017. 22 с.

26. *Мерцалов В. И.* Реформа управления промышленностью и строительством 1957–1965 гг. (на материалах Восточной Сибири). Иркутск, 2001. 49 с.

27. *Мохов В. П.* Региональная политическая элита России (1945–1991 гг.). Пермь : Пермское кн. изд-во, 2003. 238 с.

28. *Нечаева С. В.* Лидеры политической элиты Челябинской области. 1934–2006 гг. Челябинск : б. и., 2007. 380 с.

29. *Никифоров Ю. С.* Верхневолжские регионы РСФСР и союзно-республиканский центр (1950–1980-е гг.). Ярославль : РИО ЯГПУ, 2021. 275 с.

30. *Никифоров Ю. С.* Области Верхней Волги в системе отношений «регион–центр»: институты, направления и форматы взаимодействия (1953–1985 гг.). Ярославль, 2025. 547 с.

31. Общество и власть на российском Дальнем Востоке в 1960—1991 гг. Т. 3. Кн. 5 / отв. ред. А. С. Ващук. Владивосток : ИИАЭ ДВО РАН, 2016. 940 с.

32. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1985. Документы и материалы (Пермский край, Свердловская, Челябинская области) : в 6 т. Т. 2. 1941–1985. Пермский край / гл. ред. В. В. Алексеев. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2008.

33. Общество и власть. Российская провинция. 1917–1980-е гг. (по материалам нижегородских архивов) : в 6 т. / А. Н. Сахаров (отв. ред.). Т. 5: 1965 г. – 1985 г. М. : ИРИ РАН ; Н. Новгород, 2008. 933 с.

34. *Пинегин И. Т.* Работа КП Украины по осуществлению решений партии о подборе, расстановке и воспитании руководящих партийных и советских кадров в послевоенный период, 1946–1955 гг. М. : АОН ЦК КПСС, 1955. 328 с.

35. Политические лидеры Вятского края / сост. В. С. Жаравин, Е. Н. Чудиновских. Киров, 2009. 730 с.

36. Политическое руководство Украины, 1938–1989 / сост. В. Ю. Васильев. М. : РОССПЭН, 2006. 542 с.

37. *Портнов А., Портнова Т.* Столица застоя? Брежневский миф Днепропетровска // Неприкосновенный запас. 2014. № 5. С. 71–87.

38. Региональная политика Н. С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953–1964 гг. / сост. О. В. Хлевнюк и др. М. : РОССПЭН, 2009. 774 с.

39. *Репина Л. П.* История регионов, или «Территория историка» после пространственного поворота // Диалог со временем. 2019. № 69. С. 5–16.

40. *Салошенко В. Н.* Первые. Наброски к портретам, или Ретроспективный взгляд на деятельность первых секретарей Краснодарского крайкома ВКП(б), КПСС за 54 года – с 1937 по 1991-й. Краснодар : Сев. Кавказ, 2000. 734 с.

41. Секретариат ЦК КПСС. Рабочие записи и протоколы заседаний. 1968 г. / сост.: М. Ю. Прозументщиков, Т. А. Джалилов, Н. Ю. Пивоваров. М. : ИстЛит, 2021. 968 с.

42. *Смирнов А. А.* «Поставьте памятник деревне». Ярославль : Филигрань, 2024. 448 с.

43. Советская модель экономики: союзный Центр и республики Прибалтики. 1953 г. – март 1965 г. / отв. сост. Е. Ю. Зубкова. М. : МФД, 2015. 1008 с.

44. Стратегия пространственного развития РФ на период до 2030 г. с прогнозом до 2036 г. Распоряжение Правительства РФ от 28 декабря 2024 г. № 4146-р // Собрание законодательства РФ. 2025. № 2. Ст. 74.

45. *Столетова А. С.* Кадровая политика середины 1970-х гг. и правящая номенклатура в представлениях советской общественности // Научный диалог. 2020. № 6. С. 453–473.

46. *Сушков А. В.* Высшее руководство СССР и «рязанское дело» (1959–1961 гг.) // Вестник Челябинского государственного университета. 2008. № 35. С. 72–83.

47. *Сушков А. В., Разинков С. Л.* Руководители Свердловской области. 1934–1991. Екатеринбург : Банк культурной информации, 2003. 284 с.

48. Территория и власть в новой и новейшей истории Российского государства / отв. ред. В. Н. Захаров. М. : РОССПЭН, 2012. 407 с.

49. *Тумаков Д. В.* Региональная номенклатура Верхней Волги 1960–1970-х гг. в воспоминаниях ее представителей (по материалам Ярославской и Владимирской областей) // Чтения Ушинского. Ярославль : РИО ЯГПУ, 2019. С. 80–84.

50. *Туровский Р. Ф.* Центр и регионы: проблемы политических отношений. М. : ГУВШЭ, 2006. 399 с.

51. *Федоров А. Н.* Ротация первых секретарей региональных комитетов ВКП(б) в 1946–1952 гг.: масштабы, причины, механизмы // Pamięć i Sprawiedliwość. 2018. № 2. С. 126–142.

52. *Федоров А. Н.* Слабые секретари: региональные руководители СССР 1946–1948 гг. в оценках ЦК ВКП(б) // Новейшая история России. 2022. Т. 12, № 2. С. 416–436.

53. *Фэйнсод М.* Смоленск под властью Советов. Смоленск : Траст-Имаком, 1995. 495 с.

54. *Хлевнюк О. В.* Региональная власть в СССР в 1953 – конце 1950-х гг. Устойчивость и конфликты // Отечественная история. 2007. № 3. С. 31–49.

55. *Хлевнюк О. В.* Роковая реформа Н. С. Хрущёва: разделение партийного аппарата и его последствия, 1962–1964 гг. // Российская история. 2012. № 4. С. 164–179.

56. *Хлевнюк О., Горлицкий Й.* Секретари. Региональные сети в СССР от Сталина до Брежнева. М. : НЛО, 2024. 432 с.

57. ЦК ВКП(б) и региональные партийные комитеты, 1945–1953 / сост. В. В. Денисов. М. : РОССПЭН, 2004. 494 с.

58. *Юдин К. А.* Воспоминания В. П. Капустина как исторический источник по истории советской повседневности и общественного сознания 1930–1980-х гг. // Вестник Ивановского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 3. С. 51–64.

59. *Boterbloem K.* Life and Death under Stalin. Kalinin Province, 1945–1953. Montreal ; London : McGill-Queen's univ. press, 1999. 435 p.

60. Georgia after Stalin. Nationalism and Soviet power / eds. by T. K. Blauvelt, J. Smith. London : Routledge, 2016. 198 p.

61. *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Substate dictatorship: networks, loyalty, and institutional change in the Soviet Union. New Haven : Yale University Press, 2020. 445 p.

62. *Gorlizki Y.* Too much trust: Regional party leaders and local political networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No. 69. Pp. 676–700.

63. *Grybkauskas S.* Sovietinė nomenklatūra ir pramonė Lietuvoje 1965–1985 metais. Vilnius : Leidukla, 2011. 437 c.

64. *Hansen C.* The Ambivalent Empire. Soviet Rule in the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1945–1964, PhD thesis. European University, 2013. 34 p.

65. *Harris J. R.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca ; New York, 1999. 235 p.

66. *Hough J. F.* The Soviet Prefects. Cambridge : Mass., 1969. 416 p.

67. *Ivanauskas V.* Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988). Vilnius : Lietuvos istorijos instituto, 2011. 662 p.

68. *Kaiser Cl*. Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus. Ithaca : Cornell University Press, 2023. 294 p.

69. *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas. A Ukrainian-Russian Borderland. 1870s-1990s. Cambridge : CUP, 1998. 357 p.

70. *Moses J. C.* Regionalism in Soviet Politics: Continuity as a Source of Change, 1953–1982 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37, No. 2. Pp. 184–211.

71. *Moses J. C.* Regional Cohorts and Political Mobility in the USSR: The Case of Dnepropetrovsk // Soviet Union. 1976. Vol. 3. Pp. 63–89.

72. *Tasar Er.* Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Oxford : University Press, 2017. 432 p.

73. *Urban M.* An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic 1966–1986. Cambridge : CUP, 1989. 183 p.

The Interaction of the Regions and the Centre in the USSR (1945–1991): Themes and Tendencies of Contemporary Historiography

Nikiforov Yuri Sergeevich
Doctor of History, associate professor of the Department of Russian History, K. D. Ushinsky Yaroslavl State Pedagogical University. Russia, Yaroslavl. ORCID: 0000-0002-4253-4532. E-mail: Nikifor2108@yandex.ru

Abstract. The article undertakes a historiographical analysis of the key themes and tendencies of contemporary historiography on the problem of the interaction of the regions and the centre in the USSR in the period from the end of the Great Patriotic War to the collapse of the USSR. The significance of various methodological approaches in the study of the multi-aspect problem of "region – centre" is emphasized. The publication presents the author's approach to the classification of historiographical blocks on the scholarly problem of "region – centre". The spatial criterion is singled out as the principal indicator. The first historiographical block comprises general works on various aspects of the "region – centre" problem in the USSR: those of personnel, politics, and economics. The second block presents works analyzing the union republics within the USSR and their communication with the centre. The third historiographical block is connected with works devoted to the interaction with the centre of particular regions or cities of the RSFSR. The main attention in the article is given to Russian historiography of the first quarter of the 21st century. It is noted that the introduction of new sources into scholarly circulation is the key path to expanding scholarly knowledge on the problems of regional history. The diversity of methodological approaches that have shaped the historiographical space on the "region – centre" problem is emphasized, such as the elitological, the network, the institutional, and the neo-institutional. Considerable attention is given to documentary and reference publications. The study made use of such scholarly methods as the narrative, the comparative-historical, and classification.

Keywords: regional history, the USSR, power, historiography, methodological approach, region, centre.

References

1. *Ajrapetov V. A. Evolyuciya korpusa pervyh sekretarej GK i RK VKP(b) KPSS: Tambovskaya oblast', 1945–1982* [The Evolution of the Corps of First Secretaries of the City and District Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the CPSU: Tambov Region, 1945–1982]. Tambov, 2009. 25 p.

2. *Belov A. M., Rybin A. A. Kostromichi na celine v 1954–1964 gg.* [Natives of Kostroma on the Virgin Lands in 1954–1964] // *Istoricheskij poisk* – Historical Search. 2021. Vol. 2, No. 3. Pp. 5–9.

3. *Belov A. M. Rukovoditeli Kostromskoj gubernii i oblasti 1778–2009 gg.* [The Leaders of Kostroma Province and Region, 1778–2009]. Kostroma, KGU, 2009. 296 p.

4. *Bokarev Yu. P. SSSR i stanovlenie postindustrial'nogo obshchestva na Zapade. 1970–1980* [The USSR and the Formation of Post-Industrial Society in the West. 1970–1980]. M., Nauka (Sciences), 2007. 381 p.

5. *Boldovskij K. A., Pivovarov N. Yu. Kadrovyj vopros v poslevoennyh pribaltijskih respublikah: harakteristika i reshenie* [The Personnel Question in the Post-War Baltic Republics: Characterization and Solution] // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Istoriya Rossii* – RUDN Journal of Russian History. 2022. Vol. 21, No. 2. Pp. 190–203.

6. *Boldovskij K. A. Padenie "blokadnyh sekretarej". Partapparat Leningrada do i posle "leningradskogo dela"* [The Fall of the "Blockade Secretaries". The Party Apparatus of Leningrad Before and After the "Leningrad Affair"]. SPb., Nestor-Istoriya, 2018. 312 p.

7. *Gladkij Yu. N., Chistobaev A. I. Osnovy regional'noj politiki* [The Foundations of Regional Policy]. SPb., Izd-vo Mihajlova V. A., 1998. 659 p.

8. *Gorizontov L. E. Konflikty v sovetskom rukovodstve. Prioritety v razvitii regionov: Nechernozem'e – celina* [Conflicts in the Soviet Leadership. Priorities in the Development of Regions: The Non-Black-Earth Zone – the Virgin Lands] // *Vestnik arhivista* – Herald of an Archivist. 2013. No. 4. Pp. 184–191.

9. *Grebenyuk P. S. Regional'naya vlast' i social'no-ekonomicheskie processy na Severo-Vostoke SSSR v nachale 1950-h – nachale 1980-h gg.* [Regional Power and Socio-Economic Processes in the North-East of the USSR in the Early 1950s – Early 1980s]. Magadan, 2023. 793 p.

10. *Guzhalovskij A. A. Deficit i tenevaya ekonomika v Belorusskoj SSR na fone ekonomicheskih reform ser. 1950-h – ser. 1960-h gg.* [Shortage and the Shadow Economy in the Belorussian SSR Against the Background of the Economic Reforms of the Mid-1950s – Mid-1960s] // *Istoricheskij kur'er* – Historical Courier. 2022. No. 4. Pp. 45–57.

11. *Zubkova E. Yu. Pribaltika i Kreml'. 1940–1953* [The Baltic Region and the Kremlin. 1940–1953]. M., ROSSPEN, 2008. 349 p.

12. *Zubkova E. Yu. Yugra v kontekste pozdnesovetskoj modernizacii: regional'naya istoriya v obshchenacional'noj perspektive* [Yugra in the Context of Late Soviet Modernization: Regional History in a National Perspective] // *Ural'skij istoricheskij vestnik* – Ural Historical Journal. 2024. No. 1. Pp. 72–81.

13. *Ivanov V. V. Leninskij princip partijnosti i nauchnaya ob"ektivnost'* [The Leninist Principle of Party-Mindedness and Scholarly Objectivity] // *Srednie veka* – The Middle Ages. 1980. Is. 43. Pp. 5–6.

14. *Ismailov E. R. Vlast' i narod. Poslevoennyj stalinizm v Azerbajdzhane. 1945–1953 gg.* [Power and the People. Post-War Stalinism in Azerbaijan. 1945–1953]. Baku, 2003. 258 p.

15. *Kishchenkov M. S. Razvitie regionov verhnego Povolzh'ya v 1960–1980 gg. v kontekste perioda "zastoya"* [The Development of the Regions of the Upper Volga in 1960–1980 in the Context of the Period of "Stagnation"] // *Aktual'nye problemy obrazovaniya i obshchestva* [Topical Problems of Education and Society]. Yaroslavl', YaGPU, 2019. Pp. 57–61.

16. *Konovalov A. B. Partijnaya nomenklatura Sibiri v sisteme regional'noj vlasti (1945–1991)* [The Party Nomenklatura of Siberia in the System of Regional Power (1945–1991)]. Kemerovo, Kuzbassvuzizdat, 2006. 635 p.

17. *Konovalov A. B. Formirovanie i funkcionirovanie nomenklaturnyh kadrov organov VKP(b)-KPSS v regionah Sibiri (1945–1991)* [The Formation and Functioning of the Nomenklatura Cadres of the Bodies of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the CPSU in the Regions of Siberia (1945–1991)]. Kemerovo, 2006. 54 p.

18. *Kordonskij S. G. Rynki vlasti: administrativnye rynki SSSR i Rossii* [Markets of Power: The Administrative Markets of the USSR and Russia]. M., OGI, 2006. 240 p.

19. *Korsakov S. N. Tverskie rukovoditeli: partiya, Sovety, komsomol* [The Leaders of Tver: The Party, the Soviets, the Komsomol]. Tver', Gers, 2002. 407 p.

20. *Koshkid'ko V. G. Reformirovanie regional'nogo i mestnogo upravleniya SSSR v nachale 60-h gg. XX v.* [The Reform of Regional and Local Administration in the USSR at the Beginning of the 1960s] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 21: Upravlenie (gosudarstvo i obshchestvo)* – Moscow University Bulletin. Series 21: Public Administration. 2021. No. 1. Pp. 64–79.

21. *Kruglov V. N. Organizaciya territorii Rossii v 1917–2007 gg.: idei, praktika, rezul'taty* [The Organization of the Territory of Russia in 1917–2007: Ideas, Practice, Results]. M., IRI RAN, 2020. 480 p.

22. *Kuznecov S. V., Mezhevich N. M. Regional'naya ekonomicheskaya politika SSSR: istoricheskij opyt dlya novyh hozyajstvennyh uslovij* [The Regional Economic Policy of the USSR: Historical Experience for New Economic Conditions] // *Ekonomicheskoe vozrozhdenie Rossii* – Economic Revival of Russia. 2017. No. 2. Pp. 97–113.

23. *Lagno A. R. Rukovodyashchie kadry dlya Zapadnoj Ukrainy (1945–1949): idealy i real'nost'* [Leading Cadres for Western Ukraine (1945–1949): Ideals and Reality] // *Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii* – Historia Provinciae – The Journal of Regional History. 2023. Vol. 7, No. 2. Pp. 487–526.

24. *Metyolkina L. N. Osobennosti rotacii politicheskoj elity v RSFSR (na primere 1-h sekretarej regional'nyh komitetov KPSS v 1953–1964 gg.)* [Features of the Rotation of the Political Elite in the RSFSR (on the Example of the First Secretaries of the Regional Committees of the CPSU in 1953–1964)] // *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Sociologiya. Politologiya* – Izvestiya of Saratov University. Sociology. Politology. 2012. Vol. 12, Is. 3. Pp. 95–100.

25. *Miheev M. V. Industrial'nyj Ural v sovetskoj regional'noj politike pozdnestalinskogo SSSR (1945–1953)* [The Industrial Urals in the Soviet Regional Policy of the Late Stalinist USSR (1945–1953)]. Ekaterinburg, 2017. 22 p.

26. *Mercalov V. I. Reforma upravleniya promyshlennost'yu i stroitel'stvom 1957–1965 gg. (na materialah Vostochnoj Sibiri)* [The Reform of the Administration of Industry and Construction, 1957–1965 (on the Materials of Eastern Siberia)]. Irkutsk, 2001. 49 p.

27. *Mohov V. P. Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991 gg.)* [The Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm', Permskoe kn. izd-vo, 2003. 238 p.

28. *Nechaeva S. V. Lidery politicheskoj elity Chelyabinskoj oblasti. 1934–2006 gg.* [The Leaders of the Political Elite of Chelyabinsk Region. 1934–2006]. Chelyabinsk, 2007. 380 p.

29. *Nikiforov Yu. S. Verhnevolzhskie regiony RSFSR i soyuzno-respublikanskij centr (1950–1980-e gg.)* [The Upper Volga Regions of the RSFSR and the Union-Republican Centre (1950s–1980s)]. Yaroslavl', RIO YaGPU, 2021. 275 p.

30. *Nikiforov Yu. S. Oblasti Verhnej Volgi v sisteme otnoshenij "region–centr": instituty, napravleniya i formaty vzaimodejstviya (1953–1985 gg.)* [The Regions of the Upper Volga in the System of "Region–Centre" Relations: Institutions, Directions, and Formats of Interaction (1953–1985)]. Yaroslavl', 2025. 547 p.

31. *Obshchestvo i vlast' na rossijskom Dal'nem Vostoke v 1960–1991 gg. T. 3. Kn. 5* [Society and Power in the Russian Far East in 1960–1991. Vol. 3. Book 5] / ed. by A. S. Vashchuk. Vladivostok, IIAE DVO RAN, 2016. 940 p.

32. *Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. 1917–1985. Dokumenty i materialy (Permskij kraj, Sverdlovskaya, Chelyabinskaya oblasti) : v 6 t. T. 2. 1941–1985. Permskij kraj* [Society and Power. The Russian Province. 1917–1985. Documents and Materials (Perm Krai, Sverdlovsk and Chelyabinsk Regions) : in 6 vols. Vol. 2. 1941–1985. Perm Krai] / ed. by V. V. Alekseev. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii, 2008.

33. *Obshchestvo i vlast'. Rossijskaya provinciya. 1917–1980-e gg. (po materialam nizhegorodskih arhivov) : v 6 t. T. 5: 1965 g. – 1985 g.* [Society and Power. The Russian Province. 1917–1980s (on the Materials of the Nizhny Novgorod Archives) : in 6 vols. Vol. 5: 1965–1985] / ed. by A. N. Saharov. M., IRI RAN ; N. Novgorod, 2008. 933 p.

34. *Pinegin I. T. Rabota KP Ukrainy po osushchestvleniyu reshenij partii o podbore, rasstanovke i vospitanii rukovodyashchih partijnyh i sovetskih kadrov v poslevoennyj period, 1946–1955 gg.* [The Work of the Communist Party of Ukraine in Implementing the Party's Decisions on the Selection, Placement, and Training of Leading Party and Soviet Cadres in the Post-War Period, 1946–1955]. M., AON CK KPSS, 1955. 328 p.

35. *Politicheskie lidery Vyatskogo kraya* [The Political Leaders of the Vyatka Region] / comp. by V. S. Zharavin, E. N. Chudinovskih. Kirov, 2009. 730 p.

36. *Politicheskoe rukovodstvo Ukrainy, 1938–1989* [The Political Leadership of Ukraine, 1938–1989] / comp. by V. Yu. Vasil'ev. M., ROSSPEN, 2006. 542 p.

37. *Portnov A., Portnova T. Stolica zastoya? Brezhnevskij mif Dnepropetrovska* [A Capital of Stagnation? The Brezhnev Myth of Dnepropetrovsk] // *Neprikosnovennyj zapas* – NZ. 2014. No. 5. Pp. 71–87.

38. *Regional'naya politika N. S. Hrushcheva. CK KPSS i mestnye partijnye komitety. 1953–1964 gg.* [The Regional Policy of N. S. Khrushchev. The Central Committee of the CPSU and the Local Party Committees. 1953–1964] / comp. by O. V. Hlevnyuk et al. M., ROSSPEN, 2009. 774 p.

39. *Repina L. P. Istoriya regionov, ili "Territoriya istorika" posle prostranstvennogo povorota* [The History of Regions, or the "Territory of the Historian" After the Spatial Turn] // *Dialog so vremenem* – Dialogue with Time. 2019. No. 69. Pp. 5–16.

40. *Saloshenko V. N. Pervye. Nabroski k portretam, ili Retrospektivnyj vzglyad na deyatel'nost' pervyh sekretarej Krasnodarskogo krajkoma VKP(b), KPSS za 54 goda – s 1937 po 1991-j* [The First. Sketches for Portraits, or a Retrospective View of the Activity of the First Secretaries of the Krasnodar Krai Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the CPSU over 54 Years – from 1937 to 1991]. Krasnodar, Sev. Kavkaz, 2000. 734 p.

41. *Sekretariat CK KPSS. Rabochie zapisi i protokoly zasedanij. 1968 g.* [The Secretariat of the Central Committee of the CPSU. Working Notes and Minutes of Meetings. 1968] / comp. by M. Yu. Prozumenshchikov, T. A. Dzhalilov, N. Yu. Pivovarov. M., IstLit, 2021. 968 p.

42. *Smirnov A. A. "Postav'te pamyatnik derevne"* ["Erect a Monument to the Village"]. Yaroslavl', Filigran', 2024. 448 p.

43. *Sovetskaya model' ekonomiki: soyuznyj Centr i respubliki Pribaltiki. 1953 g. – mart 1965 g.* [The Soviet Model of the Economy: The Union Centre and the Baltic Republics. 1953 – March 1965] / comp. by E. Yu. Zubkova. M., MFD, 2015. 1008 p.

44. *Strategiya prostranstvennogo razvitiya RF na period do 2030 g. s prognozom do 2036 g. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 28 dekabrya 2024 g. No. 4146-r* [The Strategy of Spatial Development of the Russian Federation for the Period to 2030 with a Forecast to 2036. Decree of the Government of the Russian Federation No. 4146-r of December 28, 2024] // *Sobranie zakonodatel'stva RF* – Collected Legislation of the Russian Federation. 2025. No. 2. Art. 74.

45. *Stoletova A. S. Kadrovaya politika serediny 1970-h gg. i pravyashchaya nomenklatura v predstavleniyah sovetskoj obshchestvennosti* [The Personnel Policy of the Mid-1970s and the Ruling Nomenklatura in the Conceptions of the Soviet Public] // *Nauchnyj dialog* – Nauchnyi Dialog. 2020. No. 6. Pp. 453–473.

46. *Sushkov A. V. Vysshee rukovodstvo SSSR i "ryazanskoe delo" (1959–1961 gg.)* [The Supreme Leadership of the USSR and the "Ryazan Affair" (1959–1961)] // *Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* – Bulletin of Chelyabinsk State University. 2008. No. 35. Pp. 72–83.

47. *Sushkov A. V., Razinkov S. L. Rukovoditeli Sverdlovskoj oblasti. 1934–1991* [The Leaders of Sverdlovsk Region. 1934–1991]. Ekaterinburg, Bank kul'turnoj informacii, 2003. 284 p.

48. *Territoriya i vlast' v novoj i novejshej istorii Rossijskogo gosudarstva* [Territory and Power in the Modern and Contemporary History of the Russian State] / ed. by V. N. Zaharov. M., ROSSPEN, 2012. 407 p.

49. *Tumakov D. V. Regional'naya nomenklatura Verhnej Volgi 1960–1970-h gg. v vospominaniyah ee predstavitelej (po materialam Yaroslavskoj i Vladimirskoj oblastej)* [The Regional Nomenklatura of the Upper Volga of

the 1960s–1970s in the Reminiscences of Its Representatives (on the Materials of Yaroslavl and Vladimir Regions)] // *Chteniya Ushinskogo* [The Ushinsky Readings]. Yaroslavl', RIO YaGPU, 2019. Pp. 80–84.

50. *Turovskij R. F. Centr i regiony: problemy politicheskih otnoshenij* [The Centre and the Regions: Problems of Political Relations]. M., GU VShE, 2006. 399 p.

51. *Fedorov A. N. Rotaciya pervyh sekretarej regional'nyh komitetov VKP(b) v 1946–1952 gg.: masshtaby, prichiny, mehanizmy* [The Rotation of the First Secretaries of the Regional Committees of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) in 1946–1952: Scale, Causes, Mechanisms] // Pamięć i Sprawiedliwość. 2018. No. 2. Pp. 126–142.

52. *Fedorov A. N. Slabye sekretari: regional'nye rukovoditeli SSSR 1946–1948 gg. v ocenkah CK VKP(b)* [Weak Secretaries: The Regional Leaders of the USSR of 1946–1948 in the Assessments of the Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks)] // *Novejshaya istoriya Rossii* – Modern History of Russia. 2022. Vol. 12, No. 2. Pp. 416–436.

53. *Fejnsod M. Smolensk pod vlast'yu Sovetov* [Fainsod M. Smolensk Under Soviet Rule]. Smolensk, Trast-Imakom, 1995. 495 p.

54. *Hlevnyuk O. V. Regional'naya vlast' v SSSR v 1953 – konce 1950-h gg. Ustojchivost' i konflikty* [Regional Power in the USSR from 1953 to the End of the 1950s. Stability and Conflicts] // *Otechestvennaya istoriya* – Russian History. 2007. No. 3. Pp. 31–49.

55. *Hlevnyuk O. V. Rokovaya reforma N. S. Hrushcheva: razdelenie partijnogo apparata i ego posledstviya, 1962–1964 gg.* [N. S. Khrushchev's Fateful Reform: The Division of the Party Apparatus and Its Consequences, 1962–1964] // *Rossijskaya istoriya* – Russian History. 2012. No. 4. Pp. 164–179.

56. *Hlevnyuk O., Gorlickij J. Sekretari. Regional'nye seti v SSSR ot Stalina do Brezhneva* [Khlevniuk O., Gorlizki Y. Secretaries. Regional Networks in the USSR from Stalin to Brezhnev]. M., NLO, 2024. 432 p.

57. *CK VKP(b) i regional'nye partijnye komitety, 1945–1953* [The Central Committee of the All-Union Communist Party (Bolsheviks) and the Regional Party Committees, 1945–1953] / comp. by V. V. Denisov. M., ROSSPEN, 2004. 494 p.

58. *Yudin K. A. Vospominaniya V. P. Kapustina kak istoricheskij istochnik po istorii sovetskoj povsednevnosti i obshchestvennogo soznaniya 1930–1980-h gg.* [V. P. Kapustin's Reminiscences as a Historical Source on the History of Soviet Everyday Life and Public Consciousness of the 1930s–1980s] // *Vestnik Ivanovskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki* – Ivanovo State University Bulletin. Humanities. 2018. No. 3. Pp. 51–64.

59. *Boterbloem K.* Life and Death under Stalin. Kalinin Province, 1945–1953. Montreal ; London : McGill-Queen's University Press, 1999. 435 p.

60. Georgia after Stalin. Nationalism and Soviet Power / eds. T. K. Blauvelt, J. Smith. London : Routledge, 2016. 198 p.

61. *Gorlizki Y., Khlevniuk O.* Substate Dictatorship: Networks, Loyalty, and Institutional Change in the Soviet Union. New Haven : Yale University Press, 2020. 445 p.

62. *Gorlizki Y.* Too Much Trust: Regional Party Leaders and Local Political Networks under Brezhnev // Slavic Review. 2010. No. 69. Pp. 676–700.

63. *Grybkauskas S.* Sovietinė nomenklatūra ir pramonė Lietuvoje 1965–1985 metais. Vilnius : Leidukla, 2011. 437 p.

64. *Hansen C.* The Ambivalent Empire. Soviet Rule in the Uzbek Soviet Socialist Republic, 1945–1964 : PhD thesis. European University, 2013. 34 p.

65. *Harris J. R.* The Great Urals: Regionalism and the Evolution of the Soviet System. Ithaca ; New York, 1999. 235 p.

66. *Hough J. F.* The Soviet Prefects. Cambridge, MA, 1969. 416 p.

67. *Ivanauskas V.* Lietuviškoji nomenklatūra biurokratinėje sistemoje: tarp stagnacijos ir dinamikos (1968–1988). Vilnius : Lietuvos istorijos instituto, 2011. 662 p.

68. *Kaiser Cl.* Georgian and Soviet: Entitled Nationhood and the Specter of Stalin in the Caucasus. Ithaca : Cornell University Press, 2023. 294 p.

69. *Kuromiya H.* Freedom and Terror in the Donbas. A Ukrainian-Russian Borderland, 1870s–1990s. Cambridge : CUP, 1998. 357 p.

70. *Moses J. C.* Regionalism in Soviet Politics: Continuity as a Source of Change, 1953–1982 // Soviet Studies. 1985. Vol. 37, No. 2. Pp. 184–211.

71. *Moses J. C.* Regional Cohorts and Political Mobility in the USSR: The Case of Dnepropetrovsk // Soviet Union. 1976. Vol. 3. Pp. 63–89.

72. *Tasar Er.* Soviet and Muslim. The Institutionalization of Islam in Central Asia, 1943–1991. Oxford : Oxford University Press, 2017. 432 p.

73. *Urban M.* An Algebra of Soviet Power: Elite Circulation in the Belorussian Republic 1966–1986. Cambridge : CUP, 1989. 183 p.

Поступила в редакцию: 17.08.2026
Принята к публикации: 10.09.2026

ИСТОРИЯ В ДОКУМЕНТАХ

EDN: TCHNTZ УДК 94(73)+341.123

США и стремление Ирана получить место в первом составе СБ ООН

Чучкалов Алексей Викторович
кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и политических наук, Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. ORCID: 0009-0009-7609-7025. E-mail: usr11178@vyatsu.ru

Аннотация. В статье рассматривается борьба Ирана за место непостоянного члена Совета Безопасности ООН в первом составе этого органа (1946 г.) на фоне острого азербайджанского кризиса 1945–1946 гг. и проблемы вывода советских войск с иранской территории. Автор реконструирует дипломатическую кампанию Тегерана, направленную на получение поддержки ключевых держав, прежде всего США, и показывает, как Иран стремился использовать площадку новой международной организации для защиты своего суверенитета и решения насущных внешнеполитических проблем. Центральное место уделено анализу контактов иранских представителей с американскими властями: подробно описаны визит и заявления первого посла Ирана в США Хусейна Ала, его встречи с сотрудниками Госдепартамента и обращение к президенту Г. Трумэну, а также содержание письма шаха Мохаммеда Резы Пехлеви американскому президенту. Детально изложен ход голосования 12 января 1946 г., приведены результаты по турам и распределение голосов, на основании чего демонстрируется крайне ограниченная поддержка Ирана на международном уровне. Итогом кампании стало получение Ираном поста вице-председателя в Комитете по политике и безопасности – предложение, которое иранская сторона отвергла как недостаточное. В заключение отмечается, что Иран смог добиться места непостоянного члена СБ ООН только в 1955–1956 гг., что подчеркивает сложность и конкурентность борьбы за представительство в ключевых органах ООН на раннем этапе существования организации. Исследование опирается на дипломатическую переписку, протоколы заседаний, архивные документы и имеющиеся историографические наработки по этой теме, что позволяет раскрыть не только фактологию событий, но и нюансы межгосударственного взаимодействия в переходный период от Второй мировой войны к новой системе международных отношений.

Ключевые слова: Иран, США, Совет Безопасности ООН, непостоянные члены, азербайджанский кризис, суверенитет.

Введение. Предметом статьи является борьба Ирана в конце 1945 – начале 1946 г. за получение места непостоянного члена Совета Безопасности ООН (СБ ООН), в частности дипломатические усилия Тегерана по продвижению своей кандидатуры и причины их неудачи на выборах 12 января 1946 г. Актуальность темы заключается в наглядной демонстрации того, как в первые месяцы существования ООН формировались принципы регионального представительства и баланса интересов великих держав и как они ограничивали возможности средних государств. На примере иранской кампании видно, что даже активная дипломатия и апелляция к заслугам в войне не гарантировали места в ключевых органах ООН без поддержки сверхдержав. Сегодня этот сюжет остается важным для понимания истоков современных дискуссий о реформировании Совета Безопасности и справедливом учете интересов представителей разных регионов мира.

Но до сих пор существует проблемный вопрос: почему Ирану не удалось стать непостоянным членом первого состава СБ ООН и какова в этом роль США? Отсюда и цель статьи – выявить данные причины.

В советский период иранский кризис 1945–1946 гг. практически не изучался объективно: преобладала апологетика действий СССР и критика «империалистических» намерений Запада, а основным материалом служили публикации официальной советской прессы («Правда»), а не архивные документы. Ситуация изменилась после рассекречивания архивов. Пионерской стала статья Н. И. Егоровой [2] – одна из первых попыток в отечественной историографии рассмотреть кризис на основе документов Архива внешней политики Российской Фе-

© Чучкалов Алексей Викторович, 2026

дерации. Егорова показала, что вывод советских войск был результатом не столько давления США или ООН, сколько сделки Сталина с премьер-министром Кавамом по нефтяным концессиям и автономии. И поэтому СССР поддерживал кандидатуру Ирана в СБ ООН. В дальнейшем отечественные исследователи стали детальнее рассматривать дипломатические маневры великих держав вокруг иранского вопроса в ООН, но проблема борьбы Ирана за место в первом составе СБ ООН остается малоизученной – статья автора заполняет именно эту лакуну.

Зарубежная историография изучает иранский кризис с конца 1940-х гг. и прошла несколько этапов: традиционная школа (1950–1960-е гг.) рассматривала кризис как доказательство советской экспансии; ключевую роль отводила жесткой позиции США и Трумэна; ревизионистское направление (1960–1970-е гг.) сместило акцент на экономические интересы США, прежде всего нефтяные. Ллойд Гарднер, например, объяснял политику США в Иране стремлением к экономическому доминированию; постревизионисты, такие как Ричард Коттам [9], опровергли сведение мотивов США исключительно к нефти и подчеркнули роль антикоммунизма и соображений безопасности. Джеймс Билл [8] дал критическую оценку американской дипломатии в Иране, отметив слабое знание американскими представителями персидских реалий. Брюс Кунихолм [12] детально описал работу американского консульства в Тебризе и роль Россоу.

При этом практически ни в западной, ни в отечественной историографии не исследовался сюжет о попытке Ирана войти в первый состав Совета Безопасности ООН. Исследование находится на стыке истории иранского кризиса и ранней истории ООН, что составляет ее научную новизну.

В качестве источников использовались: дипломатические документы США (телеграммы и ноты Госдепартамента США, посольства США в Тегеране и консульства в Тебризе); переписка посла Ирана Хусейна Ала с должностными лицами Госдепартамента (Л. Гендерсоном, Дж. Алленом, Г. Майнором, Д. Ачесоном, Дж. Бирнсом); письмо шаха Мохаммеда Реза Пехлеви президенту Трумэну от 10 сентября 1945 г. и ответ Трумэна от 5 декабря 1945 г., заявление пресс-секретаря Госдепартамента от 8 января 1946 г.; меморандумы и протоколы совещаний американской делегации в ООН (Э. Стивенсона, Э. Стеттиниуса, г-на Хисса); документы ООН (протоколы заседаний Подготовительной комиссии ООН (апрель – декабрь 1945 г.); стенограммы и материалы Генеральной Ассамблеи ООН, включая протоколы голосования 12 января 1946 г.; Устав ООН (ссылка на п. 1 ст. 23); периодическая печать (сообщения ТАСС (от 7 января 1946 г.), материалы советской печати, иранская пресса (газета «Азербайджан»), материалы Московского радио); вторичные источники, используемые как свидетельства (монографии Брюса Кунихолма, Марка Литла, Дж. Гасанлы, Ричарда Коттама, Джеймса Билла, содержащие цитаты из документов и оценки участников событий).

Основные методы, используемые автором: историко-генетический, историко-сравнительный, источниковедческий анализ, проблемно-хронологический, микроисторический подходы. Также использовались вспомогательные приемы (просопографический, количественный анализ, контент-анализ и др.).

С учредительной конференции ООН в Сан-Франциско в апреле 1945 г. и с начала работы «Подготовительной комиссии» ООН руководство Ирана нацелилось на получение места непостоянного члена Совета Безопасности этой новой международной организации уже в его первом составе. Особенно ярко это желание проявилось на волне кризиса в Азербайджане осенью 1945 г. и желания правительства этой страны использовать площадку ООН как средство решения послевоенных проблем, и прежде всего разрешения вопроса вывода советских войск. В этом стремлении Тегеран довольно настойчиво выражал намерение заручиться поддержкой постоянных членов Совета Безопасности ООН, прежде всего США [1; 6; 7; 5; 8; 9; 12; 13].

Вручение верительных грамот и обращение посла Хусейна Ала к президенту Трумэну. 29 ноября 1945 г., в четверг, в торжественной обстановке президент США Гарри Трумэн принимал верительные грамоты новых послов. Среди них был первый посол от Шаханшахского Государства Иран при династии Пехлеви Хусейн Ала (1881–1964). Именно в этот день иранская дипломатическая миссия в США была преобразована в посольство, а Хусейн Ала стал первым послом Ирана в США с ноября 1945 по сентябрь 1950 г.

В своей приветственной речи Ала сделал несколько важных заявлений: «Иран с уверенностью ожидает, что Декларация по Тегерану [3, с. 174–175] будет выполнена и его территория будет полностью освобождена оккупационными иностранными силами, дальнейшее присутствие которых в границах союзной страны не имеет оправдания» [4, с. 204; 11, с. 461]. За-

тем он несколькими эмоциональными высказываниями охарактеризовал природу советской угрозы Ирану и выразил высокую оценку американской ноты советскому правительству от 24 ноября, в которой содержалось предложение о выводе иностранных войск из Ирана к 1 января 1946 г. [11, с. 248–250]. В заключение он заявил: «В этой критической ситуации я искренне прошу вас, господин Президент, продолжать отстаивать права Ирана, независимость и целостность которого попираются. Только ваша страна может спасти нас, потому что вы всегда защищали моральные идеи и принципы, и ваши руки чисты. Я знаю, что вы не станете уклоняться от своей ответственности перед миром. Единственное решение проблемы – это то, которое вы предложили, то есть немедленный и одновременный вывод советских и британских войск из Ирана и настойчивое требование предоставить Ирану свободу действий на его собственной территории. Еще один способ помочь Ирану – поддержать его кандидатуру на место в Совете Безопасности. Это укрепит его позиции в усилиях, которые он предпринимает, чтобы отстоять свою независимость и целостность» [11, с. 461].

Письмо шаха Мохаммеда Резы Пехлеви президенту Трумэну. В заключение Ала вручил президенту Трумэну письмо шаха Мохаммеда Резы Пехлеви от 10 сентября 1945 г.:

«Дорогой М-р Президент: В связи с назначением первого посла в Вашей стране я пользуюсь приятной возможностью передать Вашему превосходительству мои самые теплые поздравления и выразить сердечные чувства иранского народа.

Выбор Хусейна Ала, моего министра императорского двора, на важную должность посла Ирана в Вашингтоне является достаточным доказательством моего горячего стремления к самому тесному взаимопониманию, основанному на взаимном доверии и сотрудничестве с Америкой.

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как между нашими странами были установлены регулярные дипломатические отношения; около сорока лет назад Иран впервые обратился за квалифицированной финансовой консультацией к Соединенным Штатам Америки как к стране, которая могла ему помочь так, как ни одна другая страна мира.

С тех пор доброе взаимопонимание и дружеские отношения, существующие между нашими странами, постоянно расширялись и укреплялись, и мы всегда считали, что прибывающие в нашу страну посланники Соединенных Штатов являются подлинными символами справедливости и доброй воли.

Кульминационным событием в наших отношениях стал исторический визит покойного президента Рузвельта, который почтил своим пребыванием нашу столицу в 1943 году. Организация Объединенных Наций многим обязана этой выдающейся личности, его силе духа и дальновидности. Его смерть, которая стала шоком для нашей страны, стала большой потерей для всего мира. Мы всегда будем помнить дни, которые он провел среди нас, чтобы с помощью других союзных государств спланировать победу в Европе.

Мы также с благодарностью вспоминаем, что документ, в котором признается вклад и жертвы, принесенные Ираном в этой войне, которая по Божьему провидению завершилась полной победой тех, кто стоял за справедливость и свободу, подписан им, и что он определил политику Соединенных Штатов Америки по поддержанию независимости и целостности Ирана.

Как Вашему Превосходительству уже известно, во время этого мирового конфликта Иран решительно помогал своим союзникам всеми имеющимися в его распоряжении средствами. Служа делу победы над тиранией и несправедливостью, он перенес свою долю трудностей и лишений. Теперь, когда победа одержана, иранский народ с нетерпением ожидает наступления лучших времен для себя, а также для всех народов мира; он надеется, что у него будет возможность спокойно жить в пределах своих границ и заложить основы жизни, способствующей процветанию и миру. Чтобы достичь этого, г-н Президент, Иран ожидает, что его страдания и жертвы не будут напрасными и что помощь, в которой он нуждается для достижения этой цели, будет оказана его великими союзниками и, в частности, Соединенными Штатами Америки.

Позвольте мне заверить вас, господин Президент, что искренняя дружба, которую народ Ирана и я сам испытываем к вам и народу Соединенных Штатов, глубоко укоренилась в наших сердцах.

Я хотел бы особо подчеркнуть тот факт, что дальновидная и благородная политика, проводимая Вашим Превосходительством, которую Ваше Превосходительство проводило с таким умением и успехом за короткий период руководства Соединенными Штатами Америки, является источником реальной уверенности в будущем мире во всем мире. Я пользуюсь этой возможностью, господин Президент, чтобы выразить Вашему Превосходительству мои наилучшие пожелания вашего личного здоровья и счастья, а также процветания стойкого и свободолюбивого народа Соединенных Штатов. Искренне ваш, Мохаммед Реза Пехлеви» [11, с. 405–406].

Предварительные контакты иранского посольства с Госдепартаментом США. За десять дней до этого события, а именно 19 ноября 1945 г., новоиспеченный иранский посол, сразу по приезде в США, лично познакомился и обсудил иранские дела с сотрудниками Госдепартамента, которые отвечали за Ближний и Средний Восток. В этот день Ала и советник посольства Ирана в США бывший поверенный в делах Ирана доктор Дафтари встретились с главой Управления по делам Ближнего Востока и Африки Л. Гендерсоном, его заместителем Дж. Алленом, главой Отдела средневосточных дел Г. Майнором. После обсуждения азербайджанского кризиса Ала напомнил, что «Иран внес большой вклад в разгром нацистской Германии, является членом ООН и стремится получить одно из временных мест в СБ ООН» [11, с. 434].

Накануне вручения ратификационных грамот, 28 ноября, Х. Ала хотел встретиться с госсекретарем США Джеймсом Ф. Бирнсом, но Л. Гендерсон решил «спасти» шефа, считая, что посол вряд ли сообщит что-то новое и только потратит его время. Думается, что директор был прав. Интересно лишь то, что Ала «поинтересовался, возможно ли, чтобы американские войска в Иране провели своего рода демонстрацию в Тегеране, демонстрируя поддержку центральному правительству, что-то похожее на поддержку, которую США оказывают центральному правительству в Китае». Гендерсон ответил, что, «поскольку в Иране нет американских боевых подразделений, любая демонстрация военнослужащих может показаться нелепой» [11, с. 461–462].

Обращение посла Алы к госсекретарю Бирнсу с просьбой о поддержке кандидатуры Ирана. В эту же среду иранский посол передал госсекретарю США Бирнсу просьбу относительно места Ирана в Совете Безопасности ООН: «Как известно Вашему превосходительству, Иран является кандидатом на одно из двухлетних непостоянных мест в СБ ООН. Этот вопрос был доведен до сведения Государственного департамента 1 ноября этого года временным поверенным в делах Ирана Али Акбаром Дафтари, который передал меморандум по этому вопросу в Средневосточный отдел. Сейчас я получил дополнительные инструкции обратиться к Вашему Превосходительству с просьбой о том, чтобы в соответствии с положениями пункта 1 статьи 23 Устава ООН было уделено внимание желанию моего правительства быть представленным в Совете и чтобы Соединенные Штаты поддержали это предложение Ирана.

Аргументы, выдвинутые моим правительством в обоснование данного заявления, заключаются в том, что Иран внес во время войны весьма значительный вклад в победу союзников, которые стремились к уничтожению агрессивных держав и восстановлению мира и безопасности на более прочной основе. Моя страна сможет в будущем, как и в прошлом, благодаря своему стратегическому положению на Среднем Востоке и впредь вносить вклад в поддержание согласия и взаимопонимания в этом очень важном регионе мира.

Более того, если принимать во внимание географическое положение, то Средний Восток, безусловно, имеет право быть представленным как единое целое, и страной в этом регионе, которая принесла наибольшие жертвы в ходе войны и оказала самую заметную помощь в достижении победы союзников, является Иран.

Кроме того, если принимать во внимание Азиатский континент, то Персия – единственная страна, сыгравшая важную роль в мировой войне, не считая Китая, который имеет постоянное представительство. В Лиге Наций у Персии была безупречная репутация. Она всегда отстаивала фундаментальные принципы, лежащие в основе Пакта, и никогда не стремилась к компромиссам или корыстным мотивам для достижения каких-либо эгоистичных целей.

Избрание Ирана непостоянным членом Совета Безопасности при дружественном и ценном сотрудничестве Соединенных Штатов Америки укрепит его политический авторитет в тот момент, когда для поддержания своей независимости и целостности ему необходимо мобилизовать все имеющиеся силы.

Если кандидатура Ирана получит одобрение, ислам будет надлежащим образом представлен в Совете независимой страной, которая всегда пользовалась большим авторитетом в мусульманском мире.

Полагаясь на искреннюю дружбу Соединенных Штатов к Ирану и их четкое понимание ситуации на Ближнем Востоке, я прошу Ваше превосходительство оказать мне добрые услуги в обеспечении благоприятного рассмотрения нашей кандидатуры на место непостоянного члена Совета Безопасности Организации Объединенных Наций. Имею честь, Хуссейн Ала» [11, с. 462–463].

Ответ президента Трумэна шаханшаху Ирана. 5 декабря 1945 г. был получен ответ президента США Г. Трумэна шаханшаху Ирана Мохаммеду Резе Пехлеви:

«Ваше Величество: Я глубоко благодарен Вашему Величеству за любезное письмо от 10 сентября 1945 года, и мне доставляет удовольствие передать Вам от имени американского

народа дружеские приветствия и наилучшие пожелания личного благополучия Вашему Величеству, а также счастья и благоденствия иранскому народу.

Я с большим удовлетворением приветствовал Его Превосходительство Хусейна Алу в качестве первого посла Ирана в Соединенных Штатах, поскольку я признаю особое доверие, которое Ваше Величество уже давно оказывает ему. Я уверен, что традиционные узы дружбы и сотрудничества между нашими двумя странами будут и далее укрепляться благодаря его усилиям.

Значительные жертвы, на которые пошел Иран в стремлении к победе Организации Объединенных Наций, не остались незамеченными в Соединенных Штатах, и американский народ присоединяется ко мне в выражении надежды на то, что восстановление и реконструкция Ирана будут осуществлены быстро и в полном объеме под руководством Вашего Величества и при содействии и поддержке Организации Объединенных Наций.

Я хотел бы выразить Вашему Величеству мою глубокую признательность за дружеские чувства, которые Вы выразили, и подтвердить Вам мое стремление к установлению еще более тесных отношений между нашими двумя странами.

Искренне ваш, Гарри С. Трумэн» [11, с. 475–476].

Стартовые позиции Ирана в комитетах ООН. По мнению иранского руководства, их стартовые позиции для избрания в руководящие органы ООН были неплохими. 23 апреля 1945 г. на одной из площадок ООН генеральный секретарь конференции ООН Элджер Хисс заявил, что, когда послы и секретарь обсуждали вопрос об Исполнительном комитете, они в целом согласились с тем, что в него должны входить одиннадцать членов: пять постоянных членов Совета, то есть четыре державы-спонсора и Франция, а также представители Соединенных Штатов Бразилии, Канады, Чехословакии, Ирана, Нидерландов и Мексики [10, с. 368]. И если посмотреть на первоначальный расклад в комитетах ООН, то Иран конкурировал в качестве кандидата с Египтом вплоть до декабря 1945 г. в экономическом, административном и бюджетном комитетах [10, с. 136–138].

При этом Иран первоначально не голосовал за размещение штаб-квартиры ООН в США. Чаще всего его можно было заметить в списке голосующих за Европу, за что ратовали прежде всего Великобритания, Франция и Нидерланды [10, с. 1453–1454]. Австралия и Китай активно высказывались в поддержку Сан-Франциско. 15 декабря 1945 г.: «Иран заявил, что проголосует за Европу в первом туре голосования, и сохранит свою позицию, если поправка в пользу Европы не пройдет» [10, с. 1490–1491]. Однако большинство проголосовало за размещение штаб-квартиры ООН в США. На этом заседании представитель Вашингтона Стивенсон заявил: «Я выступил с заявлением от имени США, которое также было встречено продолжительными аплодисментами. Это был исторический момент, и в каком-то смысле горький для европейских стран, поскольку этим действием Организация Объединенных Наций окончательно признала, что центр международной деятельности, который на протяжении веков находился в Европе, переместился на запад. Я думаю, это объясняет упорное нежелание Великобритании и ее европейских сторонников согласиться с обычной процедурой рассмотрения этого вопроса до самого конца. Однако после окончательного голосования атмосфера изменилась, и собрание завершилось в общем доброжелательном ключе» [10, с. 1490–1491].

Ответ Госдепартамента США на просьбу Ирана о поддержке его кандидатуры. 15 декабря 1945 г. иранский посол Ала получил ответ от исполняющего обязанности госсекретаря Д. Ачесона: «Ваше Превосходительство, имею честь подтвердить получение Вашей ноты от 28 ноября, в которой Вы заявляете, что Ваше правительство добивается избрания в первый Совет Безопасности Организации Объединенных Наций. Вы излагаете аргументы в пользу поддержки кандидатуры Ирана, в том числе тот ценный вклад, который Иран внес в победу Организации Объединенных Наций; и Вы просите, чтобы правительство Соединенных Штатов оказало дружественное влияние при голосовании за кандидатуру Ирана. В статье 23 Устава Организации Объединенных Наций предусмотрено, что одним из факторов, который необходимо учитывать при назначении непостоянных членов Совета Безопасности, является справедливое географическое распределение. В этой связи наше правительство считает, что Средний Восток, Ближний Восток и Северная Африка представляют собой подходящую региональную группу. Наше правительство будет придавать большое значение любому выбору, который государства этого конкретного региона могут сделать между собой в отношении кандидата на выборах в Совет Безопасности.

Из-за сложного характера выборов в различные структуры Организации Объединенных Наций наше правительство считает крайне желательным централизовать необходимые пере-

говоры в Лондоне. Делегация Соединенных Штатов в Подготовительной комиссии, которая сейчас заседает в Лондоне, была полностью проинформирована о кандидатуре Ирана в Совет Безопасности и о позиции нашего правительства, выраженной в предыдущем абзаце. Дин Ачесон» [10, с. 49].

17 декабря 1945 г. состоялось совещание, в котором участвовали иранский посол в США Х. Ала, исполняющий обязанности госсекретаря Д. Ачесон и глава Управления по делам Ближнего Востока и Африки Л. Гендерсон. В ходе беседы Ала опять коснулся проблемы места Ирана в первом составе СБ ООН и выразил надежду, что американское правительство поддержит кандидатуру Ирана в качестве его временного члена. Ачесон заверил посла, что Соединенные Штаты по-прежнему заинтересованы в сохранении суверенитета Ирана, добавив, что немедленно отправит телеграмму в Москву, в которой проинформирует госсекретаря о сути заявлений, сделанных ему послом [10, с. 501].

Позиция СССР. Н. И. Егорова в своей статье упоминает один документ из Архива внешней политики РФ, в котором говорилось о рекомендации Молотову о поддержке кандидатуры Ирана на место непостоянного члена Совета Безопасности. В пользу этого член коллегии НКИД М. А. Силин выдвигал два аргумента: «соседство Ирана с Советским Союзом»; «Иран был бы для нас более приемлем, чем Турция или Египет» [2, с. 34]. В то же время если проанализировать работу Подготовительной комиссии ООН летом-осенью 1945 г., то можно отметить, что советская делегация редко реагировала на пожелания Ирана о включении в состав СБ ООН в качестве временного члена или участии в каких-либо комитетах. Есть немного свидетельств, что СССР не возражал против временного членства Ирана в СБ ООН. Например, в меморандуме Э. Стивенсона (и. о. представителя США в Подготовительной комиссии ООН) от 24 декабря 1945 г. зафиксирована реплика А. А. Громыко. На заседании в Лондоне представитель Китая Веллингтон Ку предложил рассмотреть другое азиатское государство – Громыко ответил, что речь может идти только об Иране или Индии, и добавил, что Иран стоит считать представителем арабских государств. Так он фактически допускал возможность поддержать кандидатуру Ирана наряду с Индией [10, с. 1508].

Подготовка американской делегации к лондонским переговорам. В начале нового 1946 г. американская делегация в составе 34 человек отправилась в Лондон на пассажирском лайнере «Королева Елизавета». 2 января ровно в 11.00 глава американской делегации в ООН Э. Стеттиниус в одной из комфортабельных кают открыл рабочее совещание. Вот тезисы из беседы: «Председатель вмешался в разговор и сказал, что в Лондоне подчеркнули, что любой член организации может поднять любой вопрос на заседании Ассамблеи, и добавил, что делегация должна отправиться в Лондон, ожидая, что там будут подняты такие вопросы, как Иран, Сирия, Ливан, гуманитарная помощь и транспорт» [10, с. 118]; «В список кандидатов от США в Совет Безопасности вошли Бразилия на двухлетний срок, Мексика на один год, Канада на два года, Нидерланды на два года, Польша на один год и Египет на два года» [10, с. 118]; «Что касается остальных кандидатов в Экономический и социальный совет, г-н Хисс подчеркнул, что их кандидатуры являются предварительными и еще подлежат обсуждению. Позиция Соединенных Штатов заключалась в том, что Дания может быть избрана в качестве представителя Европы, Ирак – в качестве представителя Ближнего Востока, а Греция – в качестве представителя Восточной Европы» [10, с. 118]. Надо сказать, что американская делегация довольно точно сделала ставку, ошибившись только в Канаде. Но Иран в разные списки довольно предусмотрительно включен не был.

Переговоры иранского посла Такизаде с американским представителем Стивенсоном. В пятницу, 4 января, посол Ирана в Англии и председатель иранской делегации в Генассамблее ООН Сайед Х. Такизаде встретился с Эдлаем Э. Стивенсоном, чтобы «выразить надежду на то, что США поддержат избрание Ирана. Он объяснил, что, по его мнению, государства Ближнего Востока, включая Лигу арабских государств, Турцию и Иран, должны иметь право на представительство в Совете Безопасности» [10, с. 133–134]. «Он отметил, что Иран – это первое государство в этом регионе, которое активно участвовало в войне, что он по праву считается “мостом победы”, что он предоставил все свои ресурсы в распоряжение союзников, страдал от нехватки продовольствия для поддержки военных действий и во многих других аспектах, а также то, что заслуги Ирана были особо отмечены Рузвельтом, Черчиллем и Сталиным в Тегеране». Во время этой беседы посол Такизаде сообщил, что его правительство неохотно и «с тяжелым сердцем» приняло решение не включать азербайджанский вопрос в повестку дня Генеральной Ассамблеи из-за продолжающихся в Тегеране консультаций с представителями США и Великобритании, и добавил, что, если после обращения к Советскому

Союзу эти переговоры ни к чему не приведут, у них не останется иного выбора, кроме как вынести этот вопрос на рассмотрение Генеральной Ассамблеи. Далее Стивенсон следующим образом передает содержание этого разговора: «В сложившихся обстоятельствах его правительство [т. е. правительство Ирана. – *Авт.*] сочло необходимым быть избранным в Совет Безопасности и надеялось, что возможность обсудить их проблемы лицом к лицу с великими державами в Совете Безопасности может принести некоторую пользу; что их посол в Вашингтоне связался с некоторыми людьми в Госдепартаменте и заручился их поддержкой, но из-за рождественских праздников переговоры не были полноценными. Он также сообщил мне, что Турция будет активно поддерживать кандидатуру Ирана на непостоянное членство в Совете Безопасности. Я сказал послу, что надеюсь, что арабские государства вместе с Турцией и Ираном попытаются договориться между собой о кандидате в Совет Безопасности. Я знаю, что Египет активно претендует на этот пост, но, насколько мне известно, никаких обязательств не было принято, и я вполне уверен, что мое правительство с большим сочувствием отнесется к кандидатуре Ирана, если между ближневосточными державами будет достигнуто общее согласие по поводу его выбора. Он сказал, что инициирует переговоры с государствами Лиги арабских государств, и ушел, искренне выразив надежду, что мы сочтем возможным рассмотреть позицию Ирана со всех возможных точек зрения» [10, с. 133–134].

Позиции делегаций великих держав в Лондоне. Говоря о представителях США, этот же Стивенсон в разных обсуждениях по факту редко предлагал Иран [10, с. 135, 150–151]. Часто поддерживал кандидатуру Ирана глава китайской делегации и посол Веллингтон Ку, предлагая Иран на разные посты в ООН. Достаточно почитать протокол обсуждения по разным темам от 9 января [10, с. 142–147, 150–151, 154–155]. Сэр Александр Кадоган, глава британской делегации, чаще поддерживал Египет [10, с. 155].

Получение Ираном поста вице-председателя в Комитете по политике и безопасности. Итогом всей этой работы было то, что Иран получил в утвержденной структуре ООН к 11 января 1946 г. только пост вице-председателя в Комитете по политике и безопасности [10, с. 150–154]. Это было предложение США и Великобритании. Такое решение вызвало протест со стороны Ирана. Позже, 22 января, на одном из заседаний представители Ирана выступили с эмоциональным заявлением «о своем нежелании занимать эту должность и попросили вообще не включать его в список» [10, с. 165]. Возможно, это было результатом разочарования по поводу того, что Иран после всей проделанной работы так и не стал временным членом в первом составе СБ ООН.

Голосование в Генеральной Ассамблее ООН 12 января 1946 г. Это случилось на историческом голосовании за членство в СБ ООН 12 января 1946 г. Приведем выдержки из сообщения госсекретаря Бирнса и. о. госсекретарю Ачесону от 12 января по этому поводу: «Генассамблея сегодня избрала Бразилию, Австралию, Польшу, Мексику, Египет и Нидерланды в качестве непостоянных членов СК, первые три страны – на двухлетний срок.

В ходе первого голосования на утреннем заседании были избраны 5 непостоянных членов Совета Безопасности следующим образом: Бразилия (47 голосов); Мексика (45 голосов); Египет (45 голосов); Польша (39 голосов) и Нидерланды (37 голосов). Для получения необходимого большинства в две трети голосов, предусмотренного Уставом, требовалось 34 голоса».

«Ранее Громыко предложил отложить выборы непостоянных членов Совета Безопасности до начала следующей недели, чтобы можно было продолжить обсуждение и консультации. Это предложение, против которого выступили США и Великобритания и которое поддержали Новая Зеландия и Чехословакия, было отклонено 34 голосами против 9 при 8 воздержавшихся. Только формальные выдвижения были сделаны Мануильским, который предложил кандидатуры Бразилии, Новой Зеландии и Польши на двухлетний срок, Египта и Норвегии на один год и Мексики на один или два года. Однако Фрейзер и Ли заявили, что их правительства не претендуют на места в СБ.

Помимо пяти избранных государств, голоса получили Канада (33 голоса), Австралия (28 голосов), Иран (6 голосов), Чехословакия (6 голосов), Норвегия (5 голосов), Дания (2 голоса), а также Бельгия, Эфиопия, Греция, Люксембург, Новая Зеландия, Турция и Югославия – по одному голосу. В соответствии с правилом 74 выбор в будущем голосовании будет ограничен Канадой и Австралией» [10, с. 157–158].

Итак, Иран оказался с шестью голосами между Австралией с 28 и Чехословакией с шестью. На наш взгляд, очень хороший результат для этой удивительной, благородной и древней страны.

Механизм выборов в СБ ООН и Иран. Как известно, кандидатуры в СБ 12 января выдвигались по принципу равномерного регионального представительства. Государства – члены ООН были поделены на пять групп, каждая из которых имела определенное число мест в СБ ООН: африканская группа – три места, азиатская группа – два места (плюс место постоянного члена – КНР), восточно-европейская группа – одно место (плюс место постоянного члена – Россия), группа государств Латинской Америки и Карибских островов – два места, группа государств Западной Европы и прочих государств – два места (плюс три места постоянных членов – США, Великобритания, Франция). Одно место в группе государств Западной Европы и прочих государств обязательно должно предоставляться западноевропейскому государству. Представитель арабских государств поочередно выбирается от африканской и азиатской групп. Для избрания необходимо было получить 2/3 голосов присутствовавших делегатов Генассамблеи. Согласно регламенту, выборы проводились тайным голосованием.

В результате четвертого тура голосования между аутсайдерами Австралией и Канадой победила первая (46 против 3). А после голосования и жеребьевки между Польшей и Нидерландами Австралия, Бразилия и Польша должны были работать в первом Совете Безопасности ООН до выборов в сентябре 1947 г., т. е. в течение двух лет, а Египет, Мексика и Нидерланды – до выборов в сентябре 1946 г., то есть в течение одного года [10, с. 157–158]. Что же касается Ирана, то он добьется непостоянного места в СБ ООН только в 1955 г.

Заключение. Таким образом, говоря о роли США в вопросе членства Ирана в СБ ООН (1945–1946 гг.), можно сделать следующие выводы.

США занимали прагматичную, процедурно-ориентированную позицию. Вашингтон не отвергал иранские притязания открыто, но и не давал Ирану твердых гарантий поддержки. В переписке и переговорах американские представители демонстрировали «сочувствие» к позиции Ирана и подтверждали заинтересованность в сохранении его суверенитета, однако сводили вопрос к необходимости регионального согласования кандидатур.

Ключевым для США был принцип регионального консенсуса. В ответе Д. Ачесона прямо подчеркивалось, что кандидатура от Ближнего и Среднего Востока должна быть согласована самими государствами региона. США не хотели выступать как «проталкивающая» сила, чтобы не создавать прецедент и не обострять конкуренцию между малыми странами.

Американская дипломатия действовала в логике выстраивания работоспособной структуры ООН. Для Вашингтона было важно, чтобы первые выборы в органы ООН прошли без скандалов и выглядели легитимными. Поэтому ставка делалась на «проверенные» и политически нейтральные кандидатуры, а не на страны, находящиеся в остром кризисе (как Иран в условиях советско-иранского противостояния).

США балансировали между поддержкой суверенитета Ирана и нежеланием конфронтации с СССР. Вашингтон активно поддерживал требование вывода иностранных войск из Ирана, но в вопросе места в СБ ООН старался не превращать выборы в арену прямого столкновения интересов великих держав.

Также в качестве причин, по которым США не поддержали кандидатуру Ирана на место непостоянного члена СБ ООН, можно отметить следующие факторы.

– Острая политизация ситуации вокруг Ирана. Иран в 1945–1946 гг. был в центре международного кризиса (азербайджанский вопрос, присутствие советских войск). Для США избрание такой страны в СБ ООН на первом же этапе работы организации выглядело рискованным: это могло превратить Совет в площадку жесткой конфронтации, а не эффективного принятия решений.

– Необходимость регионального консенсуса как формальный и политический аргумент. США последовательно настаивали, что страны региона должны сами договориться о единой кандидатуре. Поскольку такой консенсус не был достигнут (Египет также активно претендовал на место, а арабские государства не выработали общую позицию), американская сторона имела удобный процедурный повод не продвигать Иран.

– Расстановка приоритетов в формировании состава СБ по региональным квотам. Согласно логике регионального представительства, места распределялись между группами государств. Египет рассматривался как более «удобный» кандидат от региона, поскольку его избрание позволяло соблюсти баланс интересов и не ставить под угрозу первые выборы.

– Стремление избежать восприятия предвзятости и сохранить легитимность ООН. Если бы США активно лоббировали Иран, это могло быть расценено как использование механизма ООН для решения двусторонних или региональных проблем. Вашингтон стремился показать, что решения принимаются на основе процедур и согласований, а не по воле одной великой державы.

– Внутренняя координация и прагматический подбор «надежных» кандидатов. В списках американской делегации фигурировали Бразилия, Мексика, Канада, Нидерланды, Польша, Египет – страны, которые воспринимались как предсказуемые и не вовлеченные в острые конфликты. Иран, напротив, был страной с «проблемной» повесткой, и его включение могло осложнить работу первого состава Совета.

– Ограниченная эффективность иранской дипломатической кампании. Несмотря на энергичные усилия иранских дипломатов (письма шаха, обращения посла Ала, переговоры в Лондоне и Вашингтоне), им не удалось сформировать широкую коалицию поддержки. Даже потенциальный региональный союзник (арабские государства) не был консолидирован, что облегчало США обоснование отказа от активной поддержки.

– Контекст соперничества великих держав. Хотя СССР не блокировал Иран прямо, советская сторона также не делала его своим приоритетом. В этих условиях США не видели смысла «брать на себя» продвижение иранской кандидатуры: это не давало стратегического выигрыша, но несло политические издержки.

Список литературы

1. *Гасанлы Дж. П*. СССР-Иран: азербайджанский кризис и начало холодной войны (1941–1946 гг.). М. : Герои отечества, 2006. 560 с.

2. *Егорова Н. И*. «Иранский кризис» 1945–1946 гг. по рассекреченным архивным документам» // Новая и новейшая история. 1994. № 3. С. 24–42.

3. Советский Союз на международных конференциях периода Великой Отечественной войны. Т. II. Тегеранская конференция руководителей трех союзных держав – СССР, США и Великобритании (28 ноября – 1 декабря 1943 г.) : сб. док. М. : Политиздат, 1978. С. 174–175.

4. Советско-английские отношения во время Великой Отечественной войны, 1941–1945 : документы и материалы : в 2 т. Т. 1. 1941–1943. М. : Политиздат, 1983. 542 с.

5. *Чучкалов А. В*. Союзники и внесение иранского вопроса в ООН в январе 1946 г. // Вестник Вятского государственного университета. 2016. № 8. С. 37–46.

6. *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В*. Политика США в Иране в годы Второй мировой войны. Киров : Издательство ВятГГУ, 2011. 414 с.

7. *Юнгблюд В. Т., Чучкалов А. В*. США и обсуждение иранской жалобы на СССР в Совете Безопасности ООН в конце января 1946 года // Университетский научный журнал. 2017. № 34. С. 15–30.

8. *Bill J. A*. The Eagle and the Lion. The Tragedy of American-Iranian relations. N. Y. ; L. : Yale University Press, 1988. 521 p.

9. *Cottam R. W*. Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittsburg : University of Pittsburg Press, 1988. 288 p.

10. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945, Volume I. General: The United Nations. Washington : United States Government Printing Office, 1967. 1611 p

11. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945, Volume VIII. The Near East and Africa. Washington : United States Government Printing Office, 1969. 1146 p.

12. *Kuniholm B. R*. The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. Princeton, N. J. : Princeton university press, 1980. 485 p.

13. *Lytle M. H*. The origins of the Iranian-American alliance, 1941–1953. N. Y. ; L. : Holmes & Meier, 1987. 240 p.

The United States and Iran's Aspiration to Obtain a Seat on the First UN Security Council

Chuchkalov Aleksey Viktorovich
PhD in History, associate professor of the Department of History and Political Sciences, Vyatka State University.
Russia, Kirov. ORCID: 0009-0009-7609-7025. E-mail: usr11178@vyatsu.ru

Abstract. The article examines Iran's struggle for a seat as a non-permanent member of the UN Security Council in the first composition of this body (1946), against the background of the acute Azerbaijan crisis of 1945–1946 and the problem of the withdrawal of Soviet troops from Iranian territory. The author reconstructs Tehran's diplomatic campaign aimed at securing the support of the key powers, primarily the United States, and shows how Iran sought to use the platform of the new international organization to defend its sovereignty and to address pressing foreign policy questions.

The central focus of the material is the analysis of contacts between Iranian representatives and the American authorities: the visit and statements of Iran's first ambassador to the United States, Hussein Ala, his meetings with State Department officials, and his appeal to President Harry S. Truman are described in detail, as is the content of Shah Mohammad Reza Pahlavi's letter to the American president.

The article provides a detailed account of the voting of January 12, 1946, and presents the results by round and the distribution of votes, on the basis of which the extremely limited support for Iran at the international level is demonstrated. The campaign resulted only in Iran obtaining the post of vice-chairman of the Committee on Political and Security Questions – a proposal that the Iranian side rejected as insufficient. In conclusion it is noted that Iran was able to secure a seat as a non-permanent member of the UN Security Council only in 1955–1956, which underscores the complexity and competitiveness of the struggle for representation in the key bodies of the UN at the early stage of the organization's existence. The study draws on diplomatic correspondence, meeting minutes, archival documents, and the existing historiography on this topic, which makes it possible to reveal not only the factual side of events but also the nuances of interstate interaction in the transitional period from the Second World War to the new system of international relations.

Keywords: Iran, the USA, the UN Security Council, non-permanent members, the Azerbaijan crisis, sovereignty.

References

1. *Gasanly Dzh. P. SSSR-Iran: azerbajdzhanskij krizis i nachalo holodnoj vojny (1941–1946 gg.)* [The USSR and Iran: The Azerbaijan Crisis and the Beginning of the Cold War (1941–1946)]. M., Geroi otechestva, 2006. 560 p.

2. *Egorova N. I. "Iranskij krizis" 1945–1946 gg. po rassekrechennym arhivnym dokumentam* [The "Iranian Crisis" of 1945–1946 According to Declassified Archival Documents] // *Novaya i novejshaya istoriya* – Modern and Contemporary History. 1994. No. 3. Pp. 24–42.

3. *Sovetskij Soyuz na mezhdunarodnyh konferenciyah perioda Velikoj Otechestvennoj vojny. T. II. Tegeranskaya konferenciya rukovoditelej treh soyuznyh derzhav – SSSR, SShA i Velikobritanii (28 noyabrya – 1 dekabrya 1943 g.) : sb. dok.* [The Soviet Union at the International Conferences of the Great Patriotic War Period. Vol. 2. The Tehran Conference of the Leaders of the Three Allied Powers – the USSR, the USA, and Great Britain (November 28 – December 1, 1943) : A Collection of Documents]. M., Politizdat, 1978. Pp. 174–175.

4. *Sovetsko-anglijskie otnosheniya vo vremya Velikoj Otechestvennoj vojny, 1941–1945 : dokumenty i materialy : v 2 t. T. 1. 1941–1943* [Soviet-British Relations During the Great Patriotic War, 1941–1945 : Documents and Materials : in 2 vols. Vol. 1. 1941–1943]. M., Politizdat, 1983. 542 p.

5. *Chuchkalov A. V. Soyuzniki i vnesenie iranskogo voprosa v OON v yanvare 1946 g.* [The Allies and the Submission of the Iranian Question to the UN in January 1946] // *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* – Herald of Vyatka State University. 2016. No. 8. Pp. 37–46.

6. *Yungblyud V. T., Chuchkalov A. V. Politika SShA v Irane v gody Vtoroj mirovoj vojny* [US Policy in Iran During the Second World War]. Kirov, Izdatel'stvo VyatGGU, 2011. 414 p.

7. *Yungblyud V. T., Chuchkalov A. V. SShA i obsuzhdenie iranskoj zhaloby na SSSR v Sovete Bezopasnosti OON v konce yanvarya 1946 goda* [The USA and the Discussion of the Iranian Complaint Against the USSR in the UN Security Council at the End of January 1946] // *Universitetskij nauchnyj zhurnal* – Humanities and Science University Journal. 2017. No. 34. Pp. 15–30.

8. *Bill J. A.* The Eagle and the Lion. The Tragedy of American-Iranian Relations. New York ; London : Yale University Press, 1988. 521 p.

9. *Cottam R. W.* Iran and the United States. A Cold War Case Study. Pittsburgh : University of Pittsburgh Press, 1988. 288 p.

10. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945. Vol. 1. General: The United Nations. Washington : United States Government Printing Office, 1967. 1611 p.

11. Foreign Relations of the United States, Diplomatic Papers, 1945. Vol. 8. The Near East and Africa. Washington : United States Government Printing Office, 1969. 1146 p.

12. *Kuniholm B. R.* The Origins of the Cold War in the Near East. Great Power Conflict and Diplomacy in Iran, Turkey and Greece. Princeton, NJ : Princeton University Press, 1980. 485 p.

13. *Lytle M. H.* The Origins of the Iranian-American Alliance, 1941–1953. New York ; London : Holmes & Meier, 1987. 240 p.

Поступила в редакцию: 04.09.2026
Принята к публикации: 07.10.2026

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

EDN: UBZXCA УДК 82-192

К вопросу о поэтическом жанре песни (на материале лирики Н. М. Рубцова)

Соловьева Елена Евгеньевна[1], Жигулин Макар Михайлович[2]

[1]кандидат филологических наук, доцент кафедры отечественной филологии и прикладных коммуникаций Гуманитарного института, Череповецкий государственный университет. Россия, г. Череповец. ORCID: 0000-0002-3730-0694. E-mail: eesoloveva@chsu.ru

[2]учитель русского языка и литературы, средняя общеобразовательная школа № 14. Россия, г. Череповец. ORCID: 0009-0002-2105-0229. E-mail: mmzhigulin@chsu.ru

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу поэтического жанра песни в творчестве Н. М. Рубцова – одного из ключевых представителей «тихой лирики» второй половины XX века. Актуальность исследования обусловлена интересом литературоведов и литературных критиков к «песенности» как имманентному качеству рубцовского стиха и необходимостью теоретического осмысления жанра песни в творчестве поэта. Целью является определение специфических черт, характерных для лирического жанра песни. Предметом анализа становятся интонационно-ритмические, структурно-композиционные особенности, система образов, мотивов и символов стихотворений, названных «песнями». Методологической базой являются исследования Б. М. Эйхенбаума и М. Л. Гаспарова, посвященные русской лирической системе. Мы опирались на концепцию содержательности литературных форм Г. Д. Гачева и В. В. Кожинова, теорию жанров Н. Л. Лейдермана, а также на работы В. Н. Баракова о поэтике Н. М. Рубцова. Специальное внимание мы уделили рассмотрению фольклорных традиций, что отмечал сам Н. М. Рубцов. В результате исследования мы пришли к выводу, что жанр песни в поэзии Н. М. Рубцова отличается исповедальностью авторской интонации, тесно связан с фольклором и традициями классической литературы, структурирован, частично уподоблен синтетическому жанру песни, характеризуется системой повторов на всех уровнях текста, особым ритмом образов и мотивов, музыкальностью. Работа обладает научной перспективностью: она значима как для изучения творческого наследия Н. М. Рубцова, так и для формирования теоретико-литературной базы песенного жанра. Результаты работы могут применяться в рамках продолжения исследования по данной теме и смежным направлениям, а также при разработке дисциплин филологического цикла «История русской литературы», «Теория литературы», «Литературоведческий анализ текста».

Ключевые слова: жанр песни, мелодика, поэтическая интонация, фольклорная песня, Николай Рубцов.

Творчество Н. М. Рубцова продолжает традицию напевной русской лирики, что отмечают практически все исследователи [15]. Недаром на стихи поэта создано так много песен, в том числе всенародно любимых («Букет» А. Барыкина, «В горнице», «Улетели листья с тополей…» и «До конца, до тихого креста…» А. Морозова). «Такие стихи не могли не родить, не вызвать к жизни музыку и, вызвав, не слиться с нею», – пишет поэт С. В. Викулов [4].

Несмотря на то что творчество Н. Рубцова изучено с разных сторон: Е. В. Иванова рассматривает генезис рубцовской традиции [10], М. В. Турилова – интертекстуальные связи [20], Л. В. Тимашова анализирует эстетико-нравственное содержание поэзии [18], а М. А. Зиновьева – ее жанровое своеобразие [9], мы не нашли специальных исследований, посвященных поэтическому жанру песни в творчестве Н. М. Рубцова. Сразу обозначим нашу позицию: мы рассматриваем не синтетический музыкально-поэтический жанр, а собственно поэтический, пытаясь решить литературно-теоретическую проблему, а именно: выявить содержательные и формальные элементы, которые позволили поэту обозначить свои произведения как песни.

Материалом исследования стали лирические стихотворения, имеющие в названии жанровое определение «песня»: «Песня» («Катятся волны по морю…»), «Зимняя песня», «Прощальная песня», «Осенняя песня», «Песня» («Отцветет да поспеет…») и «Песенка».

© Соловьева Елена Евгеньевна, Жигулин Макар Михайлович, 2026

Методика изучения данных произведений основана на уровневом анализе стихотворных текстов М. Л. Гаспарова [6], теории мелодики русской лирики Б. М. Эйхенбаума, в частности его идеи о доминирующем характере интонации в лирике напевного типа [22, с. 296–297], концепции содержательности художественной формы Г. Д. Гачева и В. В. Кожинова [7, с. 18]. Мы разделяем точку зрения Н. Л. Лейдермана о необходимости сопряжения формальных особенностей литературного произведения с созданием чувственно-наглядного образа и его связи со всем поэтическим миром творца [13, с. 25].

Напевность, «песенность» русской лирики, отмечаемая стиховедами, заставляет задуматься о специфике поэтического жанра песни.

Филолог В. Ф. Шишмарёв характеризует песню как «своеобразную древнюю форму художественного творчества, представляющую собой соединение поэзии с музыкой и оркестикой (также мимикой), или поэзии с музыкой» и разделяет народную и так называемую «искусственную» (литературную), к которой относит «многие стихотворения Некрасова, Кольцова, Бернса, Гейне и др.» [21]. Литературовед С. Г. Лазутин определяет песню как «одну из форм словесно-музыкального искусства» [12, стб. 711]. Н. И. Мокрова, подчеркивая синкретичность песенного жанра, как лингвист, анализирует особенности песенного текста. Она выделяет такие его признаки, как повышенная упорядоченность и иерархичность, тесная связь элементов друг с другом и целым, высокая степень психологичности и эмоциональности, экспрессивность, выражающаяся в повторах и параллелизмах, особой звучности и образности. Исследовательница указывает, что выразительность песни зависит от ее эмоциональности и лаконичности и дополняется музыкой [14].

Песня среди лирических жанров наиболее тесно связана с фольклорной традицией, заимствуя образы, поэтические формулы, композиционные приемы, например «Песня (Ты не пой, соловей…» А. В. Кольцова, «Русская песня» и др.), «Песня (Во чистом поле калина…)» И. З. Сурикова, «Песня (Есть одна хорошая песня у соловушки…)» С. А. Есенина, песни советских поэтов («Песня о встречном» Б. П. Корнилова, «Песенка» М. А. Светлова, «Песня любви» Л. И. Ошанина и мн. др.).

На этом прочном фундаменте строится поэтика «песен» Н. М. Рубцова. Его стихотворения, отмеченные особой напевностью и внутренней музыкальностью, органично вписываются в общую линию развития русской лирической поэзии XIX–XX вв.

Народную культуру поэт впитал с детства, чему способствовали обстоятельства его нелегкой жизни в вологодской глубинке. Н. Рубцов свидетельствует: «До меня все же докатились последние волны старинной русской самобытности, в которой было много прекрасного, поэтического» [5, с. 9]. Современники вспоминают, что Н. М. Рубцов не только слушал русские народные песни, но и сам любил их петь, подыгрывая себе на гармошке [5]. С. В. Блинова и М. П. Будилова отмечают, что на протяжении всей жизни музыка оказывала сильное влияние на поэта [3].

Исследователь поэзии Рубцова В. Н. Бараков пишет о песенности и связи его творчества с фольклором [1; 2]. М. А. Зиновьева, говоря о музыкально-песенной специфике стихотворений Рубцова, выделяет простоту музыкально-словесного построения, ритмико-синтаксический параллелизм, постоянные эпитеты, напевные размеры, повторы как приметы народно-песенной поэтики этих текстов [9, с. 174]. О художественной функции повторов в стихотворениях Н. М. Рубцова пишет и С. Х. Головкина [8].

Обратимся к произведениям Н. М. Рубцова, им самим названным «песнями», чтобы выявить те свойства текста, которые определяют его «песенность».

Стихотворение «Песня» («Катятся волны по морю…») (при жизни не публиковалось) посвящено службе во флоте. Образ моряка, находящегося вдали от любимой девушки и несущего «трудный дозор», связан с мотивами любви на расстоянии и долга.

Композиция стихотворения уподоблена структуре песни, то есть сохраняет деление на куплеты и припевы. Строфы куплетов написаны трехстопным дактилем с усечением: «*Катятся волны по морю, / Чайки тревожно кричат. / Где ж вы, о тихие зори, / Светлые взгляды девчат?*» Припев, похожий на логаэд, выделяется благодаря смешанному метру: «*Ветер, холодный ветер / С нами, как лучший друг. / Светит, призывно светит / Дальний маяк Мудьюг*» [16, с. 74].

Благодаря изменению ритмического рисунка между строфами происходит выделение повторяющегося припева как фактора ритмизации и придания стихотворению «песенности».

Отметим, что в произведении немного образов. Повторяющиеся в припеве «ветер» и «маяк» как бы «стягивают» все остальные образы. «Ветер» становится «вместилищем» обра-

зов моря, тревожных чаек, тоски по возлюбленной и трудностей в морской жизни, а в «маяк» включаются образы ждущих девушек, света, счастья по прибытии на берег. Символический смысл проявляется в ассоциациях: ветер – волнение, холод (возможно, не только физический, но и «душевный»), стойкость; маяк – надежда, предчувствие выхода на берег и долгожданной встречи с любимой.

«Песенность» в данном случае возникает на композиционном и образном уровнях.

Стихотворение «Зимняя песня» (1963, газ. «Вологодский комсомолец»)[1] просто и понятно создает запоминающийся образ зимней ночи, вызывающий ощущение радости и легкой грусти. Произведение написано разностопным дактилем с четырьмя стопами в нечетных и с тремя – в четных стихах. Такое чередование вносит в мелодику стихотворения неоднородность, создает особый интонационный рисунок. Примечательны многочисленные риторические фигуры (восклицания и вопросы). Система восклицаний помогает организовать в строке движение. Ср. первую строфу: «*В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь!*» или третью: «*Скромная девушка мне улыбается, / Сам я улыбчив и рад! / Трудное, трудное – все забывается, / Светлые звезды горят!*» [Там же, с. 191]. Если в первой строфе интонационное движение начинается практически сразу со второй строки, то восклицания третьей строфы подготавливаются четвертой строкой второго четверостишия с вопросом «*Где ж вы, печали мои?*» и являются для нее радостным эмоциональным ответом.

В третьей строфе также особенно явно выделяется интонационный параллелизм с повышением интонации в первых двух и в последних двух строках. Ср.: «*Скромная девушка мне улыбается, / Сам я улыбчив и рад!* [восхождение тона] / *Трудное, трудное – все забывается, / Светлые звезды горят!* [восхождение тона]» [Там же].

Четвертая строфа тремя риторически-вопросительными конструкциями: «*Кто мне сказал, что во мгле заметеленной / Глохнет покинутый луг? / Кто мне сказал, что надежды потеряны? / Кто это выдумал, друг?*» – предваряет повтор начальных строк, усиливая их экспрессивность: «*В этой деревне огни не погашены. / Ты мне тоску не пророчь!*» [Там же].

Анафора «*Кто мне сказал*» в первой и третьей строфах в связке со словом «*это*» придает движение стиху. Вопросительное слово «*кто*», трижды повторенное в начале строк, из-за дактилического метра находится в ударном положении с высоким тоном, создает ощущение диалога как между лирическим героем и неким третьим, так и между ним и слушателем, чье внимание привлечено к неправильности и даже абсурдности пессимизма.

Полных припевов в этом произведении нет, но повторяющиеся во второй и третьей строфах слова «*светятся*» и «*трудные*» в какой-то мере заменяют рефрены: «*пути*» были «*трудные, трудные*», но они забылись, и теперь – антитезой – звезды «*светятся, тихие, светятся, чудные*».

В третьей строфе употреблены однокоренные слова «*улыбается*» и «*улыбчив*», дублирующие эмоцию: лирический герой «*улыбчив*» оттого, что ему «*улыбается*» девушка.

Лирический герой говорит, чтобы ему *«не пророчили тоску»*, так как в мире есть место, где герою рады, где «*не погашены огни*», где ему «*скромная девушка улыбается*», где «*светлыми звездами нежно украшена / Тихая зимняя ночь*» [Там же]. Такое композиционное кольцо не только является «домом» или «хранилищем» всех тех светлых и жизнеутверждающих образов, описанных в последующих строфах, – оно акцентирует внимание слушателя на авторской идее: не нужно отчаиваться и тосковать, ведь жизнь вокруг прекрасна.

Помимо формальных признаков песни, в «Зимней песне» Н. М. Рубцова присутствуют и образы-символы фольклорного происхождения. Опираясь на классификацию символов В. Н. Баракова [1], выделим в стихотворении символ звезды: «*Светлыми <u>звездами</u> нежно украшена / Тихая зимняя ночь*»; «*Трудное, трудное – все забывается, / Светлые <u>звезды</u> горят!*» [16, с. 191], связанный с понятиями счастья, красоты, гармонии человека и природы, легкой грусти оп ушедшему. Символ звезды употребляется в сочетании с эпитетом «светлые» по аналогии с фольклорными устойчивыми эпитетами «добрый молодец», «красна девица» и др.

Песенность данного стихотворения обусловлена системой повторяющихся образов и мотивов, находящихся в сложном переплетении противопоставлений и уподоблений, восклицательными конструкциями, усиливающими эмоциональность, и вопросительными, подчеркивающими доверительность интонации. Немаловажна простота лексики и понятный синтаксис.

[1] Здесь и далее указывается год первой публикации стихотворения при жизни поэта. Сведения приводятся по [16; 17].

Тема «Прощальной песни» (1967, сб. «Звезда полей») определена названием: прощание с родной деревней, расставание с семьей, тоска по родине. Ведущий мотив заявлен в первом стихе: «*Я уеду из этой деревни»* – и далее лирический герой рисует картину малой родины, в которой его уже нет: «*Будет льдом покрываться река, / Будут ночью поскрипывать двери, / Будет грязь на дворе глубока…*» [Там же, с. 235]. Такая конкретизация, в совокупности с придающими динамичность повторами, «достраивает» первую строфу песни до «ключевого» образа: когда лирический герой уедет, то место, в котором он жил, навеки застынет, по крайней мере, для него.

Вопросительные конструкции в третьей и четвертой строфах усиливают эмоциональный накал («*Так зачем же, прищурив ресницы, / У глухого болотного пня / Спелой клюквой, как добрую птицу, / Ты с ладони кормила меня?*») [Там же]. В четвертой лирический герой обращается к своей возлюбленной: «*Слышишь, ветер шумит по сараю?*» и «*Слышишь, дочка смеется во сне?*» [Там же].

В пятой строфе риторические восклицания дробят строки, создают новое ритмический рисунок и добавляют драматизма: «*Мы с тобою как разные птицы!*» [Там же]. Образы птиц, ночных троп символизируют разность судеб.

Лирический герой пытается объяснить свой уход внутренними, психологическими и экзистенциальными причинами: «*Ты не знаешь, как ночью по тропам / За спиною, куда ни пойду, / Чей-то злой, настигающий топот / Все мне слышится словно в бреду*») [Там же]. Топот за спиной и бред вызывают ассоциацию с «бедным Евгением»[2], потерявшим возлюбленную и самого себя, сходящим с ума.

Песенность данного стихотворения прежде всего проявляется в его исключительной эмоциональности, которая, начавшись высоким уровнем тоски, усиливается все больше и больше, переходя порог невыносимого отчаяния. По своему настроению произведение напоминает одновременно и классическую элегию, и фольклорный плач.

Образ уходящего лета создает грустную интонацию «Песни» («Отцветет да поспеет…») (1969, газ. «Призыв»). Стихотворение разделено на 5 шестистиший, каждое из которых представляет собой логаэд на основе 2-стопного анапеста со стройным 3-стопным анапестом в 3-й и 6-й строках. Такая форма придает стихотворению напевность, обусловленную ощущением ненавязчивой ритмичности: «*Отцветет да поспеет / На болоте морошка, – / Вот и кончилось лето, мой друг! / И опять он мелькает, листопад за окошком, / Тучи темные вьются вокруг…*» [17, с. 57].

Картины последних дней лета и начинающейся осени в трех первых строфах вызывают ощущение неизбежности перемен. Динамика определена сочетанием глаголов прошедшего, настоящего и будущего времени: *кончилось, потемнели, закачалась, мелькает, отцветет да поспеет, полетят, будут плакать.* В четвертой строфе появляется образ лирического героя: он буквально врывается в спокойный мир природы и деревни с восклицательным междометием «ах»: *«Ах, я тоже желаю…! / Ах, я тоже на небо хочу!»* [Там же]. Но его порыв остановлен привязанностью к родине, и чувство грусти от неизбежного вытесняет движение, заменяет его эмоцией. Анафорическое «жаль», дополненное жалобным плачем кукушки, создает доминирующее настроение финала. Звуковые образы голоса/плача одинокой кукушки и заунывных стонов в ночи коростеля закольцовывают композицию стихотворения. Образы птиц символичны и предвещают беду: *«Что ж так жалобно плачет / На болоте кукушка? / Что ж не спит по ночам коростель?»* [Там же]. Образ плачущей кукушки перекликается с образом одиноких старушек: «*Выходя на дорогу, / Будут плакать старушки / И махать самолету платком*» [Там же]. Мотив потерянных, уехавших или погибших детей оставлен автором в подтексте, но прочитывается благодаря сопоставлению образов. Образ «дороги» символизирует почти безнадежное ожидание.

Параллелизм природных и пространственных образов с человеческими эмоциями и состояниями аналогичен фольклорным песням. Грусть, философское размышление об неизбежности ухода, картины природы связывают стихотворение с жанром элегии.

В «Осенней песне» (1965, сб. «Лирика») создан тревожный образ осени и приближение зимы. Стихотворение состоит из трех восьмистиший (в других вариантах – трех четверостиший) и написано 2-стопным анапестом (соответственно – дольником на основе 4-стопного анапеста).

[2] Герой поэмы А. С. Пушкина «Медный всадник».

Образ несущихся листьев передает неукротимое движение времени: «*По дороге неслись / Сумасшедшие листья*» (1-я строфа), *«А последние листья вдоль по улице гулкой / Всё неслись и неслись, выбиваясь из сил»* (3-я строфа) [16, с. 239]. Ощущение разгула стихии и неуютности пространства поддержано деталями: «город мглистый», «тревожная земля», «темнота закоулков», тьма, в которой «потонула пристань», холод, тоскливый звук пароходного свистка. В таком враждебном человеку пространстве пребывает «добрый, неплохой человек». Неприкаянность перерастает в отчаянный крик: «*Ну так что же? Пускай / Рассыпаются листья! / Пусть на город нагрянет / Затаившийся снег!*» [Там же]. В этом месте – кульминация и наиболее высокая эмоциональная точка.

Завершающая третья строфа примиряет лирического героя с наступлением зимы и тьмы. Листья – последние, они выбиваются из сил, словно готовятся покорно лечь под уже близким снегом. Движение замедляется моросящим «архангельским дождиком» – то ли принесенным с Архангельска, с севера, то ли падающим с небес посланником архангелов.

Песенность достигается за счет сквозного природного образа осенних листьев, символизирующих неизбежность ухода, тоску, параллелизма (листья – человеческая жизнь), повторов, вкрапления разговорного, эмоционального междометия «*эх*».

Стихотворение «Песенка» с подзаголовком «Экспромт под гитару» (при жизни не публиковалось) подходит под жанр песни уже по «внешним» характеристикам, указанием на музыкальное сопровождение. Уменьшительная форма «песенка» словно настраивает на простоту текста и незначительность содержания. И в первой строфе нарисован образ девушки, почти подростка, на фоне будничной обстановки (родиола, парк, забор). Даже деланное безразличие девушки вызывает умиление. Но во второй строфе возникает тема времени. И хотя временная дистанция небольшая – три года, – но изменения в душах героев происходят огромные и необратимые: *«Настолько с тобой изменились, / Настолько с тобой огрубели...»* [17, с. 157]. Многоточие заменяет описание утраченной любви, по-детски чистой и невинной.

Каждая из двух строф заканчивается подобием припева: «*Грущу сильней, / Но прежних дней / Мне ни за что не вернуть!*» [Там же]. Две строки написаны 2-стопным ямбом, а третья строка – 3-стопным дактилем, без рифмы. Метр и размер припева неслучайно не совпадают с размером куплетов – 3-стопным амфибрахием: меняется ракурс изображения, точка зрения наблюдателя в строфе переходит во внутреннюю психологическую в припеве. Рефрены звучат совершенно по-разному: в первом – робкая надежда на счастье, во втором – тоска по невозвратимой юности.

Обобщая наши наблюдения над текстами стихотворений, обозначенных поэтом как песни, мы пришли к следующим выводам. Песня как поэтический жанр в творчестве Н. М. Рубцова:

а) предельно открыто выражает авторскую позицию, эмоции и систему ценностей, носит исповедальный характер;

б) отличается простотой и выразительностью лексики и синтаксиса, яркими образами, ассоциативностью, живописностью, эмоциональностью и экспрессивностью;

в) имеет выраженные фольклорные корни через обращение к вечным темам любви, расставания, тоски по родине и ушедшей молодости, систему образов-символов и параллелизм с природными образами;

г) уникальный ритм ключевых образов придает тексту особую выразительность;

д) особая мелодичность достигается как стилистическими средствами – повторами, анафорами, так и интонационно-ритмическими – сочетанием метров и размеров, рифмовкой;

е) песенная природа проявляется на композиционном уровне в уподоблении куплетной форме песни, в системе повторов на всех уровнях, включая идейно-тематический, композиционный, образно-мотивный и фонологический.

Характеристика поэтики жанра песни в творчестве Н. М. Рубцова создает перспективу для разработки теории данного лирического жанра в русской поэзии. Обращение к жанру песни в творчестве других поэтов могло бы уточнить и расширить наблюдения, сделанные в статье.

Список литературы

1. *Бараков В. Н.* Лирика Николая Рубцова (опыт сравнительно-типологического анализа). URL: https://www.booksite.ru/fulltext/lir/ika/rub/tso/va/2.htm (дата обращения: 06.02.2026).

2. *Бараков В. Н.* О народности поэзии Николая Рубцова // Литература в школе. 1991. № 3. С. 60–68.

3. *Будилова М. П., Блинова С. В.* Музыка в жизни Николая Рубцова // XXIV Всероссийская студенческая научно-практическая конференция Нижневартовского государственного университета (г. Нижневартовск, 5–6 апреля 2022 г.). Часть 8. Нижневартовск : НВГУ, 2022. С. 126–134.

4. *Викулов С. В.* Вместо предисловия // Песни на стихи Николая Рубцова / сост. Н. Н. Шантаренкова. М. : Сов. Россия, 1989. С. 3–4.

5. Воспоминания о Рубцове : сб. / сост. В. А. Оботуров, А. А. Грязев ; предисл. В. Оботурова. Архангельск, 1983. 320 с.

6. *Гаспаров М. Л.* «Снова тучи надо мною...». Методика анализа стихотворного текста // Русская речь. 1997. № 1. С. 9–20.

7. *Гачев Г. Д., Кожинов В. В.* Содержательность литературных форм // Теория литературы. М. : Наука, 1964. С. 17–39.

8. *Головкина С. Х.* Повтор как средство художественной выразительности в поэзии Н. Рубцова // Русский язык в школе. 2018. Т. 79, № 7. С. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

9. *Зиновьева М. А.* Жанровое своеобразие творчества Николая Рубцова: к проблеме взаимодействия фольклорных и литературных традиций // INITIUM. Художественная литература: опыт современного прочтения : сб. ст. молодых ученых. Екатеринбург : УРФУ, 2019. С. 173–178.

10. *Иванова Е. В.* Традиции и новаторство в поэзии Н. М. Рубцова : дис. … канд. филол. наук. М., 1996. 197 с.

11. *Кравцов Н. И., Лазутин С. Г.* Русское устное народное творчество : учеб. для фил. спец. ун-тов. М. : Высш. шк., 1983. 448 с.

12. *Лазутин С. Г.* Песня // Краткая литературная энциклопедия. Т. 5: Мурари – Припев. М. : Сов. энцикл., 1962. Стб. 711–712.

13. *Лейдерман Н. Л.* Теория жанра: исследования и разборы. Екатеринбург : УрГПУ, 2010. 904 с.

14. *Мокрова Н. И.* Песня как явление комплексного характера // Вестник ИрГТУ. 2015. № 6 (101). С. 389–393.

15. *Москвина О. А.* О ритме стихов Николая Рубцова // «…Звезда труда, поэзии, покоя…»: к 80-летию Н. М. Рубцова : сб. ст. М. : ИНИОН РАН, 2016. С. 116–134.

16. *Рубцов Н. М.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 1 : Стихотворения. 1942–1967. М. : ТЕРРА, 2000. 352 с.

17. *Рубцов Н. М.* Собрание сочинений : в 3 т. Т. 2 : Стихотворения. 1967–1971 ; Шуточные стихи и стихи для детей ; Переводы. М. : ТЕРРА, 2000. 304 с.

18. *Тимашова Л. В.* Эстетико-нравственное своеобразие и актуальность поэзии Николая Рубцова : дис. … канд. филол. наук. М., 2004. 211 с.

19. *Тимашова Л. В.* Ключевые слова поэзии Николая Рубцова // Литература в школе. 2016. № 1. С. 21–22.

20. *Турилова М. В.* Интертекстуальность поэзии Н. М. Рубцова // Универсальное и культурно-специфичное в языках и литературах : сб. материалов VIII междунар. науч. конф., Курган, 18–19 апреля 2025 года. Курган : Курганский государственный университет, 2025. С. 243–251.

21. *Шишмарёв В. Ф.* Песня (как явление литературное) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. URL: https://clck.ru/3TfYn7 (дата обращения: 14.05.2026).

22. *Эйхенбаум Б. М.* О поэзии. М. ; СПб. : Т8 Издательские Технологии : Пальмира, 2022. С. 291–471.

On the Poetic Genre of the Song (Based on the Lyric Poetry of N. M. Rubtsov)

Solovyova Elena Evgenyevna[1], Zhigulin Makar Mikhailovich[2]

[1]PhD in Philology, associate professor of the Department of Russian Philology and Applied Communications of the Institute of Humanities, Cherepovets State University.
Russia, Cherepovets. ORCID: 0000-0002-3730-0694. E-mail: eesoloveva@chsu.ru

[2]teacher of Russian language and literature, Secondary School No. 14.
Russia, Cherepovets. ORCID: 0009-0002-2105-0229. E-mail: mmzhigulin@chsu.ru

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the poetic genre of the song in the work of N. M. Rubtsov, one of the key representatives of the "quiet lyricism" of the second half of the 20th century. The relevance of the study is due to the interest of literary scholars and critics in "songfulness" as an immanent quality of Rubtsov's verse and to the need for a theoretical understanding of the genre of the song in the poet's work. The aim is to determine the specific features characteristic of the lyric genre of the song. The subject of analysis is the intonational and rhythmic and the structural and compositional features, as well as the system of images, motifs, and symbols of the poems designated as "songs". The methodological basis is formed by the studies of B. M. Eikhenbaum and M. L. Gasparov devoted to the Russian lyric system. We drew on the conception of the substantiality of literary forms of G. D. Gachev and V. V. Kozhinov, on N. L. Leiderman's theory of genres, and on the works of V. N. Barakov on the poetics of N. M. Rubtsov. Special attention was paid to the examination of folklore traditions, which N. M. Rubtsov himself noted. As a result of the study, we came to the conclusion that the genre of the song in N. M. Rubtsov's poetry is distinguished by the confessional quality of the authorial intonation, is closely connected with folklore and with the traditions of classical literature, is structured, is partly

assimilated to the synthetic genre of the song, and is characterized by a system of repetitions at all levels of the text, by a particular rhythm of images and motifs, and by musicality. The work possesses scholarly promise: it is significant both for the study of N. M. Rubtsov's creative legacy and for the formation of a theoretical and literary basis for the song genre. The results of the work may be applied in the continuation of research on this topic and on adjacent areas, as well as in the development of the philological disciplines "History of Russian Literature", "Theory of Literature", and "Literary Analysis of the Text".

Keywords: song genre, melodics, poetic intonation, folk song, Nikolai Rubtsov.

References

1. *Barakov V. N. Lirika Nikolaya Rubcova (opyt sravnitel'no-tipologicheskogo analiza)* [The Lyric Poetry of Nikolai Rubtsov (An Attempt at a Comparative-Typological Analysis)]. Available at: https://www.booksite.ru/fulltext/lir/ika/rub/tso/va/2.htm (date accessed: 06.02.2026).

2. *Barakov V. N. O narodnosti poezii Nikolaya Rubcova* [On the Folk Character of Nikolai Rubtsov's Poetry] // *Literatura v shkole* – Literature at School. 1991. No. 3. Pp. 60–68.

3. *Budilova M. P., Blinova S. V. Muzyka v zhizni Nikolaya Rubcova* [Music in the Life of Nikolai Rubtsov] // *XXIV Vserossijskaya studencheskaya nauchno-prakticheskaya konferenciya Nizhnevartovskogo gosudarstvennogo universiteta (g. Nizhnevartovsk, 5–6 aprelya 2022 g.)* [The 24th All-Russian Student Scientific-Practical Conference of Nizhnevartovsk State University (Nizhnevartovsk, April 5–6, 2022)]. Part 8. Nizhnevartovsk, NVGU, 2022. Pp. 126–134.

4. *Vikulov S. V. Vmesto predisloviya* [Instead of a Preface] // *Pesni na stihi Nikolaya Rubcova* [Songs Based on the Poems of Nikolai Rubtsov] / comp. by N. N. Shantarenkova. M., Sov. Rossiya (Soviet Russia), 1989. Pp. 3–4.

5. *Vospominaniya o Rubcove : sb.* [Reminiscences of Rubtsov : A Collection] / comp. by V. A. Oboturov, A. A. Gryazev ; pref. by V. Oboturov. Arhangel'sk, 1983. 320 p.

6. *Gasparov M. L. "Snova tuchi nado mnoyu…". Metodika analiza stihotvornogo teksta* ["Clouds Are Over Me Again…". A Method for Analyzing a Poetic Text] // *Russkaya rech'* – Russian Speech. 1997. No. 1. Pp. 9–20.

7. *Gachev G. D., Kozhinov V. V. Soderzhatel'nost' literaturnyh form* [The Substantiality of Literary Forms] // *Teoriya literatury* [Theory of Literature]. M., Nauka (Sciences), 1964. Pp. 17–39.

8. *Golovkina S. H. Povtor kak sredstvo hudozhestvennoj vyrazitel'nosti v poezii N. Rubcova* [Repetition as a Means of Artistic Expressiveness in N. Rubtsov's Poetry] // *Russkij yazyk v shkole* – Russian Language at School. 2018. Vol. 79, No. 7. Pp. 61–66. DOI: 10.30515/0131-6141-2018-79-7-61-66.

9. *Zinov'eva M. A. Zhanrovoe svoeobrazie tvorchestva Nikolaya Rubcova: k probleme vzaimodejstviya fol'klornyh i literaturnyh tradicij* [The Genre Distinctiveness of Nikolai Rubtsov's Work: On the Problem of the Interaction of Folklore and Literary Traditions] // *INITIUM. Hudozhestvennaya literatura: opyt sovremennogo prochteniya : sb. st. molodyh uchenyh* [INITIUM. Imaginative Literature: An Attempt at a Contemporary Reading : A Collection of Articles by Young Scholars]. Ekaterinburg, URFU, 2019. Pp. 173–178.

10. *Ivanova E. V. Tradicii i novatorstvo v poezii N. M. Rubcova : dis. … kand. filol. nauk* [Tradition and Innovation in the Poetry of N. M. Rubtsov : dis. ... PhD in Philology]. M., 1996. 197 p.

11. *Kravcov N. I., Lazutin S. G. Russkoe ustnoe narodnoe tvorchestvo : ucheb. dlya fil. spec. un-tov* [Russian Oral Folk Art : A Textbook for Philological Specializations of Universities]. M., Vyssh. shk. (Higher School), 1983. 448 p.

12. *Lazutin S. G. Pesnya* [The Song] // *Kratkaya literaturnaya enciklopediya* [A Short Literary Encyclopedia]. Vol. 5: Murari – Pripev. M., Sov. encikl. (Soviet Encyclopedia), 1962. Cols. 711–712.

13. *Lejderman N. L. Teoriya zhanra: issledovaniya i razbory* [The Theory of Genre: Studies and Analyses]. Ekaterinburg, UrGPU, 2010. 904 p.

14. *Mokrova N. I. Pesnya kak yavlenie kompleksnogo haraktera* [The Song as a Phenomenon of a Complex Character] // *Vestnik IrGTU* – Bulletin of Irkutsk State Technical University. 2015. No. 6 (101). Pp. 389–393.

15. *Moskvina O. A. O ritme stihov Nikolaya Rubcova* [On the Rhythm of Nikolai Rubtsov's Verse] // *"…Zvezda truda, poezii, pokoya…": k 80-letiyu N. M. Rubcova : sb. st.* ["…A Star of Labor, Poetry, and Peace…": On the 80th Anniversary of N. M. Rubtsov : A Collection of Articles]. M., INION RAN, 2016. Pp. 116–134.

16. *Rubcov N. M. Sobranie sochinenij : v 3 t. T. 1 : Stihotvoreniya. 1942–1967* [Collected Works : in 3 vols. Vol. 1 : Poems. 1942–1967]. M., TERRA, 2000. 352 p.

17. *Rubcov N. M. Sobranie sochinenij : v 3 t. T. 2 : Stihotvoreniya. 1967–1971 ; Shutochnye stihi i stihi dlya detej ; Perevody* [Collected Works : in 3 vols. Vol. 2 : Poems. 1967–1971 ; Humorous Poems and Poems for Children ; Translations]. M., TERRA, 2000. 304 p.

18. *Timashova L. V. Estetiko-nravstvennoe svoeobrazie i aktual'nost' poezii Nikolaya Rubcova : dis. … kand. filol. nauk* [The Aesthetic and Moral Distinctiveness and Relevance of Nikolai Rubtsov's Poetry : dis. ... PhD in Philology]. M., 2004. 211 p.

19. *Timashova L. V. Klyuchevye slova poezii Nikolaya Rubcova* [Key Words of Nikolai Rubtsov's Poetry] // *Literatura v shkole* – Literature at School. 2016. No. 1. Pp. 21–22.

20. *Turilova M. V. Intertekstual'nost' poezii N. M. Rubcova* [The Intertextuality of N. M. Rubtsov's Poetry] // *Universal'noe i kul'turno-specifichnoe v yazykah i literaturah : sb. materialov VIII mezhdunar. nauch. konf., Kurgan, 18–19 aprelya 2025 goda* [The Universal and the Culturally Specific in Languages and Literatures : Proceedings of the 8th International Scientific Conference, Kurgan, April 18–19, 2025]. Kurgan, Kurganskij gosudarstvennyj universitet, 2025. Pp. 243–251.

21. *Shishmarev V. F. Pesnya (kak yavlenie literaturnoe)* [The Song (as a Literary Phenomenon)] // *Enciklopedicheskij slovar' Brokgauza i Efrona* [The Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary]. Available at: https://clck.ru/3TfYn7 (date accessed: 14.05.2026).
22. *Ejhenbaum B. M. O poezii* [On Poetry]. M. ; SPb., T8 Izdatel'skie Tehnologii ; Pal'mira, 2022. Pp. 291–471.

Поступила в редакцию: 17.02.2026
Принята к публикации: 19.05.2026

EDN: VEIEWV УДК 821.161.2.09“19”

Советский роман воспитания 1920-х годов: миромоделирующие принципы в изображении детства героев

Шестакова Елена Юрьевна
кандидат филологических наук, доцент кафедры литературы и русского языка Гуманитарного института, филиал Северного (Арктического) федерального университета им. М. В. Ломоносова в г. Северодвинске. Россия, г. Северодвинск.
ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Аннотация. Целью настоящего исследования стало рассмотрение миромоделирующих принципов в изображении детства героев в советском романе воспитания 1920-х годов. Материалом работы явились повести А. П. Гайдара «Школа», Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» и роман Е. И. Замятина «Мы». Актуальность исследования определяется неослабевающим интересом современных интерпретаторов к проблеме жанра советского романа воспитания. В качестве основных методов работы можно назвать сравнительно-исторический и историко-литературный. В советском романе воспитания находят продолжение традиции предшественников (Ф. М. Достоевского, А. П. Чехова, Н. Г. Помяловского, Н. Г. Гарина-Михайловского): изображение «несчастного» детства, страданий ребенка, его сиротства, оставленности, процесса становления и взросления в непростых внешних обстоятельствах. Историческое время является неотъемлемой частью процесса вхождения героя в «большой» мир. Он меняется вместе с эпохальными событиями, происходящими в стране. Безмятежная жизнь ребенка прерывается чередой революций и войн (Первая мировая война, Гражданская война). Исторические перемены оцениваются положительно. Участвуя в них, герой проходит путь от внутренней стихийности к следованию общей идее. В советском романе воспитания преобладает тема «тяжелого детства». Авторы подчеркивают, что трудное детство возможно до революции, после нее наступает время счастья и гармонии. В основе выстроенной советским государством системы общественного воспитания и образования лежит идея включения в жизнь коллектива. Коллектив становится домом и семьей, которые герой утратил в ходе исторических катаклизмов. Результаты исследования можно использовать в практике школьного и вузовского образования.

Ключевые слова: советский роман воспитания, миромоделирующие принципы, тема детства, идея обезличивания, А. П. Гайдар, Н. Огнев, Е. И. Замятин.

Целью статьи является раскрытие миромоделирующих принципов в изображении детства героев в советском романе воспитания 1920-х годов. В центре внимания находятся повести А. П. Гайдара «Школа» (1929), Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева» (1926), роман Е. И. Замятина «Мы» (1920). Задачи исследования: 1) выявить специфику миромоделирования в повести А. П. Гайдара «Школа»; 2) показать своеобразие образа мира и человека в «Дневнике Кости Рябцева» Н. Огнева; 3) раскрыть особенности миромодели в романе Е. И. Замятина «Мы»; 4) сделать выводы и обобщения. Методологической основой работы выступили сравнительно-исторический, историко-литературный методы. Творчество советских писателей находится в центре внимания современного литературоведения. Это обусловило актуальность исследования. Новизна работы определяется миромоделирующим подходом к анализу произведений.

1917 год стал переломным в истории отечественной литературы. Многие деятели русской культуры и искусства вскоре после революционных событий навсегда покинули пределы страны. Их творческая деятельность оказалась связана с зарубежьем. Писатели, поэты, драматурги, принявшие произошедшие перемены, участвовавшие в установлении нового государства, сформировали и определили совершенно новое направление литературного развития. В их творчестве нашли отражение социальные, философские, нравственные ценностные установки эпохи, появляется новый герой, язык, стиль, складывается особое восприятие мира и человека.

Роман воспитания продолжает свою «жизнь» в советской литературе, наследуя то, что создано предшественниками (Л. Н. Толстой, Ф. М. Достоевский, М. Горький), и вместе с тем претерпевая существенные изменения. Становление героя остается основным сюжетным стержнем в советском романе воспитания. Авторы следуют традиционному «делению» жизни

© Шестакова Елена Юрьевна, 2026

героя на периоды. Так, *А. П. Гайдар* в *повести «Школа»* (1929) в соответствии с толстовской традицией располагает все события в линейной временной последовательности, в результате появляются три части: «Школа» (детство), «Веселое время» (отрочество), «Фронт» (юность). Узнаваемым является и постепенное разрушение идиллии детства. В начале повести появляется образ идеального гармоничного мира – того, каким его воспринимает ребенок. Мотив тишины, образ сада и связанный с ним мотив изобилия, мотив благодатного Божьего присутствия («Город был похож на монастырь: стояло в нем около тридцати церквей да четыре монашеских обители») [1, с. 93] становятся ведущими в воссоздании картины безмятежного мира детства. Идиллию несколько нарушает одиночество героя, заброшенность со стороны матери и отца, но в целом эта ситуация не причиняет ему страданий. Голиков занимается невинными детскими играми (летом строит с другом плот, луки и стрелы, играет в городки).

Важным является то, что историческое время в еще большей степени, нежели в дореволюционный период, заявляет о себе в нарративной структуре текстов этой поры. В повести «Школа» становление героя неразрывно связывается с опытом Первой мировой войны, возникновением политических кружков и организаций, революции и Гражданской войны. Эпохальные исторические события, в которых принимает участие Борис Гориков, заставляют его искать ответы на вопросы о добре и зле, смысле жизни и смерти, мнимом и настоящем товариществе, границах исполнения воинского долга, внутренней красоте или безобразии человека. Ему важно понять, меняются ли эти представления в суровых военных реалиях, в новой действительности, или остаются прежними.

Первая Мировая война приносит много бедствий, нарушает налаженную жизнь людей: «Многие хозяйства разорились. Работать в полях было некому, и в город потянулись нищие – старики, бабы и ребятишки» [1, с. 128]. Эти наблюдения стали первым открытием, которое делает Борис. Он начинает замечать, что в городе не хватает продуктов, появилось много раненых; многие из тех, кого он знал, погибли. Дезертирство и расстрел отца становятся первыми событиями, с которых начинается быстрое взросление Бориса. Идиллическая жизнь героя и городка окончательно нарушается с наступлением февральской революции 1917 года – на смену прежнему устоявшемуся порядку приходит хаос. Герой меняется вместе с историей, социальные катаклизмы лишают его состояния детской безмятежности, радости жизни, заставляют быстро взрослеть. Нарушается и размеренность гимназических будней, Борис начинает проходить жестокую «школу» жизни. Финальные события первой части «Школа», когда отца Голикова уводят на казнь, определяют конец детства героя. Примечательно, что здесь А. П. Гайдар следует сложившейся традиции (смертью матери заканчивается детство Николеньки Иртеньева – героя повести Л. Н. Толстого «Детство»).

Отрочество для Горикова начинается с событий февральской революции 1917 года, когда наступает время политического выбора. Борис слушает ораторов от разных партий (эсеров, кадетов, анархистов, большевиков и т. д.). Нарративный дискурс здесь превращается в «сложное коммуникативное явление, которое включает в себя и социальный контекст, дающий представление как об участниках коммуникации (и их характеристиках), так и о процессах производства и восприятия сообщения» [1, с. 113]. Важным открытием для Бориса становится то, что его отец был большевиком. Последующий выбор героя во многом определяется этим обстоятельством. Еще одним потрясением для Бориса становится разлад с другом Федькой, в основе которого лежат разные политические взгляды и отношение к происходящим историческим событиям. Бывший друг становится предателем и врагом.

Взросление и становление героя связывается с умением вскочить на одну из ступеней вагона, его путешествием в «большой» мир, полный конфликтов и противоречий. Финал второй части обозначает конец детства героя. Оно совпадает с революцией. Дальше начинается череда побегов. Нарративный характер дискурса в начале третьей главы «Фронт» обнаруживает себя через вербальное раскрытие событий. Письмо к матери обозначает новый период в процессе взросления Бориса Горикова. Побегом завершается и пребывание у белых.

В повести А. П. Гайдара формируется «соцреалистический протоканон», определяемый «универсальной идеей соцреалистического романа – воспитанием трудящихся в духе социалистического реализма» [7, с. 2079]. Модель мира в произведении выстраивается сквозь призму сознания героя, для которого важна четкая идеологическая позиция: «свой»/враг, склонность к предательству/честность. Основное внутреннее движение Горикова определяется желанием восстановления справедливости в мире. Постепенно Борис Гориков определяется с позицией по отношению к встречающимся людям, среди которых есть «враги» (белые),

требующие уничтожения: «Он даже и не повстанец, потому что сам боится кулаков, он – настоящий белый» [1, с. 224]. Когда герой первый раз убивает, он понимает, что детские игры закончились. Им овладевает сильнейшее чувство страха и ужаса перед совершенным деянием, просыпаются муки совести. Постоянная близость смерти (в особенности это ощущение обостряется во время плена) рождает в душе героя понимание ценности жизни.

Становление Горикова определяется движением от интуитивного выбора к осознанному послушанию. Он отказывается от личностного, раздробляющего начала в пользу общественной необходимости. Постепенно он начинает понимать, с кем и ради чего сражается. Идеология партии становится его собственной. Чувство коллективизма является определяющим в деле борьбы, поиск «светлой жизни» должен осуществляться совместно, сообща. Можно с уверенностью говорить о том, что в советском романе воспитания происходит изменение в большей степени не самого героя, но отношения к общей идее. Герой изначально добродетелен, ему не нужно исправляться. Главная его задача – правильный выбор, принятие надличностного начала. Он не только сам превращается в идеолога партии, государства, но и уверяет в необходимости следования этим идеям окружающих людей. Кульминационным событием становится готовность Бориса подать заявление о вступлении в партию. Вступление в партийные ряды воспринимается Гориковым и командиром Шебаловым как сакральный ритуал, заменяющий христианский обряд крещения. Надеждой на то, что «светлая жизнь» будет обретена всеми, заканчивается повесть А. П. Гайдара.

Становление героя в *повести Н. Огнева «Дневник Кости Рябцева»* (1926) приходится на 1920-е годы. Его взросление связано с происходящими в стране социальными, идеологическими, воспитательными изменениями. Рябцев обучается в школе, в которой вводят «Дальтон-план». Оценка новой системы обучения дается героем с идеологической точки зрения: «Я так скажу: на кой нам этот буржуазный план?» [6, с. 9]. Неудача образовательного подхода объясняется Рябцевым тем, что он создавался в иных социальных условиях (нищетой, голодом «участников» процесса). За этим суждением скрыт опыт тяжелого детства, связанный с ситуацией разрушенности страны после революции и Гражданской войны.

Модель мира в «Дневнике Кости Рябцева» выстраивается в соответствии с установками исторического времени. Окружающие люди в представлении героя делятся на «буржуев» и «не буржуев». Для первых характерны только отрицательные нравственные качества, вторые наделяются чертами надежности, справедливости, добропорядочности, человечности и т. д. Если это вступает в противоречие с действительностью, мальчик испытывает чувства сожаления и разочарования. Реалии исторического времени в оценке героем окружающих людей проявляются и в том, что он и другие дети называют одну из учениц Фашисткой. Представления о добре и зле Костя черпает из «политграмоты».

Перед нами – описание попытки создания новой школы, которая должна быть полностью противопоставлена дореволюционной системе воспитания и образования. Советских учащихся стремятся приучить к самоорганизации, в связи с чем появляются учкомы, штрафные журналы. Костя постоянно напоминает о том, что он ученик нового поколения. Он возмущен, что его учительница-«естественница» наказывает, выгоняя из класса: «– Вы больше похожи на учительницу старой школы, это только они так имели право» [6, с. 11]. Автор указывает, что его повесть призвана отразить положительные изменения в образовательной системе по сравнению с тем, какой она предстает в «Очерках бурсы» Н. Г. Помяловского. Примечательно, что «нарративная ценность рассказывания» в повести проявляется в поучительности [8, с. 83]. Костя убежден, что его поколение заслуживает к себе уважения прежде всего потому, что оно многое испытало: настоящий голод, нищету, холод. Он вспоминает, как тяжело приходилось кормить членов семьи, с каким трудом доставать хлеб. Некоторые дети (подростки) даже успели принять участие в Гражданской войне. Все это сформировало многоопытность, «взрослость». Рябцев понимает, что учителя не имеют права обращаться с ними как с детьми.

Идея включенности личности в жизнь коллектива в полной мере близка Рябцеву. Он возмущен поведением Зои Травниковой, которая пошла против общих правил, предала на собрании товарища. В школе коллективно решается всё: личные вопросы, учебные, совершенные кражи, грубость Рябцева по отношению к учительнице. Обезличивание воспринимается абсолютной нормой существования в обществе. Директор Никпетож уходит из школы, так как осознал, что в какой-то момент предал служение общей идее, сделал личный выбор. Одинаковыми должны быть и представления о происхождении человека, существовании Бо-

га. Неприятным открытием для Кости является то, что в этом вопросе в обществе нет единого мнения. Это создает ощущение хаоса, неопределенности, неустойчивости бытия. Конфликт проникает во внутрисемейные отношения (рассказ Сильвы, одноклассницы Рябцева). Процесс становления героя обусловлен движением от конфликтного противостояния с обществом, протеста против правил к полному и безусловному принятию его норм. Он подает заявление о вступлении в комсомольскую ячейку, становится комсомольцем, организовывает в школе форпост пионеров. Главную цель своей жизни Костя определяет так: «…прожить с пользой для себя и для других и потом бороться за всеобщий коммунизм» [6, с. 50]. Этому высказыванию придается высокая информативная значимость. Герой определяет свое место в будущем «большом» времени.

Становление героя как движение к обезличиванию, включению в жизнь коллектива и, шире, полному растворению в нем прослеживается в *романе Е. И. Замятина «Мы»* (1920) – «особом типе романа воспитания, созданном в русле новой психологической прозы» [4, с. 2079–2085]. Д-503 родился, был воспитан и вырос в мире, построенном по закону «квадратной гармонии» [3, с. 212]. Его главная цель – «разогнуть дикую кривую, выпрямить ее по касательной – асимптоте – по прямой» [3, с. 212]. Это в полной мере отвечает задаче Единого Государства – построение математически выверенной жизни. Пространственным центром модели мира, в котором живет Д-503, является Город, построенный по принципу четырехугольника и отгороженный от остального (природного) локуса Зеленой Стеной. Перед нами предстает детально выверенный, строго структурированный мир. Важно, что «художественное пространство в романе имеет условный характер и становится символическим воплощением сознательной и бессознательной сферы с помощью Стены, отделяющей город (Единое Государство) от дикой природы» [3, с. 10]. В пространственной структуре романа большое значение обретает образ дома (поиск истинного дома взамен стеклянных «квартир» города, Древний Дом) и пути, дороги, связанный с процессом поиска, становления. Несмотря на солидный возраст (более 30 лет), Д-503 оказывается «ребенком», который должен совершить «путешествие», повзрослеть. Всем, кто живет в Городе, внушено, что они абсолютно счастливы. Это ощущение сродни детскому, где есть «любящий родитель» – Благодетель. Ему дано сакральное право нового Бога (взамен «старого») защищать и заботиться обо всех «нумерах». Незримо везде присутствуют «защитники» – Хранители. Вне внимания жителей Города, как и самого героя, оказывается то, что за малейшее нарушение установленного порядка «нумера» подвергаются пыткам и полному уничтожению.

Тема несвободы, возникающая в связи с воссозданной в замятинском романе моделью мира, трактуется положительно (с точки зрения Д-503). Понятие свободы сближается с преступлением. Счастье оказывается неразрывно связано с несвободой. Особое наслаждение Д-503 ощущает во время звучания Марша Единого Государства, когда «я» исчезает и появляется «мы». Каждую минуту времени «нумеров» в Едином Государстве регламентирует Часовая Скрижаль, заменяющая икону. Герой, как и все жители государства, в своих представлениях об истории, мире руководствуется тем, что определено Единой Государственной Наукой, которая априори не может ошибаться. Регламентируется интимная жизнь (встреча мужчины и женщины возможна только при выдаче талона), и только в строго определенное время можно закрыть шторы в стеклянном доме, отгородиться от всех.

Герой Е. И. Замятина существует во времени. В своих Записях он фиксирует определенные периоды своей жизни. Для Д-503 принципиально значимы моменты начала жизненного пути – детства. Он вспоминает, как плакал, когда в праздник обнаружил пятнышко на одежде. Его детство, как это принято в Городе, прошло без семьи, обучение осуществляли роботы-учителя. Д-503 воспитан с абсолютной верой в незыблемость законов и установок Единого Государства. Это во многом объясняет его финальный выбор. Примечательно, что в детстве герой был способен на спонтанные поступки, стихийные решения. Детство связано с бессознательным началом, не поддающимся разумной логике. Повзрослев, от утратил эту способность. Герой описывает свою работу – построение ИНТЕГРАЛА, оценивает окружающих его людей, происходящие события. Его сознание определяет нарративную стратегию романа.

Д-503 счастлив от того, что способен всего себя отдать Единому Государству. Идея жертвенного растворения в общей жизни звучит в рамках нарративной структуры романа настойчиво повторяющимся рефреном: «…мы же приносим жертву нашему Богу, Единому Государству» [3, с. 241]. Впервые испытанные страсть, любовь пробуждают в герое состояние конфликта с самим собой, он испытывает сильнейший страх. Возникшие мысли, чувства, пе-

реживания не вписываются в общую систему математически выверенного мира Единого Государства. Сны, которые он стал видеть, воспринимаются как болезнь. Мотив соблазнения Евы Адамом прочитывается в сцене первой встречи с I-330. Д-503 ощущает близость смерти, расставания с собой прежним, но его прежде всего волнует то, что он перестает быть единым целом с Государством. Д-503 проходит опыт инициации, «умирания», после которого он по-новому начинает глядеть на мир, людей, оценивать их поступки. Формирование личности героя происходит не в результате преодоления внешних препятствий, а в итоге осмысления противоречий, обнаруженных в себе внутренних изменений. Отделение себя от общей массы приводит к возникновению вопросов о себе. Он впервые осознаёт себя отдельной личностью, индивидуальностью. У героя появляется душа, осознание этого приводит к тому, что он называет себя не «нумером», а человеком. Д-503 возвращается к детству – способности совершать нелогичные, бунтарские поступки. Он начинает сомневаться в правильности устройства Единого Государства, действий Благодетеля и Хранителей. Сакральная сущность Благодетеля утрачивается, он видится обычным человеком.

В нарративной структуре романа важным является образ тени. Когда начинается процесс становления Д-503, он постоянно ощущает присутствие в себе некоего теневого начала. Тень – это то, кем герой хочет быть на самом деле. Скрытая от всех «теневая» личность Д-503 проявляется через символические образы (например, двойника). Речь идет о том, что герой встречается с самим собой, своим «я». Ощущение болезненности, ненормальности собственного состояния ни на миг не покидает Д-503. В финале герой не выдерживает груза мыслей и переживаний, не хочет страдать и мучиться, возвращается к спасительному для себя отказу от ответственности, обезличиванию, безусловному подчинению внешней всезнающей, защищающей силе (Единое Государство, Благодетель). В романе проявляется многосложность, многоаспектность архетипа Ребенка. С одной стороны, с ним связано стихийное, иррациональное начало человеческого сознания, с другой – стремление отказаться от своего «я», своей личности, индивидуальности, желание уйти от сложных, мучительных размышлений и переживаний в мир безмятежности, простоты, блаженного неведения, подчинения внешней руководящей силе, защищающей и одновременно жестокой, карающей. В результате возникает трансформация традиционной нарративной структуры жанра романа воспитания. Герой возвращается к исходной ситуации, к тому, с чего начал свой путь становления, добровольно отказался от полученного опыта, полностью его обесценив. Отказ от себя – это и отказ от бессознательного стихийного начала, свойственного человеческому сознанию, стремлению все подчинить математически выверенной логике, разумной необходимости, стройности.

Итак, советский роман воспитания продолжает традиции предшественников и одновременно с этим значительно их трансформирует. Историческое время является неотъемлемой частью процесса становления героя, определяет его взросление. Герой меняется вместе с эпохальными событиями, происходящими в стране. Идиллическое безмятежное существование героя-ребенка (отрока) прерывается Первой мировой войной, революцией, Гражданской войной. Исторические перемены оцениваются как благотворные для страны. Герой, участвуя в них, проходит путь от страданий к радости, от хаоса к упорядоченности. Модель «тяжелого детства», преобладающая в советском романе воспитания, призвана подчеркнуть: трудное детство было возможно только до революции, после нее и последовавшей за ней Гражданской войны выстроенная советским государством система общественного воспитания и образования, в основе которой лежит идея включения в жизнь коллектива, способна вернуть герою «дом», «большую семью», счастливое детство. В основе идеи коллективизма советского романа воспитания лежат представления о мире, сформировавшиеся внутри русского литературного процесса XIX века.

Список литературы

1. *Абзаидова Н. В., Кадырова К. А*. К вопросу о жанре романа Е. Замятина «Мы» // Мир науки, культуры, образования. 2018. № 6 (73). С. 536–538.

2. *Гайдар А. П*. Собрание сочинений : в 4 т. Т. 1. М. : Дет. лит., 1971. 377 с.

3. *Гончаров М. А., Кривко Я. П*. Произведения Аркадия Гайдара в детской периодике 20-х – начала 40-х годов XX века // Проблемы современного образования. 2024. № 2. С. 105–114.

4. *Дейк ван Т. А*. Язык. Познание. Коммуникация. М. : Прогресс, 1989. 310 с.

5. *Есаулов И. А*. Религиозный вектор советской литературы // Категория соборности в русской литературе. Петрозаводск : Издательство Петрозаводского университета, 1995. С. 159–189.

6. *Замятин Е. И*. Собрание сочинений : в 5 т. Т. 2. Русь. М. : Русская книга, 2003. 590 с.

7. *Кан Бён Юн*. Роман воспитания в литературе XX века: «Мы» Е. Замятина и новый тип экспликации процесса формирования личности // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 2010. № 3. С. 160–165.

8. *Кан Бён Юн*. Роман Е. Замятина «Мы» в свете теории архетипов К. Г. Юнга : автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 2010. 26 с.

9. Кантор В. К. О сошедшем с ума разуме к пониманию контрутопии Е. И. Замятина «Мы» // Философский журнал. 2012. № 3 (62). С. 97–101.

10. *Маслинская С. Г.* «Дневник Кости Рябцева» Н. Огнева в американской критике конца 1920-х годов // Детские чтения. Т. 12, № 2. С. 325–336.

11. *Огнев Н*. Собрание сочинений. Т. 3. Кн. 1. М. : Федерация, 1929. 294 с.

12. *Октябрьская О. С*. Формирование и развитие жанровой системы в русской детской прозе 1920–50-х годов. М. : МАКС Пресс, 2016. 245 с.

13. *Осьмухина О. Ю*., *Овсянникова Е. П*. Особенности репрезентации жанровой традиции романа воспитания в русской прозе конца 1920-х годов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2024. Т. 17, вып. 6. С. 2079–2085.

14. *Токарева Т. Н.* Традиции романа воспитания в советской литературе // Вестник ВГУ. Серия: Филология. Журналистика. 2011. № 1. С. 93–97.

15. *Тюпа В. И*. Горизонты исторической нарратологии. СПб. : Алетейя, 2021. 270 с.

The Soviet Bildungsroman of the 1920s: World-Modeling Principles in the Depiction of the Characters' Childhood

Shestakova Elena Yuryevna

PhD in Philology, associate professor of the Department of Literature and Russian Language of the Institute of Humanities, Branch of the M. V. Lomonosov Northern (Arctic) Federal University in Severodvinsk. Russia, Severodvinsk. ORCID: 0000-0001-5764-0576. E-mail: shestackova.lena2013@yandex.ru

Abstract. The aim of the present study was to examine the world-modeling principles in the depiction of the characters' childhood in the Soviet Bildungsroman of the 1920s. The material of the work consisted of A. P. Gaidar's novella "School", N. Ognev's "The Diary of Kostya Ryabtsev", and E. I. Zamyatin's novel "We". The relevance of the study is determined by the unabating interest of contemporary interpreters in the problem of the genre of the Soviet Bildungsroman. The principal methods of the work may be named as the comparative-historical and the historical-literary. In the Soviet Bildungsroman the traditions of its predecessors (F. M. Dostoevsky, A. P. Chekhov, N. G. Pomyalovsky, N. G. Garin-Mikhailovsky) find their continuation: the depiction of an "unhappy" childhood, of the child's sufferings, of his orphanhood and abandonment, and of the process of formation and maturation in difficult external circumstances. Historical time is an inalienable part of the process of the hero's entry into the "large" world. He changes together with the epochal events taking place in the country. The child's serene life is interrupted by a succession of revolutions and wars (the First World War, the Civil War). Historical changes are evaluated positively. By participating in them, the hero travels the path from inner spontaneity to adherence to a common idea. In the Soviet Bildungsroman the theme of a "hard childhood" predominates. The authors emphasize that a difficult childhood is possible before the revolution, and that after it comes a time of happiness and harmony. At the basis of the system of public upbringing and education built by the Soviet state lies the idea of inclusion in the life of the collective. The collective becomes the home and family that the hero lost in the course of historical cataclysms. The results of the study may be used in the practice of school and university education.

Keywords: Soviet Bildungsroman, world-modeling principles, the theme of childhood, the idea of depersonalization, A. P. Gaidar, N. Ognev, E. I. Zamyatin.

References

1. *Abzaidova N. V., Kadyrova K. A. K voprosu o zhanre romana E. Zamyatina "My"* [On the Genre of E. Zamyatin's Novel "We"] // *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya* – The World of Science, Culture, and Education. 2018. No. 6 (73). Pp. 536–538.

2. *Gajdar A. P. Sobranie sochinenij : v 4 t. T. 1* [Collected Works : in 4 vols. Vol. 1]. M., Det. lit. (Children's Literature), 1971. 377 p.

3. *Goncharov M. A., Krivko Ya. P. Proizvedeniya Arkadiya Gajdara v detskoj periodike 20-h – nachala 40-h godov XX veka* [The Works of Arkady Gaidar in Children's Periodicals of the 1920s – Early 1940s] // *Problemy sovremennogo obrazovaniya* – Problems of Modern Education. 2024. No. 2. Pp. 105–114.

4. *Dejk van T. A. Yazyk. Poznanie. Kommunikaciya* [van Dijk T. A. Language. Cognition. Communication]. M., Progress, 1989. 310 p.

5. *Esaulov I. A. Religioznyj vektor sovetskoj literatury* [The Religious Vector of Soviet Literature] // *Kategoriya sobornosti v russkoj literature* [The Category of Sobornost in Russian Literature]. Petrozavodsk, Izdatel'stvo Petrozavodskogo universiteta, 1995. Pp. 159–189.

6. *Zamyatin E. I. Sobranie sochinenij : v 5 t. T. 2. Rus'* [Collected Works : in 5 vols. Vol. 2. Rus]. M., Russkaya kniga (The Russian Book), 2003. 590 p.

7. *Kan Byon Yun. Roman vospitaniya v literature XX veka: "My" E. Zamyatina i novyj tip eksplikacii processa formirovaniya lichnosti* [The Bildungsroman in 20th-Century Literature: E. Zamyatin's "We" and a New Type of Explication of the Process of the Formation of Personality] // *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9. Filologiya* – Moscow University Bulletin. Series 9. Philology. 2010. No. 3. Pp. 160–165.

8. *Kan Byon Yun. Roman E. Zamyatina "My" v svete teorii arhetipov K. G. Yunga : avtoref. dis. … kand. filol. nauk* [E. Zamyatin's Novel "We" in the Light of C. G. Jung's Theory of Archetypes : abstract of the dis. ... PhD in Philology]. M., 2010. 26 p.

9. *Kantor V. K. O soshedshem s uma razume k ponimaniyu kontrutopii E. I. Zamyatina "My"* [From Reason Gone Mad to an Understanding of E. I. Zamyatin's Counter-Utopia "We"] // *Filosofskij zhurnal* – The Philosophy Journal. 2012. No. 3 (62). Pp. 97–101.

10. *Maslinskaya S. G. "Dnevnik Kosti Ryabceva" N. Ogneva v amerikanskoj kritike konca 1920-h godov* [N. Ognev's "The Diary of Kostya Ryabtsev" in American Criticism of the Late 1920s] // *Detskie chteniya* – Children's Readings. Vol. 12, No. 2. Pp. 325–336.

11. *Ognev N. Sobranie sochinenij. T. 3. Kn. 1* [Collected Works. Vol. 3. Book 1]. M., Federaciya (Federation), 1929. 294 p.

12. *Oktyabr'skaya O. S. Formirovanie i razvitie zhanrovoj sistemy v russkoj detskoj proze 1920–50-h godov* [The Formation and Development of the Genre System in Russian Children's Prose of the 1920s–1950s]. M., MAKS Press, 2016. 245 p.

13. *Os'muhina O. Yu., Ovsyannikova E. P. Osobennosti reprezentacii zhanrovoj tradicii romana vospitaniya v russkoj proze konca 1920-h godov* [Features of the Representation of the Genre Tradition of the Bildungsroman in Russian Prose of the Late 1920s] // *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki* – Philology. Theory and Practice. 2024. Vol. 17, Is. 6. Pp. 2079–2085.

14. *Tokareva T. N. Tradicii romana vospitaniya v sovetskoj literature* [The Traditions of the Bildungsroman in Soviet Literature] // *Vestnik VGU. Seriya: Filologiya. Zhurnalistika* – Proceedings of Voronezh State University. Series: Philology. Journalism. 2011. No. 1. Pp. 93–97.

15. *Tyupa V. I. Gorizonty istoricheskoj narratologii* [The Horizons of Historical Narratology]. SPb., Aletejya, 2021. 270 p.

Поступила в редакцию: 23.01.2026
Принята к публикации: 14.04.2026

EDN: WCACIU УДК 821.111

Жанровое своеобразие произведений Таны Френч

Зиннатуллина Зульфия Рафисовна
кандидат филологических наук, доцент, Казанский (Приволжский) федеральный университет.
Россия, г. Казань. ORCID: 0000-0003-1616-9911. ResearcherID: D-3531-2015.
Scopus Author ID: 56150544200. E-mail: zin-zulya@mail.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается творчество известной ирландской писательницы Таны Френч (Tana French) в контексте ирландской разновидности детективного романа, получившей название Irish Noir. Эта форма появилась во второй половине XX в. и стала особенно популярной среди читателей в начале XXI в. в определенной степени благодаря произведениям Таны Френч. На сегодняшний день писательница опубликовала девять романов, семь из которых объединены в цикл «Дублинский отдел убийств». Цель настоящего исследования – определить, какие черты, характерные для данной жанровой разновидности, присущи произведениям Т. Френч. При работе с литературными текстами были использованы структурный, культурно-исторический и компаративистский методы с элементами жанрового анализа. В своих романах писательница обращается к проблемам современной Ирландии, затрагивая такие вопросы, как финансовая нестабильность, рост преступности, конфликт личности и власти. Кроме того, Тана Френч в своем творчестве предпринимает попытку переосмыслить с точки зрения сегодняшней социально-экономической ситуации англо-ирландские отношения, которые до сих пор остаются предметом рефлексии ирландских авторов. Отличительной чертой героев Френч становится их травмированность, поэтому зачастую расследования в романах направлены не на выявление преступника, а на анализ их травматического опыта. В связи с этим автор отказывается от традиционного для детективного романа финала в пользу открытого варианта, а также в целом трансформирует структуру данного жанра. Кроме того, писательница апеллирует к национальной литературной традиции, в частности, включает в свои произведения жанровые элементы романа «Большого дома». Важную роль в романах Таны Френч играет пространство, представленное чаще всего в готической традиции.

Ключевые слова: детективный роман, ирландская литература, Irish Noir, Тана Френч, травма.

В конце XX – начале XXI в. в ирландской литературе получает широкое распространение такое явление, как Irish Noir (или же Emerald Noir), которое за короткое время набирает популярность среди читателей и помогает поддерживать «постоянный диалог между различными традициями и точками зрения, в котором тропы или стандарты используются, оспариваются, изменяются или ниспровергаются» [15]. По своей сути Irish Noir является национальной разновидностью жанра детективного романа и, как отмечает литературовед Дэвид Кларк, из всех литературных форм именно он смог наиболее точно и успешно отразить множество преобразований, произошедших в Ирландии в конце XX в., сумев раскрыть внутренние противоречия и травмы целого поколения [9, p. 145]. Одни исследователи связывают рост популярности этой жанровой разновидности с экономическим подъемом, который случился в последние десятилетия прошлого века [10; 12; 14], другие – с кризисом моральных ориентиров [16]. В частности, Ф. О'Тул утверждает, что ирландская детективная литература «стала, пожалуй, наиболее близким к реалистической литературе жанром, способным адекватно отразить природу современного общества» [16]. Все это позволяет говорить о формировании национальной разновидности жанра детектива в Ирландии с определенным набором черт, позволяющим выделить ее среди других. К представителям Irish Noir относятся такие авторы, как Куив Макдоннелл, Джон Бэнвилл, пишущий под псевдонимом Бэнджамин Блэк, и Тана Френч, к чьему творчеству мы обратимся в данной статье.

Тана Френч, ирландская писательница американского происхождения, получившая звание «Первая леди ирландского детектива» (The First Lady of Irish Crime), является лауреатом целого ряда престижных литературных премий, включая Премию Эдгара Аллана По и Ирландскую книжную премию. Несмотря на то что Тана Френч родилась в США и в детском возрасте жила в разных странах, постоянным местом жительства она выбрала Ирландию, которую считает своим домом, о чем сама многократно заявляла. Поэтому в своих произведениях она часто обращается к проблемам ирландского общества, а также к жанровым традициям ирландской литературы.

Т. Френч получила известность благодаря своему дебютному роману «В лесу» (In the Woods, 2007), ставшему первым в цикле «Дублинский отдел убийств» (Dublin Murder Squad),

© Зиннатуллина Зульфия Рафисовна, 2026

спецификой которого является то, что все произведения, включенные в него, объединены посредством сквозных персонажей (коллеги, родственники, свидетели прошлых дел и т. д.). Так, если в «Сходстве» (The Likeness, 2008) главной героиней является детектив Кэсси Мэддокс, а в романе «В лесу» компанию ей составляет детектив Роб Райан, то в «Брокен-Харбор» (Broken Harbour, 2012) повествование строится вокруг расследования их коллеги Ричарда Куррана. Только последние на сегодняшний день произведения «Искатель» (The Searcher, 2020) и «Охотник» (The Hunter, 2024) не связаны с другими произведениями, представляя собой, по-видимому, новый цикл, посвященный жизни в Ирландии отставного полицейского из США Кела Хупера. Таким образом, Т. Френч трансформирует традиционную структуру детективных циклов, которые обычно строятся вокруг фигуры одного сыщика. Как нам кажется, такое новаторство усиливает ощущение единого, но в то же время фрагментарного мира, отличающегося многообразием проблем и подходов к их решениям.

Одной из главных характеристик, объединяющих произведения Т. Френч, является интерес к истории и социальной ситуации, что, в свою очередь, рассматривается как одна из главных содержательных черт Irish Noir. «Смута» (The Troubles) 1960–1980-х гг., «Кельтский тигр» (Celtic Tiger) 1990-х гг. – это тот социально-исторический контекст, который чаще всего встречается в произведениях подобного рода. Как и в случае с Tartan Noir, шотландской разновидностью детективного романа, обусловлено это в определенной степени экономическим контекстом: “Local events like the 1990s economic boom of the Celtic Tiger, the Good Friday Agreement and the murder of the crime reporter Veronica Guerin, among others, marked a turning point in the portrayal of Irish crimes within Irish settings” [17, p. 92]. Вместе с тем это привело к резкому расслоению общества, безработице, эмиграции и упадку сельских районов. Как отмечает литературовед Б. Клифф, “serial-killing levels of violence do take place within effective Irish national narratives, but that violence is ascribed less to an individual sociopath and more to pathological institutions, which in turn reflect wider pathologies of the society in whose name they act” [11, p. 12]. Так, это нашло отражение и в произведениях Таны Френч, которым присуща критика современного общества в целом, а также институтов власти в частности. Одним из знаковых в этом плане произведений становится роман «Брокен-Харбор» (Broken Harbour, 2012). Как отмечает исследователь Э. Шибл, данное произведение наиболее точно отражает последствия «Кельтского тигра», быстрого экономического роста, охватившего всю страну в 90-е гг. XX в., однако закончившегося в 2008 г. в связи с мировым экономическим кризисом [19, p. 233]. Сюжет романа разворачивается вокруг только что построенного дома в местечке под названием «Брокен-Харбор». Новый коттеджный поселок изначально должен был стать воплощением идеальной жизни идеального общества. Однако случившийся в 2008 г. кризис разрушает все мечты: дома остаются недостроенными, вокруг них заброшенная техника, люди, успевшие заселиться, вынуждены столкнуться с финансовыми проблемами и невозможностью больше платить банку в связи с потерей работы: «Да не достроят его никогда, из-за кризиса люди перестали покупать дома, а строители перестали строить» [1]. Надо отметить, что это довольно распространенная проблема в Ирландии начала XXI в., и такого рода жилые районы получили название «призрачных» (ghost) домов. Дом в этом произведении, с одной стороны, выступает как своего рода двойник главного героя и его борьбы с социальными ожиданиями. С другой стороны, он становится символом самой Ирландии: внешняя привлекательность скрывает за собой ситуацию социальной нестабильности. Как пишет исследователь Б. Пиатек, “however, I believe that such reading of these two novels fails to take into account the relentless attack on the capitalist mechanisms behind the housing bubble and the economic crash of 2008, which French clearly blames for the human tragedies she describes. The reader is left with a strong sense that the order in the home of Ireland is distorted so badly that a highly commendable desire for a house of your own, which so many of us share, may lead individuals to take drastic actions” [18, p. 45]. Неслучайно в романе поселок сравнивается с Помпеями («Поселок походил на Помпеи, на археологические раскопки, открытые для туристов, чтобы они бродили кругом, разинув рты и вытягивая шеи, стараясь представить себе катастрофу, которая уничтожила здесь все живое…» [1]), что подчеркивает упадок, к которому пришло ирландское общество.

Социальная критика присутствует и в романах «Искатель» и «Охотник», действие которых происходит в небольшой ирландской деревушке Арналекти, где население сталкивается с такими проблемами, как наркотики, финансовые мошенники и т. д. Полиция в целом не заинтересована в борьбе с преступностью, вследствие чего местные жители вынуждены самостоятельно сражаться за свою безопасность. Автор не идеализирует их, не поддерживает их

способ решения проблем, однако демонстрирует, что это остается единственным выходом в сложившейся ситуации: «Если б дали ему этим заниматься, потеряли бы много больше, так или иначе» – оправдывает свой поступок один из героев [4].

Действие другого романа писательницы «Фейтфул-Плейс» (Faithful Place, 2010) происходит на одноименной улице Дублина. Это типичный рабочий квартал, который как будто застыл во времени и до сих пор живет согласно моральным нормам, принятым в середине XX в.: «На моей улице правила были такие: каким бы голодранцем ты ни был, будь добр в свою очередь проставиться в пабе; если твой дружбан ввязался в драку, оттаскивай его при первой крови, чтоб никто не уронил фасон; свой герыч на улицу не тащи; будь ты в этом месяце хоть анархо-панк-рокером, топай на воскресную службу и, что бы ни случилось, никогда ни на кого не стучи» [6]. Здесь Тана Френч снова обращается к социально-историческому контексту, видя именно в экономических проблемах Ирландии начала 1980-х гг. одну из причин краха семьи Фрэнка. Так, отсутствие работы сначала разрушает жизнь отца героя, а позже вынуждает его самого искать возможность покинуть страну. Таким образом, писательница отсылает читателя к ситуации массовой эмиграции, которая на протяжении веков была частью ирландского опыта.

Следующей чертой, присущей не только Irish Noir, но и всей ирландской литературе, является обращение к теме англо-ирландского противостояния. Многовековое существование под руководством англичан и сформировавшийся в результате этого класс англо-ирландского превосходства, изъятие земель у ирландских семей, Великий голод в XIX в., а также многолетняя борьба за независимость в XX в. все еще остаются предметом рефлексии современных авторов, в том числе пишущих в жанре Irish Noir. Тана Френч поднимает эту тему в одном из самых популярных своих произведений, романе «Сходство», который сочетает в себе элементы детектива, а также жанра романа «Большого дома», считающегося одним из самых востребованных в англо-ирландской литературе. «Большой дом» в литературе стал символом колониального прошлого Ирландии и напоминанием о травматическом опыте нации. Как отмечает Б. Пиатек, “in setting the action of her novel in a Big House, Tana French not only draws on this literary tradition, but she uses it to mark a clear link between the past and the present” [18, p. 39]. Так, особняк под названием «Боярышник» в романе «Сходство» был построен в отдалении от других поселений и принадлежал богатому английскому аристократическому роду. Более того, специально для его обслуживания рядом была выстроена деревня Гленксхи, где жили ирландские слуги. Со временем Марчи, владельцы дома, потеряли свои былые достаток и статус и перестали обеспечивать работой жителей поселения, в чем их обвиняет Джон Нейлор: «– Если ты что-то создал, – начал он, – ты за это в ответе. Так поступают честные люди. Дал жизнь ребенку – заботься о нем, пока он жив, ты не можешь его взять и убить. Построил деревню – ты за нее в ответе, как можешь поддерживаешь в ней жизнь. И не имеешь права сидеть сложа руки и смотреть, как она умирает, лишь бы сохранить дом» [5]. Позиция Нейлора близка многим выходцам из ирландской провинции, в частности, детектив Сэм определенно симпатизирует Джону. Нейлор в данном случае оказывается жертвой истории и экономической ситуации: покинуть Глэнскхи он не может из-за своих родителей, поэтому вынужден наблюдать за тем, как некогда процветавшая деревня исчезает. В результате межэтническое противостояние здесь возобновляется, актуализируя старый конфликт, но уже в современных реалиях: «До того как Лекси и компания сюда въехали, с домом что-то творили почти каждый месяц, четыре года подряд. То в окно кирпич бросят, то бутылку об стену разобьют, то крысу дохлую подкинут в почтовый ящик, ну и стены пачкали. Вот, например, – шорох страниц записной книжки, – “АНГЛИЧАШКИ, ВОН! СМЕРТЬ ЗЕМЛЕВЛАДЕЛЬЦАМ! ИРА, ВПЕРЕД!”» [5]. Апогеем этого становится пожар, который также является распространенным сюжетным решением в романах «Большого дома». Таким образом, мы видим, что англо-ирландское противостояние до сих пор остается одной из важных тем в ирландской литературе.

Еще один аспект ирландского мировоззрения, который отчасти связан с предыдущим, это религия. Как отмечает исследователь С. Е. Шеина, «религия и ее постулаты могут приниматься безоговорочно либо становиться поводом для размышления и даже сатиры, но ни один из ирландских писателей не оставил без внимания эту сторону человеческой жизни» [7, с. 25]. Не обошел эту сторону ирландской жизни и Irish Noir, часто критикуя католическую церковь, упоминая ее в контексте скандалов, связанных с ней, и раскрывая «теневую» сторону этого института: “By and large, a substantial body of texts have displayed, for example, the terror regime and sexual abuse within Catholic-run institutions – like Industrial Schools or Magdalene Laundries – and

the complicity of the State and the wider society in perpetuating this tyrannical treatment of "deviant" individuals, which have strongly agitated sensibilities in Ireland and worldwide" [17, p. 93]. Тана Френч нечасто затрагивает этот вопрос в своих произведениях, однако религия зачастую служит в качестве своеобразного фона происходящих событий. Так, в «Фейтфул-плейс», «Искателе» и «Охотнике» подчеркивается, что походы в церковь, как и воскресные семейные обеды, давно утратили свой изначальный смысл и превратились в обязательные, но не приносящие душевного облегчения обряды. В романе «В лесу» можно выделить языческий компонент[1]. Сюжет произведения связан с таинственным исчезновением в лесу детей, обстоятельства которого ассоциируются с языческим жертвоприношением. Неслучайно спустя около двадцати лет в этом месте начинаются археологические раскопки древнего капища, что подчеркивает мистическую природу данной локации. Таинственность произошедшего подчеркивается и через образ детектива Роберта, единственного выжившего, но не помнящего ничего: «Сам я находился в полубессознательном состоянии и почти тридцать шесть последующих часов почти не шевелился, а затем не разговаривал. А заговорив, не мог вспомнить ничего, что происходило после того, как я вышел из дома, и до момента, когда оказался в больнице» [3]. Он вынужден жить с этой травмой, так как в глубине души понимает, что реальность страшнее, чем он предполагает, поэтому предпочитает ничего не вспоминать.

Надо отметить, что образ подобного травмированного сыщика типичен для Irish Noir и определяет специфику жанра, так как расследование скорее не направлено на раскрытие преступления, а связано с попыткой сыщика переосмыслить свое собственное прошлое. Поэтому герои чаще всего травмированные личности, утратившие доверие к системе, действующие на фоне общего кризиса идентичности. Следовательно, «расследования» в романах обращены не столько к самому преступлению, столько к внутренним травмам героев. Исследователь М. Комел отмечает, что в произведениях подобного рода герой превращается в «расщепленный» субъект, разрывающийся между травмами прошлого, общественным давлением и собственными переживаниями [8, p. 27]. Его моральные принципы и поведение не соответствуют социальным паттернам, а внутренний мир довольно неоднозначен. Поэтому частотным в Irish Noir является мотив двойничества, который подчеркивает внутреннюю раздвоенность героя.

Наиболее ярко это представлено в образе Кэсси Мэддокс, главной героини романа Френч «Сходство». Сюжет произведения связан с тем, что она соглашается участвовать в полицейском эксперименте из-за найденного тела убитой девушки, очень похожей на нее саму. Кэсси оказывается в положении человека, вынужденного буквально «проживать» чужую жизнь. Однако если в начале она четко отделяла себя от жертвы, то по мере развития сюжета внешнее сходство все глубже проникает в сферу личной идентичности самой Кэсси, порождая внутренний конфликт между подлинным «я» и новым образом. В результате границы между ними начинают размываться, и если в начале Кэсси рассматривала это «задание» в качестве спасения от травмы, полученной во время предыдущего расследования, то в дальнейшем это приводит к потере собственной личности.

Подобную раздвоенность после нападения переживает главный герой романа «Ведьмин вяз» (The Witch Elm, 2018) Тоби. Пережитое нападение в собственном доме и последующие проблемы со здоровьем раскрывают ему те аспекты жизни, о существовании которых он до этого даже не задумывался. Он узнаёт, что многие его близкие, например кузены Сюзанна и Леон, сталкивались с насилием в своей жизни и молчали об этом годами. Это ужасное открытие в совокупности с физическим и умственным бессилием (о котором мы узнаем ближе к концу романа, так как сам главный герой, от имени которого ведется повествование, об этом умалчивает) приводит к трагическому всплеску эмоций: убийству детектива. Таким образом, Тоби как бы совершает ответное насилие, пытаясь компенсировать те утраты, которые принесло ему первое. Вся прежняя жизнь Тоби рушится: из везучего обеспеченного молодого человека он, как и Кэсси, приходит к потере собственной идентичности: «И если удачу у меня отняли, а я все еще здесь, – то кто же я тогда без нее?» [2]. Травматический опыт, который он отрицал в начале, становится основным компонентом его личности, не позволяющим ему вернуться к прежнему образу жизни.

В целом травмированными оказываются практически все главные герои романов Таны Френч: Роберт из романа «В лесу» не помнит самого страшного события своего детства, смер-

[1] В Ирландии христианство традиционно довольно тесно связывается с язычеством, что часто становится предметом критики со стороны протестантского населения Великобритании.

ти своих друзей, и эта тайна довлеет над ним даже во взрослой жизни; Майкл Кеннеди из «Брокен-Харбор» до сих пор чувствует свою вину за смерть матери; Ашлин в романе «Тень за спиной» (The Trespasser, 2016) не может смириться с исчезновением отца, произошедшим много лет назад, и т. д. Как нам кажется, такое обилие травмированных героев связано в целом с исторической травмой самой Ирландии, культура которой до сих пор продолжает переосмысливать тему английской колонизации, остающейся значимым компонентом ирландской идентичности, процесс конструирования которой продолжается до сих пор.

Эту незавершенность в определенной степени отражает и структура Irish Noir, которая часто характеризуется открытым финалом и фрагментарностью. В частности, в произведениях Таны Френч практически нет традиционного финала со справедливым наказанием виновных. Мы можем столкнуться с открытым финалом («Сходство»); с ситуацией, когда даже при условии наказания виновника сыщик не испытывает чувства удовлетворения («Фейтфул-плейс», в «Тень за спиной»); либо сыщик помогает преступнику избежать наказания («Брокен-Харбор»). Таким образом, разрушение традиционной структуры детективного романа становится способом демонстрации моральной неустойчивости современного мира и подчеркивает неоднозначность самих героев.

Пространственная организация произведений Irish Noir напрямую отсылает читателя к эстетике ирландского готического романа, для которой характерны замкнутые локации и гнетущая атмосфера. Отсюда в такого рода произведениях мрачные пейзажи: чуждые человеку города (особенно Дублин, Белфаст, Корк), враждебные к внешнему миру поселения, заброшенные дома и т. д.: “Thus, this broad spectrum of places and the noir elements that the author inscribes in them quite graphically, like dim light, murder, ghostly figures, corruption, blackmailing or attacks in dark alleys, function as a recognisable contextual ‘Dublin in the ‘50s is absolutely perfect – all that poverty, all those secrets, all that fog, all that cigarette smoke, all those drink fumes – perfect noir territory’” [13]. Готические элементы появляются в романе Таны Френч «Брокен-Харбор», несмотря на то что местом действия становится не старинный замок, а современный загородный дом. Так, впервые оказавшись в доме, где было совершено преступление, сыщики сталкиваются с непонятными отверстиями на стенах, и чем больше погружаются в изучение дома, тем более зловещие тайны раскрываются: его обитатели начинают слышать странные звуки, находить странные предметы, а предполагаемое животное, обитающее на чердаке, оказавшееся плодом воображения Патрика, становится символом тех разрушений и хаоса, которые вторглись в мир Спейнов и разрушили их семейную идиллию. В романе буквально реализуется мотив «сумасшедшей женщины на чердаке», так как Дженнифер сходит с ума и убивает своих детей в верхней части дома. Готическими характеристиками наделен не только дом, но и пространство вокруг него. Трагические события в поселке, построенном на месте самоубийства матери детектива Майкла Кеннеди, отсылают к распространенному в готической литературе мотиву проклятия, а недостроенные, но уже полуразрушенные дома с зияющими окнами, заросшие сорняками лужайки и пустынные улицы представляют собой современные готические руины.

Готические элементы можно выделить и в описании старинного поместья «Боярышник» из романа «Сходство», которое выступает не только как пространство, а скорее как персонаж, так как наделен способностью очаровывать людей, его жители готовы пойти на убийство того, кто угрожает будущему дома. Эта притягательность артикулируется уже в прологе: «Иногда, если я ночую одна, мне до сих пор снится “Боярышник”. В моих снах всегда весна, размытый предвечерний свет, прохлада. Я взбираюсь по истертым каменным ступеням крыльца, стучу в дверь большим медным молотком, потемневшим от времени, на удивление тяжелым, – и в дом меня впускает старушка в фартуке, с подвижным, решительным лицом» [5]. Вместе с тем можно отметить и такие готические атрибуты, как загадочная смерть беременной горничной, вероятное сумасшествие Саймона Марча и т. д. Так, дом перестает быть символом стабильности и уюта, как в традиционном английском детективе, и превращается в отражение неустойчивости современной ирландской действительности.

Таким образом, мы видим, что в своем творчестве Тана Френч активно обращается к традициям Irish Noir, сочетая черты традиционного детектива с глубоким интересом к жизни современной Ирландии, что реализуется через акцентирование социальных проблем, а также внимание к историческому компоненту. Все произведения Таны Френч демонстрируют отказ от традиционной детективной структуры в пользу психологического анализа, сосредоточиваясь, в частности, на исследовании сочетания личной и коллективной травмы. Также писательница использует элементы романа «Большого дома» и ирландского готического романа,

что позволяет ей реализовывать национальный компонент не только на уровне проблемы, но и на жанровом уровне.

Список литературы

1. *Френч Т.* Брокен-Харбор. 2023. URL: https://www.litres.ru/book/tana-french/broken-harbor-694-68043/ (дата обращения: 12.07.2025).
2. *Френч Т.* Ведьмин вяз. 2020. URL: https://www.litres.ru/book/tana-french/vedmin-vyaz-631099-33/ (дата обращения: 10.05.2025).
3. *Френч Т.* В лесу. 2023. URL: https://www.litres.ru/book/tana-french/v-lesu-70449790/ (дата обращения: 09.07.2025).
4. *Френч Т.* Искатель. 2021. URL: https://www.litres.ru/book/tana-french/iskatel-66251996/ (дата обращения: 19.01.2025).
5. *Френч Т.* Сходство. 2021. URL: https://www.litres.ru/book/tana-french/shodstvo-64886411/ (дата обращения: 19.06.2025).
6. *Френч Т.* Фейтфул-Плейс. 2022. URL: https://www.litres.ru/audiobook/tana-french/feytful-pleys-67594241/ (дата обращения: 23.04.2025).
7. *Шеина С. Е.* Национальная специфика англо-ирландской литературы // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 2. С. 85–91.
8. *Comel M.* Scarred Tissues: Trauma, Desire, and Class Struggle in Tana French's Dublin Murder Squad Series // Problemi International. 2022. Vol. 60(5). Pp. 21–63.
9. *Clark D.* Emerald Noir? Contemporary Irish Crime Fiction // East Meets West / eds. by R. Aiura, J. U. Jacobs and J. D. McClure. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2014. Pp. 144–156.
10. Clark D. Mean streets, new lives: the representations of non-Irish immigrants in recent Irish crime fiction // Literary Visions of Multicultural Ireland: The Immigrant in Contemporary Irish Literature / ed. by Villar-Argaiz. Manchester : Manchester University Press. 2013. Pp. 255–267.
11. *Cliff B.* Irish Crime Fiction. London : Palgrave, 2018. 214 p.
12. *Gregorek J.* Fables of foreclosure: Tana French's police procedurals of recessionary Ireland // Class and Culture in Crime Fiction : Essays on Works in English since 1970s / ed. by J. H. Kim. Jefferson NC : McFarland, 2014. Pp. 149–74.
13. *Inskeep S.* Sleuthing around Dublin's Dark Corners // National Public Radio. 02.09.2011. URL: http://www.npr.org/2011/09/02/139922975/sleuthing-arounddublins-darkest-corners (дата обращения: 05.05.2024).
14. *Mannion E.* Introduction. A path to the emerald noir: The rise of the Irish detective novel // The Contemporary Irish Detective Novel / ed. by E. Mannion. London : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 1–16.
15. *Odintz M.* Anjili Babbar On The Rise of Irish Crime Fiction // Crime Reads. 21.09.2023. URL: https://crimereads.com/anjili-babbar-on-the-rise-of-irish-crime-fiction/ (дата обращения: 28.01.2025).
16. *O'Toole F.* From Chandler and the 'Playboy' to the Contemporary Crime Wave // The Irish Times. 21.11.2009. URL: https://www.irishtimes.com/culture/tv-radioweb/from-chandler-and-the-playboy-to-the-contemporary-crime-wave-1.776393 (дата обращения: 05.08.2025).
17. *Pérez-Vides A.* The Noir Landscape of Dublin in Benjamin Black's *Quirke Series* // Estudios Irlandeses. 2020. Vol. 15 (2). Pp. 90–101.
18. *Piątek B.* Ireland's 'broken' homes in the novels of Tana French // Crossroads. A Journal of English Studies. 2022. Vol. 36. Pp. 37–52.
19. *Scheible E.* Reflection, Anxiety and the Feminised Body: Contemporary Irish Gothic // Irish Gothic / eds. by J. Killeen, Ch. Morin. Edinburgh : An Edinburgh Companion, 2023. Pp. 232–251.

The Genre Distinctiveness of Tana French's Novels

Zinnatullina Zulfiya Rafisovna
PhD in Philology, associate professor, Kazan (Volga Region) Federal University. Russia, Kazan.
ORCID: 0000-0003-1616-9911. ResearcherID: D-3531-2015. Scopus Author ID: 56150544200.
E-mail: zin-zulya@mail.ru

Abstract. This article examines the work of the well-known Irish writer Tana French in the context of the Irish variety of the detective novel known as Irish Noir. This form appeared in the second half of the 20th century and became especially popular among readers at the beginning of the 21st century, to a certain extent thanks to the works of Tana French. To date the writer has published nine novels, seven of which are united in the cycle "Dublin Murder Squad". The aim of the present study is to determine which features characteristic of this generic variety are inherent in the works of T. French. In working with the literary texts, structural, cultural-historical, and comparative methods with elements of genre analysis were used. In her novels the writer addresses the problems of contemporary Ireland, touching on such questions as financial instability, the growth of crime, and the conflict between the individual and power. In addition, in her work Tana French undertakes to

rethink, from the standpoint of the present socio-economic situation, Anglo-Irish relations, which still remain a subject of reflection for Irish authors. A distinctive feature of French's characters is their traumatization, and therefore the investigations in the novels are often directed not at identifying the criminal but at analyzing their traumatic experience. In this connection, the author rejects the ending traditional for the detective novel in favor of an open variant, and on the whole transforms the structure of this genre. In addition, the writer appeals to the national literary tradition, in particular by incorporating into her works the generic elements of the Big House novel. An important role in Tana French's novels is played by space, presented most often in the Gothic tradition.

Keywords: detective novel, Irish literature, Irish Noir, Tana French, trauma.

References

1. *French T. Broken-Harbor* [Broken Harbour]. 2023. Available at: https://www.litres.ru/book/tana-french/broken-harbor-69468043/ (date accessed: 12.07.2025).
2. *French T. Ved'min vyaz* [The Wych Elm]. 2020. Available at: https://www.litres.ru/book/tana-french/vedmin-vyaz-63109933/ (date accessed: 10.05.2025).
3. *French T. V lesu* [In the Woods]. 2023. Available at: https://www.litres.ru/book/tana-french/v-lesu-70449790/ (date accessed: 09.07.2025).
4. *French T. Iskatel'* [The Searcher]. 2021. Available at: https://www.litres.ru/book/tana-french/iskatel-66251996/ (date accessed: 19.01.2025).
5. *French T. Shodstvo* [The Likeness]. 2021. Available at: https://www.litres.ru/book/tana-french/shodstvo-64886411/ (date accessed: 19.06.2025).
6. *French T. Fejtful-Plejs* [Faithful Place]. 2022. Available at: https://www.litres.ru/audiobook/tana-french/feytful-pleys-67594241/ (date accessed: 23.04.2025).
7. *Sheina S. E. Nacional'naya specifika anglo-irlandskoj literatury* [The National Specificity of Anglo-Irish Literature] // *Znanie. Ponimanie. Umenie* – Knowledge. Understanding. Skill. 2007. No. 2. Pp. 85–91.
8. *Comel M.* Scarred Tissues: Trauma, Desire, and Class Struggle in Tana French's Dublin Murder Squad Series // Problemi International. 2022. Vol. 60 (5). Pp. 21–63.
9. *Clark D.* Emerald Noir? Contemporary Irish Crime Fiction // East Meets West / eds. R. Aiura, J. U. Jacobs, J. D. McClure. Newcastle upon Tyne : Cambridge Scholars Publishing, 2014. Pp. 144–156.
10. *Clark D.* Mean Streets, New Lives: The Representations of Non-Irish Immigrants in Recent Irish Crime Fiction // Literary Visions of Multicultural Ireland: The Immigrant in Contemporary Irish Literature / ed. by P. Villar-Argaiz. Manchester : Manchester University Press, 2013. Pp. 255–267.
11. *Cliff B.* Irish Crime Fiction. London : Palgrave, 2018. 214 p.
12. *Gregorek J.* Fables of Foreclosure: Tana French's Police Procedurals of Recessionary Ireland // Class and Culture in Crime Fiction : Essays on Works in English since 1970s / ed. by J. H. Kim. Jefferson, NC : McFarland, 2014. Pp. 149–174.
13. *Inskeep S.* Sleuthing Around Dublin's Dark Corners // National Public Radio. 02.09.2011. Available at: http://www.npr.org/2011/09/02/139922975/sleuthing-arounddublins-darkest-corners (date accessed: 05.05.2024).
14. *Mannion E.* Introduction. A Path to the Emerald Noir: The Rise of the Irish Detective Novel // The Contemporary Irish Detective Novel / ed. by E. Mannion. London : Palgrave Macmillan, 2016. Pp. 1–16.
15. *Odintz M.* Anjili Babbar on the Rise of Irish Crime Fiction // Crime Reads. 21.09.2023. Available at: https://crimereads.com/anjili-babbar-on-the-rise-of-irish-crime-fiction/ (date accessed: 28.01.2025).
16. *O'Toole F.* From Chandler and the 'Playboy' to the Contemporary Crime Wave // The Irish Times. 21.11.2009. Available at: https://www.irishtimes.com/culture/tv-radioweb/from-chandler-and-the-playboy-to-the-contemporary-crime-wave-1.776393 (date accessed: 05.08.2025).
17. *Pérez-Vides A.* The Noir Landscape of Dublin in Benjamin Black's Quirke Series // Estudios Irlandeses. 2020. Vol. 15 (2). Pp. 90–101.
18. *Piątek B.* Ireland's 'Broken' Homes in the Novels of Tana French // Crossroads. A Journal of English Studies. 2022. Vol. 36. Pp. 37–52.
19. *Scheible E.* Reflection, Anxiety and the Feminised Body: Contemporary Irish Gothic // Irish Gothic / eds. J. Killeen, Ch. Morin. Edinburgh : An Edinburgh Companion, 2023. Pp. 232–251.

Поступила в редакцию: 16.02.2026
Принята к публикации: 03.06.2026

EDN: XOKMQR УДК 82-2

Трансформация классицистического канона в трагедии Х. Каули «Альбина»

Щекочихина Елена Вячеславовна
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы и методики обучения,
Вятский государственный университет. Россия, г. Киров. E-mail: lenashekochikhina@gmail.com

Аннотация. Статья посвящена анализу переходных явлений в творчестве английского драматурга Ханны Каули на примере трагедии «Альбина» (1779), в которой эстетика классицизма вступает в сложный диалог с эстетикой сентиментализма и формирующейся готической традицией. Актуальность исследования обусловлена возросшим в современном литературоведении интересом к проблемам жанровых трансформаций в драматургии английского Просвещения, а также к изучению творческого наследия женщин-драматургов XVIII века, чей вклад в формирование театрального канона долгое время оставался на периферии научного внимания. Цель исследования заключается в комплексном анализе трагедии «Альбина» с опорой на историко-литературный метод в контексте драматургии последней трети XVIII века, установлении ее связи с предшествующей традицией и выявлении вклада Х. Каули в становление готической драматургии в английской литературе XVIII столетия.

В работе рассматривается жанровая природа пьесы, свидетельствующая о трансформации классицистического канона в позднем творчестве Каули. Проведенный анализ позволил установить, что «Альбина» представляет собой переходное драматическое произведение, в котором классицистическая форма наполняется новым содержанием, характерным для сентиментализма и зарождающейся предромантической традиции. Каули сознательно обогащает пьесу готическими элементами (средневековый колорит, темы родовой тайны и запретной страсти, эстетика ужасного), что позволяет говорить о жанровом эксперименте драматурга, направленном на расширение выразительных возможностей драмы.

Особое внимание уделяется положению женщины-драматурга в литературной и театральной сферах Англии XVIII века. Отмечается, что обращение к трагедии становится для Каули способом преодоления гендерных барьеров и заявкой на принадлежность к сфере «высокого» искусства. Особенности драматургии Каули, установленные в ходе анализа пьесы, могут способствовать более глубокому пониманию ее творчества, а материалы и выводы исследования могут быть использованы в курсах истории зарубежной литературы XVIII века, спецкурсах по истории английской драматургии и гендерным исследованиям, а также для дальнейшего сравнительного изучения переходных явлений в литературе и творчества женщин-драматургов эпохи Просвещения.

Ключевые слова: английская женская драма XVIII века, Х. Каули, готическая эстетика, патриархальный дискурс, категория возвышенного, классицизм, сентиментализм.

В историко-литературном каноне творчество Ханны Каули (1743–1809), выдающегося драматурга, доминировавшего на лондонской сцене последней трети XVIII века, преимущественно ассоциируется с мастерством в жанре комедии нравов, что закрепило за ней статус признанного мастера этого жанра. Ее наследие неизменно привлекало внимание исследователей: в трудах Э. Донкин [7], Д. Уолдрон [14], М. Финберг [10] и П. Фельдман [9] комедийные стратегии драматурга анализируются как образец жанрового эксперимента, а ее пьесы рассматриваются в контексте профессионального становления женщины-драматурга на лондонской сцене. Однако устоявшееся восприятие Каули исключительно как комедиографа нередко исключает из исследовательского поля ее эксперименты в других эстетических областях.

Трагедия «Альбина» (1779) Ханны Каули представляет собой знаковый художественный эксперимент, который остается на периферии современных исследований о становлении готической драматургии в Англии. Пьеса, созданная в ключевой историко-культурный момент «готического возрождения», идеологического поворота к национальной истории и активной философской полемики вокруг природы страстей и категории возвышенного, позволяет выявить черты эстетической переходности, характерные для литературного процесса Англии последней трети XVIII века. Хотя в литературных обзорах и обобщающих трудах о творчестве Каули «Альбина» обозначена как одна из значимых работ драматурга [4; 5; 15], детального анализа ее жанровой природы и определения места в становлении готической драматургии до сих пор предпринято не было.

© Щекочихина Елена Вячеславовна

В «Альбине» фокусируются и драматически разрешаются главные культурные конфликты эпохи позднего Просвещения: противостояние классицистических рационалистических традиций и зарождающейся предромантической чувствительности, борьба за пересмотр традиционных гендерных ролей и границ допустимого для женщины – автора высказывания в публичной сфере и, наконец, интенсивный поиск новой художественной формы. Эта форма была призвана артикулировать набиравший силу интерес к иррациональным основам человеческой психики, к «темному прошлому как источнику коллективной идентичности и к эстетизации запретных эмоциональных состояний, которые не укладывались в рациональные рамки предшествующей эстетики» [1, с. 72–88].

Современная драматургу критика не была единодушной в оценках «Альбины». В журнале «Вестминстер Мэгэзин» (The Westminster Magazine) отмечается «правдоподобный» сюжет пьесы, а ее язык, по мнению рецензента, «гармоничен, иногда выразителен, образность в целом точна, а чувства нравственны» [13, p. 391]. Однако чувства героев, как указал критик, изображены в декламационной манере, а «драматические положения слишком искусственны». Критик обратил внимание и на развязку произведения, которая «могла бы вызвать ужас» у зрителя [Ibid.]. Иную оценку дало издание «Лэйдиз Мэгэзин» (The Lady's Magazine), опубликовавшее положительную рецензию, в которой пьеса была названа «прекрасной и высоко поэтичной трагедией» [12, pp. 390–392]. Среди ее достоинств были выделены оригинальность замысла, убедительные характеры персонажей, «живой и яркий» язык, а также «волнующая развязка» и умение драматурга поддерживать интерес публики [Ibid.]. Было отмечено, что трагедия «не перегружена сентиментальностью и патетикой», что выделяло «Альбину» среди типичных «женских трагедий» (“she-tragedies”) того времени, и что она содержит моменты, которые «могут послужить на благо человечеству» [Ibid.].

Постановка «Альбины» совпала с моментом активного формирования готической эстетики, контуры которой в драматургии еще только проступали, часто маскируясь под привычные формы «трагедии» или “*romance”*. Для Каули, уже обладавшей репутацией успешного автора, обращение к трагедии было осознанным социально-культурным жестом. Как отмечает Н. А. Соловьева, в английской драматургии этого периода «господствовало смешение разных жанров, стилей, вкусов» [3] и Каули вступала в диалог с высокочтимой, но считавшейся сугубо маскулинной сферой «высокого» искусства [Ibid.], тем самым оспаривая сложившиеся представления о допустимых для женщины-драматурга жанрах.

Сама фигура женщины-драматурга была для той эпохи явлением примечательным, и Каули наряду с М. Пикс, С. Сентливр и Э. Гриффит входит в число тех, кто, по словам Соловьевой, «не легко добивались успеха, но написали огромное количество замечательных произведений, отразивших сложные процессы, проходившие в театре при смене классицистической риторики на свободное слово» [Ibid.]. В эпоху, когда доступ к дискурсам политической и исторической значимости для женщин был институционально ограничен, обращение к жанру высокой исторической трагедии являлось для Каули не только «творческим вызовом, но и формой интеллектуальной эмансипации и сознательным заявлением о своем неотъемлемом праве на художественное высказывание» [2].

Действие «Альбины» открывается в «великолепном готическом зале», который создает атмосферу древности, феодального величия, контрастируя с личными страстями героев. В экспозиционной сцене пьесы происходит встреча двух ключевых мужских персонажей, символизирующая преемственность патриархального уклада. Граф Уэстморленд, олицетворение старой военной аристократии и феодальных добродетелей, принимает молодого Эдварда, идеального героя нового времени, чья репутация была добыта в Крестовых походах. Эдвард просит руки дочери Уэстморленда, Альбины, вдовы павшего в бою Раймонда. Граф, выступая как патриархальный авторитет, дает Эдварду обещание убедить дочь прервать траур и дать согласие на брак, устанавливая при этом жесткие временные рамки: Эдвард обязан вернуться на войну в течение трех дней. Этот сжатый срок создает драматическое напряжение, ускоряющее развитие сюжета и обостряющее внутренний конфликт Альбины.

Следующий сценический локус, принадлежащий Альбине сад, становится пространством для знакомства с главным антагонистом пьесы, Эдитой. Эдита введена в драматургическое пространство в роли непрошеной гостьи, чье присутствие в доме Уэстморленда продиктовано утратой ее родового статуса в результате военных действий, и главным виновником этих событий она считает Эдварда, разгромившего армию ее отца. Поступки Эдиты определяются неверием в добро и гуманизм. Ее восклицание «Не знаю блага я, не чувствую призна-

тельности! Изгнанница, и жизни лишена!» (“I know no good, feel no gratitude – An outcast, and undone!”) [6, I, ii, p. 8] утверждает разрыв героини с моральными нормами. Примечательно, что позиция «социального изгоя», приписываемая себе героиней, раскрывает ее личное лицемерие и вовсе не является следствием жестокого обращения: находясь в положении почетной гостьи, она пользуется относительным покровительством Уэстморленда и Альбины. Однако в разговоре со служанкой Аделой Эдита формулирует ключевой внутренний конфликт: непримиримое столкновение аристократического самосознания с унизительным положением зависимости от чужой милости:

Я в благородном рождена семействе
И с юных лет была окружена роскошной негой,
Благословенья слышались мне вслед.
Могла ль представить ты, что дух мой гордый
Склонится вмиг пред подлым униженьем.
(Born, Adela, to an exalted rank,
Bright pomp attending on my early years,
And blessings springing round me as I trod.
– Oh! thou should'st wonder that my swelling soul
Can stoop a moment to this vile dependence) [6, I, ii, p. 8].

Доминирующей чертой характера Эдиты выступает безграничное честолюбие: она фанатично одержима идеей восстановления прежнего статуса, единственным путем к которому считает брак с Эдвардом – национальным героем, возлюбленным Альбины и, что для нее особенно значимо, полководцем, разгромившим армию ее отца. Ее мотивация определяется завистью к Альбине как к объекту любви Эдварда и к ее доброте как к унизительной форме покровительства:

Добросердечие ее невыносимо.
Наследница Сибальда
Дарить должна, не принимать; ее удел – давать защиту,
Не покровительства искать себе.
(Her goodness tortures me
Earl Sibald's heir
Should grant, and not receive; she should protect,
Not seek protection) [6, I, ii, p. 9].

В своей речи Эдита также присваивает себе качества гражданской добродетели, которые традиционно закреплены за мужскими персонажами героического этоса. Она выражает свою позицию через риторику стоицизма и непокоренной воли: «Несчастье тяготеет надо мной, / Но дух мой устремленный не покорен» (“Misfortune bears upon me, / But my aspiring mind is unsubdu'd”) [6, I, ii, p. 8], тем самым проецируя на себя атрибуты, характерные для мужчины, героя-воина. Это символическое присвоение достигает кульминации в «имперской» орнитологической метафоре: «Орел парящий не вьет гнезда с Дроздом, / И не опускается до того, чтобы возиться со скромным Крапивником» (“The tow'ring Eagle builds not with the Thrush, / Nor stoops to batten with the lowly Wren”) [6, I, ii, з. 9]. Данный образ не просто иллюстрирует ее высокомерие, но и делает правомерными ее притязания на исключительность и власть, характерные для суверенной мужской фигуры, и одновременно демонстрирует разрыв с условностями женской покорности. Так устанавливается ключевая оппозиция пьесы: эгоцентричное и разрушительное честолюбие Эдиты противопоставлено идеализированному женственному началу Альбины, устремленной к любви и супружескому счастью. Эдита убеждена, что лишь брак с Эдвардом спасет ее положение и восстановит социальный статус, которого она лишилась:

Лишь Эдвард мне поможет вновь взойти
На те вершины славы, с которых я была низвержена судьбой.
(Through Edward only, I can hope to gain
The glorious steep from which my fate has cast me) [6, I, i, p. 9].

Она верит в то, что тот, кто стал орудием ее падения, должен стать и орудием ее возвышения. Став женой полководца-победителя, Эдита приблизится к власти и тем самым восстановит справедливость:

Я стала сиротой из-за его слепого долга,
И Эдварду придется эти раны исцелить.
(His stern loyalty made me an orphan,
And Edward shall repair my bitter wrongs) [6, I, i, p. 10].

Одержимая этой идеей, Эдита, услышав приближение Уэстморленда и Альбины, скрывается в беседке и, подслушивая их разговор, планирует свой коварный заговор.

В диалоге Уэстморленда и Альбины в саду проявляется типичный для патриархального мира конфликт, в ходе которого воля отца, настаивающего на своем праве решать судьбу дочери, вступает в противоречие с ее собственными желаниями и правом на выбор. Уэстморленд, образ которого в сцене с Эдвардом был выстроен вокруг идеалов государственной и воинской доблести, теперь реализует ту же модель власти, но уже в отношениях с дочерью. Апеллируя к чувству долга дочери и прагматизму, он фактически принуждает Альбину прервать траур по первому мужу и принять предложение Эдварда:

Послушайте, миледи,
Три дня пройдет, и Эдвард возвратится в Палестину,
Король, властитель наш, ему доверил
Вести с неверными святую битву;
И с той войны он может не вернуться,
Коль вас не назовет женой.
I say, my Lady,
That in three days Edward returns to Palestine,
Our Royal Master hath on him bestow'd
The levies for the Holy War; from which
He'll ne'er return, save he leaves you his Wife [6, I, ii, p. 12].

Уэстморленд, при внешней отеческой заботе, выступает здесь как проводник патриархальной власти, подчиняющий личные чувства дочери интересам рода и государства, принуждая ее к социально одобряемому решению. Для Альбины противостояние отцовской воле и отказ от любви к Эдварду равносильны предательству собственного сердца. Напротив, отказ от траура влечет за собой нарушение долга перед памятью мужа и несоответствие социальным ожиданиям, предъявляемым к вдове. Героиня оказывается в ситуации сложного жизненного выбора, где оба возможных решения сопряжены с нравственной утратой. Однако известие о скором и, возможно, безвозвратном отъезде Эдварда в Палестину исключает промедление. Осознание, что настоящая любовь перевешивает долг перед умершим супругом, становится для Альбины основанием для немедленного и внутренне выстраданного решения в пользу брака:

Сам страх сорвал покров!
О, пощади раскаянье мое,
Эдвард мне дороже,
Чем слава воину, что кровь пролил за честь.
(Danger tears off the veil.
Oh, spare my burning blushes whilst I own,
Edward is dearer to Albina's heart
Than fame or conquest to the bever'd soldier) [6, I, ii, p. 13].

Альбина делает выбор, который был продиктован не слабостью, а моральной силой героини, выбор, который удовлетворяет в первую очередь самого графа, и в словах Уэстморленда звучат благодарность и признание:

Когда жестокое ристалище страстей
Преодолев, их дети испытания проходят,
Их честь ведет, их коронует доблесть!

Ведомые честью, добродетелью святой увенчаны!
Тебе [Альбина] вручаю славную награду,
Тебе признательность свою я приношу.
(When in the fiery combat of the passions,
Their children rise, victorious from the trial!
By honour led – by sacred virtue crown'd!
To thee I give a Child's molt glorious meed,
To thee I give a Father's grateful thanks) [6, I, ii, p. 13].

В этой реплике благодарность графа Уэстморленда по отношению к дочери соединяется с наставительным началом, усиливаемым батальной метафорой и определяющим дидактическое содержание пьесы.

Новость о предстоящем браке Альбины и Эдварда вызывает у Эдиты вспышку зависти и гнева, она открыто заявляет о своем униженном положении: «Альбина торжествует – а Эдиту презирают» (“Albina triumphs – and Editha's scorn'd!”) [6, I, ii, p. 15]. Последующий монолог героини раскрывает ее травмированное тщеславие: она обречена наблюдать «блаженство надменной соперницы» (“haughty rival's bliss”) с «рабского расстояния» (“grov'ling distance”), что обрекает ее на жизнь, «тлеющую в зависти» (“pine away... in envy”). Кульминацией этой самопрезентации становится прямое обращение к Альбине:

Я, чья родословная не ниже вашей,
Ныне от вашей милости завишу.
(I, who boast ancestry as great as yours
Am now dependent on your charity) [6, ii, p. 16].

Эдиту унижает не сама зависимость, а зависимость от той, кого она считает равной (“as great as yours”). Доброта Альбины воспринимается ею как унижение, а не как благо. Этот контраст превращает зависть в моральное оправдание мести. Эдита отвергает примирение, видя в уверениях Альбины лишь снисхождение и лицемерную условность. В итоге она переходит к активным действиям. Отвергнув рамки «женского» конфликта, Эдита находит союзника в лице Гондиберта, брата покойного мужа Альбины, заключая с ним не просто сговор, а стратегический союз, в котором она из пассивной жертвы превращается в инициатора заговора.

В образе Гондиберта Каули создает прототип «готического и романтического антигероя, терзаемого виной и одержимого необузданной страстью» [11, p. 32]. Впервые он появляется в пространстве готической колоннады в диалоге с верным слугой Эгбертом, который выполняет в пьесе функцию его внутреннего цензора или «голоса совести». Эгберт, в традиции верного слуги-резонера, взывает к разуму господина, но тщетно: тот всецело подчинен иррациональной, всепоглощающей страсти.

В решающий момент Эгберт прямо говорит Гондиберту о греховности его любви: Альбина – вдова его брата, а значит, сестра, и чувство к ней «нечистое» (“unhallowed”):

Помысли о преградах,
Препятствиях тех вечных, нерушимых, что Небеса меж вами воздвигали!
Помысли – она Сестра твоя!
(Think on the bars,
Th'eternal bars, that Heav'n hath plac'd between you ! –
Think – she's your Sister!) [6, II, i, p. 19].

Эти слова действуют как удар. Гондиберт не спорит, он впадает в ужас, который выплескивается в образах демонической одержимости:

Будь проклято то слово!
То жало гадюки – заклятье,
Что сотню духов ада шлет мне для мучений.
(Curses on the word!
It is a viper's sting – an incantation,
That conjures up an hundred hends to rack me) [Ibid.].

Эти реплики обнажают механизм внутреннего конфликта Гондиберта: внешний запрет становится частью его сознания, и он сражается уже не с Эгбертом, а с собственной совестью, обращающей слова слуги в орудие самоосуждения. Вина переживается как физическое страдание, а сознание захвачено аффектом. Эта сцена наглядно иллюстрирует центральный конфликт его натуры, который Эгберт резюмирует в афористичной формуле: «Так грубые страсти разум светлый губят» (“How do rude passions the fair mind destroy”) [6, II, i, p. 21]. Таким образом, уже в экспозиции Гондиберт предстает как персонаж, чья трагедия коренится в фатальном подчинении разума неодолимой силе чувства.

Если в диалогах с Эгбертом раскрывается столкновение страсти с моральной нормой, то в сценах с Эдитой Каули показывает формирование альянса, разрушительная сила которого проистекает из общей запретной природы их побуждений. Гондибертом движет кровосмесительная одержимость Альбиной, Эдитой – жажда вернуть утраченный статус. Их взаимодействие служит «структурной моделью зла, где два различных порока сливаются воедино, усиливая друг друга» [8, p. 80]. Их первый значительный диалог можно назвать сделкой, заключенной на языке взаимного отражения. Эдита, выступая как стратег, манипулирует слабостью Гондиберта и предлагает ему орудие мести:

Одним лишь словом, тронув подозреньем,
Змеиным зубом исцелишь восторг –
Подозренье, раз проснувшись, больше не заснет.
(A little word, that touch'd it with suspicion, / Would, with a serpent's tooth, its raptures cure / Suspicion, once awaken'd, never sleeps) [6, II, ii, p. 27].

Эдита избегает прямого обвинения, ведь благородный Эдвард скорее разгневается на клеветника, чем усомнится в любимой. Поэтому она действует тоньше, преследуя цель не доказать измену его возлюбленной, а посеять сомнение. Сомнение заставит Эдварда искать несуществующие подтверждения и отравит его сознание навсегда. Эдита предлагает Гондиберту не просто оклеветать Альбину, а уничтожить саму основу любви – доверие. Эдита уверена, что самые крепкие узы разрушаются не извне, а изнутри, когда человек сам начинает сомневаться в том, что ему дорого.

Эдита разрабатывает тщательно продуманный план и замышляет удерживать Эдварда в саду, откуда прекрасно виден вход в покои его возлюбленной. В этот момент Гондиберт, сменив платье, чтобы его не узнал Эдвард, должен демонстративно войти в комнату Альбины. Для Эдварда это окажется убедительнее любых слов и, следовательно, станет неопровержимым доказательством вины Альбины. Однако заговорщики сталкиваются с неожиданным препятствием: старый слуга Эгберт становится свидетелем опасной тайны. Эдита, не терпящая помех на пути к цели, прикрываясь именем Альбины («Таков приказ графини» / “Countess orders this”), приказывает схватить его и бросить в темницу. Эдита остается непреклонной перед мольбами старого слуги, демонстрируя свою безжалостность. Теперь никто не может помешать осуществлению ее коварного плана.

По указанию Эдиты Гондиберт в личной беседе с Эдвардом должен очернить Альбину и посеять сомнение в его душе:

Отслеживай его движенья чувств
Лови всяк страсти проблеск на крючок,
И так терзай, чтобы в агонии своей
Он всей душой ее возненавидел!
(Besure you mark each motion of his heart,
Catch ev'ry passion on a barbed hook,
And torture him, 'till he, with agony,
Shall hate her!) [6, III, ii, p. 39].

Гондиберт должен был не просто обвинять, а психологически истязать Эдварда, чтобы обратить его любовь в ненависть, но его прямолинейная тактика уступает тонким манипуляциям Эдиты. Как человек, воспитанный в соответствии с кодексом воинской чести и наделенный безграничным доверием к Альбине, Эдвард отвечает на клевету не словом, а действием, бросая вызов Гондиберту:

Иль мой кинжал в гортань твою войдет
И лживый твой язык на острие наденет.
(Or I will plunge my dagger in thy throat,
And bear thy lying tongue upon its point) [6, III, ii, p. 44].

Осознав катастрофичность ситуации, Эдита перехватывает инициативу и устраивает инсценировку, где Гондиберт становится не обвинителем, а «живым доказательством». Изображая заботу, она убеждает Эдварда:

…брак с ней – погибель для тебя;
Ты лишь разделишь с кем-то страсть Альбины.
Неправильным красавица считает
Свои дары беречь для одного;
Как солнце, что для каждого сияет,
Она лучи свои всем поровну дарит.
(That if you wed her, you will be undone;
That you will only share Albina's love.
Unfair she deems it, having sov'reign beauty,
To scant its blessings to a single object;
Like the universal sun, she sheds her glories –
Beaming impartially on all mankind) [6, III, ii, p. 45].

Эдита искажает добродетели Альбины, нанося удар по гордости Эдварда, и предлагает ему убедиться в ее «неверности» собственными глазами:

Знай же, некий юноша
Неясного происхожденья, но ликом – светлый Адонис,
Давно с Альбиной тайно время коротает;
Сегодня на исходе дня
В ее покоях ты узришь его.
(Know that a youth,
Of birth obscure – in mien, a bright Adonis,
Hath long possess'd Albina's secret hours.
That these last hours, she will devote to him,
And in her chamber you shall see him lodg'd,
When she retires to rest) [6, III, ii, p. 47].

Эдвард соглашается проверить верность Альбины и, увидев переодетого Гондиберта, входящего в ее покои, воспринимает это как неопровержимое доказательство измены. Его доверие рушится, и Эдита восклицает:

Свершилось!
Лев пойман, тщетно бьется он в сетях.
('Tis finish'd!
The lion's caught, and struggles in his toils, in vain) [6, III, ii, p. 49].

Метафора льва, благородного и сильного зверя, угодившего в расставленные сети, точно передает суть произошедшего: сила, мужество и благородство Эдварда оказываются бессильны против коварства и хитрости.

В результате Эдвард, уверенный в неверности Альбины, отказывается от брака. Альбина, не понимающая причины столь резкой перемены, оказывается в положении несправедливо обвиненной, но не имеющей возможности защищаться, поскольку не знает, против каких именно доказательств ей нужно возражать. Уэстморленд, для которого честь дочери превыше всего, вызывает Эдварда на дуэль. По их обоюдному убеждению поединок – это единственный способ восстановить справедливость.

Дуэль между столь знатными лицами не может остаться без внимания верховной власти. Король вынужден вмешаться, чтобы предотвратить кровопролитие. Однако даже королевский авторитет оказывается бессилен разрешить противоречие немедленно, поскольку в

основе конфликта лежит не просто ссора, а глубокое убеждение Эдварда в неверности Альбины, подкрепленное, как ему кажется, неопровержимым доказательством.

В кульминационный момент, когда дуэль между Уэстморлендом и Эдвардом становится неизбежной, в действие вступает Эгберт. Представ перед королем, он свидетельствует, что Эдвард стал жертвой обмана, а не был движим подлинным злым умыслом. Когда Гондиберт пытается помешать ему, король пресекает это, провозглашая равенство всех подданных:

Знай, дерзкий человек, перед монархом
Все граждане равны. Мне скипетр дан,
Который есть опора народа моего, и он поддержит
Равно крестьянина и его господина.
(And know, bold Man, that in the eye of Kings
All hold an equal place. I bear a sceptre
Which is my People's staff, and shall support
Alike the Peasant and his Lord) [Ibid.].

Эта речь имеет принципиальное значение для понимания политической философии пьесы: король не защитник знати, а опора всего народа, где истинная власть зиждется на справедливости, а не на сословных привилегиях. Важной особенностью образа короля становится то, как Каули конструирует его через качества, которые в гендерной парадигме XVIII века традиционно маркировались как «женские» [8, pp. 93–94]. Король наделен чувствительностью, состраданием, способностью к эмпатии и заботе об эмоциональном благополучии подданных. В этом отношении фигура короля представляет собой синтез маскулинной власти и феминнной этики, что резко контрастирует с другими мужскими персонажами пьесы. Откладывая отъезд Эдварда, он ставит личное счастье подданных на один уровень с государственными интересами. Эта способность к эмпатии не ослабляет, а совершенствует его власть, позволяя разрешить конфликт через восстановление правды. В контексте смешанной драмы король соединяет публичный дискурс высокой трагедии с сентименталистским вниманием к чувству, становясь носителем просвещенного идеала власти, где «женские» добродетели – необходимый компонент справедливого правления.

После провала заговора Гондиберт, охваченный раскаянием, говорит о муках совести:

Печальные виденья горя были так ужасны,
Что лучше было бы, проснувшись, жить в истинных скорбях.
(Sad images of woe convey'd such horror,
That better 'twere to wake to real misery) [6, IV, ii, p. 61].

Осознание падения приводит его к самоуничижению:

Я, как ребенок, лгал, чтоб удержать игрушку,
Которую другой бы отнял у меня. –
Я даже менее чем Женщина.
(I've been a child, and ly'd to keep a toy
Of which another would have robb'd me. –
I'm even less than Woman) [6, IV, ii, p. 62].

То, что он считал сильной страстью, теперь выглядит детским капризом. Сравнение с женщиной в негативном ключе отражает гендерные стереотипы эпохи, но одновременно указывает на утрату им силы, решительности, контроля над страстями, тех качеств, что в патриархальном дискурсе считались истинно мужскими. Кульминацией самоанализа становится метафора водоворота порока:

В какое море преступлений один короткий день
Вовлек меня! Порок, водоворот свирепый –
Коснуться стоит только края той воронки,
И мощь неодолимая течения затягивает нас.
И, берег потеряв, назад в отчаянье мы смотрим,

Поток нас увлекает все быстрее и сил лишает, и несет погибель.
(In what a sea of crimes hath one short day
Immers'd me! Vice, oh, thou fierce whirling eddy –
Touch but the outmost circle of thy ring,
Thy strong, resistless current, drags us in.
Torn from the shore, despairing we look back,
And, hurried on, are whelm'd, ingulph'd, and – lost) [6, IV, ii, p. 67].

Эта речь представляет собой один из самых сильных поэтических фрагментов пьесы, где Каули обращается к эстетике возвышенного в духе Эдмунда Берка [8, p. 93]. Образ водоворота передает ощущение беспомощности и неотвратимости падения. Гондиберт осознает гибельность своих поступков, но не может остановиться. В финале пьесы это приведет к катастрофе: обезумев, Гондиберт убьет Эдиту, приняв ее за Альбину, а затем покончит с собой. Метафора «водоворота», в котором он тонул, станет жестокой реальностью.

События финальной сцены V акта трагедии разворачиваются ночью, в полумраке, создавая атмосферу возвышенной неопределенности, о которой писал Берк. Свет в покоях Альбины приглушен, она уносит с собой одну из свечей, оставляя пространство в тревожном полумраке. Эта деталь имеет роковое значение, ведь именно недостаток света станет причиной трагической ошибки, на которой строится развязка. Эдита, не находящая покоя от зависти и обиды, бродит в темноте, предаваясь мрачным размышлениям. Ее монолог полон горечи и ненависти:

Добрее Ненависть в ее честном одеянии,
Чем жгучая Жалость в ее кроткой личине.
(Kindlier is Hatred in her honest garb
Than stinging Pity in her meek-ey'd mask) [6, V, iii, p. 81].

Для Эдиты честная вражда лучше лицемерной доброты. Она остается одна в ночи, озлобленная и уязвимая, но думает не о спасении, а желании доказать свою правоту. В этот момент в полумрак покоев входит Эдвард, терзаемый муками ревности. Он принимает Эдиту за Альбину и в порыве отчаяния готов броситься к ней в объятия. Но из темноты появляется обезумевший Гондиберт, не различающий образов, и вонзает кинжал в Эдиту, приняв ее за Альбину. Эдита, столь тщательно планировавшая интригу, становится жертвой страсти, которую сама разбудила. Эдвард, осознав, что произошло, дает отпор убийце. В завязавшейся схватке Гондиберт, чье безумие достигло апогея, выхватывает кинжал и наносит себе смертельный удар. Эдвард, убежденный в гибели возлюбленной, готов покончить с собой. Он уже заносит кинжал, когда, услышав шум, в покои вбегает Альбина. Их внезапная встреча создает момент высочайшего драматического напряжения: Эдвард осознает, что любимая жива, что все было обманом, а та, кого он считал виновной, чиста. Появившийся Уэстморленд подводит итог, возвращая к центральной идее пьесы – разрушительной силе необузданных человеческих страстей:

О, узрите следствия страстей необузданных!
В груди сего благородного юноши
Взошли светлые добродетели, как на родной почве;
Пока порок – манящий в обличье любви –
Не проник безмолвно в его сердце – там расточил свой яд.
(Oh, mark the'effects of passions unrestrain'd!
Within the bosom of this noble Youth
Bright virtues sprung, as in their native bed;
'Till Vice – alluring in the shape of Love –
Crept silent to his heart – there spread her poisons) [6, V, iii, p. 84].

Уэстморленд, воплощая патриархальный порядок, становится голосом моральной нормы, восстановленной ценой двух смертей, и возвращает мир пьесы к равновесию.

Трагедия Ханны Каули «Альбина» (1779) представляет собой яркий пример переходного литературного явления, в котором эстетика уходящего классицизма вступает в сложный

диалог с формирующейся готической эстетикой и сентименталистской традицией. Жанровая природа «Альбины» определяется синтезом нескольких драматургических традиций. С одной стороны, Каули сохраняет формальные признаки классицистической трагедии, сохраняя пятиактную структуру пьесы и возвышенный стиль, изображая конфликт долга и чувства и придерживаясь принципа поэтической справедливости в финале. Образ Уэстморленда, произносящего финальную речь, в которой подводится моральный итог, отсылает к дидактической функции классицистического театра. С другой стороны, пьеса насыщена элементами, характерными для готической эстетики: готический антураж, темы родовой тайны и запретной страсти, эпизоды душевного смятения, кровавая развязка с гибелью злодеев на сцене. Это не простое заимствование разрозненных элементов, здесь автор отражает сознательную художественную стратегию, направленную на расширение выразительных возможностей драмы. В этом контексте «Альбина» соответствует стилистике смешанной драмы (*mixed drama*), где Каули умело сочетает публичное и приватное, где возвышенный стих уступает место прямому выражению сильных эмоций.

Таким образом, «Альбина» Ханны Каули предстает как переходное произведение, классицистическая форма наполняется новым содержанием, а готическая образность служит средством исследования глубин психики и механизмов власти. Пьеса демонстрирует, как женщина-драматург в условиях гендерных ограничений использует смешение жанров, чтобы получить право голоса. Каули не следует канонам, а переосмысляет их, создавая многомерное высказывание, актуальное далеко за пределами ее эпохи.

Список литературы

1. *Будехин С. Ю.* Влияние английской трагедии мести на готическую драматургию : дис. … канд. филол. наук. М., 2018. 314 с.

2. *Сидорченко Л. В.* Английская литература XVIII века: теоретический и историко-литературный аспекты. URL: https://thelib.ru/books/neizvesten_avtor/istoriya_zarubezhnoy_literatury_xviii_veka-read.html (дата обращения 30.03.2026).

3. *Соловьева Н. А.* Жизнь есть театр (Женщины-драматурги XVIII столетия). URL: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/soloveva-zhizn-est-teatr.htm (дата обращения 30.03.2026).

4. *Backscheider Paula R.* Spectacular Politics: theatrical power and mass culture in early modern England. London : The John Hopkins University Press, 1993. 330 p.

5. *Burroughs C.* The Routledge Anthology of Women's Theatre Theory and Dramatic Criticism (1st Ed.). London : Routledge, 2023. 690 p.

6. *Cowley H.* Albina, Countess Raimond: a tragedy, by Mrs. Cowley: as it is performed at the Theatre-Royal in the Hay-Market. London : Printed for J. Dodsley, 1779. 85 p.

7. *Donkin E.* Getting into the Act: Women Playwrights in London 1776 1829. London ; New York : Routledge, 1995. 240 p.

8. *Escott A.* The Celebrated Hannah Cowley: Experiments in Dramatic Genre, 1776–1794. London : Routledge, 2016. 320 p.

9. *Feldman Paula R.* British Women Poets of the Romantic Era : An Anthology. Baltimore, Md. : Johns Hopkins University Press, 1997. 879 p.

10. *Finberg Melinda C.* Eighteenth-century women dramatists. Oxford : Oxford University Press, 2001. 448 p.

11. *Mahotiere, Mary de la.* Hannah Cowley: Tiverton's Playwright and Pioneer Feminist 1743–1809. Devon Books, 1997. 96 p.

12. The Lady's Magazine; or, Entertaining Companion for the Fair Sex. London : Printed for G. Robinson, 1779. Vol. 10. 786 p.

13. The Westminster Magazine, or The Pantheon of Taste. London : Printed for Fielding and Walker, 1779. Vol. 7. 650 p.

14. *Waldron D.* Hannah Cowley (1743–1809). In the Routledge Companion to Romantic Women Writers (1st Ed.). Vol. 1. London : Routledge, 2022. Pp. 177–188.

15. Women Critics 1660–1820: An Anthology / ed. by the Folger Collective on Early Women Critics. The USA : Indiana University Press, 1995. 443 p.

The Transformation of the Classicist Canon in H. Cowley's Tragedy "Albina"

Shchekochikhina Elena Vyacheslavovna
postgraduate student of the Department of Russian and Foreign Literature and Teaching Methods, Vyatka State University. Russia, Kirov. E-mail: lenashekochikhina@gmail.com

Abstract. The article is devoted to an analysis of transitional phenomena in the work of the English playwright Hannah Cowley, taking as its example the tragedy "Albina" (1779), in which the aesthetics of Classicism enters into a complex dialogue with the aesthetics of Sentimentalism and with the emerging Gothic tradition. The relevance of the study is due to the increased interest in contemporary literary scholarship in the problems of genre transformation in the drama of the English Enlightenment, as well as in the study of the creative legacy of 18th-century women playwrights, whose contribution to the formation of the theatrical canon long remained on the periphery of scholarly attention. The aim of the study is a comprehensive analysis of the tragedy "Albina", relying on the historical-literary method, in the context of the drama of the last third of the 18th century, establishing its connection with the preceding tradition and identifying H. Cowley's contribution to the formation of Gothic drama in English literature of the 18th century.

The work examines the generic nature of the play, which testifies to the transformation of the Classicist canon in Cowley's later work. The analysis conducted has made it possible to establish that "Albina" represents a transitional dramatic work in which the Classicist form is filled with new content characteristic of Sentimentalism and of the nascent pre-Romantic tradition. Cowley deliberately enriches the play with Gothic elements (medieval colouring, the themes of ancestral secrecy and forbidden passion, the aesthetics of the terrible), which allows us to speak of a generic experiment on the part of the playwright aimed at expanding the expressive possibilities of drama.

Particular attention is paid to the position of the woman playwright in the literary and theatrical spheres of 18th-century England. It is noted that the turn to tragedy becomes for Cowley a means of overcoming gender barriers and a claim to belong to the sphere of "high" art. The features of Cowley's dramaturgy established in the course of the analysis of the play may contribute to a deeper understanding of her work, while the materials and conclusions of the study may be used in courses on the history of 18th-century foreign literature, in special courses on the history of English drama and in gender studies, as well as for the further comparative study of transitional phenomena in literature and of the work of women playwrights of the Enlightenment era.

Keywords: English women's drama of the 18th century, H. Cowley, Gothic aesthetics, patriarchal discourse, the category of the sublime, Classicism, Sentimentalism.

References

1. *Budehin S. Yu. Vliyanie anglijskoj tragedii mesti na goticheskuyu dramaturgiyu : dis. ... kand. filol. nauk* [The Influence of English Revenge Tragedy on Gothic Drama : dis. ... PhD in Philology]. M., 2018. 314 p.
2. *Sidorchenko L. V. Anglijskaya literatura XVIII veka: teoreticheskij i istoriko-literaturnyj aspekty* [English Literature of the 18th Century: Theoretical and Historical-Literary Aspects]. Available at: https://thelib.ru/books/neizvesten_avtor/istoriya_zarubezhnoy_literatury_xviii_veka-read.html (date accessed: 30.03.2026).
3. *Solov'eva N. A. Zhizn' est' teatr (Zhenshchiny-dramaturgi XVIII stoletiya)* [Life Is Theatre (Women Playwrights of the 18th Century)]. Available at: http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-eng/soloveva-zhizn-est-teatr.htm (date accessed: 30.03.2026).
4. *Backscheider P. R.* Spectacular Politics: Theatrical Power and Mass Culture in Early Modern England. London : The Johns Hopkins University Press, 1993. 330 p.
5. *Burroughs C.* The Routledge Anthology of Women's Theatre Theory and Dramatic Criticism. 1st ed. London : Routledge, 2023. 690 p.
6. *Cowley H.* Albina, Countess Raimond: A Tragedy, by Mrs. Cowley: As It Is Performed at the Theatre-Royal in the Hay-Market. London : Printed for J. Dodsley, 1779. 85 p.
7. *Donkin E.* Getting into the Act: Women Playwrights in London 1776–1829. London ; New York : Routledge, 1995. 240 p.
8. *Escott A.* The Celebrated Hannah Cowley: Experiments in Dramatic Genre, 1776–1794. London : Routledge, 2016. 320 p.
9. *Feldman P. R.* British Women Poets of the Romantic Era : An Anthology. Baltimore, MD : Johns Hopkins University Press, 1997. 879 p.
10. *Finberg M. C.* Eighteenth-Century Women Dramatists. Oxford : Oxford University Press, 2001. 448 p.
11. *Mahotiere M. de la.* Hannah Cowley: Tiverton's Playwright and Pioneer Feminist 1743–1809. Devon Books, 1997. 96 p.
12. The Lady's Magazine; or, Entertaining Companion for the Fair Sex. London : Printed for G. Robinson, 1779. Vol. 10. 786 p.

13. The Westminster Magazine, or The Pantheon of Taste. London : Printed for Fielding and Walker, 1779. Vol. 7. 650 p.

14. *Waldron D.* Hannah Cowley (1743–1809) // The Routledge Companion to Romantic Women Writers. 1st ed. Vol. 1. London : Routledge, 2022. Pp. 177–188.

15. Women Critics 1660–1820: An Anthology / ed. by the Folger Collective on Early Women Critics. USA : Indiana University Press, 1995. 443 p.

Поступила в редакцию: 22.04.2026
Принята к публикации: 29.04.2026

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

EDN: AUCSNK УДК 069.532(477.75)

Ювелирные украшения в технике филиграни из собрания Бахчисарайского музея-заповедника: историко-культурный анализ

Шендрикова Снежана Павловна[1], Чубукчиева Ленара Закировна[2]
[1]доктор исторических наук, профессор, научный сотрудник, Крымский университет культуры, искусств и туризма. Россия, г. Симферополь. E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru
[2]кандидат исторических наук, заместитель генерального директора, Бахчисарайский историко-культурный и археологический музей-заповедник. Россия, г. Бахчисарай. E-mail: lchubukchieva@mail.ru

Аннотация. Актуальность научной публикации авторами видится в познании духовной культуры народа посредством изучения ювелирных украшений. Целью статьи является ретроспективный анализ места и роли драгоценных предметов (украшений) в контексте экспонатов из фондов Бахчисарайского музея-заповедника на примере филиграни. Предмет и результат исследования – реестр филигранной коллекции драгоценных украшений из фонтов Бахчисарайского музея-заповедника. Исследование истории ювелирного ремесла тесно связано с историей древних цивилизаций, где украшения не только обладали эстетической функцией, но и имели глубокое социально-символическое значение. Данный материал может быть полезен этнографам, историкам, культурологам, музейным работникам, а также широкому кругу читателей, которые интересуются крымско-татарской культурой и традициями.

Ключевые слова: культура, ювелирное изделие, скань, филигрань, крымско-татарская культура.

Актуальность исследования. Одним из важных аспектов изучения духовной культуры народа является анализ функции украшений, связанных с обычаями, обрядами, религиозными представлениями. Исконные женские украшения, выходя за рамки простого украшения, испокон веков служили обрядовым, религиозно-мистическим и обережным целям, обеспечивая защиту. Этим обусловлена актуальность заявленной тематики.

Предметом исследования является реестр филигранной коллекции драгоценных украшений из фондов Бахчисарайского музея-заповедника. **Цель статьи** – историко-культурный анализ отдельных образцов ювелирных украшений из филиграни, хранящихся в фондах Бахчисарайского музея-заповедника.

Методология исследования. В основе данного исследования лежат историко-культурный и музееведческий подходы; искусствоведческий анализ и этнографический метод. Благодаря историко-культурному подходу рассматриваются ювелирные изделия с точки зрения элементов материальной культуры крымских татар, прослеживается их эволюция и роль в социокультурном контексте. С помощью искусствоведческого анализа стало возможным изучение стилистических и технологических особенностей филиграни, ее художественных характеристик и места в декоративно-прикладном искусстве. Музееведческий подход позволил ориентироваться на изучение экспонатов как на часть музейной коллекции: их атрибуцию, экспозиционную ценность и репрезентативность. Этнографический метод помог выявить связь ювелирных изделий с традициями, обрядами и повседневной жизнью крымских татар.

Обзор литературы. В обзоре литературы на базе культурно-исторического наследия крымско-татарских ювелирных изделий сделан анализ научных публикаций, так или иначе касающихся техники филиграни и ее распространения на Крымском полуострове. Цель – выявление степени изученности заявленной тематики в контексте определения перспектив исследования.

В первую очередь следует обратиться к работам общего толка, закладывающим теоретический базис, ключевые из которых – книга Б. А. Рыбакова «Ремесло Древней Руси» (1948 г.), где автор презентует сведения, касающиеся развития ювелирного дела на Руси и сопредельных с ней территориях, а также труд Б. И. Маршака «Культурные связи Востока и Европы в торевтике

© Шендрикова Снежана Павловна, Чубукчиева Ленара Закировна, 2026

XI–XIII вв. Серебро с чернью» (2014), в которой представлена взаимосвязь декоративно-прикладного искусства различных народов. Данные работы дают понимание места филигранной техники в контексте эволюции ювелирного дела, раскрывают ее особенности технического и стилистического толка.

Не менее важной составляющей являются труды, которые сосредоточены на крымско-татарской культуре. О. Акчокраклы о символике и орнаментах крымских татар рассказывает в работе «Татарские тагми в Крыму» (1927 г.). Также интересны научные публикации Бахчисарайского историко-культурного заповедника в контексте каталогов коллекций, статей о предметах, презентующих декоративно-прикладное искусство; например, каталог «Восточный художественный металл XVIII – начала XX в.» (2019 г.), составленный О. Н. Алпашкиной, представляет предметы из металла, в том числе ювелирные изделия в технике филиграни (чильтер), довольно распространенной в крымско-татарской среде. Эти источники дают возможность установить локации крымско-татарской филиграни, мотивы и особенности орнамента народа, а также связь с подобными традициями других этносов.

Следующую группу работ представляют издания, в которых презентуется формирование ювелирного промысла. В книге «Крепость и город: Бахчисарай в XV–XVIII вв.» (2005 г.), авторами которой являются А. Г. Герцен и Ю. М. Могаричев, ремесленники и ювелиры представлены неотъемлемыми участниками социально-экономической жизни Бахчисарая в очерченный хронологический период. Книга «Бахчисарай и его окрестности» (1888 г.) Ф. Ф. Лашкова включает ценную историко-краеведческую информацию о городе и его окрестностях. Эти работы демонстрируют влияние политической и экономической жизни Бахчисарая на ее социальную и культурную составляющие.

Анализ представленной литературы свидетельствует о том, что она является серьезным фундаментом для дальнейших научных поисков, но наряду с этим позволяет указать на недостаточно изученные фрагменты, где в первую очередь следует констатировать отсутствие комплексного исследования филиграни Бахчисарайского музея-заповедника; недостаточно изученную хронологию процессов развития данной ювелирной техники в Бахчисарае; точечную проработку связи крымско-татарских ювелиров с кавказскими и османскими мастерами. Это дает основания говорить об актуальности заявленной тематики. Исследование призвано восполнить указанные пробелы.

К благородным металлам – золоту и серебру, а также изделиям из них во все времена человек относился с почтением. Обладание ими являлось показателем социального статуса, благосостояния владельца. Вместе с тем блеск золота и серебра – это не только признак богатства, но еще и яркий визуальный компонент материальной культуры. В запасниках Бахчисарайского музея-заповедника хранится ценная коллекция крымско-татарского ювелирного дела, включающая головные уборы, украшения для шеи и груди, пояса и элементы декора для рук – образцы ювелирного мастерства, распространенного в Крыму в XVIII–XIX столетиях. В экспозиции можно увидеть и серебряные монеты, а также немногочисленные серебряные предметы обихода: посуду, утварь и атрибуты религиозных обрядов.

Ювелирные изделия крымских татар имеют самостоятельную историко-культурную ценность и относятся к числу наиболее репрезентативных экспонатов музейной коллекции. В наши дни старинные ювелирные изделия обрели роль музейных выставочных предметов, бережно сохраняются, изучаются: определяются их художественные достоинства, время изготовления, история поступления в музей. В данной научной статье дан ретроспективный анализ основных видов украшений, мастерства крымско-татарских ювелиров, материалов и техники изготовления разнообразных изделий из драгоценных металлов.

История любого музея неразрывно связана с формированием коллекций и профессионализмом специалистов, стоявших у истоков создания. Бахчисарайский музей-заповедник не является исключением. Его история насчитывает порядка ста лет и отражает ключевые этапы становления и развития учреждения. Осенью 1917 г., в момент открытия первого национального музея тюрко-татарской культуры в стенах Бахчисарайского Ханского дворца, его первоначальная коллекция включала предметы, принадлежавшие ханскому дому: элементы интерьера, утварь и образцы традиционной одежды.

В последующие годы собрание музея систематически пополнялось за счет собирательской деятельности коллекционеров; безвозмездных даров и пожертвований со стороны местного населения; поступлений предметов декоративно-прикладного искусства крымско-татарского этноса. Это обеспечило репрезентативность коллекции и ее ценность для изучения материальной культуры крымских татар.

На основе книги поступлений дворца-музея 1924–1925 гг. можно проследить процесс пополнения Бахчисарайских музейных фондов за счет передачи экспонатов из Центрального музея Тавриды. Так, в 1924 г. в Бахчисарайский музей были переданы подвески для локонов, серьги, пряжка женского пояса, в 1925 г. – два женских браслета и пряжка. В книге поступлений отмечается, что по итогам Парижской международной кустарно-промышленной выставки (1925 г.) фонды дворца-музея пополнились серебряным браслетом XIX в. Начиная с 1924 г. Бахчисарайским музеем-заповедником периодически проводится закупка предметов. Старинные традиционные крымско-татарские ювелирные украшения попадают на музейную фондово-закупочную комиссию крайне редко. В основном это ювелирные изделия начала XX в., которые бытовали в крымско-татарской среде, но значительно отличались от традиционных форм и техник.

Немаловажную роль в формировании коллекции Бахчисарайского дворца-музея играют культурные ценности, возвращенные Австрией. Венский этнографический музей в 2009 г. по собственной инициативе вернул Бахчисарайскому музею-заповеднику часть этнографической коллекции, вывезенной из Крыма в 1944 г. Жемчужиной данной коллекции являются два серебряных филигранных женских пояса, а также *тепелик* – навершие женской шапочки *фес.*

Значительная часть коллекции не имеет данных о датировке, месте производства, источнике поступления. В основном это ювелирные изделия, существовавшие в крымско-татарской среде в конце XVIII–XIX вв. Подобные украшения, носили девушки и женщины на выход в свет (праздники, свадьбы, торжества). В Бахчисарайском собрании практически отсутствуют ханские фамильные, а также повседневные украшения.

В рамках экспонатов из филиграни авторами рассмотрены основные виды ювелирных украшений, техника исполнения и инструменты, используемые металлы и вставки, ремесленные традиции. Изготовление ювелирных изделий имеет многовековую историю, насчитывающую тысячелетия. Еще в неолите зародились украшения, сделанные из костей, зубов животных, раковин, которым приписывали магические силы. Уже в те времена люди находили и применяли драгоценные камни. Постепенно металлические ювелирные изделия заменили украшения из природных материалов. Утверждение веры в магическую силу украшений способствовало развитию декоративного искусства [3, с. 112].

Продукция ювелирного производства в жизни крымских татар фигурировала или в качестве оберегов, или подарков и платы, а также служила источником охранительной силы [9]. Расшифровка семантической стороны традиционных украшений раскрывает целую систему различных магических представлений. Смысловым значением наделялись форма, детали, материал и орнамент ювелирного изделия. Особыми функциями оснащался материал [15]. Постоянное стремление крымско-татарских ювелиров к совершенствованию художественно-технических средств способствовало развитию ювелирно-филигранного искусства.

Использование филиграни и украшение драгоценными камнями (так называемый полихромный стиль) имеет древние корни, восходящие к цивилизациям шумеров и египтян в III–II тысячелетиях до нашей эры, а также к древним иранцам, народам Закавказья, эллинистическим поселениям Приазовья и Северного Причерноморья, Парфии и Бактрии. По мнению ученых, распространение полихромного стиля в Европе (а именно в Греции) стало следствием завоевательных экспедиций Александра Македонского. В первом веке нашей эры этот стиль, наряду с искусством скани (ювелирная техника создания ажурных металлических узоров из тонкой проволоки), получил широкое распространение. В основе данной технологии лежат тонкие проволочки для плетения различных растительных и геометрических сюжетов с прозрачным и легким эффектом и зерни (ювелирная техника исполнения изделий с применением золотых или серебряных шарообразных гранул. – *Авт.*). Наивысшего развития филигранное искусство достигло в эпоху античности, в частности в эллинизированных мастерских греко-сарматского мира, располагавшихся в Приазовье и Северном Причерноморье [6]. Этнограф У. Боданинский полагал, что в Крым техника филиграни проникла с мусульманского Востока, вероятно, из Индии через Персию, Кавказ и Среднюю Азию [5, с. 27]. Изготовлением этих изделий занимались алтунджи – особая этническая группа цыган, считавших себя арийцами, выходцами из Индии, а также крымские татары и крымские караимы. Следует отметить, что цыгане в Крыму также были заняты в кузнечном, литейном и чеканном ремеслах [16, с. 146–148]. П. С. Паллас в 1794 г. упоминал о наличии шести серебряных лавок в Бахчисарае. Там мастеров филиграни (сканщиков) называли *куюмджи ве алтунджи* [13, с. 9].

Ювелиры, специализирующиеся на филиграни, чеканке и литье, традиционно объединялись в профессиональные гильдии – куюмджи-эснафы, возглавляемые президиумом из

трех человек: уста-баши (глава цеха), игит-баши (помощник главы) и чауш (староста, посыльный, глашатай и исполнитель поручений). Гильдия имела своего покровителя, легендарного основателя производства Мухсин-бин Османа, и устав селеф-наме, включающий нормы обычного производственного права с элементами шариата (мусульманского кодекса). Известно о существовании ювелирных мастерских на территории Бахчисарая. Вплоть до XVIII в. цех куюмджи ве алтунджи удовлетворял потребности крымских татар на внутреннем рынке, и лишь четвертая часть продукции экспортировалась за пределы Крыма [5, с. 27].

Информация об инструментах для производства филигранных изделий у крымских татар весьма скудна. Так, в работе известного этнографа Н. В. Никольского даются лишь краткие сведения об инструментах крымских мастеров, среди которых названы: миниатюрная наковальня в комплекте с раздувальным мехом, набор пинцетов разных размеров, металлические дощечки с отверстиями для волочения проволоки (иногда заменяемые медной монетой с просверленным отверстием), а также ступка необычной конструкции [11, с. 29], составлявшие арсенал ювелира. Благодаря взаимодействию с опытными мастерами ювелирного дела был составлен подробный перечень инструментов: тигли для плавки металлов, наковальни различных конфигураций, молотки, щипцы для работы со сканью, пробойники, зубила и волочильная доска – пластина с множеством небольших отверстий для изготовления тонкой проволоки.

Крымско-татарские ювелиры отмечают, что инструменты для создания украшений часто передавались по наследству, что обеспечивало непрерывность ювелирных традиций. Из поколения в поколение передавались не только инструменты и материалы, но и секреты мастерства, методики, художественные приемы и особенности орнамента.

Большинство ювелирных изделий крымских татар выполнено из металлов. Металлы, как и люди, считались порожденными землей и поэтому наделялись божественными возможностями. Древние народы придавали особое, священное значение таким металлам, как золото, серебро, железо и медь. У древних тюрков наибольшим уважением пользовалось железо. Считалось, что оно защищает людей от недугов и злонамеренных действий темных сил. Самыми популярными были изделия из серебра и золота, причем в степных районах приоритет отдавался серебру, в то время как в горных и прибрежных южных областях – золоту. Благодаря своему неподражаемому блеску, стойкости и податливости золото ассоциировалось с небесным светилом – солнцем, олицетворяло могущество, достаток, незапятнанность, согласие и достоинство. Серебро же, напротив, соотносилось с луной, являясь символом верности, непорочности, дара убеждения, и наделялось магическими и очищающими качествами [12, с. 44–45].

Искусство создания филигранных работ имеет глубокие корни, однако, несмотря на время, его ключевые элементы остаются неизменными. Для изготовления тонкой ювелирной скани применяли золото высокой пробы или чистое серебро. Более доступные по цене украшения в технике скани обычно создавались из различных сплавов с добавлением меди и олова, которые иногда подвергались золочению или серебрению. Мастера Крыма достигли выдающихся успехов в создании ювелирных изделий в технике филиграни, известной как чильтер. Преимущественно использовались два основных типа филиграни: сплошная (когда узор припаивался к подготовленной основе) и сквозная (когда за счет сочетания гладких и витых нитей различного диаметра формировался оригинальный орнамент, напоминающий кружево). Сплошная филигрань применялась для украшения резных пряжек ремней, которые также оформлялись многоярусными розетками и продолговатыми подвесками. Декоративное воздействие усиливалось мелкими шариками зерни, которые либо выделяли основные элементы узора, либо целиком покрывали изделие, создавая таким образом насыщенную игру света и тени.

Создание и фиксация зерни на изделии требовали от мастера высокого уровня умения, аккуратности и тщательности в исполнении. В технике скани широко изготавливались разнообразные женские украшения: подвески, ожерелья, элементы декора на грудь, серьги, ремни, запястья и перстни. Помимо скани, крымско-татарские ювелиры использовали и другие методы обработки металла: художественное литье, чеканку, штамповку, выколотку, гравировку, зернь, чернение, эмалирование, а также инкрустацию различными материалами (драгоценными камнями, золотом, серебром, перламутром, панцирем черепахи, слоновой костью, рогом носорога) [4, с. 44]. Кроме того, накоплен опыт изучения трудоемкого процесса изготовления филигранных изделий [7; 8].

Отличительной особенностью крымско-татарской филиграни является ее многослойность, которая достигалась за счет природных изгибов многочисленных цветов, листьев и веточек. В

отделке ювелирных изделий крымских татар широко употреблялись драгоценные и полудрагоценные камни, а также их различные имитации из стекла и пасты. Драгоценные камни наличествовали в среде знати и членов ханской семьи. Об этом свидетельствует дипломатическая переписка между крымскими ханами, московскими и литовскими князьями, а также судебные книги. В частности, упоминаются жемчуг, моржовая кость, рог носорога, рубин и пр. [17, с. 267]. Самыми популярными камнями были бирюза (*ферюзе)*, сердолик (*акъыкъ)*, коралл (*мерджан)*, янтарь (*кербар)*, жемчуг (*инджи)*, лазурит (*ляджурт),* которые применялись для вставок украшений или из них выполняли отдельные изделия (янтарные или коралловые бусы, браслеты). Бирюза была любимым камнем всех восточных ювелиров и являлась символом чистоты и непорочности. Женщины носили этот камень, чтобы привлечь любовь мужа.

Если обладателем украшения с бирюзой был мужчина, считалось, что она придавала ему храбрость, защищала от врагов, улучшала зрение, не позволяла коню упасть во время битвы. Поэтому данным материалом часто инкрустировали оружие и детали конской упряжи. Сердолик и янтарь – солнечные камни – давали носителю здоровье, радость, изобилие, ограждали от болезней. Сердолик считался любимым камнем пророка Мухаммеда. Женщины носили янтарные бусы при заболеваниях щитовидной железы. Коралл, по поверьям, обеспечивал носительнице большое потомство, придавал жизненную силу, им лечили сердце.

Коралловые ожерелья (*мерджан герданлыкъ)* были распространены повсеместно, особенно среди горных и южнобережных татар. Жемчуг ассоциировался с луной, его водное происхождение – с плодородием. Вставки жемчуга в серьгах, кольцах обеспечивали обладательнице покой, благоденствие, многочисленное потомство. В исламском мире существует поверье, что в загробном мире жемчужины образуют сферу вокруг праведных душ. Порошком из жемчуга знахари успешно лечили катаракту, он также считался хорошим вяжущим средством [12, с. 45].

В трудах современных исследователей расцвет крымско-татарского ювелирного искусства относится ко второй половине XV–XVIII в. Со второй половины XIX в. наблюдался упадок ювелирного искусства, а после 1917 г. промысел практически исчез [1, с. 156]. Отсутствие современных инструментов, голод, общее обеднение населения, динамика женской эмансипации резко сократили потребление ювелирных изделий на внутреннем рынке, а также их производство. Как отмечал У. Боданинский, «огромная часть городских и деревенских женщин-татарок уже не покупали себе серег, брошек, колец, цепочек, талисманов и прочих изделий. Народные средства и интересы направлены теперь в сторону целесообразного культурного и экономического устроения жизни. А между тем ювелиры-сканщики производства своего не прекратили, и для того, чтобы ремесло приносило им жизненное пропитание, стали применяться к требованиям современности» [5, с. 28].

В период с 1920-х по 1930-е гг. мастера ручного труда начали формировать производственные кооперативы, известные как артели. В 1937 г. в Бахчисарае была создана артель «Куюмджи», специализирующаяся на филигранном искусстве и объединившая 40 мастеров различных национальностей, включая крымских татар, цыган, евреев и греков. Артель производила доступные по цене ювелирные изделия: серьги, кольца, броши, браслеты, а также медные пуговицы и пряжки.

В культуре крымских татар выделялись определенные категории ювелирных украшений: головные украшения, такие как тепелик (украшения для фески), баш-алтын (налобные украшения), зилиф-аскъы (височные украшения) и купе (серьги); шейно-нагрудные украшения, такие как герданлыкъ (монисто) и къасиде (амулеты); поясные украшения, включающие къушакъ (пояс), къушакъ-баш (пряжка) и сулюк (S-образные элементы); и украшения для рук, такие как билезлик (браслеты) и алкъа/юзюк (кольца).

При рассмотрении музейных коллекций закономерно возникает следующий вопрос: откуда, при каких обстоятельствах и когда появился тот или иной экспонат в фондах? Особенно интригующе звучит он относительно ювелирных изделий. В 2017 г. эксперт-геммолог международного класса, ученый из г. Воронежа Ю. И. Лапинин передал в дар Бахчисарайскому историко-культурному и археологическому музею-заповеднику драгоценное кольцо (см. рис. 1). Весь последующий год кольцо находилось в фондохранилище музея-заповедника. После прохождения тщательной апробации (ДГЛИН, г. Ростов-на-Дону) оно по достоинству занимает центральное место в экспозиции «Ювелирное искусство крымских татар». Кольцо представляет интерес не только своей ценностью, но и историей. Со слов дарителя известно, что это ювелирное украшение, возможно, принадлежало последнему крымскому хану Шагину Гераю (1745–1787 гг.), который с 1783 г. несколько лет проживал в Воронеже.

Традиционные кольца на Крымском полуострове, известные как «алкъа» или «юзюк», производились из золота, серебра и меди. При использовании драгоценных металлов применялись техники филиграни, чернения, гравировки, а также инкрустация камнями с гравированными надписями или тамгой (фамильным знаком или печатью). В повседневной жизни женщины обычно носили одно или два кольца, а во время праздников крымские татарки украшали ими все пальцы рук [10, с. 212].

Любопытно, что женщины, населявшие степные области Крыма, предпочитали кольца, лишенные вставок из камней, но богато декорированные зернью – ювелирным приемом, уже упоминавшимся выше. Зернь в таких изделиях формировала плоские элементы, напоминающие печати, имеющие круглую, овальную или прямоугольную конфигурацию. Эти элементы, в свою очередь, украшались разнообразными узорами и подвергались чернению.

Как правило, молодые девушки и женщины носили так называемые «къонгъырав юзюк» – звенящие кольца. Конструкция таких колец включала в себя основное кольцо и прикрепленное к нему полушарие с маленьким металлическим элементом, издававшим мелодичный звон при движении владелицы. Поверхность дисков и граней звенящих колец обычно покрывалась геометрическим или растительным орнаментом [2, с. 93]. В записках французского консула Ш. Пейссонеля сказано о том, что крымские ханы имели малую печать. Это кольцо служило не только украшением, но прежде всего выражением, символом безусловной воли хана. Всякий раз, когда крымский хан обращался за услугой к турецкому султану или его визирю, свое письмо он скреплял оттиском личного перстня-печатки. Этот атрибут служил неким залогом успеха и как бы предварял положительное решение вопроса [14, с. 33].

Возвращаясь к истории появления в фондах Бахчисарайского музея-заповедника удивительного старинного перстня, следует сказать, что в 90-е гг. XX в. к Ю. И. Лапинину за экспертизой и оценкой обратилась супружеская пара. По их версии, украшение им досталось в наследство от прабабки, в свое время служившей у Шагина Герая в период его пребывания в Воронеже. Экспертиза геммолога определила, что кольцо предположительно выполнено в XVIII в. турецкими мастерами из сплава золота и серебра, украшено индийскими алмазами из копи Голконды (самые богатые и знаменитые индийские алмазные прииски. – *Авт*.). Согласно гипотезе Ю. И. Лапина и обратившейся к ученому семейной пары, данное ювелирное изделие было подарено их родственнице крымским ханом за добросовестную службу.

Кольцо изготовлено из золота, дополнено вставками из девяти светлых прозрачных алмазов ювелирной ценностью в 0,38 карата. Шинка (ободок. – *Авт*.) кольца имеет декоративное оформление в виде витиеватого растительного орнамента, выполненного в технике ложной филиграни. Как уже говорилось выше, процесс создания филигранных изделий тонкий, трудоемкий и весьма затратный. Это стало причиной того, что в свое время ювелирами был придуман и воплощен ускоренный, упрощенный вариант, благодаря которому копии с драгоценных предметов отливались в каменных формах. Результатом были литые украшения, похожие на оригинальный образец. Такие ювелирные изделия имели нечеткий рисунок, и, как следствие, стоимость их удешевлялась. Верхушка подаренного Ю. И. Лапиным кольца представляет круглую форму, по контуру располагаются насечки, по диаметру имеются восемь круглых, в центре же – один овальный алмаз. Камни закреплены в технике «*паве*» – каст (вид закрепок. – *Авт*.) с просверленными маленькими отверстиями в поверхности кольца, которые аккуратно держат камни на расстоянии друг от друга. Дизайн данного украшения достаточно сдержанный, оно универсальное по форме, размеру и декору. Такое кольцо могли носить как мужчины, так и женщины.

Рис. 1. Кольцо, ободок с прорезным орнаментом, включающим элементы растительного характера, завитки, шарики зерни, в центре – щиток с прозрачными вставками, без клейм.
Фонды Бахчисарайского музея-заповедника

Особого внимания заслуживает история появления в Бахчисарайском собрании еще одного кольца, обнаруженного на месте Соколиной башни (во внутреннем дворике Ханского дворца) из слоя разрушения постройки конца XVII – начала XVIII в. (рис. 2). Оно имеет сердоликовую вставку, на которой сохранилась надпись на арабском языке «Кая (или Кыйя)-султан». Профессор И. В. Зайцев предполагает, что оно принадлежало дочери хана Селим II Гирея (1743–1748 гг.), умершей в 1718 г. и похороненной на кладбище Ханского дворца. В эпитафии этого надгробия сказано: «У Хаджи-Селим-хана была невинная дочь. Судорожный страх поразил мою душу, когда я услышал о ее смерти. Так как тленный мир от ветхости клонился к разрушению, то Кайя-ханым, хронограмму которой пусть <…> выразит философ: вселенную никогда не перестраивали; оставила ветхое это здание мира. 1130 (1718 г. по Р. Х.)». На сегодняшний день известно, что ханские грамоты и ярлыки заверялись перстневыми печатями. В XVI в. использовались квадратные или стационарные печати, позже появились перстневые. В данном случае обнаруженный женский перстень-печать обращает на себя внимание, поскольку является большой редкостью.

Следует отметить, что кольца – это малочисленная группа украшений Бахчисарайского собрания, тогда как других видов ювелирных изделий (например, поясов, пряжек и т. д.) сохранилось значительно больше. Представленные в данной публикации кольца объединяет период создания и принадлежность к ханским украшениям, что является большой редкостью. Данные объекты не представлены ни в одном из существующих каталогов, что открывает определенные перспективы для научного исследования и систематизации.

Рис. 2. Перстень из желтого металла с полусферическим, плоским, овальной формы щитком. Вставка из сердолика. На вставке – надпись арабскими буквами:قيه سلطان , т. е. «Кая (или Кыйа)-султан». Фонды Бахчисарайского музея-заповедника

Выводы. Подводя итоги, следует в первую очередь сказать о том, что исследование подтверждает значимость ювелирных украшений, выполненных в технике филиграни, как одного из источников познания культуры крымско-татарского народа. Анализ некоторых экспонатов из коллекции Бахчисарайского музея-заповедника позволил раскрыть их многомерную роль в историко-культурном контексте. Основными результатами исследования стало выявление главных функций ювелирных украшений (эстетическая, социальная, символическая и оберегова, коммуникативная); установление связи ювелирного ремесла с историей региона посредством прослеживания преемственности традиций древних цивилизаций, когда украшения носили сакральный характер; выявление особенностей техники филиграни у крымских татар. Кроме этого авторами определена репрезентативность ювелирной коллекции из фондов Бахчисарайского музея-заповедника, что дает целостное представление о развитии этого ремесла у крымских татар. Филигранные изделия, наряду с общекультурными тенденциями, отражают и локальные художественные практики. Данная коллекция является базой для этнографических, искусствоведческих и исторических исследований. Таким образом, филигранные украшения из фондов Бахчисарайского музея-заповедника – это не только эстетические объекты, но и носители культурной памяти, что позволяет проводить реконструкцию мировоззрения, ценностей и демонстрировать художественные идеалы народа. Полученные результаты открывают возможности и перспективы для дальнейших междисциплинарных исследований в контексте этнографии, искусствоведения и музееведения.

Список литературы

1. *Акчурина-Муфтиева Н. М.* Декоративно-прикладное искусство крымских татар XV – первой половины XX вв. : монография. Симферополь : Симферопольская городская типография, 2008. 392 с.
2. *Акчурина-Муфтиева Н. М.* Терминологический словарь крымскотатарского декоративно-прикладного искусства. Симферополь : Крымучпедгиз, 2007. 120 с.
3. *Александрова К.* История украшений. От кольца в носу до царской тиары. М. : Центрполиграф, 2022. 332 с.
4. *Биарсланов М.* Выписки из кадиаскерского сака (книги) 1017–1022 г. хиджры (160 8/9–1613 хр. лет), хранящегося в архиве Таврического губернского правления // Известия Таврической ученой архивной комиссии № 8 (год третий) / под ред. Ф. Лашкова. Симферополь, 1889. С. 41–51.
5. *Боданинский У. А.* Археологическое и этнографическое изучение татар в Крыму / Государственный дворец-музей татарской культуры в Бахчисарае. Симферополь : б. и., 1930. 58 с.
6. *Валеева-Сулейманова Г. Ф.* Татарская филигрань: в контексте генезиса и развития ювелирного искусства. URL: http://luiza-m.narod.ru/smi/tarih/39-yuvelir.htm (дата обращения: 12.05.2015).
7. *Галанин С. И., Камыгина Г. А.* Скань и филигрань: история, дизайн, технология. Кострома : Изд-во Костромского гос. ун-та, 2011. 123 с.
8. *Жилина Н. В.* Зернь и скань Древней Руси / Российская акад. наук, Ин-т археологии. М. : ИА РАН, 2010. 260 с.
9. *Комар Я. В.* Декоративно-прикладное искусство крымских татар : исследование ювелирных техник и их семиотического значения на материалах ювелирной коллекции Крымского этнографического музея // Abyss (Вопросы философии, политологии и социальной антропологии). 2025. № 4 (34). URL: http://abyss.su/_media/abyss_issue/34/maket_4_34_2025-224-235.pdf (дата обращения: 23.03.2026).
10. *Монастырлы Х. А.* Одежда крымских татар // Третья учебная экскурсия Симферопольской мужской гимназии / Ф. Ф. Лашков. Симферополь, 1890. С. 212–215.
11. *Никольский П. В.* Бахчисарай. Культурно-исторические экскурсии. Симферополь : Издание Крымохриса, 1924. 62 с.
12. *Ниметуллаева З.* Магическая функция крымскотатарских ювелирных украшений // Крымскотатарская символика (опыт словаря) / сост. Р. Т. Султанбеков. Симферополь, 2002. С. 41–46.
13. *Паллас П. С.* Наблюдения, сделанные во время путешествия по южным наместничествам Русского государства в 1793–1794 годах : пер. с нем. / отв. ред. Б. В. Левшин ; сост. Н. К. Ткачева. М. : Наука, 1999. 246 с. : ил. (Науч. наследство ; Т. 27).
14. *Пейсонель М.* Исследование торговли на Черкесско-Абхазском берегу Черного моря в 1750–1762 г. / в изложении Е. Д. Фелицина ; предисловие : Е. Фелицин. Краснодар : О-во изучения Адыгейск. автономной области, 1927. 35 с. (Материалы для истории Черкесского народа ; Вып. 2).
15. *Сертакова И. Н., Мудрецова Т. В.* Символика и культурно-историческое значение украшений в традиционной культуре // Аналитика культурологии. 2012. № 23. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-i-kulturno-istoricheskoe-znachenie-ukrasheniy-v-traditsionnoy-kulture (дата обращения: 23.03.2026).
16. *Сластникова Л. А.* Традиции в творчестве современных крымских ювелиров // Электронная библиотека Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера) РАН. URL: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrikator/03/03_05/978-5-88431-239-5/ (дата обращения: 10.07.2015).
17. *Хорошкевич А. Л.* Русь и Крым: от союза к противостоянию. Конец XV–начало XVI вв. / Рос. акад. наук. Ин-трос. истории. М. : ЭдиториалУРСС, 2001. 336 с.

Filigree Jewelry from the Collection of the Bakhchisarai Museum-Reserve: A Historical and Cultural Analysis

Shendrikova Snezhana Pavlovna[1], Chubukchieva Lenara Zakirovna[2]
[1]Doctor of History, professor, research associate, Crimean University of Culture, Arts and Tourism. Russia, Simferopol. E-mail: snezhanashendrikova@rambler.ru
[2]PhD in History, deputy director general, Bakhchisarai Historical, Cultural and Archaeological Museum-Reserve. Russia, Bakhchisarai. E-mail: lchubukchieva@mail.ru

Abstract. The authors see the relevance of the present publication in the cognition of the spiritual culture of a people through the study of jewelry. The aim of the article is a retrospective analysis of the place and the role of precious objects (ornaments) in the context of the exhibits from the holdings of the Bakhchisarai Museum-Reserve, taking filigree as an example. The subject and the result of the study is a register of the filigree collection of precious ornaments from the holdings of the Bakhchisarai Museum-Reserve. The study of the history of the jeweler's craft is closely connected with the history of the ancient civilizations, in which ornaments not only possessed an aesthetic function but also had a profound social and symbolic significance. This material may be of use to ethnographers, historians, culturologists, and museum workers, as well as to a wide circle of readers interested in Crimean Tatar culture and traditions.

Keywords: culture, jewelry item, scan (wirework), filigree, Crimean Tatar culture.

References

1. *Akchurina-Muftieva N. M. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo krymskih tatar XV – pervoj poloviny XX vv. : monografiya* [The Decorative and Applied Art of the Crimean Tatars of the 15th – First Half of the 20th Century : a monograph]. Simferopol', Simferopol'skaya gorodskaya tipografiya (Simferopol City Printing House), 2008. 392 p.

2. *Akchurina-Muftieva N. M. Terminologicheskij slovar' krymskotatarskogo dekorativno-prikladnogo iskusstva* [A Terminological Dictionary of Crimean Tatar Decorative and Applied Art]. Simferopol', Krymuchpedgiz, 2007. 120 p.

3. *Aleksandrova K. Istoriya ukrashenij. Ot kol'ca v nosu do carskoj tiary* [The History of Ornaments. From the Nose Ring to the Tsar's Tiara]. M., Centrpoligraf, 2022. 332 p.

4. *Biarslanov M. Vypiski iz kadiaskerskogo saka (knigi) 1017–1022 g. hidzhry (1608/9–1613 hr. let), hranyashchegosya v arhive Tavricheskogo gubernskogo pravleniya* [Extracts from the Kadiasker Sak (Book) of 1017–1022 AH (1608/9–1613 AD) Kept in the Archive of the Taurida Provincial Administration] // *Izvestiya Tavricheskoj uchenoj arhivnoj komissii № 8 (god tretij)* [Proceedings of the Taurida Scientific Archival Commission No. 8 (Year Three)] / ed. by F. Lashkov. Simferopol', 1889. Pp. 41–51.

5. *Bodaninskij U. A. Arheologicheskoe i etnograficheskoe izuchenie tatar v Krymu* [The Archaeological and Ethnographic Study of the Tatars in the Crimea] / Gosudarstvennyj dvorec-muzej tatarskoj kul'tury v Bahchisarae (State Palace-Museum of Tatar Culture in Bakhchisarai). Simferopol', s. n., 1930. 58 p.

6. *Valeeva-Sulejmanova G. F. Tatarskaya filigran': v kontekste genezisa i razvitiya yuvelirnogo iskusstva* [Tatar Filigree: In the Context of the Genesis and Development of the Jeweler's Art]. Available at: http://luiza-m.narod.ru/smi/tarih/39-yuvelir.htm (date accessed: 12.05.2015).

7. *Galanin S. I., Kamygina G. A. Skan' i filigran': istoriya, dizajn, tehnologiya* [Scan and Filigree: History, Design, Technology]. Kostroma, Izd-vo Kostromskogo gos. un-ta (Kostroma State University Publishing House), 2011. 123 p.

8. *Zhilina N. V. Zern' i skan' Drevnej Rusi* [Granulation and Filigree of Ancient Rus] / Rossijskaya akad. nauk, In-t arheologii (Russian Academy of Sciences, Institute of Archaeology). M., IA RAN, 2010. 260 p.

9. *Komar Ya. V. Dekorativno-prikladnoe iskusstvo krymskih tatar : issledovanie yuvelirnyh tehnik i ih semioticheskogo znacheniya na materialah yuvelirnoj kollekcii Krymskogo etnograficheskogo muzeya* [The Decorative and Applied Art of the Crimean Tatars : A Study of Jewelry Techniques and Their Semiotic Significance Based on the Jewelry Collection of the Crimean Ethnographic Museum] // *Abyss (Voprosy filosofii, politologii i social'noj antropologii)* – Abyss (Studies in Philosophy, Political Science and Social Anthropology). 2025. No. 4 (34). Available at: http://abyss.su/_media/abyss_issue/34/maket_4_34_2025-224-235.pdf (date accessed: 23.03.2026).

10. *Monastyrly H. A. Odezhda krymskih tatar* [The Clothing of the Crimean Tatars] // *Tret'ya uchebnaya ekskursiya Simferopol'skoj muzhskoj gimnazii* [The Third Educational Excursion of the Simferopol Boys' Gymnasium] / F. F. Lashkov. Simferopol', 1890. Pp. 212–215.

11. *Nikol'skij P. V. Bahchisaraj. Kul'turno-istoricheskie ekskursii* [Bakhchisarai. Cultural and Historical Excursions]. Simferopol', Izdanie Krymohrisa (Publication of Krymokhris), 1924. 62 p.

12. *Nimetullaeva Z. Magicheskaya funkciya krymskotatarskih yuvelirnyh ukrashenij* [The Magical Function of Crimean Tatar Jewelry] // *Krymskotatarskaya simvolika (opyt slovarya)* [Crimean Tatar Symbolism (An Attempt at a Dictionary)] / comp. by R. T. Sultanbekov. Simferopol', 2002. Pp. 41–46.

13. *Pallas P. S. Nablyudeniya, sdelannye vo vremya puteshestviya po yuzhnym namestnichestvam Russkogo gosudarstva v 1793–1794 godah : per. s nem.* [Observations Made during a Journey through the Southern Vicegerencies of the Russian State in 1793–1794 : translated from German] / ex. ed. B. V. Levshin ; comp. by N. K. Tkacheva. M., Nauka (Sciences), 1999. 246 p. : ill. (Nauch. nasledstvo ; T. 27).

14. *Pejsonel' M. Issledovanie torgovli na Cherkessko-Abhazskom beregu Chernogo morya v 1750–1762 g.* [A Study of Trade on the Circassian-Abkhazian Shore of the Black Sea in 1750–1762] / as presented by E. D. Felicyn ; pref. by E. Felicyn. Krasnodar, O-vo izucheniya Adygejsk. avtonomnoj oblasti (Society for the Study of the Adyghe Autonomous Region), 1927. 35 p. (Materialy dlya istorii Cherkesskogo naroda ; Vyp. 2).

15. *Sertakova I. N., Mudrecova T. V. Simvolika i kul'turno-istoricheskoe znachenie ukrashenij v tradicionnoj kul'ture* [The Symbolism and the Cultural and Historical Significance of Ornaments in Traditional Culture] // *Analitika kul'turologii* – Analytics of Cultural Studies. 2012. No. 23. Available at: https://cyberleninka.ru/article/n/simvolika-i-kulturno-istoricheskoe-znachenie-ukrasheniy-v-traditsionnoy-kulture (date accessed: 23.03.2026).

16. *Slastnikova L. A. Tradicii v tvorchestve sovremennyh krymskih yuvelirov* [Traditions in the Work of Contemporary Crimean Jewelers] // *Elektronnaya biblioteka Muzeya antropologii i etnografii im. Petra Velikogo (Kunstkamera) RAN* [The Electronic Library of the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (Kunstkamera) of the RAS]. Available at: http://www.kunstkamera.ru/lib/rubrickator/03/03_05/978-5-88 431-239-5/ (date accessed: 10.07.2015).

17. *Horoshkevich A. L. Rus' i Krym: ot soyuza k protivostoyaniyu. Konec XV – nachalo XVI vv.* [Rus and the Crimea: From Alliance to Confrontation. The End of the 15th – the Beginning of the 16th Century] / Ros. akad. nauk, In-t ros. istorii (Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History). M., Editorial URSS, 2001. 336 p.

Поступила в редакцию: 26.09.2025
Принята к публикации: 22.05.2026

Вестник гуманитарного образования
Научный журнал № 3 (43) (2026)

16+

Редактор *Ю. Н. Болдырева*
Технический редактор *Л. А. Кислицына*
Дизайн обложки *А. К. Долгова*
Редактор выпускающий *А. Ю. Егоров*
Ответственный за выпуск *И. В. Смольняк*

Подписано в печать 01.11.2026 г.
Дата выхода в свет 19.11.2026 г.
Формат 60x84 1/8. Гарнитура Cambria.
Печать цифровая. Усл. печ. л. 19,53. Тираж 100 экз. Заказ № 241.

Подписной индекс журнала «Вестник гуманитарного образования»
в подписном каталоге «Почта России» – ПН068

Вятский государственный университет,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36
(8332) 208-964

Отпечатано в центре полиграфических услуг
Вятского государственного университета,
610000, г. Киров, ул. Московская, 36